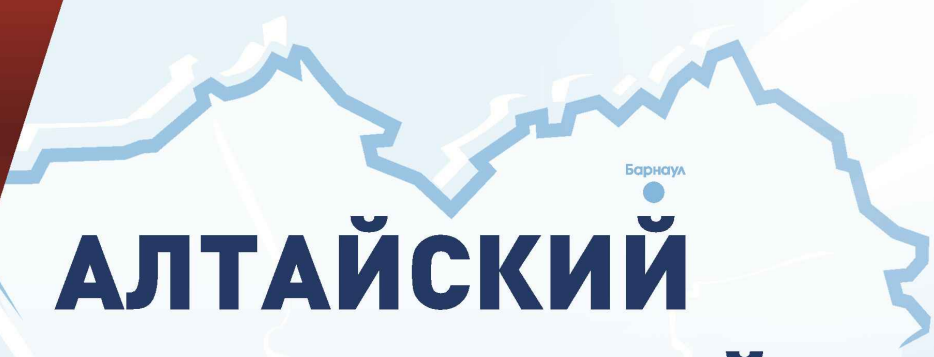

ISSN 2307-5309

Барнаул

АЛТАЙСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

2024
№ 3 (47)

Алтайский юридический вестник

Научный журнал Барнаульского юридического института МВД России

№ 3 (47) 2024

Главный редактор:

Симоненко Д. А., канд. юрид. наук

Зам. главного редактора:

Чечётин А. Е., д-р юрид. наук, профессор

Состав редакционного совета:

Аничкин Е. С., д-р юрид. наук, доцент
Бекетов О. И., д-р юрид. наук, профессор
Бучакова М. А., д-р юрид. наук, доцент
Васильев А. А., д-р юрид. наук, доцент
Герасименко Ю. В., д-р юрид. наук, профессор
Гончаров И. В., д-р юрид. наук, профессор
Грязнова Т. Е., д-р юрид. наук, доцент
Давыдов С. И., д-р юрид. наук, доцент
Деришев Ю. В., д-р юрид. наук, профессор
Ким Д. В., д-р юрид. наук, профессор
Кодан С. В., д-р юрид. наук, профессор
Кожевина М. А., д-р юрид. наук, профессор
Мазунин Я. М., д-р юрид. наук, профессор
Плаксина Т. А., д-р юрид. наук, доцент
Сорокин В. В., д-р юрид. наук, профессор
Сумачев А. В., д-р юрид. наук, доцент
Цуканов Н. Н., д-р юрид. наук, доцент
Шарапов Р. Д., д-р юрид. наук, профессор
Шкаплеров Ю. П., канд. юрид. наук, доцент

Состав редакционной коллегии:

Архипова Н. А., канд. юрид. наук, доцент
Бачурин А. Г., канд. юрид. наук, доцент
Белицкий В. Ю., канд. юрид. наук, доцент
Брагина А. Г., канд. юрид. наук, доцент
Ботвин И. В., канд. юрид. наук, доцент
Галиев Р. С., канд. юрид. наук, доцент
Ермакова О. В., доктор юрид. наук, доцент
Киселёва М. А., канд. юрид. наук, доцент
Малетина М. А., канд. юрид. наук
Топчиева Т. В., канд. юрид. наук, доцент
Тырышкин В. В., канд. юрид. наук, доцент
Черепанова Л. В., канд. юрид. наук, доцент
Черепанова О. С., канд. юрид. наук, доцент
Шаганян А. М., канд. юрид. наук, доцент
Широва Э. Х., канд. юрид. наук, доцент
Шмидт А. А., канд. юрид. наук, доцент
Янгаева М. О., канд. юрид. наук, доцент

Ответственный секретарь:

Жолобова Ю. С.

Редактура: О. Н. Татарниковой, Ю. С. Жолобовой

Компьютерная верстка: О. Н. Татарниковой

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Регистрационный номер:
ПИ № ФС77-57487
от 27.03.2014

Журнал включен в Перечень
рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть
опубликованы основные научные
результаты диссертаций
на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой
степени доктора наук

Включен в систему РИНЦ 23.04.2013
(договор № 245-04/2013)

Учредитель: Барнаульский
юридический институт МВД России.
Свободная цена.

Адрес и телефоны редакции, издателя,
типографии: 656038, Алтайский край, г. Барнаул,
Барнаульский юридический институт
МВД России,
ул. Чкалова, 49, (3852) 37-92-70, 37-91-49.
[www.http://vestnik.buimvd.ru](http://vestnik.buimvd.ru)
E-mail: altvest@buimvd.ru

Научно-исследовательский
и редакционно-издательский отдел.

Подписано в печать 27.08.2024.
Выход в свет 30.08.2024.
Заказ № 309. Формат 60x84/8.
Ризографирование.
Усл. п.л. 28,0. Тираж 28 экз.

© Барнаульский юридический
институт МВД России, 2024

Altai Law Journal

Science Journal of Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

№ 3 (47) 2024

Editor-in-Chief:

Simonenko D. A., Candidate of Science (Law)

Deputy Editor-in-Chief:

Chechetin A. E., Doctor of Science (Law), Professor

Editorial Advisory Board:

Anichkin E. S., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Beketov O. I., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Buchakova M. A., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Davidov S. I., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Grjaznova T. Ye., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Derishev Y. V., Doctor of Science (Law), Professor
Gerasimenko Yu. V., Doctor of Science (Law), Professor,
Honored lawyer of Russia
Goncharov I. V., Doctor of Science (Law), Professor
Kim D. V., Doctor of Science (Law), Professor
Kodan S. V., Doctor of Science (Law), Professor
Kozhevina M. A., Doctor of Science (Law), Professor
Mazunin Ya. M., Doctor of Science (Law), Professor
Sharapov R. D., Doctor of Science (Law), Professor
Shkaplerov Ju. P., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Sumachev A. V., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Plaksina T. A., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Sorokin V. V., Doctor of Science (Law), Professor
Tsukanov N. N., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Vasilev A. A., Doctor of Science (Law), Associate Professor

Editorial Review Board:

Arhipova N. A., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Bachurin A. G., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Belitskij V. Yu., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Botvin I. V., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Bragina A. G., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Ermakova O. V., Doctor of Science (Law), Associate Professor
Cherepanova L. V., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Cherepanova O. S., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Galiev R. S., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Kiseleva M. A., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Maletina M. A., Candidate of Science (Law)
Shaganyan A. M., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Shirova E. Kh., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Shmidt A. A., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Tirishkin V. V., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Topchieva T. V., Candidate of Science (Law), Associate Professor
Yangaeva M. O., Candidate of Science (Law), Associate Professor

Executive Secretary:

Zholobova Yu. S.

Proofreading: O. N. Tatarnikova, Yu. S. Zholobova

Desktop publishing: O. N. Tatarnikova

The journal is registered in Federal Service
for Supervision in the Sphere
of Telecom, Information
Technologies and Mass Communications.
Registration certificate
PI No. FS77-57487 dated
27.03.2014.

The journal is included into the List
of peer-reviewed scientific
journals recommended by Higher
Attestation Commission
for publishing of major results
of dissertations for the degree of Doctor and
Candidate of sciences

Journal indexing:
RINTS contract
No. 245-04/2013 (23.04.2013)

Founder: Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia.
Uncontrolled price.

Address of editor, editor's
and printing office: 656038,
Altai territory,
Barnaul, Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Chkalovstr., 49, (3852) 37-92-70, 37-91-49.
www. <http://vestnik.buimvd.ru>.
E-mail: altvest@buimvd.ru

Research-evaluation
and publishing department.

Passed for printing 27.08.2024.
Issue date 30.08.2024.
Order 309. Format 60x84/8.
Conventional printed sheets 28,0.
Issue 28 copies.

© Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, 2024

Содержание

Теоретико-исторические правовые науки

<i>Баринова Е. Д.</i> Классификационное многообразие ожиданий в праве	7
<i>Лоос Е. В.</i> Политико-правовое положение мусульманских общин в системе государственно-конфессиональной политики России 1990-х — начала 2000-х гг.	12
<i>Никулина А. В.</i> Права человека как системообразующий фактор правовой системы общества	21
<i>Овчинникова О. Д., Шаганян А. М.</i> Трансформация социальной функции в концепцию социального государства	27
<i>Хужин А. М., Кротова Е. Н.</i> Теоретико-правовое осмысление новых видов и форм неправомерных деяний	33
<i>Щербинина А. В.</i> Опыт зарубежных стран в противодействии коррупции	39

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

<i>Агагамедова С. А.</i> Цифровая трансформация таможенного контроля и надзора	46
<i>Архипова Е. С.</i> Систематизация форм индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними, находящимися в специализированных учреждениях для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации	55
<i>Баталов Д. Е.</i> Конституционно-правовое регулирование обеспечения национальной безопасности в зарубежных странах	63
<i>Бачурин А. Г.</i> Перспективы совершенствования правового статуса граждан, участвующих в охране общественного порядка в Российской Федерации	69
<i>Власенко Е. Е.</i> Ответственность родителей (иных законных представителей) за девиантное поведение несовершеннолетних детей	77
<i>Гришаков А. Г.</i> Роль участкового уполномоченного полиции в подборе и организации работы внештатного сотрудника полиции	84
<i>Дядькин О. Н.</i> К вопросу о юридическом закреплении и исполнении административного наказания в виде обязательных работ	90
<i>Занина Т. М., Моргунов Д. М.</i> Проблемные вопросы, возникающие в сфере оборота оружия	95
<i>Зинченко Е. Ю., Хазов Е. Н., Лихова А. А.</i> Миграционные процессы и проблемы этнокультурной безопасности современной России	101
<i>Курашова М. М.</i> От юридически значимых действий к правовой процедуре в административном процессе	108
<i>Мяжкова С. В., Хазова В. Е.</i> Государственная миграционная политика современной России	114
<i>Павлюченко А. М.</i> Отдельные особенности производства по делам о побоях	120
<i>Федоренко Г. Б.</i> Конкуренция конституционных принципов на примере гражданского и жилищного законодательства	127

Уголовно-правовые науки

<i>Абаринов А. Д.</i> Версионный анализ при расследовании преступлений, совершаемых участниками деструктивных групп: постановка проблемы	133
<i>Бабурин В. В.</i> Нормы уголовного законодательства стран СНГ, регулирующие обстоятельства, исключаяющие преступность деяния	139
<i>Баталова И. В., Лукьянова А. А., Мишин А. М.</i> Конфискация транспортного средства в уголовном судопроизводстве: вопросы правового регулирования	145
<i>Баязитов Т. Т.</i> Совершенствование системы мер процессуального принуждения имущественного характера, применяемых к подозреваемому, обвиняемому	151
<i>Брагина А. Г.</i> О пропаганде как признаке составов преступлений, предусмотренных статьями Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации	157
<i>Василькова Е. В.</i> Факультативные признаки субъективной стороны преступления, предусмотренного статьей 193 ¹ УК РФ	164

<i>Детков А. А.</i> К вопросу о способах незаконного сбыта наркотических средств, совершаемого с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.....	170
<i>Журбенко А. М., Крупеникова К. К.</i> О некоторых аспектах противодействия преступлениям в сфере незаконного оборота наркотических средств, совершенного с использованием сети Интернет, и особенностей осмотра мобильного телефона.....	176
<i>Корсикова Н. А.</i> Преступления экстремистской и террористической направленности в Российской Федерации: криминологический анализ.....	183
<i>Кукасов М. В.</i> Классификация специальных составов преступлений: многоуровневый подход.....	191
<i>Лихолетов А. А.</i> Понятие объекта уголовно-правовой охраны и его конкретизация в нормах об ответственности за посягательства на специальные виды предпринимательской деятельности.....	197
<i>Плаксина Т. А.</i> Пенализация публичного оскорбления представителя власти	203
<i>Сорокун Н. С., Ермакова О. В.</i> Уголовно-правовые и криминологические аспекты групповой преступности.....	213
<i>Щербаков И. С., Шеков А. А., Овсянников В. В.</i> Влияние продуктов термического разложения поливинилхлоридных линолеумов на обнаружение и идентификацию интенсификаторов горения методом флуоресцентной спектроскопии.....	218

CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

<i>Barinova E. D.</i> Classification Diversity of Expectations in Law	7
<i>Loos E. V.</i> Political and Legal Position of Muslim Communities in the System of State-Confessional Policy in Russia 1990 ^s — Early 2000 ^s	12
<i>Nikulina A. V.</i> Human Rights as the System-Forming Factor the Legal System of the Society.....	21
<i>Ovchinnikova O. D., Shaganyan A. M.</i> Transformation of the Social Function into the Concept of a Welfare State	27
<i>Khuzhin A. M., Krotova E. N.</i> Theoretical and Legal Understanding of New Types and Forms of Unlawful Acts	33
<i>Shcherbinina A. V.</i> Experience of Foreign Countries in Countering Corruption.....	39

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

<i>Agamagomedova S. A.</i> Digital Transformation of Customs Control and Supervision.....	46
<i>Arhipova E. S.</i> Systematization of Forms of Individual Preventive Work with Minors in Specialized Institutions for Minors in Need of Social Rehabilitation.....	55
<i>Batalov D. E.</i> Constitutional and Legal Regulation of National Security in Foreign Countries.....	63
<i>Bachurin A. G.</i> Prospects for Improving the Legal Status of Citizens Involved in the Protection of Public Order in the Russian Federation	69
<i>Vlasenko E. E.</i> Responsibility of Parents (Other Legal Representatives) for Deviant Behavior of Minor Children.....	77
<i>Grishakov A. G.</i> Role of Local Police Officer in the Selection and Organization the Work of a Freelance Police Officer	84
<i>Dyadkin O. N.</i> On the Issue of Legal Consolidation and Execution of Administrative Punishment in the Form of Compulsory Labor	90
<i>Zanina T. M., Morgunov D. M.</i> Problem Issues Arising in the Field of Weapons Circulation.....	95
<i>Zinchenko E. Yu., Khazov E. N., Likhova A. A.</i> Migration Processes and Problems Ethnocultural Security of Contemporary Russia	101
<i>Kurashova M. M.</i> From Legally Significant Actions to a Legal Procedure in the Administrative Process	108
<i>Myagkova S. V., Khazova V. E.</i> State Migration Policy of Contemporary Russia.....	114
<i>Pavlyuchenko A. M.</i> Features of Proceedings in Cases of Beatings.....	120
<i>Fedorenko G. B.</i> Competition of Constitutional Principles on the Example of Civil and Housing Legislation.....	127

CRIMINAL LAW SCIENCES

<i>Abarinov A. D.</i> Version Analysis in the Investigation of Crimes Committed by Members of Destructive Groups: Problem Statement	133
<i>Baburin V. V.</i> Norms of the Criminal Legislation of the CIS Countries Regulating the Circumstances Excluding the Criminality of the Act.....	139
<i>Batalova I. V., Lukyanova A. A., Mishin A. M.</i> Confiscation of a Vehicle in Criminal Proceedings: Issues of Legal Regulation.....	145
<i>Bayazitov T. T.</i> Improving the System of Procedural Coercive Measures of a Property Nature Applied to a Suspect or an Accused.....	151
<i>Bragina A. G.</i> Propaganda as a Sign of Crimes Provided by Articles of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation	157
<i>Vasilkova E. V.</i> Optional Signs of the Subjective Side of the Crime Provided for in Article 193 ¹ of the Criminal Code of the Russian Federation.....	164
<i>Detkov A. A.</i> Revisiting the Ways to Commit Illegal Sales Drugs Treated with the Use Information and Telecommunication Technology	170

<i>Zhurbenko A. M., Krupennikova K. K.</i> Some Aspects of Countering Crimes in the Field of Illicit Drug Trafficking Committed Using the Internet and the Features of Mobile Phone Inspection	176
<i>Korsikova N. A.</i> Criminological Prevention of Extremist and Terrorist Activities in the Russian Federation...	183
<i>Kukasov M. V.</i> Classification of Special Types of Criminal Offenses: a Multilevel Approach	191
<i>Likholetov A. A.</i> Concept of the Object of Criminal Law Protection and its Specification in the Rules on Liability for Infractions on Special Types of Entrepreneurial Activities	197
<i>Plaksina T. A.</i> Penalization of Public Insult of a Representative of Power	203
<i>Sorokun N. S., Ermakova O. V.</i> Criminal and Criminological Aspects of Group Crime	213
<i>Shcherbakov I. S., Shekov A. A., Ovsyannikov V. V.</i> Effect of Thermal Decomposition Products of Polyvinyl Chloride Linoleum on the Detection and Identification of Fire Accelerators by Fluorescence Spectroscopy	218

Теоретико-исторические правовые науки

Алтайский юридический вестник. 2024. № 3 (47). С. 7–11.

Altai Law Journal. 2024. № 3 (47). P. 7–11.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 340.12

КЛАССИФИКАЦИОННОЕ МНОГООБРАЗИЕ ОЖИДАНИЙ В ПРАВЕ

Елена Дмитриевна Барина

Академия управления МВД России, Москва, Россия, elena.barinova.1998@mail.ru

Аннотация. В статье выявлена связь ожиданий в праве с различными явлениями правовой жизни общества. Обосновывается многообразие проявления ожиданий в праве. Анализируются существующие классификации исследуемого явления в различных областях научного знания. Подчеркивается и аргументируется отсутствие научных исследований ожиданий в праве в рамках теоретико-правовой науки. Разработаны авторские классификации ожиданий в праве, на основе которых делается вывод о их широком распространении на явления правовой жизни общества и существовании в качестве ее неотъемлемого элемента.

Ключевые слова: ожидания в праве, классификация ожиданий, ожидания из договора, ожидания из закона, положительные ожидания, негативные ожидания, срочные ожидания, бессрочные ожидания

Для цитирования: Барина Е. Д. Классификационное многообразие ожиданий в праве // Алтайский юридический вестник. 2024. № 3 (47). С. 7–11.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

CLASSIFICATION DIVERSITY OF EXPECTATIONS IN LAW

Elena D. Barinova

Management Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Moscow, Russia, elena.barinova.1998@mail.ru

Abstract. The article reveals the connection between expectations in law and various phenomena of the legal life of society. The diversity of manifestations of expectations in law is substantiated. Existing classifications of the phenomenon under study in various fields of scientific knowledge are analyzed. The lack of scientific research into expectations in law within the framework of theoretical legal science is emphasized and argued. The author's classifications of expectations in law have been developed, on the basis of which a conclusion is made about their wide distribution to the phenomena of the legal life of society and their existence as an integral element of it.

Keywords: expectations in law, classification of expectations, expectations from the contract, expectations from the law, positive expectations, negative expectations, urgent expectations, indefinite waiting

For citation: Barinova E. D. Classification diversity of expectations in law. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2024;3:7–11 (In Russ.).

© Барина Е. Д., 2024

Сегодня в условиях ускоренного общественно-го развития и роста социальной неопределенности все больше обращают внимание на феномен «ожидание», в т. ч. и юридическая наука в целях обеспечения стабильности и правовой определенности. В этой связи ожидание вызывает научный интерес среди ученых различных областей научного знания. Ожидание выступало предметом научного осмысления в психологии, философии, социологии и в некоторых отраслевых юридических науках [1; 2; 3, с. 102–122; 4; 5; 6, с. 76–84]. Особое внимание заслуживает исследование ожиданий в философии, где они были классифицированы на индивидуальные и коллективные, а в качестве классификационного критерия выступал субъект ожиданий. В соответствии с этим для общества и отдельных социальных групп свойственны коллективные ожидания [1, с. 53], посредством которых происходит оценка личности как социально приемлемой [1, с. 54], а для индивида — индивидуальные ожидания, являющиеся социальными представлениями в комплексе его притязаний, рассчитанные на признание его социального статуса [1, с. 89].

Классификация ожиданий была проведена в правоведении в контексте законодательных изменений, которые выступают предметом исследуемого феномена. А. Г. Репьев выделяет оправданные и обманутые ожидания. Классификационным критерием является наличие или отсутствие ожидаемого населением результата от внесенных изменений в законодательство. В соответствии с ним ожидания населения считаются оправданными в случае наступления ожидаемого результата от внесенных в законодательство изменений. Обманутые, напротив, характеризуются отсутствием ожидаемого населением результата от законодательных новелл. Но для более точного отнесения ожиданий к категории обманутых автором предложен дополнительный критерий их оценки, в качестве которого выступает не только отсутствие ожидаемого населением результата, но и противоречие ожиданий конституционным установлениям, согласно которым «любая правовая норма должна обеспечивать приоритет прав и свобод человека, служить повышению благосостояния населения и пр.» [7, с. 145]. Таким образом, обманутыми ожиданиями считаются в случае несоответствия фактически наступившего результата законодательных изменений ожидаемому и противоречия конституционным установлениям.

Автор также выделяет *прогнозируемые* и *текущие* ожидания. Классификационным критерием выступает продолжительность осуществления за-

конодательных изменений, выступающих предметом ожиданий. Например, реализация планируемых реформ, проектов правовых актов является достаточно продолжительной, поскольку они еще находятся на стадии рассмотрения, и выступает предметом прогнозируемых ожиданий (будут ли реализованы запланированные законодательные изменения или нет). Реализация принятых законодательных изменений характеризуется меньшей продолжительностью, поэтому выступает предметом текущих ожиданий, а также соответствующим ей результатом.

А. Г. Репьев приводит классификацию текущих ожиданий, в соответствии с которой они могут быть *позитивные* и *негативные*. Данную классификацию автор выделяет «с точки зрения формируемого общественного восприятия, социальной оценки (принятия или отторжения)» [7, с. 146] законодательных изменений.

Приведенная классификация ожиданий заслуживает внимания, поскольку является первой в теоретико-правовой науке. Однако она показывает разнообразие ожиданий, затрагивающих одну из сторон правовой жизни общества, т. е. формирующихся в отношении законодательных изменений. Целью же данной статьи является демонстрация вариативности исследуемого явления в правовой действительности в целом, а не в одной из ее областей. Для достижения обозначенной цели и систематизации представлений об ожиданиях в праве представляется необходимым предложить несколько авторских классификаций. Так, В. М. Сырых считал, что классификации в юридической науке находят самое широкое применение, поскольку привести все многообразие правовых и иных (юридически значимых) феноменов, процессов, образующих объект юридической науки, к определенному и легко обозримому единству иным путем не представляется возможным [8, с. 282].

Необходимо отметить, что природа ожиданий в праве носит субъективный характер, поскольку они выступают в качестве представлений, формирующихся изначально в правосознании субъекта. Фактически ожидания о правовых явлениях выступают в качестве их интерпретации, которая во многом зависит от уровня развитости правосознания. Однако, находя внешнюю форму реализации и объективные основания формирования, ожидания объективируются в правовой действительности. Приведенные классификации фактически отражают юридическую конструкцию ожиданий, демонстрируя ее сложное устройство, состоящее из множества элементов,

что во многом и обуславливает их многообразие в праве.

Ранее проведенное исследование особенностей проявления ожиданий в правовой действительности способствовало разработке нескольких классификационных критериев, в качестве которых выступают: основание возникновения ожиданий; содержание предмета ожиданий; характер предмета ожиданий; период их длительности и уровень абстрагирования. Учитывая эти критерии, мы можем выделить следующие классификационные ряды.

Так, по основаниям возникновения ожидания могут подразделяться:

- на проистекающие из договора;
- проистекающие из закона;
- проистекающие из правоприменительного акта.

Основанием возникновения ожиданий могут быть различные гражданско-правовые договоры. В соответствии с ч. 1 ст. 572 ГК РФ по договору дарения даритель безвозмездно передает или обязуется передать одаряемому вещь, имущественное право и т. д. Заключение договора дарения порождает у одаряемого ожидание исполнения со стороны дарителя договорной обязанности, т. е. передачи материальных ценностей или имущественных прав в его пользу.

В качестве примера ожиданий, проистекающих из закона, выступает ч. 5 ст. 89 НК РФ, содержащая запреты на проведение двух и более налоговых проверок по одним и тем же налогам за один и тот же период¹. Данная норма формирует ожидание налогоплательщика, что обозначенные выше запреты будут соблюдены налоговыми органами, намеревающимися провести налоговую проверку.

Примером ожиданий, проистекающих из правоприменительного акта, выступает решение Арбитражного суда Хабаровского края², которым суд, возложив обязанность на ответчика выплатить сумму задолженности в пользу истца, сформировал у последнего ожидание ее исполнения.

Предметом формирования ожиданий выступает какое-либо действие, событие и соответствующий событию результат. Однако не все действия, события и результаты носят положительный характер. Совершение или наступление некоторых из них сопровождается для субъекта определенными ограничениями реализации его прав.

¹ Налоговый кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 04.08.2023).

² Решение Арбитражного суда Хабаровского края от 15 июня 2011 г. № А73-3326/2011 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

С учетом изложенного по характеру предмета ожидания делятся:

- на положительные;
- негативные.

В качестве примера положительного ожидания выступает ожидание снятия ранее полученного дисциплинарного взыскания, сопровождающегося восстановлением права на получение премиальных выплат.

В качестве примера негативного ожидания выступает ожидание применения меры процессуального пресечения, поскольку ее реализация сопровождается ограничением прав субъекта (лицо, находящееся под домашним арестом, ограничено в свободе передвижения).

Ожидание оглашения обвинительного приговора судом тоже имеет негативный характер, поскольку после совершения данного действия лицо приобретает процессуальный статус осужденного и на него возлагается обязанность претерпевать соответствующие статусу негативные последствия в виде ограничения в реализации ряда субъективных прав (избирательные права, право на свободу передвижения, право на труд, которое в местах лишения свободы трансформируется в обязанность).

По содержанию предмета ожиданий в праве они делятся:

- на ожидания события;
- ожидания действия;
- ожидания результата.

В соответствии с данной классификацией ожидания субъекта могут быть направлены на наступление события или соответствующего событию результата, а также на совершение в отношении субъекта действия либо же, напротив, на избегание наступления события или результата, а также совершения действия. Данная классификация тесно взаимосвязана с предыдущей, в которой ожидания подразделялись на положительные и негативные. В соответствии с этим становится очевидно, что субъект ожидает совершения в отношении него каких-либо действий или наступления события и соответствующего результата, если сам предмет ожиданий носит положительный характер, т. е. предусматривает благоприятные, желаемые для субъекта последствия. Напротив, если предмет ожиданий носит негативный характер, т. е. предусматривает нежелательные для субъекта последствия, то он всеми возможными способами будет стараться избежать совершения в отношении него каких-либо действий или наступления события или соответствующего результата либо постарается момент совершения

или наступления максимально отложить во времени.

Ожидания делятся в течение определенного времени и после их реализации или нереализации прекращаются. Временные пределы ожиданий в праве совпадают с временными пределами событий, процессов и действий, в отношении которых они формируются. Так, сроки, установленные для событий, процессов и действий, будут выступать в качестве временных границ длительности ожиданий, и такие ожидания являются срочными. Если же сроки в законодательстве отсутствуют либо носят неопределенный характер, то такие ожидания являются бессрочными.

По периоду длительности ожидания делятся:

- на срочные;
- бессрочные.

Примером срочных ожиданий выступает ожидание принятия процессуального решения в соответствии со ст. 144 УПК РФ¹. Так, после поступления сообщения о преступлении должностные лица обязаны в срок не позднее трех суток принять по нему решение. В соответствии с данной статьей возможно продление указанного срока до 10 суток и в исключительных случаях до 30 суток. Сроки ожидания заявителя процессуального решения соответствуют срокам, отведенным должностному лицу для принятия данного решения.

Примером бессрочных ожиданий выступает ч. 2 ст. 314 ГК РФ², в которой срок предъявления кредитором требования об исполнении обязательства определен как разумный. При этом должник в случае исполнения обязательства до предъявления требования кредитором может ожидать такого предъявления. Однако неопределенный характер срока предъявления требования должнику создает

трудности в определении временных границ его ожидания.

По уровню абстрагирования ожидания делятся:

- на абстрактные;
- конкретные.

Ожидания характеризуются абстрактными, когда они уже сформировались в правосознании субъекта, однако действий для их реализации последним еще предпринято не было. Конкретными ожидания становятся в момент совершения действий, направленных на их реализацию.

Например, субъект ожидает увольнения, но действий, направленных на реализацию ожидания, совершено им еще не было. Данные ожидания носят абстрактный характер, существуют в правосознании субъекта и не имеют связи с настоящим. Когда субъект начинает совершать конкретные действия, направленные на реализацию ожидания (представляет письменное заявление об увольнении, заявление о выдаче надлежаще заверенных копий документов, связанных с работой (копии приказа о приеме на работу, о переводах на другую работу)), его ожидание становится более предметным, а сами действия выражают связь ожидания с реальной действительностью, и оно перестает существовать в виде отдаленного будущего.

В статье было продемонстрировано посредством классификации многообразие проявления ожиданий в праве. Приведенные классификации не являются исчерпывающими, поскольку ожидания характеризуются широким распространением на явления правовой жизни общества, что выступает подтверждением их существования в качестве неотъемлемого элемента правовой действительности.

Список источников

1. Грибов Д. Е. Социальные ожидания в регуляции социального поведения личности в современном российском обществе: дис. ... канд. филос. наук. Майкоп, 2016. 148 с.
2. Никулина Е. В. Психологические детерминанты формирования конструктивных социальных ожиданий старшеклассников: дис. ... канд. психол. наук. Курск, 2005. 174 с.
3. Подшивалов Т. П. Вещно-правовые ожидания как основание применения вещных исков // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 13. № 4. С. 102–122.
4. Тычинский Д. В. Влияние социальных ожиданий на процесс инфляции в России: дис. ... канд. социол. наук. М., 2010. 183 с.
5. Ульянов А. В. Охраняемые законом интересы в гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 31 с.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 04.08.2023).

² Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ.

6. Ядрихинский С. А. Доктрина законных ожиданий в налоговых отношениях // Русский журнал правовых исследований. 2018. № 4 (17). С. 76–84.
7. Репьев А. Г. Феномен «ожидание» в контексте оценки изменений законодательства // Юридическая техника. 2023. № 17. С. 144–147.
8. Сырых В. М. Подготовка диссертаций по юридическим наукам: настольная книга соискателя. М.: РАП, 2012. 500 с.

References

1. Gribov D. E. Social'nye ozhidaniya v regulyacii social'nogo povedeniya lichnosti v sovremennom rossijskom obshchestve: dis. ... kand. filos. nauk. Majkop, 2016. 148 s.
2. Nikulina E. V. Psihologicheskie determinanty formirovaniya konstruktivnyh social'nyh ozhidaniy starsheklassnikov: dis. ... kand. psihol. nauk. Kursk, 2005. 174 s.
3. Podshivalov T. P. Veshchno-pravovye ozhidaniya kak osnovanie primeneniya veshchnyh iskov // Pravo. Zhurnal Vyssheĭ shkoly ekonomiki. 2021. T. 13. № 4. S. 102–122.
4. Tychinskij D. V. Vliyanie social'nyh ozhidaniy na process inflyacii v Rossii: dis. ... kand. sociol. nauk. M., 2010. 183 s.
5. Ul'yanov A. V. Ohranyaemye zakonom interesy v grazhdanskom prave: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2018. 31 s.
6. Yadhrihinskij S. A. Doktrina zakonnyh ozhidaniy v nalogovyh otnosheniyah // Russkij zhurnal pravovyh issledovanij. 2018. № 4 (17). S. 76–84.
7. Rep'ev A. G. Fenomen «ozhidanie» v kontekste ocenki izmenenij zakonodatel'stva // Yuridicheskaya tekhnika. 2023. № 17. S. 144–147.
8. Syryh V. M. Podgotovka dissertacij po yuridicheskim naukam: nastol'naya kniga soiskatelya. M.: RAP, 2012. 500 s.

Статья поступила в редакцию 28.03.2024; одобрена после рецензирования 26.04.2024; принята к публикации 27.08.2024.

The article was submitted 28.03.2024; approved after reviewing 26.04.2024; accepted for publication 27.08.2024.

Алтайский юридический вестник. 2024. № 3 (47). С. 12–20.

Altai Law Journal. 2024. № 3 (47). P. 12–20.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 94:32+340.12:279

**ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ МУСУЛЬМАНСКИХ ОБЩИН
В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ
1990-Х — НАЧАЛА 2000-Х ГГ.**

Евгений Викторович Лоос

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, elev_01@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются различные аспекты государственной политики Российской Федерации в отношении мусульманских общин на рубеже XX и XXI вв. Автор констатирует непрерывное возрастание численности мусульман и усиливающееся в связи с этим их влияние на все сферы общественной и политической жизни страны, выделяет причины этого явления.

В статье анализируется социально-политическая обстановка рассматриваемого периода, выделяются этапы государственной политики в отношении мусульманских общин, анализируется содержание политики в рамках этих этапов. Отмечается невозможность воплощения в жизнь попыток российской власти выстроить единую «исламскую вертикаль» ввиду полицентричности мусульманской уммы. Автором затрагивается вопрос правового регулирования деятельности мусульманских общин в рамках государственно-конфессиональных отношений. Отмечается светская ориентированность и политизированность ислама в России.

Ключевые слова: мусульманские общины, государственная политика, государственно-конфессиональные отношения, религия, ислам, социально-политическая обстановка

Для цитирования: Лоос Е. В. Политико-правовое положение мусульманских общин в системе государственно-конфессиональной политики России 1990-х — начала 2000-х гг. // Алтайский юридический вестник. 2024. № 3 (47). С. 12–20.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

**POLITICAL AND LEGAL POSITION OF MUSLIM COMMUNITIES IN THE SYSTEM
OF STATE-CONFESSIONAL POLICY IN RUSSIA 1990^s — EARLY 2000^s**

Evgenij V. Loos

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, elev_01@mail.ru

Abstract. The article examines various aspects of the state policy of the Russian Federation towards Muslim communities at the turn of the 20th and 21st centuries. The author notes the continuous increase in the number of Muslims, and, in connection with this, their increasing influence on all spheres of social and political life of the country, and highlights the reasons for this phenomenon.

The article analyzes the socio-political situation of the period under review, identifies the stages of state policy towards Muslim communities, and analyzes the content of the policy within these stages. It is noted that it is impossible to implement the attempts of the Russian authorities to build a single “Islamic vertical” due to the polycentricity of the Muslim Ummah. The author touches upon the issue of legal regulation of the activities of Muslim communities within the framework of state-confessional relations. The secular orientation and politicization of Islam in Russia is noted.

Keywords: Muslim communities, public policy, state-confessional relations, religion, Islam, socio-political situation

For citation: Loos E. V. Political and legal position of Muslim communities in the system of state-confessional policy in Russia 1990^s — early 2000^s. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2024;3:12–20 (In Russ.).

Важным обстоятельством, обращающим на себя внимание представителей различных отраслей гуманитарного научного знания, является постепенная исламизация России. По данным, приведенным А. В. Малашенко, «численность мусульманского населения в стране согласно переписи 2002 года составила 14,5 млн человек. К 2006 г. количество мусульман превысило 15 млн» [1, с. 10]. При этом статистикой не учитываются процессы, связанные как с легальной, так и нелегальной миграцией. Если принимать их во внимание, то к приведенным данным следует добавить значительное количество выходцев из азиатских республик бывшего СССР. К примеру, только таджиков насчитывалось более 1 млн [2]. Таким образом, общая численность мусульман в Российской Федерации в 2006 г. составляла около 20 млн человек [3].

При этом число мусульман в нашей стране с течением времени неуклонно росло. Если в 1926 г. соотношение православных и мусульман составляло 16 к 1, то в 1999 г. оно было уже 10 к 1 [4, с. 155]. Очевидным является то, что эта тенденция продолжает быть актуальной и сегодня.

Устанавливая количество мусульман в России, необходимо ответить на один важный вопрос: кого можно считать мусульманином? Если исходить из того, что мусульманином «является только тот, кто регулярно совершает предписанные исламом обряды и запреты, то таковых, по разным оценкам, окажется не более 8–9 млн человек, а 90 % из тех, кто считает себя мусульманами, вообще не посещают мечети» [1, с. 10]. Поэтому основным критерием отнесения субъектом себя к мусульманскому сообществу следует признать не следование догматам веры, а самоидентификацию.

Существует несколько причин исламизации, но основных можно выделить две. К первой следует отнести перманентный демографический рост в российских мусульманских этнических группах. Существующие в мусульманской общине традиции здорового образа жизни, воздержание от вредных привычек способствуют увеличению продолжительности жизни, а в сочетании с высокой рождаемостью в мусульманских семьях приводят к увеличению числа мусульман в процентном отношении к общему числу жителей России. Другой основной причиной являются непрерывно растущие миграционные потоки из соседних с Россией мусульманских стран.

С увеличением численности мусульманского населения возрастает и его влияние на различные сферы общественной жизни нашего государства.

Чтобы эффективно оценить характер и степень влияния мусульманских общин на социально-политическую жизнь в России, необходимо изучить особенности их положения в системе государственно-конфессиональных отношений. При этом весьма важным является обращение к ретроспективе этого вопроса. С учетом того, что период становления существующего положения мусульманских общин в России приходится на конец XX — начало XXI в., рассмотрение именно этого периода новейшей истории представляется наиболее значимым.

Государственная политика в отношении ислама в рассматриваемый период претерпела заметные изменения и прошла несколько важных этапов. Первый этап охватывал собой временные рамки с конца 80-х и до конца 90-х годов XX в., его можно охарактеризовать как либеральный. Этот этап заключался в полном предоставлении мусульманам свободы совести и вероисповедания.

Второй этап государственной политики в отношении ислама следует охарактеризовать как умеренно-репрессивный, он включает в себя временной отрезок приблизительно с 1999 по 2006 г. На этом этапе государство столкнулось с мощнейшими проявлениями религиозного экстремизма. Противодействие ему было возможно исключительно с использованием силовых методов. С учетом этого фактора второй этап следует признать наименее удачным.

На третьем этапе (примерно с 2006 г.) государство постепенно включается в активное регулирование религиозной сферы. Рассмотрим политику государства в отношении мусульманских народов на каждом из этих этапов.

Сложившаяся к началу 90-х годов XX в. этно-религиозная ситуация на территории СССР характеризовалась растущей напряженностью в межнациональных отношениях. Просчеты руководства СССР в национальной политике привели в период распада страны к череде крупных межнациональных конфликтов. Наряду с ростом межнациональной напряженности в указанный период времени произошло и кардинальное изменение в политике государства по отношению к религии.

Отражением этого изменения в законодательстве страны стал в первую очередь принятый в 1990 г. Закон РСФСР № 267-I «О свободе вероисповеданий»¹. Задачами закона были провозглашены регулирование общественных отно-

¹ О свободе вероисповеданий [Электронный ресурс]: Закон РСФСР от 25.10.1990 № 267-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

шений в религиозной сфере в целях соблюдения и единообразного осуществления на всей территории страны принципов свободы совести, закрепленных в Конституции РСФСР, а также реализации права граждан на пользование этой свободой.

Следует заметить, что названный закон регулировал сферу государственно-конфессиональных отношений лишь в самых общих чертах. Религиозным объединениям была предоставлена практически полная свобода действий, в качестве ограничений в законе были установлены лишь запреты вмешиваться в дела государства и его органов и нарушать правовые нормы.

С принятием названного закона мусульмане и их объединения, наравне с представителями любых других религий, получили следующие основные права:

- на защиту от экстремистских проявлений, связанных с религиозными убеждениями;
- защиту от оскорбления религиозных чувств верующих и осквернения почитаемых в данной религии предметов, строений и мест;
- преподавание вероучения, а также религиозное воспитание в негосударственных учебных и воспитательных заведениях, частным образом на дому или при религиозном объединении, а также факультативно по желанию граждан представителями мусульманских религиозных объединений с зарегистрированным уставом в любых дошкольных и учебных заведениях и организациях;
- преподавание учебных дисциплин, связанных с исламской религией, но не сопровождающееся совершением религиозных обрядов и имеющее информационный характер в государственных учебных заведениях;
- создание религиозного объединения, пользующегося правами юридического лица;
- право иметь в собственности религиозных объединений здания, строения, предметы культа, объекты производственного, социального, благотворительного, культурно-просветительного назначения, денежные средства и иное имущество, необходимое для их деятельности, в т. ч. и на территории других государств;
- возможность приобретать в собственность имущество на любых законных основаниях (за счет собственных средств, пожертвований, завещанное гражданами, организациями, переданное государством и т. д.);
- право создавать в качестве юридического лица предприятия и учреждения, а также нанимать граждан в качестве рабочих и служащих.

Особенность религиозной обстановки в России начала 90-х годов заключается в том, что свобода совести и свобода вероисповедания были не просто продекларированы в законодательстве, но получили фактическую реализацию в общественных отношениях.

В условиях наступившей оттепели на территории страны начался процесс, направленный на возрождение исламских традиций. Очевидными маркерами возрождения стал рост количества зарегистрированных религиозных общин, строительство культовых сооружений, выпуск периодических печатных изданий, открытие мусульманских образовательных учреждений. Так, если в 1991 г. на территории нашей страны было зарегистрировано 870 мечетей, то в 2006 г. их количество насчитывало уже около 8 тысяч [5, с. 183].

Вместе с тем активные процессы по возрождению исламской религии начались в стране в сравнении с христианством с некоторой задержкой. Как отмечает А. В. Малашенко, «мусульмане опасались, что либерализм по отношению к религии ограничится православием, ведь даже в конце 80-х были приняты правительственные постановления по "борьбе с исламом"» [6, с. 68].

Таковыми документами стали Постановление ЦК КПСС от 21 октября 1985 г. «О дополнительных мероприятиях в связи с активизацией в странах Азии и Африки так называемого "воинствующего ислама"» и Постановление Политбюро ЦК КПСС от 8 августа 1986 г. «Об усилении борьбы с влиянием ислама». Видится, что указанные документы стали реакцией руководства страны на обострение ситуации в Средней Азии, связанной в том числе с процессами проникновения с территории Афганистана экстремистских идей радикального ислама. И «несмотря на то, что данные постановления касались в основном республик Средней Азии, Кавказа и Закавказья, руководящие органы других регионов также ориентировали государственные структуры на активизацию борьбы с исламом» [7, с. 38–39].

Следует все же заметить, что принятые постановления не сыграли никакой исторической роли, и уже в августе 1989 г. «с помпой было отмечено 1100-летие принятия ислама народами Поволжья и Приуралья, а в июне 1990 года в Уфе после 42-летнего перерыва состоялся V Всероссийский мусульманский съезд» [8, с. 142].

Процесс возрождения протекал в сложных условиях «отсутствия категории высокообразованных богословов, которая не могла появиться, по-

скольку за предыдущие годы в СССР была уничтожена почти вся система мусульманского образования и тем самым нарушена преемственность передачи традиции и знаний» [9, с. 256]. Кроме того, в отличие от Русской православной церкви у мусульман отсутствовало какое-либо централизованное учреждение или авторитетная организация в масштабе страны.

С открытием границ у мусульман появилась возможность приглашения образованных богословов из-за рубежа. Религиозные наставники из Турции, Ирана, арабских стран развернули обширную миссионерскую деятельность, способствовали поступлению на территорию России религиозной литературы. Из-за границы осуществлялись финансирование религиозных фондов, строительство культовых сооружений, создание образовательных учреждений.

Вместе с тем зарубежные богословы насаждали среди российских мусульман идеи и течения, далекие от отечественных мусульманских традиций. Содержание же поступающей религиозной литературы зачастую было низкого качества, а нередко и откровенно экстремистской направленности. Вполне закономерным явился тот факт, что среди малообразованных в религиозном плане масс российских мусульман нашли отклик идеи радикального ислама и псевдомусульманских течений.

Масштаб проблемы увеличило то, что в постперестроечной России при выпуске религиозной литературы преобладала коммерческая составляющая. Как отмечает Р. Мухаметшин, для подавляющего большинства людей того времени «источники религиозных взглядов и верований — средства массовой информации и художественная литература и только для 9 процентов респондентов — непосредственные религиозные источники» [10, с. 44].

Таким образом, исторически в нашей стране самим ее руководством готовилась благоприятная почва для различных псевдорелигиозных течений, оперирующих понятиями ислама, но при этом эффективно приспособивших его идеи для собственных далеких от религии нужд.

Общественные отношения в религиозной сфере в рассматриваемый период развивались столь стремительно, что спустя всего несколько лет действующий закон уже не мог их должным образом регулировать.

В 1993 г. была принята Конституция Российской Федерации (далее — Конституция), которая в статье 14 на высшем законодательном уровне закрепила, что никакая религия не может устанавли-

ваться в качестве государственной или обязательной, а также что религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом¹.

Период с 1994 по 1997 г. характеризовался всплеском регионального законодательства в сфере свободы вероисповеданий. К началу 1997 г. «в трети субъектов Российской Федерации уже действовали свои законы, причем существенно нарушающие Конституцию России и ущемляющие права граждан» [11, с. 23].

После принятия Конституции началась работа и над новым федеральным законом о свободе совести и деятельности религиозных объединений. Со стороны мусульманских организаций, как и других религиозных организаций, опиравшихся на национально-культурную традицию россиян, предпринимались попытки проведения таких законодательных инициатив, которые бы существенно ограничили деятельность новых вероисповеданий, а также тех, которые не опираются на этническую составляющую российского общества.

Процесс возрождения исламских традиций проходил также на фоне политических проблем, обусловленных распадом Советского Союза. Либерализация отношения государства к исламу происходила в первую очередь на уровне республиканского руководства. Властные элиты мусульманских регионов СССР, стремительно теряя советские рычаги управления, активно пытались найти себе новую опору. Такой опорой стал ислам. Можно констатировать, что в условиях свободы вероисповедания роль религии в общественной жизни страны начала стремительно возрастать, что одновременно явилось началом ее политизации. Проведение предвыборных кампаний в нашей стране стало сопровождаться попытками части политиков использовать религиозную риторику в борьбе за власть.

Тенденция к политизации религии существует во всем мире и обусловлена рядом объективных обстоятельств. Однако тенденция эта достаточно противоречива и может привести как к усилению ценностной составляющей политической деятельности, так и к увеличению конфликтного потенциала религиозных общин, причем не только исламских.

Именно политическая дезинтеграция стала важнейшим фактором для раскола мусульман бывшего Советского Союза, а особенности политической обстановки в каждом из регионов определили

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

и специфику функционирования ислама на постсоветском пространстве. Продолжились не только умножение общего количества различных организаций, выступающих со своеобразными трактовками ислама, но и децентрализация уже существовавших мусульманских религиозных учреждений, располагавшихся в различных регионах единого прежде государства — как в масштабах республик, так и более мелких субъектов [9, с. 256].

Отмечаемой многими исследователями особенностью российского ислама является то, что «отечественные» мусульмане самоидентифицируются не только и не столько по принадлежности к одной религии, но и больше по этнорелигиозному признаку.

Регионами компактного расселения российских мусульман являются Северный Кавказ, Поволжье, Урал, Западная Сибирь [13]. При этом, как справедливо отмечает А. В. Малашенко, «понятие российский (тем более постсоветский) ислам не корректно. ...В стране существуют два исламских ареала, каждый из которых, будучи частью России, имеет свою специфику» [7, с. 67]. К первому из них следует отнести народы Северного Кавказа, а ко второму — мусульманские народы, проживающие в Поволжье, на Урале и в Западной Сибири. При этом татарская община не принимает выходцев с Кавказа, а на Кавказе не пользуются авторитетом башкирские и татарские имамы.

Каждому из ареалов присущ свой самобытный исторический путь развития, определивший характер отношения к религии, специфику вероисповедания и ряд других важных вопросов, включая взаимоотношения государства и каждой из мусульманских общин. Между собой мусульманские общины Кавказа и средней части России контактировали достаточно слабо, в основном при решении общих задач, поставленных руководством страны. Следует также отметить, что каждую из сторон устраивало такое положение вещей. Именно из-за этнорелигиозных различий мусульмане средней части России и мусульмане Северного Кавказа не стремились к объединению.

Различной была и политика государства в отношении каждой из указанных мусульманских общин. Это различие было вызвано опять же особенностями менталитета и исторического развития каждой из групп.

Мусульмане Поволжья, будучи глубже встроены в российское общество, находились с ним в органичном единстве. Конфликты, связанные с вхождением татар и башкир как самых многочисленных мусульманских народов Поволжья

в состав Российской империи, приходится на XVI–XVIII вв. и к концу XVIII в. полностью прекратились. В современной России татары и башкиры воспринимаются как «наши» мусульмане. Они лояльны по отношению к светской власти, а государственная власть лояльна по отношению к ним. В Поволжье религиозная ситуация находилась под полным контролем государства, а в ряде случаев для достижения своих целей власть манипулировала исламом.

Иначе дело обстояло на Кавказе. Этот регион вошел в состав России значительно позже. Насилие со стороны светской власти в отношении коренного населения, связанное с присоединением региона, и с целью его тотального подчинения продолжалось, то усиливаясь, то затихая с начала XVIII в. до конца XX в. Причем на всем протяжении этого периода прослеживается закономерность: чем больше оказывалось силовое давление, тем мощнее оказывалось противодействие. Силовая экспансия являлась катализатором объединения народов Кавказа в борьбе за свою независимость.

Попытка военной колонизации кавказских земель впервые была предпринята в период царствования Петра I, а затем Екатерины II. В ответ на это в 1785 г. в Чечне началось мощное национальное движение под руководством шейха Мансура.

В первой половине XIX в. русская армия под руководством генерала А. П. Ермолова начала активные действия на территории Чечни. В ответ в Чечне было организовано национальное движение под руководством Бейбулата Теймиева. После его убийства имам Шамиль объединил часть населения Северного Кавказа и создал имамат — светско-религиозное государство, которое 27 лет противостояло царской России.

Во второй половине столетия произошла смена политического курса власти, в результате чего сложились благоприятные условия мирного разрешения национальных проблем Кавказа. Однако с начала XX в. в отношениях с горскими народами царизм вновь сделал ставку на насилие. В ответ возникло национальное движение в форме абречества.

Аналогичная ситуация на территории Чечни произошла и в конце XX в. Начав широкомасштабные военные действия против мирного населения, российское правительство спровоцировало агрессивный национализм и массовое сопротивление чеченцев федеральным войскам.

К приведенным историческим фактам следует добавить добровольно-принудительное переселение чеченцев в Османскую империю в XIX в. и де-

портацию чеченцев и ингушей в 1944 г. Все это оставило негативный след в исторической памяти кавказских народов, повлияв на их отношение к светской власти.

Необходимо также заметить, что конфликты на Кавказе на всех исторических этапах имели неизменно религиозную окраску.

Еще одной особенностью Кавказа является наличие у его народов сильной родовой общины, при этом родовая, национальная и религиозная составляющие у народов Кавказа исторически слились в одно целое и существуют в неразрывном единстве. Игнорирование или недооценка этого обстоятельства светской властью влекло на всех этапах развития государственно-конфессиональных отношений нарастание напряженности в регионе, трансформирующееся в своих крайних формах в открытое военное столкновение.

Немаловажным фактором, влиявшим на ситуацию на Кавказе, являлись также внутренние раздоры, борьба местных элит за власть и влияние в горских обществах. Часть этих сил исповедовала традиционный ислам, занимала пророссийскую позицию и поддерживала светскую власть, другая часть становилась под знамена радикального ислама, этнонационализма и теократии.

Таким образом, взаимоотношения центральной власти и народов Кавказа находились в прямой зависимости от мировоззрения элит, стоявших во главе региона, а также от характера политики, проводимой самой государственной властью (насильственная или договорная). В любом случае в регионах Кавказа власть нуждалась в исламе как в союзнике, тотальное подчинение было просто невозможно.

К середине 90-х годов политизация религии и упрощенное толкование ислама привели к развитию идей терроризма и экстремизма на территории страны. В первую очередь следует упомянуть о чеченских событиях. Это наиболее яркий пример того, как среди необразованных масс находят распространение любые идеи, адаптированные под их восприятие. Причем речь идет не только о людях, разделивших идеи экстремистов, прикрывающихся исламом, но также и о той части российского населения, которая сформировала свое отношение к исламу на основе преимущественно этих событий. В результате произошла дискредитация образа ислама в обществе.

Руководством страны предпринимались слабые и неэффективные попытки разрешить сложившуюся кризисную ситуацию мирным пу-

тем, однако к успеху они не привели. В декабре 1994 г. было решено снять вопрос путем применения силы: в Чечню были введены федеральные войска.

В результате первой чеченской войны было разрушено много городов и сел, практически всё не чеченское население было либо убито, либо покинуло республику, частично мигрировало в другие регионы и коренное население. В регионе была полностью криминализована экономика и начался глобальный кризис. На его фоне в республике стал стремительно расти религиозный экстремизм, который в современном мире отождествляется с ваххабизмом.

На протяжении нескольких лет на территорию республики прибыло немало экстремистских идеологов из-за рубежа. Они проводили работу по созданию радикального исламского государства, вербовали новых сторонников, накапливали военные силы.

7 августа 1999 г. боевики Хаттаба и Басаева вторглись в Дагестан, надеясь, что местные жители встанут на их сторону, однако встретили серьезное сопротивление. Противодействие жителей Дагестана и помощь федеральных войск вынудили экстремистов отступить.

Не сумев победить в открытом столкновении, радикальные исламисты перешли к тактике запугивания населения и совершения террористических актов на территории России.

Российские власти также сменили тактику. Отказавшись от ведения активных боевых действий, они начали использовать внутренний раскол в самой Чечне. Такая тактика имела успех, и в 2009 г. режим контртеррористической операции был отменен.

Исторический опыт в очередной раз показал, что ставка на насилие в отношении народов Кавказа порождает всплеск ответного насилия. Политика же, основанная на учете национальных интересов диаспор в сочетании с опорой на традиционную исламскую религию, ведет к стабильности и порядку в регионе.

Новый Федеральный закон № 125 «О свободе совести и религиозных объединениях» был принят 26 сентября 1997 г. Он положил конец оживленной дискуссии по поводу необходимости введения в законодательство понятия «традиционные религии» и установления для таких религий определенных правовых привилегий. Такое понятие в нормативном правовом акте отсутствовало. Вместе с тем в новом законе появилась преамбула, в которой была отмечена особая роль православия в истории

России, а также особо поименованы христианство, ислам, буддизм, иудаизм¹.

С одной стороны, преамбула не носила обязательных для применения норм, а только лишь отмечала историческую реальность. С другой стороны, сам факт разделения религиозного сообщества на особо поименованных и всех остальных дает повод констатировать наличие иерархии в государственно-конфессиональной политике.

«В современной мировой практике существуют два основных принципа соотношения государства и находящихся на его территории религиозных объединений: принцип конфессионального равенства (конфессионального безразличия) и принцип конфессионального предпочтения (конфессиональной иерархии)», — отмечает Е. Н. Клименко [13, с. 74–75].

Представляется, что в отношении мусульманских общин в 90-х годах XX в. российское государство заняло промежуточную позицию. С одной стороны, в законодательстве провозглашался принцип конфессионального равенства, с другой — ислам назывался в числе основных, приоритетных религий, уступая, однако, христианству.

Несмотря на значительный прогресс в вопросах правового регулирования государственно-конфессиональных отношений, многие вопросы, касавшиеся взаимодействия религиозных институтов с государственными структурами, продолжали оставаться весьма актуальными. Представители Министерства юстиции РФ, занимавшиеся рассмотрением вопросов религии, отмечали, что «отдельные положения действующего Закона не лишены неточности, двусмысленности, возможности их широкого толкования» [14, с. 17].

Так, к примеру, в соответствии с ч. 1 ст. 12 рассматриваемого закона «религиозной организации может быть отказано в государственной регистрации в случае, если... создаваемая организация не признана в качестве религиозной»². С целью определения религиозного характера организаций в 1998 г. был создан экспертный совет для проведения государственной религиоведческой экспертизы при Минюсте России. Однако парадокс заключается в отсутствии единого религиоведческого определения религии, их существует несколько десятков. Это значит, что эксперты совета опреде-

ляют религиозный характер организации исходя из собственных представлений о религии.

Следует отметить, что на протяжении всего изучаемого периода предпринимались активные попытки совершенствования действующего религиозного законодательства, подтверждением чему является наличие целого ряда законодательных инициатив.

Однако к концу рассматриваемого исторического периода основным законом, регулировавшим общественные отношения в религиозной сфере, оставался федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ. Изменения, внесенные в закон, касались лишь отдельных процедурных вопросов.

Обобщив изложенное, подведем итоги.

1. С принятием в 1990 г. закона «О свободе вероисповеданий» в стране началось активное возрождение ислама. Мусульмане, наряду с представителями любых других религий, получили полную свободу вероисповедания и религиозной деятельности на практике. В дальнейшем с развитием общественных отношений статус ислама в государстве несколько изменился. Ислам был фактически отнесен к числу традиционных религий, признаваемых и поддерживаемых государством. Вместе с тем, несмотря на возрастающее в стране влияние ислама, следует отметить тяготение государственной власти к православию. Мусульманская религия рассматривалась государством как «традиционная религия под номером два».

2. Отличительной чертой российских мусульман было и остается отождествление ислама вообще с его собственной этнокультурной версией.

3. В 1990–2000-х годах в исламской политике Российского государства существовал ряд характерных явлений. К ним относятся:

- низкая компетентность должностных лиц государственного аппарата при решении этнических и религиозных проблем;

- слабое знание населением, представителями власти и лидерами общины сущности и положений ислама;

- возникновение и распространение исламофобии среди россиян;

- разрозненность многочисленных исламских структур, зачастую остро соперничающих друг с другом.

4. На ситуацию в стране в значительной степени влиял негативный исторический опыт межконфессионального взаимодействия в Российской империи и государственно-конфессиональных отношений в СССР. Накладываясь друг на друга,

¹ О свободе совести и религиозных объединениях [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 26.09.1997 № 125-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Там же.

эти факторы оставили крайне неблагоприятный отпечаток на системе государственно-исламских и общественно-исламских связей.

Вместе с тем на изучаемом историческом отрезке в регионах, характеризующихся более стабильной обстановкой, стало возможным осуществление попыток возрождения традиций российской мусульманской уммы как единого организма и как части населения России.

5. На начальном этапе возникновения мусульманской уммы России сформировались личностные, этнические, политические, финансовые и религиозные предпосылки ее раскола. Попытки российской власти выстроить «исламскую вертикаль» уступили место пониманию того, что ислам в организационном плане полицентричен, не может концентрироваться вокруг одного института и иметь одного лидера.

6. К концу рассматриваемого периода напряжение между отдельными центрами ислама, а так-

же между мусульманскими общинами и государственной властью значительно снизилось, пройдя путь от оппозиционного противостояния до полной поддержки власти мусульманскими лидерами, что позитивно сказалось на состоянии дел в мусульманском сообществе и государственно-исламских отношениях.

7. К концу 2000-х годов государство так и не выработало четкой позиции относительно его отношений с мусульманской религией. Согласно Конституции Россия — светское государство, однако ее самые многочисленные религии, в числе которых ислам, изначально были вовлечены в светские вопросы и политизированы. Государственная власть, обеспечив соблюдение прав верующих, своей приоритетной задачей в отношении ислама сделала установление контроля над ним. Инструментом, позволяющим использовать религию в политических целях, стало «религиозное» законодательство.

Список источников

1. Малашенко А. В. Ислам для России. М.: РОССПЭН, 2007.
2. За кого голосуют мигранты? Таджикистан за неделю. URL: <http://www.regnum.ru/news/6969.html> (дата обращения: 03.06.2024).
3. Бычков С. Центровой муфтий // Московский комсомолец. 2006. 27 февраля.
4. Курбатова О. Л., Победоносцева Е. Ю., Свежинский Е. А. Влияние этноконфессиональных факторов на динамику генофонда населения Москвы // Мусульмане в изменяющейся России. М.: РОССПЭН, 2002. С. 142–175.
5. Кулиев Э. Р. Исламоведение: пособие для преподавателя / Э. Р. Кулиев, М. Ф. Муртазин, Р. М. Мухаметшин и др.; под общ. ред. М. Ф. Муртазина. М.: Изд-во Московского исламского университета, 2008.
6. Малашенко А. В. Ислам в России: религия и политика // Исламоведение. 2010. № 3 (5). С. 67–85.
7. Ибрагимов Р. Р. Власть и религия в Татарстане в 1940–1980-е гг. Казань: Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина, 2005.
8. Юнусова А. Мусульманские центры в России и перспективы создания единого духовного управления // Ислам и государство. Москва-Уфа, 2007.
9. История ислама в России: учебное пособие / Д. В. Мухетдинов; под общ. ред. В. В. Трепавлова. М.: ООО «Садра»; ИД «Медина», 2019.
10. Мухаметшин Р. Ислам в общественно-политической жизни татар и Татарстана в XX веке. Казань, 2005.
11. Бурьянов С. А. Реализация конституционной свободы совести и свободы вероисповедания в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 34 с.
12. Сулова М. Н. Влияние политических условий на динамику ксенофобии в России и США: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2012. 28 с.
13. Клименко Е. Н. Правовой статус религиозных объединений в России // Российская юстиция. 2007. № 4. С. 74–75.
14. Королев В. И. О ходе регистрации и перерегистрации религиозных организаций // Законодательство о свободе совести и правоприменительная практика в сфере его действия. М., 2001.

References

1. Malashenko A. V. Islam dlya Rossii. M.: ROSSPEN, 2007.
2. Za kogo golosuyut migranty? Tadjikistan za nedelyu. URL: <http://www.regnum.ru/news/6969.html> (data obrashcheniya: 03.06.2024).

3. Bychkov S. Centrovoy muftij // Moskovskij komsomolec. 2006. 27 fevralya.
4. Kurbatova O. L., Pobedonosceva E. Yu., Svezhinskij E. A. Vliyanie etnokonfessional'nyh faktorov na dinamiku genofonda naseleniya Moskvy // Musul'mane v izmenyayushchejsya Rossii. M.: ROSSPEN, 2002. S. 142–175.
5. Kuliev E. R. Islamovedenie: posobie dlya prepodavatelya / E. R. Kuliev, M. F. Murtazin, R. M. Muhametshin i dr.; pod obshch. red. M. F. Murtazina. M.: Izd-vo Moskovskogo islamskogo universiteta, 2008.
6. Malashenko A. V. Islam v Rossii: religiya i politika // Islamovedenie. 2010. № 3 (5). S. 67–85.
7. Ibragimov R. R. Vlast' i religiya v Tatarstane v 1940–1980-e gg. Kazan': Kazanskij gosudarstvennyj universitet im. V. I. Ul'yanova-Lenina, 2005.
8. Yunusova A. Musul'manskie centry v Rossii i perspektivy sozdaniya edinogo duhovnogo upravleniya // Islam i gosudarstvo. Moskva-Ufa, 2007.
9. Istoriya islama v Rossii: uchebnoe posobie / D. V. Muhetdinov; pod obshch. red. V. V. Trepavlova. M.: OOO «Sadra»; ID «Medina», 2019.
10. Muhametshin R. Islam v obshchestvenno-politicheskoy zhizni tatar i Tatarstana v XX veke. Kazan', 2005.
11. Bur'yanov S. A. Realizaciya konstitucionnoj svobody sovesti i svobody veroispovedaniya v Rossijskoj Federacii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2009. 34 s.
12. Suslova M. N. Vliyanie politicheskikh uslovij na dinamiku ksenofobii v Rossii i SShA: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk. M., 2012. 28 s.
13. Klimenko E. N. Pravovoj status religioznyh ob'edinenij v Rossii // Rossijskaya yusticiya. 2007. № 4. S. 74–75.
14. Korolev V. I. O hode registracii i pereregistracii religioznyh organizacij // Zakonodatel'stvo o svobode sovesti i pravoprimeritel'naya praktika v sfere ego dejstviya. M., 2001.

Статья поступила в редакцию 10.04.2024; одобрена после рецензирования 23.05.2024; принята к публикации 27.08.2024.

The article was submitted 10.04.2024; approved after reviewing 23.05.2024; accepted for publication 27.08.2024.

Алтайский юридический вестник. 2024. № 3 (47). С. 21–26.

Altai Law Journal. 2024. № 3 (47). P. 21–26.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 342.7

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА КАК СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ ОБЩЕСТВА

Алевтина Викторовна Никулина

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, alik-112@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются выработанные отечественной юридической наукой подходы к определению понятия «правовая система». Установлено, что теория правовой системы прошла несколько периодов своего развития, среди которых условно можно выделить три основных этапа. Обращено внимание на то, что правовая система постоянно трансформируется в ходе исторического развития под влиянием тех или иных факторов складывающейся действительности. Автор приходит к выводу, что для прогрессивного развития правовой системы общества необходимо определение и детальный анализ системообразующего фактора, в качестве которого предлагается рассматривать права человека.

Ключевые слова: национальная система, право, система права, правовая система, права человека, фактор, факторный подход

Для цитирования: Никулина А. В. Права человека как системообразующий фактор правовой системы общества // Алтайский юридический вестник. 2024. № 3 (47). С. 21–26.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

HUMAN RIGHTS AS THE SYSTEM-FORMING FACTOR THE LEGAL SYSTEM OF THE SOCIETY

Alevtina V. Nikulina

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, alik-112@yandex.ru

Abstract. The article examines the approaches developed by the Russian legal science to the definition of the concept of «legal system». It is established that the theory of the legal system has passed through several periods of its development, among which three main stages can be conditionally distinguished. Attention is drawn to the fact that the legal system is constantly being transformed in the course of historical development under the influence of various factors of the emerging reality. The author comes to the conclusion that for the progressive development of the legal system of society, it is necessary to define and analyze in detail the system-forming factor, as which it is proposed to consider human rights.

Keywords: national system, law, legal system, human rights, factor, factor approach

For citation: Nikulina A. V. Human rights as the system-forming factor of the legal system of the society. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2024;3:21–26 (In Russ.).

Сегодня в непростых условиях общемировой нестабильности и неопределенности конститутивную роль играет правовая система, которая представляет собой сложнейший конгломерат правовых элементов, а также специфических начал культурно-исторического, социально-политического, идеологического характера.

От степени сформированности и зрелости правовой системы напрямую зависит слаженность функционирования всех без исключения государственных структур, институтов гражданского общества, эффективность их взаимодействия. Правовая система выступает основой гармонизации общественных отношений, эволюционного развития общества и государства. Кроме того, она играет важную роль в обеспечении мирового правопорядка, а именно поддержании мира во всём мире, обеспечении международной безопасности, установлении и развитии тесных контактов между государствами.

Как и всякая система, правовая система формируется и развивается под действием различного рода факторов, каждый из которых может иметь как определяющее, так и второстепенное значение. В любом случае эффективное функционирование правовой системы зависит от слаженности работы ее элементов, которая, в свою очередь, обусловлена действием всей совокупности факторов.

Прежде чем перейти к рассмотрению и анализу обозначенных детерминант, необходимо акцентировать внимание на проблеме трактовки понятия «правовая система». Важно отметить, что в отечественных научных кругах это определение вплоть до настоящего времени не перестает носить дискуссионный характер.

Как отмечает профессор С. А. Маркова-Мурашова, причина множественности трактовок понятия «правовая система» заключается «в допускаемой авторами нечеткости границ содержательной стороны правовой системы, нарушении единства критериев при выявлении ее содержательной стороны и неиспользовании в комплексе задач классификации, типологизации и систематизации» [1, с. 26].

Становление и развитие теории правовой системы в отечественной юридической науке условно можно разделить на три этапа.

Первый этап связан с трансформацией юридической мысли после Октябрьской революции 1917 г., которая была направлена на создание нового учения о праве в контексте марксистско-ленинской теории. В тот период возникла необходимость в разработке системного подхода как особой

методологии для объяснения целостности, упорядоченности, организованности права.

Однако вплоть до конца 60-х — начала 70-х гг. понятие «правовая система» как таковое в теории права не было распространено. Ученые, как правило, апеллировали такими категориями, как «национальная система», «система права», часто допуская их смешение. В частности, С. С. Алексеев в своих трудах использовал термин «национальная система», рассматривая ее в единстве всех сложившихся отраслей права [2, с. 28–30]. При этом ученый говорил, скорее, о системе права, а не о правовой системе, трактуя эти понятия как синонимичные.

На наш взгляд, такой подход объясняется тем, что направление развития юридической мысли того периода было ориентировано, прежде всего, на исследование системных связей между структурными элементами права, что обусловлено причинами объективного и субъективного порядка.

Подтверждением тому выступает высказывание Л. С. Явича о правовой системе как о «праве конкретной страны, которое представляет собой структурированную совокупность правовых норм, пирамиду, складывающуюся из норм, группирующуюся в различные институты, образующие отрасли, объединяющие более крупные автономные образования» [3, с. 126].

Начало второго этапа становления теории правовой системы было предопределено поиском компромисса в области правопонимания среди ученых советского юридического сообщества. В конце 1970-х гг. наблюдается активная фаза развития концепций правопонимания, что не могло не отразиться на понятии «правовая система». Как следствие, появились научные труды таких исследователей, как С. З. Зиманов, Ю. А. Тихомиров, А. М. Васильев [4, 5, 6].

Изменился подход к пониманию правовой системы и в работах С. С. Алексеева. Ученый отмечал, что правовая система является частью правовой действительности, включающей активные элементы, относящиеся к позитивному праву и тесно связанные между собой, т. е. правовая система — это все позитивное право, рассматриваемое в единстве с другими активными элементами правовой действительности — правовой идеологией и юридической практикой [7, с. 209].

Масштабный переворот во взглядах советских ученых произошел в конце 80-х — начале 90-х гг. прошлого столетия. Начался третий этап становления теории правовой системы. Этому поспособствовали произошедшие изменения в общественной жизни, связанные в том числе и с нивелирова-

нием так называемой «идеологической оболочки». В этой связи юридическая мысль вышла на новый виток своего развития. В науке сложились два подхода к трактовке понятия «правовая система» — широкий и узкий.

В узком смысле под правовой системой понимается совокупность закрепленных правовых норм, находящихся во взаимодействии и взаимозависимости. В частности, Ю. А. Тихомиров рассматривает правовую систему как «структурно и функционально упорядоченный массив взаимозависимых нормативных правовых актов, учреждаемых и действующих на основе единых принципов» [8, с. 8].

В данном осмыслении понятие «правовая система» существует как фундаментальное формально-юридическое определение, которое охватывает все правовые акты в масштабе государства.

В свою очередь, широкий подход предполагает анализ правовой системы в контексте правовой сферы общества в целом, а также в единстве теории права и юридической практики. Так, с точки зрения А. К. Черненко, правовая система представляет собой «комплекс взаимосвязанных правовых явлений и процессов, составляющий правовую сферу общества, обусловленный закономерностями развития социума» [9, с. 11].

Н. И. Матузов включает в понятие «правовая система» всю совокупность юридических явлений общества, элементами которой выступают право, законодательство, судебная и иная юридическая практика, механизм правового регулирования, процесс правореализации, правовые отношения, законность и правопорядок, правовая идеология, субъекты права и т. д. [10, с. 18].

В. Н. Синюков определяет понятие «правовая система» как «социальную организацию, включающую основные компоненты национальной правовой культуры: право, законодательство, юридическую практику, а также господствующую в стране правовую идеологию (доктрину)» [11, с. 8].

Таким образом, в рамках широкого подхода ценность понятия «правовая система» заключается в том, что она предоставляет большие возможности для комплексного анализа всей правовой сферы общества.

На наш взгляд, широкий подход к пониманию правовой системы представляется наиболее конструктивным, поскольку предполагает ее рассмотрение не только с формально-юридических позиций, но и с акцентом на социологические, исторические, национально-культурные явления. Однако

важно не упускать конститутивных аспектов, выработанных в призме узкого подхода.

В этой связи в рамках настоящей статьи под правовой системой предлагается понимать совокупность культурно и исторически обусловленных явлений и элементов правовой жизни общества, определяющих общую конструкцию действующего права в том или ином государстве.

Важно отметить, что правовая система — это динамичное явление, которое трансформируется в ходе исторического развития под влиянием тех или иных факторов складывающейся действительности. В теории права неоднократно предпринимались попытки факторного анализа правовых явлений. В частности, С. С. Алексеев отмечал, что «на правовую систему влияют множество факторов, в числе которых правовые традиции, специфика исторического и политического развития, особенности мышления» [2, с. 28].

Под фактором обычно понимается движущая сила, причина какого-либо процесса, обуславливающая его или определяющая его характер [12]; момент, существенное обстоятельство в каком-либо процессе, явлении [13]. Для того чтобы дать наиболее полное и конструктивное определение фактора, необходимо выделить присущие ему признаки.

Следует начать с того, что фактор всегда имеет определенное внешнее проявление в виде обстоятельства, события объективного либо субъективного характера. Иными словами, фактор создает общие условия становления и функционирования какого-либо явления существующей действительности.

Другим существенным признаком фактора представляется влияние его внешнего проявления на то или иное явление. Такое влияние предполагает наступление определенных последствий либо отсутствие таковых. Кроме того, мы можем выделить еще один признак фактора, который сводится к причинно-следственной связи между влиянием внешнего проявления фактора и результатом такого влияния.

Исходя из обозначенных признаков, представляется возможным определить фактор как обстоятельство, событие объективного или субъективного характера, оказывающее влияние на то или иное явление существующей действительности, результатом которого является наступление определенных последствий либо отсутствие таковых. При этом последствия могут носить как положительный, так и отрицательный характер.

В теории права учеными выделяются различные группы факторов, так или иначе оказывающих влияние на становление и развитие правовой системы общества.

Так, Ю. А. Тихомиров выделяет факторы, действующие на правовую систему извне, которые обусловлены внутрисистемными связями, принципами построения и функционирования правовой системы. В качестве факторов внутреннего развития ученый рассматривает влияние общественного мнения, давление политических сил, существующих в обществе на том или ином этапе его развития и т. д., а также аспекты субъективного порядка, такие как правовые ожидания граждан, лоббизм, участие в правотворческом процессе экспертов, консультантов и др. [14, с. 400].

Каждый из указанных факторов предполагает наступление определенных последствий в виде положительной динамики развития правовой системы либо, напротив, отрицательной. К примеру, лоббизм, как и любая другая деятельность человека, может содержать в себе как позитивные, так и негативные тенденции, что позволяет определить роль, которую он играет в рамках развития правовой системы. Если лоббизм выступает проводником неправового давления на государственные органы (взяточничество, коррупция и т. п.), в обществе могут наблюдаться противоречия, приводящие в конечном счете к деформации правовой системы и ее упадку.

Фундаментальным остается вопрос о том, какой фактор из всей совокупности играет системообразующую роль. По сути, системообразующий фактор — это «незримая сила», которая прочно связывает множество элементов, явлений в одну систему, в результате чего неупорядоченность трансформируется в организованное образование. Выявление и детальный анализ такого фактора имеют особое значение для поддержания равновесного состояния системы и ее эволюционного развития.

Интересной представляется позиция Д. С. Корчевского, который рассматривает в качестве системообразующего фактора правовой системы субъекта права [15, с. 12]. С точки зрения ученого, субъект права выступает «цементирующей» основой, опосредующей взаимосвязь между элементами правовой системы.

Иной точки зрения придерживается Е. Н. Аристов, мотивируя свою позицию тем, что право как элемент правовой системы в объективном смысле носит характер, «оторванный» от субъекта, тем самым признавая субъекта права центральным эле-

ментом правовой жизни, но не правовой системы в целом. В качестве системообразующего фактора, с точки зрения Е. Н. Аристова, следует рассматривать правопонимание [16, с. 224].

По нашему мнению, такая позиция представляется не совсем корректной, поскольку правопонимание всегда относительно, субъективно. Несомненно, тип правопонимания напрямую влияет на то, какие нормы права будут в конечном счете закреплены в нормативном правовом акте. В свою очередь, нормативная правовая база выступает элементом правовой системы и качественной ее характеристикой. Вместе с тем правопонимание задает определенную динамику, направляя нормотворца и правоприменителя к поиску верного ответа, но не является системообразующим в процессе становления правовой системы. Кроме того, нельзя умалять значение объективных условий существующей действительности.

Мы полагаем, что в качестве системообразующего фактора следует рассматривать права человека. Природа права, правовой системы и прав человека имеет общие точки соприкосновения, обусловленные их социальным характером. В этой связи следует рассматривать человека, его права и свободы как основу, первоначально обуславливающую потребность общества в праве и его систематизации, поскольку социальный интерес является главенствующим компонентом правовой системы.

В. Н. Синюков в своих научных трудах рассматривает правовую систему «доподлинно человеческой организацией», поскольку она представляет собой явление, предназначенное служить личности [17, с. 27]. Сегодня юридическая наука находится на таком этапе своего развития, когда можно анализировать аспекты правовой жизни не только с формально-юридических позиций, но в иных аспектах, в частности через призму прав человека, вытекающих из самой природы или человеческого разума. Только в таком ракурсе возможно познание правового мира с позиции целостности и системности.

Современная юридическая наука не перестает фокусировать внимание на ценности и значимости прав человека, рассматривая их в качестве краеугольного камня общественного бытия. Как отмечает Е. А. Лукашева, права человека позволяют измерять все важнейшие явления и события, происходящие в обществе и в мире [18, с. 4]. В этой связи правовая система должна выстраиваться вокруг фундаментальной основы — прав человека, в которых выражены основные притязания человека

на определенные блага и условия его достойного жизнеустройства.

Значение прав человека неумолимо возрастает, особенно в свете происходящих негативных событий, ставящих под угрозу современный миропорядок. Осознание ценности каждого человека, незыблемости его прав, недопустимости вмешательства и произвола с чьей-либо стороны произошло после пережитых человечеством потрясений середины XX столетия, связанных со злодеяниями фашистской Германии. Именно эти события негативного характера определили вектор развития прав человека до настоящего момента. Однако, как показывает практика, исторические уроки быстро забываются, и сегодня мы можем наблюдать, какие последствия могут наступать вследствие игнорирования прав человека, а также различного рода злоупотреблений в этой сфере.

Прямое игнорирование прав человека негативно сказывается на функционировании абсолютно любой сферы общественных отношений, что, как правило, приводит к стагнации или в худшем случае к их регрессу. Не является исключением

и правовая система. Для того чтобы правовая система (а также все ее составляющие) была не только устойчивой, но и динамичной, она должна быть прежде всего человекоориентированной и иметь прочную основу в виде прав человека.

В этой связи в современных условиях революционный сдвиг в понимании роли человека в общественных отношениях, а также его значения в политических и социально-экономических процессах является объективной необходимостью устойчивого продолжения развития правовой системы, а значит и общества в целом.

Сегодня права человека выступают одним из важных ценностных ориентиров развития правовой системы российского государства, выступая ее системообразующим фактором. Социальная значимость правовой системы, связанная с воплощением в жизнь идеи уважения личности, ее прав и свобод, предопределяет правовую политику, которая должна основываться, прежде всего, на гуманистических ценностях и задавать соответствующий вектор всем составляющим общественной жизни.

Список источников

1. Маркова-Мурашова С. А. Национальная правовая система России и типология правопонимания: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 2006. 48 с.
2. Алексеев С. С. Проблемы теории права: курс лекции: в 2 т.; т. 1: Основные вопросы общей теории социалистического права. Свердловск, 1972. 396 с.
3. Явич Л. С. Общая теория права. Л., 1976. 285 с.
4. Зиманов С. З. О правовой системе развитого социализма // Конституция СССР и дальнейшее развитие государственного права. М., 1979.
5. Правовая система социализма: понятие, структура, социальные связи / под ред. А. М. Васильева. М.: Юрид. лит., 1986. Кн. 1. 386 с.
6. Тихомиров Ю. А. Правовая система развитого социалистического общества // Советское государство и право. 1979. № 7. С. 31–39.
7. Сулейманов Б. Б. Учение С. С. Алексеева о правовых системах // Вестник КГУ. 2019. № 3. С. 206–210.
8. Тихомиров Ю. А. Правовая сфера общества и правовая система // Журнал российского права. 1998. № 4. С. 7–15.
9. Черненко А. К. Теоретико-методологические аспекты формирования правовой системы общества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 21 с.
10. Матузов Н. И. Правовая система развитого социализма // Советское государство и право. 1983. № 1. С. 18–19.
11. Синюков В. Н. Российская правовая система. 2-е изд. М., 2014. 673 с.
12. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М., 2014. 800 с.
13. Толковый словарь русского языка: 72 500 слов и 7500 фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; Российская АН, Ин-т рус. яз., Российский фонд культуры. 2-е изд., испр. и доп. М., 1994. 907 с.
14. Тихомиров Ю. А. Правотворчество // Общая теория государства и права: академический курс: в 3 т. М., 2007. Т. 2. С. 400–401.
15. Корчевский Д. С. Современная правовая система Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 23 с.

16. Аристов Е. Н. Правопонимание как системообразующий фактор правовой системы // Теория и практика общественного развития. 2013. № 6. С. 222–225.
17. Синюков В. Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию: монография. М., 2021. 672 с.
18. Лукашева Е. А. Права человека. М, 1999. 573 с.

References

1. Markova-Murashova S. A. Nacional'naya pravovaya sistema Rossii i tipologiya pravoponimaniya: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. Sankt-Peterburg, 2006. 48 s.
2. Alekseev S. S. Problemy teorii prava: kurs lektsii: v 2 t.; t. 1: Osnovnye voprosy obshchej teorii socialisticheskogo prava. Sverdlovsk, 1972. 396 s.
3. Yavich L. S. Obshchaya teoriya prava. L., 1976. 285 s.
4. Zimanov S. Z. O pravovoj sisteme razvitogo socializma // Konstituciya SSSR i dal'nejshee razvitie gosudarstvovedeniya i teoriya prava. M., 1979.
5. Pravovaya sistema socializma: ponyatie, struktura, social'nye svyazi / pod red. A. M. Vasil'eva. M.: Yurid. lit., 1986. Kn. 1. 386 s.
6. Tihomirov Yu. A. Pravovaya sistema razvitogo socialisticheskogo obshchestva // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1979. № 7. S. 31–39.
7. Sulejmanov B. B. Uchenie S. S. Alekseeva o pravovyh sistemah // Vestnik KGU. 2019. № 3. S. 206–210.
8. Tihomirov Yu. A. Pravovaya sfera obshchestva i pravovaya sistema // Zhurnal rossijskogo prava. 1998. № 4. S. 7–15.
9. Chernenko A. K. Teoretiko-metodologicheskie aspekty formirovaniya pravovoj sistemy obshchestva: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2006. 21 s.
10. Matuzov N. I. Pravovaya sistema razvitogo socializma // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1983. № 1. S. 18–19.
11. Sinyukov V. N. Rossijskaya pravovaya sistema. 2-e izd. M., 2014. 673 s.
12. Ushakov D. N. Tolkovyj slovar' sovremennogo russkogo yazyka. M., 2014. 800 c.
13. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 72 500 slov i 7500 frazeologicheskikh vyrazhenij / S. I. Ozhegov, N. Yu. Shvedova; Rossijskaya AN, In-t rus. yaz., Rossijskij fond kul'tury. 2-e izd., ispr. i dop. M., 1994. 907 s.
14. Tihomirov Yu. A. Pravotvorchestvo // Obshchaya teoriya gosudarstva i prava: akademicheskij kurs: v 3 t. M., 2007. T. 2. S. 400–401.
15. Korchevskij D. S. Sovremennaya pravovaya sistema Rossijskoj Federacii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2000. 23 s.
16. Аристов Е. Н. Правопонимание как системообразующий фактор правовой системы // Теория и практика общественного развития. 2013. № 6. С. 222–225.
17. Синюков В. Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию: монография. М., 2021. 672 с.
18. Лукашева Е. А. Права человека. М, 1999. 573 с.

Статья поступила в редакцию 03.04.2024; одобрена после рецензирования 03.06.2024; принята к публикации 27.08.2024.

The article was submitted 03.04.2024; approved after reviewing 03.06.2024; accepted for publication 27.08.2024.

Алтайский юридический вестник. 2024. № 3 (47). С. 27–32.

Altai Law Journal. 2024. № 3 (47). P. 27–32.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 340:316.4.062

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ В КОНЦЕПЦИЮ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Олеся Дмитриевна Овчинникова¹, Аннета Михайловна Шаганян²

¹ Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, olesya901@mail.ru

² Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, sha-anneta@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению понятия, сущности и истории развития социальной функции и социального государства. Авторы приходят к заключению, что реализация социальной функции осуществлялась во все времена, однако проводимые мероприятия не отличались масштабом, значимостью и комплексностью. Содержание социальной функции сводится к минимизации разрыва между различными слоями общества в доступе к социально значимым видам благ материального и культурного характера. Целью социальной функции выступает достижение социальной справедливости и поддержание социальной стабильности, в связи с чем необходимо говорить о тесной взаимосвязи социальной функции и социального государства.

Ключевые слова: конституция, функция государства, социальная функция, социальная функция государства, социальное государство, основа конституционного строя, государство всеобщего благоденствия, правовое государство, социально-правовое государство

Для цитирования: Овчинникова О. Д., Шаганян А. М. Трансформация социальной функции в концепцию социального государства // Алтайский юридический вестник. 2024. № 3 (47). С. 27–32.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

TRANSFORMATION OF THE SOCIAL FUNCTION INTO THE CONCEPT OF A WELFARE STATE

Olesya D. Ovchinnikova¹, Anneta M. Shaganyan²

¹ Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, olesya901@mail.ru

² Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Ekaterinburg, Russia, sha-anneta@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of the concept, essence and history of the development of the social function and the welfare state. The author comes to the conclusion that the implementation of the social function has been carried out at all times, but the activities carried out did not differ in scale, significance and complexity. The content of the social function is reduced to minimizing the gap between different strata of society in access to socially significant types of material and cultural benefits. The purpose of the social function is to achieve social justice and maintain social stability, through which it is necessary to talk about the close relationship between the social function and the welfare state.

Keywords: the constitution, the function of the state, the social function, the social function of the state, the social state, the basis of the constitutional system, the welfare state, the rule of law, the socio-legal state

For citation: Ovchinnikova O. D., Shaganyan A. M. Transformation of the social function into the concept of a welfare state. *Altajskij juridicheskiy vestnik* = *Altai Law Journal*. 2024;3:27–32 (In Russ.).

Из теории государства и права известно, что основные направления деятельности государства именуется его функциями, которые в зависимости от сферы направленности подразделяются на внешние и внутренние. К основным внутренним функциям государства относят такие, как политическая, экономическая, социальная и др. В юридической литературе отмечается, что указанные функции отражают ту роль, которая выполняется государством в ходе реализации задач общественного развития и государственного строительства [1, с. 329].

Необходимо подчеркнуть, что существование социальной функции государства в настоящее время признается практически всеми учеными-теоретиками. Данная функция реализуется государствами лишь с XX столетия, до этого времени вести речь о ней не представлялось возможным, несмотря на то, что определенные социальные мероприятия осуществлялись государствами и до этого времени. Так, в Средневековье государством осуществлялись мероприятия, направленные на борьбу с эпидемиями, носящими массовый характер (оспа, холера, тиф). Исследователи Древнего Китая описывают такое проявление социальной функции, как «обеспечение прожиточного минимума на всей территории государства путем транспортировок зерна в труднодоступные районы в целях избегания массового голода; раздача мяса и вина подчиненным при назначении их на государственную должность, а также оказание государственных почестей чиновнику при похоронах; материальная помощь со стороны государства тем членам семьи, чей отец или дед погибли при выполнении служебных обязанностей, реже формой благодарности могло быть освобождение семьи от уплаты налогов и повинностей» [2, с. 49, 59].

Следует отметить, что проводимые мероприятия не отличались необходимым масштабом, значимостью и комплексностью. Определенное направление деятельности государства может быть названо его функцией только при условии, что это основное, а не второстепенное (дополнительное) направление деятельности государства.

Применительно к функциям государства речь идет именно о социально значимых комплексных направлениях его деятельности, в которых проявляются его сущность и природа, а также к реализации которых подключены все или большинство государственных органов. Воздействие на социальную сферу со стороны государства приобретает такой характер лишь в XX в.

При формулировании дефиниции социальной функции государства в трудах отечественных ученых отсутствует единство подхода, вследствие чего встречаются различные определения.

Так, по мнению С. Е. Коробова, социальная функция представляет собой одну из основных сторон деятельности государства. При этом сферой общественных отношений, на которую направлены усилия государства, в данном случае является согласование интересов граждан в целях предотвращения социальных конфликтов и реализации нормативно установленных стандартов материального и культурного обеспечения жизнедеятельности всех членов общества [3, с. 6].

В указанном определении социальной функции государства просматривается тесная взаимосвязь последней с экономической функцией, поскольку без эффективной выработки, координации, функционирования экономических направлений страны удовлетворение социальных потребностей населения, согласно законодательно установленным требованиям, представляется невозможным.

Аналогичного мнения по поводу взаимосвязи экономической и социальной функций придерживаются П. В. Савченко и М. Н. Федорова, что обеспечивается следующими условиями:

- с одной стороны, именно экономический рост обуславливает возможность осуществления удовлетворения материальных потребностей социальных нужд;

- с другой стороны, экономическая эффективность зачастую приводит к огромной дифференциации доходов разных членов общества, деградации нравственных начал общественной жизни и другим негативным факторам [4, с. 149].

Из этого следует, что социальная функция государства заключается в необходимости согласовать интересы развития экономики с требованиями социальной справедливости. Таким образом, одной из ее составляющих является согласование интересов развития с социальными потребностями всех членов общества.

По мнению О. В. Родионовой, социальную функцию государства необходимо изучать как деятельность, основной задачей которой является минимизация дифференциации в доступе граждан к общественно значимым благам. Целями данной деятельности являются, с одной стороны, достижение социальной справедливости, а с другой — предотвращение возможных социальных конфликтов, которые могут поставить само существование данного общества и, соответственно, государства под угрозу [5, с. 9].

Таким образом, имеющая объективный характер разница в доступе различных слоев населения к социально значимым благам требует определенной компенсации, что вызвано как нравственными причинами, так и задачей сохранения стабильности общества.

Исходя из изложенного, можно сделать следующие выводы: во-первых, социальная функция государства в научной литературе рассматривается как деятельность; во-вторых, содержание социальной функции сводится к минимизации разрыва между различными членами общества в доступе к социально значимым видам благ материального и культурного характера; в-третьих, целью социальной функции является достижение социальной справедливости и поддержание социальной стабильности. Следовательно, можно говорить о наличии тесной взаимосвязи социальной функции и понятия социального государства.

Необходимо указать, что на первоначальном этапе развития буржуазного общества по отношению к функциям государства господствовала концепция «государства ночного сторожа». Указанная теория сводилась к тому, что основные задачи государства заключались в поддержании общественного порядка, прежде всего предотвращении бунтов и революций; в защите прав собственности, а также защите границ государства.

Однако революционные события, произошедшие в Европе в середине XIX в., заставили кардинально переосмыслить данный подход, поскольку недовольство трудящихся условиями и размером оплаты труда можно было преодолеть только путем вмешательства государства в процесс предотвращения и ликвидации социальных противоречий.

В середине XIX в. немецкий юрист Лоренце фон Штейн в результате изучения опыта революционных событий во Франции пришел к выводу, что предотвращение социальных конфликтов возможно только государством, которое должно проводить соответствующую политику, направленную на сглаживание противоречий [6].

Социальное государство создается не для ликвидации классов, а для реализации задач по оказанию помощи бедным слоям населения, обеспечив их минимальные потребности (сносное существование) посредством остальных членов общества, поскольку каждый человек имеет право перейти из одного социального класса в другой. Именно достижение этих целей, по мнению Штейна, обеспечит стабильность общества (избежав бунты и революции).

Идеальное государство Штейна обязано способствовать экономическому и общественному прогрессу всех своих граждан, поскольку в конечном счете развитие одного выступает условием развития другого, и именно в этом заключается смысл социального государства.

Следует отметить, что во второй половине XIX в. в отдельных государствах Западной Европы (Франция, Германия) предпринимались неоднократные меры по улучшению положения трудящихся. Однако причиной, по которой правительственными учреждениями и самими капиталистами проводились указанные меры, было не знакомство с теорией социального государства Штейна, а необходимость предотвращения рабочих волнений [1, с. 56].

Определенные меры по улучшению социального положения трудящихся предпринимались правительственными учреждениями и самими капиталистами в Российской империи с конца XIX в. Однако ни в Западной Европе, ни в России указанные меры не имели системного характера и были разрозненными. Соответственно, все государства того времени по своей сущности были «государствами ночного сторожа». Данное положение сохранялось в течение первой половины XX в. Лишь социально-политические и социально-экономические последствия революции в России в 1917 г. и Второй мировой войны заставили западноевропейские правительства пересмотреть свои взгляды относительно анализируемого явления.

Еще одной причиной закрепления на практике в западноевропейских странах социального государства следует назвать противоречия западного общества, вызванные к жизни действием капиталистических отношений, с одной стороны, и крайне ограниченным вмешательством государства — с другой.

Результатом действия указанных факторов явилось нарастание враждебности между трудящимися и капиталистами, что подрывало единство общества западноевропейских стран, создавая благоприятную почву для социальных конфликтов, включая социальные революции.

Указанные обстоятельства заставили наиболее прогрессивные круги западных стран обратить внимание на теорию социального государства и перевести ее положения в практическую плоскость.

Впервые принцип «социального государства» как основы конституционного строя был закреплен в Основном законе Федеративной Республики Германия, принятом 23 мая 1949 г. [7, с. 162].

Статья 20 провозглашала ФРГ демократическим и социальным федеративным государством.

Термин «социальное правовое государство» содержится также и в ст. 28 Основного закона ФРГ, в соответствии с которой конституционный строй земель должен соответствовать основным принципам республиканского, демократического и социального правового государства.

В качестве примера наиболее полного воплощения в жизнь концепции социального государства специалисты указывают на практику Швеции (так называемая шведская модель) [8, с. 47]. При этом в качестве социально-экономических показателей социального государства принято называть следующие критерии:

- низкий уровень бедности, который является результатом высокой эффективности государственных программ по ее преодолению;
- значительная доля внутреннего валового продукта, который направляется государством на реализацию различного рода социальных программ;
- высокая степень защищенности слоев населения, не имеющих доходов для поддержания нормального уровня жизни.

Помимо социально-экономических показателей, социальное государство обладает следующими чертами: социальная функция государства определяет основное содержание его внутренней политики; социальное государство обладает высокоэффективным механизмом реализации своих социальных функций, который включает в себя гарантии распределения материальных благ в соответствии с принципами справедливости; для социального государства характерно наличие развитой системы законодательства о социальном обеспечении и социальной защите населения, а также практики его эффективного применения.

К изложенному следует также добавить то обстоятельство, что в современном понимании социальное государство не может не быть также и правовым государством, в котором вся жизнедеятельность как общества, так и самого государства осуществляется на основе правовых норм [9, с. 12].

Следует отметить, что на историческом этапе развития первоначально возникло так называемое правовое государство, в котором личность была защищена от произвола государства. Некоторый период правовое государство и социальное государство рассматривались как некие антиподы, поскольку, если для первого типа государства основополагающим принципом является принцип свободы личности, то для второго типа (социального

государства) определяющим принципом функционирования является принцип равенства.

Однако в настоящее время специалистами признано, что на самом деле между свободой личности и социальной защищенностью личности отсутствует неразрешимое противоречие, поскольку социально незащищенная личность не сможет в полном объеме реализовать принадлежащие ей права и свободы: «...в данном случае идеи правового и социального государств являются естественными, единными, неразделимыми...» [10, с. 36].

Таким образом, в настоящее время получил распространение термин «социально-правовое государство», в котором объединены наиболее важные, существенные, определяющие черты и признаки как социального, так и правового государства. Указанная точка зрения на современное государство как на социально-правовое может быть подтверждена также и тем, что для социального государства характерно наличие развитой системы законодательства о социальном обеспечении, социальной защите населения, а также практики его эффективного применения.

Наличие же развитой системы законодательства о социальном обеспечении и социальной защите населения, а также практики его эффективного применения представляется невозможным, если государство не будет правовым.

В целом внутренняя политика государства, которое можно отнести к разряду социальных государств, решает две главные задачи: поддерживает определенные стандарты материального благосостояния тех слоев общества, которые по каким-либо причинам не могут сами его обеспечить; реализация принципа социальной справедливости позволит снизить социальную напряженность и минимизировать вероятность возникновения социальных конфликтов.

В настоящее время исследователи отмечают трудности реализации концепции социального государства в рамках российского государства, называя в качестве основных причин недостаточность экономических ресурсов, недостаток стратегии в обеспечении социально-экономических прав, отсутствие общественного единства и пассивность граждан [11, с. 150–152].

Концепция российского социального государства на сегодняшний день сводится к реализации следующих направлений:

- осуществление приоритетного развития отдельных секторов экономики, имеющих наибольшее значение для социального развития за счет государственного регулирования отдельных отрас-

лей народного хозяйства и экономики, установления соответствующей налоговой системы и пр.;

- проведение оптимальной государственной социальной политики путем перераспределения материальных ресурсов в целях обеспечения населения социальными гарантиями в рамках определенных государством стандартов для населения;
- реализация основных направлений государственной политики обеспечивается достижением социального мира и безопасности для всех слоев общества и населения государства в целом.

Таким образом, социальное государство представляет собой государство, обладающее механизмом регулирования общественных отношений, позволяющим осуществлять распределение произведенных обществом материальных благ для достижения таких целей, как обеспечение достойного уровня жизни всех членов общества (в т. ч. и не способных себе его обеспечить самостоятельно), а также снижение к минимуму вероятности социальных противоречий и конфликтов.

Список источников

1. Марченко М. Н. Теория государства и права: учебник. М.: Проспект, Изд-во Московского ун-та, 2018.
2. Лёве М. Китай династии Хань. Быт, религия, культура / пер. с англ. С. Фёдорова. М.: Центрполиграф, 2005. 224 с.
3. Коробов С. Е. Социальная функция государства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 19 с.
4. Савченко П. В., Федорова М. Н. О социальной функции государства как сфере взаимодействия экономической эффективности и социальной справедливости // Общество и экономика. 2014. № 7–8. С. 149–157.
5. Родионова О. В. Характерные черты социальной функции современного государства // История государства и права. 2017. № 3.
6. Мамут Л. С. Социальное государство с точки зрения права // Государство и право. 2001. № 7. С. 5–14.
7. Конституции зарубежных государств / сост. В. В. Маклаков. М.: БЕК, 1999.
8. Красавцев Л. Б. Государство всеобщего благоденствия: теория и практика — шведская модель развития // Социальное и пенсионное право. 2007. № 2. С. 47–48.
9. Гафуров З. Ш. Социально-правовое государство: причины возникновения, объективные основы, противоречивая сущность // Государство и право. 2009. № 4. С. 5–14.
10. Маликова А. Х. Эволюция теории и практики правового и социального государств и их соотношение в историческом развитии // Государство и право. 2009. № 10. С. 36–41.
11. Степушкина Е. И. Современные тенденции развития теории социального государства, реализации социальной функции государства, защиты социальных прав // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2018. № 4 (51). С. 150–152.

References

1. Marchenko M. N. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik. M.: Prospekt, Izd-vo Moskovskogo un-ta, 2018.
2. Lyove M. Kitaj dinastii Han'. Byt, religiya, kul'tura / per. s angl. S. Fyodorova. M.: Centrpoligraf, 2005. 224 s.
3. Korobov S. E. Social'naya funkciya gosudarstva: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2001. 19 s.
4. Savchenko P. V., Fedorova M. N. O social'noj funkcii gosudarstva kak sfere vzaimodejstviya ekonomicheskoy effektivnosti i social'noj spravedlivosti // Obshchestvo i ekonomika. 2014. № 7–8. S. 149–157.
5. Rodionova O. V. Harakternye cherty social'noj funkcii sovremennogo gosudarstva // Istoriya gosudarstva i prava. 2017. № 3.
6. Mamut L. S. Social'noe gosudarstvo s tochki zreniya prava // Gosudarstvo i pravo. 2001. № 7. S. 5–14.
7. Konstitucii zarubezhnyh gosudarstv / sost. V. V. Maklakov. M.: BEK, 1999.
8. Krasavcev L. B. Gosudarstvo vseobshchego blagodenstviya: teoriya i praktika — shvedskaya model' razvitiya // Social'noe i pensionnoe pravo. 2007. № 2. S. 47–48.
9. Gafurov Z. Sh. Social'no-pravovoe gosudarstvo: prichiny vznikonoveniya, ob'ektivnye osnovy, protivorechivaya sushchnost' // Gosudarstvo i pravo. 2009. № 4. S. 5–14.
10. Malikova A. H. Evolyuciya teorii i praktiki pravovogo i social'nogo gosudarstv i ih sootnoshenie v istoricheskom razvitii // Gosudarstvo i pravo. 2009. № 10. S. 36–41.

11. Stepushkina E. I. Sovremennye tendencii razvitiya teorii social'nogo gosudarstva, realizacii social'noj funkicii gosudarstva, zashchity social'nyh prav // Uchenye trudy Rossijskoj akademii advokatury i notariata. 2018. № 4 (51). S. 150–152.

Информация об авторах

О. Д. Овчинникова — кандидат юридических наук, доцент.

А. М. Шаганиян — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

O. D. Ovchinnikova — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

A. M. Shaganyan — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 02.02.2024; одобрена после рецензирования 18.03.2024; принята к публикации 27.08.2024.

The article was submitted 02.02.2024; approved after reviewing 18.03.2024; accepted for publication 27.08.2024.

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ НОВЫХ ВИДОВ И ФОРМ НЕПРАВОМЕРНЫХ ДЕЯНИЙ

Альфир Мисхатович Хужин^{1, 2}, Екатерина Николаевна Кротова³

^{1, 3} Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия

² Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия,
alfirhuzhin@mail.ru

³ krotova.en@yandex.ru

Аннотация. В статье авторами через призму системы юридических фактов рассматриваются современные тенденции появления новых видов и форм правонарушений. Особое внимание уделяется проблемам увеличения фактов недружественных действий в международном праве, обширного использования сети Интернет для совершения новых видов правонарушений, появления новых источников повышенной опасности на фоне развития науки и техники. Отмечается сильная подверженность несовершеннолетних использованию психологических и идеологических форм вовлечения их в противоправную деятельность, а также предрасположенность молодежи к популяризации деструктивных форм субкультуризации и виртуальной деструктивности, что является серьезной угрозой для дальнейшего благополучного развития общества.

Ключевые слова: правонарушения, юридический факт, цифровизация, скулшутинг, треш-стрим, деструктивное поведение

Для цитирования: Хужин А. М., Кротова Е. Н. Теоретико-правовое осмысление новых видов и форм правонарушений // Алтайский юридический вестник. 2024. № 3 (47). С. 33–38.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

THEORETICAL AND LEGAL UNDERSTANDING OF NEW TYPES AND FORMS OF UNLAWFUL ACTS

Alfir M. Khuzhin^{1, 2}, Ekaterina N. Krotova³

^{1, 3} Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russia

² Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia,
alfirhuzhin@mail.ru

³ krotova.en@yandex.ru

Abstract. The authors consider modern trends in the emergence of new types and forms of unlawful acts through the prism of the system of legal facts. Special attention is paid to the problems of increasing the facts of unfriendly actions in international law, the extensive use of the Internet to commit new types of illegal acts, the emergence of new sources of increased danger against the background of the development of science and technology. There is a strong susceptibility of minors to the use of psychological and ideological forms of their involvement in illegal activities, as well as a predisposition of young people to popularize destructive forms of subculturization and virtual destructiveness, which is a serious threat to the further prosperous development of society.

Keywords: unlawful acts, legal fact, digitalization, schoolshooting, trash stream, destructive behavior

For citation: Khuzhin A. M., Krotova E. N. Theoretical and legal understanding of new types and forms of unlawful acts. Altajskij juridicheskiy vestnik = Altai Law Journal. 2024;3:33–38 (In Russ.).

Сложность уяснения сущности категории «неправомерные деяния» обуславливается разноплановостью и противоречивостью существующих позиций относительно объема данного понятия, а также многообразия форм внешнего выражения рассматриваемого явления правовой действительности. Несмотря на наличие ряда исследований, всесторонне раскрывающих теоретические аспекты неправомерных деяний, обозначенная проблема обладает большим потенциалом в плане её дальнейшего развития. Это обстоятельство обуславливается современными вызовами и угрозами в политико-правовом пространстве, трансформировавшими проявление неправомерных деяний.

О наличии вызовов, связанных с появлением новых разновидностей неправомерных деяний, упоминал Президент Российской Федерации В. В. Путин в своём Послании Федеральному Собранию РФ 29 февраля 2024 г. По его мнению, «в современном мире необходимо объединение усилий мирового большинства для ответа на глобальные вызовы, в числе которых бурные трансформации мировой экономики, торговли, финансов, технологических рынков, когда рушатся многие прежние монополии и стереотипы, связанные с ними» [1]. В поддержку данной точки зрения следует отметить, что сегодня новые формы неправомерных деяний охватывают не только внутригосударственные отношения, но и международные.

Динамичное развитие общественных отношений обуславливает появление новых форм совершения неправомерных деяний, каждая из которых связана с происходящими в обществе процессами. Опираясь на результаты проведенного диссертационного исследования [2] и монографического познания данного юридически значимого деяния [3], в данной статье мы попытались саккумулировать существующие новые виды и формы неправомерных деяний. Предлагаем рассмотреть их более подробно.

1. Увеличение фактов недружественных действий в международном праве.

Серьезность последствий выделяемого нами вида неправомерных деяний увеличивается с каждым годом, к примеру в последнее время участились случаи распространения ложной информации относительно намерений России разместить ядерное оружие в космосе. При всем при этом страны, распространяющие подобную информацию, с 2008 г. игнорируют предложение по подписанию договора о предотвращении размещения оружия в космосе. Подобное провокационное поведение полностью противоречит существующим принци-

пам международного права, на чём акцентировал внимание Президент РФ в упомянутом ранее Послании Федеральному Собранию РФ.

Вышеуказанные тенденции послужили предпосылкой для выделения такого особого вида неправомерных деяний, как «недружественные действия в международном праве», направленного на нарушение стабильности протекающих в государстве политических и экономических процессов. На наш взгляд, именно данная разновидность неправомерности требует особого внимания со стороны ученых-правоведов, учитывая сложившиеся тенденции отношений между представителями различных государств. В частности, более детально необходимо исследовать вопросы, связанные с признаками выделяемого вида неправомерных деяний, возможных форм проявления недружественных действий, что позволит сформулировать понятие данного явления правовой действительности.

Предложенная классификация неправомерных деяний также может быть расширена, причем как в плане выделения дополнительных классификационных оснований, так и касаясь предложения форм неправомерности в зависимости от характера противоправности.

2. Увеличение фактов неправомерных деяний в цифровой среде. За последнее десятилетие ранее существующие схемы преступлений в информационно-телекоммуникационной сети Интернет значительно усовершенствовались. Это относится, в частности, к мошенничеству в цифровой среде, которое на сегодняшний момент насчитывает большое количество способов получения конфиденциальной информации о гражданине, что в конечном итоге направлено на завладение денежными средствами последнего. Например, так называемый фишинг — один из самых часто встречающихся видов цифрового мошенничества, в настоящее время известно несколько его разновидностей: фишинг через электронную почту, сайты, через приложения для смартфонов, ссылки и СМС. Несмотря на систематическое проведение профилактических мероприятий по информированию граждан о способах мошенничества в сети Интернет, данный вид неправомерных деяний из года в год лидирует по размеру ущерба, причиненному гражданам.

Если меры противодействия фишингу более менее налажены, то относительно общественно опасных деяний в информационной среде говорить так не приходится. Речь идет о преступлениях экстремистской и террористической направленности, сопровождаемых кибератаками, направлен-

ными на нарушение информационной безопасности государства. При этом используются самые изощренные способы выведения из строя систем жизнеобеспечения, объектов оборонной и энергетической промышленности путем использования вредоносных программ.

Безусловно, рассмотренные нами примеры неправомερных деяний в информационном пространстве являются лишь малой частью огромного массива самых разнообразных форм и видов противоправных действий в данной сфере, что подтверждает необходимость выделения указанной тенденции.

3. Использование психологических и идеологических форм вовлечения в противоправную деятельность. Одной из тенденций изменения характера противоправных деяний является осуществление вербовки потенциальных преступников за счет их идеологической обработки. Как правило, подобные инструменты применяются для совершения неправомερных действий экстремистской и террористической направленности, а также в сфере нарушения политических и избирательных прав. При этом используются различные пропагандистские материалы, которые содержат в себе теоретические и практические разработки, визуальные материалы, презентации и иные мультимедийные формы распространения информации экстремистского и террористического содержания [4].

Опасность выделенной нами тенденции заключается в том, что подобные пропагандистские действия осуществляются еще на стадии приготовления к совершению противоправного деяния, но даже на этом этапе лицо, намеревающееся переступить закон, психологически готово и уверено в правильности своих действий. Выявить подобные неправомερные замыслы лица достаточно проблематично, что, в свою очередь, осложняет процесс предупреждения их совершения.

4. Деструктивные формы субкультуризации. За последние пять лет намечена тенденция к увеличению случаев скулшутинга, под которым понимаются совершаемые с использованием вооруженного насилия нападения на образовательные учреждения. Подобные агрессивные действия несовершеннолетних все чаще стали происходить в России относительно недавно, в отличие от зарубежных стран, в частности США, где произошло одно из крупнейших массовых убийств в школе «Колумбайн» в 1999 г. в штате Колорадо. Несмотря на то что после данного инцидента прошло несколько десятилетий, практически каждый год в разных странах совершаются схожие нападения.

Если рассматривать Российскую Федерацию, подражание поведению убийцам из школы «Колумбайн» можно заметить в случаях в Ивантеевке (2017 г.), Перми (2018 г.), Керчи (2018 г.), Ижевске (2022 г.). Так, лица, которые совершали нападения на учебные заведения в данных городах, использовали схожие орудия, одежду и тактику поведения. Кроме того, некоторые в своих социальных сетях делали отсылки на фамилию и имя нападавших в школе «Колумбайн», соответствующую музыку и видеоклипы, связанные с событиями 1999 г. Таким образом, на сегодняшний момент мы можем наблюдать, как произошла субкультуризация деструктивного движения «Колумбайн» [5]. При этом портрет потенциального колумбайнера достаточно не однороден. Согласно криминологическим исследованиям, совершали подобные преступления подростки как из благополучных семей, так и неблагополучных, как общительные, так и замкнутые дети. Основными причинами совершения нападений на школы выделяют острое чувство несправедливости и обиды по отношению к нападающему, отсутствие внимания или общения на равных со стороны близких родственников, систематические нападки и травля со стороны сверстников.

В качестве примера деструктивной субкультуризации можно также привести так называемые «группы смерти», целью которых является доведение детей до самоубийства с использованием игровой формы воздействия на психику. Пик популярности подобных сообществ пришелся на 2015–2017 гг. [6], на тот момент в социальных сетях насчитывалось более полутора тысяч групп, пропагандирующих суицидальное поведение. Однако большое количество самоубийств подростков послужило толчком для дополнительного законодательного регулирования со стороны органов государственной власти. В 2017 г. Уголовный кодекс Российской Федерации был дополнен статьей 110.1. «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства», что на определенное время приостановило распространение «групп смерти». Вместе с тем в настоящее время данные деструктивные сообщества в поиске новых жертв стали создавать закрытые телеграм-каналы, а значит, полностью искоренить столь опасный вид противоправных действий не удалось.

Описанная тенденция распространения новых форм неправомερных деяний носит угрожающий характер для развития общества, т. к. приобщение к культуре, противоречащей нормам права и мора-

ли, направлено в данном случае на несовершеннолетних, поскольку данная социальная группа наиболее подвержена внушению, нуждается во внимании и подтверждении своей исключительности. При этом залогом успешного развития общества в будущем является достойное воспитание и поведение сегодняшних подростков, что свидетельствует об острой необходимости как правового и культурного просвещения, так и разработки дополнительных инструментов регулирования рассмотренных проблемных вопросов на законодательном уровне.

5. *Появление новых источников повышенной опасности.* Данная тенденция, как уже было отмечено выше, одновременно связана и с повсеместной цифровизацией, и с участившимися фактами неправомерных деяний в международных отношениях. При этом определенные сложности отнесения того или иного объекта к источникам повышенной опасности вызывает то, что «легального определения данного понятия нет до сих пор, так же как и нет единого перечня, объединяющего в себе список таких источников» [7]. На наш взгляд, обозначенная проблема нуждается в серьезной проработке не только со стороны органов законодательной ветви власти, но и со стороны самих правоприменителей, поскольку главный вопрос, который волнует граждан, связан с порядком возмещения вреда, причиненного источником повышенной опасности.

На сегодняшний момент одним из наиболее опасных источников повышенной опасности является беспилотный летательный аппарат (далее — БПЛА). Безусловно, наибольший урон наносят военные БПЛА, которые как раз созданы для того, чтобы нанести ущерб инфраструктуре противника или даже повлечь смертельные последствия. Так, в марте 2024 г. на Нижегородскую область была совершена четвертая атака БПЛА со стороны вооруженных сил Украины, в результате чего нефтеперерабатывающий завод «Лукойл» под городом Кстово сильно пострадал из-за пожара [8]. Подобных примеров, но с более трагичными последствиями можно насчитать большое количество, в частности в приграничных городах Курске и Белгороде [9] мирные жители регулярно становятся мишенью для БПЛА.

Следует отметить, что коммерческие БПЛА также порой наносят ущерб [10]. Причинами чаще всего являются отсутствие навыков обращения с подобными техническими устройствами, влияние погодных условий, техническая неисправность самих БПЛА. В настоящее время ведется

строгий учет коммерческих БПЛА, постановке на который подлежат устройства массой от 150 грамм [13] (до марта 2022 г. БПЛА ставились на учет с 250 грамм). За нарушение правил использования БПЛА предусмотрена административная (ст. 11.4 и 11 КоАП РФ) и даже уголовная ответственность (ст. 271.1 УК РФ), что свидетельствует о высокой общественной опасности данного источника повышенной опасности.

6. *Виртуальная форма деструктивности.* За последние пять лет в молодежной среде набирает обороты тенденция к деструктивному поведению в сети Интернет, которая выражается в агрессивных, жестоких и порой насильственных действиях в онлайн-пространстве. Целями деструктивного поведения в виртуальной среде чаще всего являются привлечение внимания аудитории, желание обогатиться и приобрести славу. При этом могут использоваться самые разнообразные способы их достижения: начиная от вредоносных челленджей, заканчивая демонстрацией так называемых треш-стримов.

Под челленджем понимается разновидность флэшмоба, когда один участник, совершивший то или иное действие, предлагает сделать аналогичное действие другому лицу или неограниченному кругу лиц (например, «Выпей 40 таблеток и посмотри, что будет»¹). Под треш-стримом следует понимать транслирование в прямом эфире действий насильственного характера, психологических и физических издевательств, унижающих человеческое достоинство и честь [11]. К сожалению, подобные формы деструктивного поведения имеют большую популярность, что является тревожным звонком относительно культурных и социальных предпочтений подрастающего поколения.

В ходе сравнения отчетов платформы Tik Tok о соблюдении правил сообщества за июль — сентябрь 2020 и 2022 гг. нами была выявлена тенденция к постепенному увеличению контента, нарушающего условия использования данной платформы, в т. ч. видеороликов, угрожающих безопасности несовершеннолетних, демонстрирующих проявление ненависти и травлю. Более того, если за период июль — сентябрь 2020 г. было удалено

¹ Об утверждении Правил государственного учета беспилотных гражданских воздушных судов с максимальной взлетной массой от 0,15 килограмма до 30 килограммов, ввезенных в Российскую Федерацию или произведенных в Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 25 мая 2019 г. № 658. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.03.2024).

по вышеуказанным причинам 43 086 543 ролика, то за аналогичный период времени в 2022 г. было удалено 110 954 663 ролика, что практически в три раза больше цифры в 2020 г. Приведенная статисти-

стика свидетельствует об увеличении количества общественно вредного контента, с одной стороны, и о своевременном и оперативном реагировании службы безопасности сайта, с другой стороны.

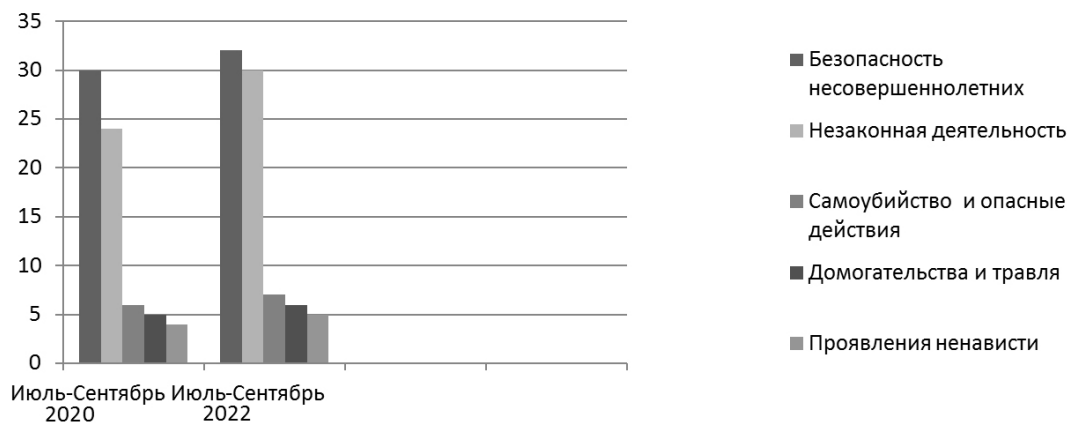

Рисунок 1. Сравнение отчетов о нарушении правил Tik Tok за июль — сентябрь 2020 и 2022 гг.

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать вывод, что появление новых видов и форм неправомерных деяний в настоящее время обусловлено перестройкой внешнеполитических отношений, изменением социального фона и культурных предпочтений граждан, нарастанием экономической нестабильности. При этом на трансформацию практически всех обозначенных сфер оказывает влияние появление новых цифровых и информационных технологий, что только усложняет процесс выявления подобных фактов неправомерных

деяний. В этой связи сегодня наиболее остро стоит вопрос о необходимости внесения ряда дополнений и изменений в действующее законодательство, направленных на более эффективное выявление фактов неправомерных деяний и защиту лиц от незаконных посягательств на полноценную реализацию своих прав. Необходимость научного познания новых видов и форм неправомерных деяний как на теоретическом, так и отраслевом уровнях также будет способствовать эффективной системе противодействия современным угрозам и вызовам.

Список источников

1. Послание Президента Федеральному Собранию. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/73585> (дата обращения: 22.03.2024).
2. Кротова Е. Н. Неправомерные деяния в системе юридических фактов: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2022. 266 с.
3. Юридически значимые деяния в частном праве / А. М. Хужин, Е. Н. Кротова [и др.]; под ред. А. М. Хужиной. М.: Юрлитинформ, 2021. 272 с.
4. Воронин Ю. А., Беляева И. М., Кухтина Т. В. Современные тенденции преступности в цифровой среде // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 1. С. 7–12.
5. Карпова А. Ю., Максимова Н. Г. Скулшутинг в России: что имеет значение? // Власть. 2021. № 1. С. 93–105.
6. «Группы смерти» всё ещё живы. Почему не работает закон. URL: https://tsargrad.tv/articles/gruppy-smerti-vse-eshho-zhivy-pochemu-ne-rabotaet-zakon_357177?ysclid=lty455yne0772109059 (дата обращения: 22.03.2024).
7. Цветкова Е. С. Виды источников повышенной опасности в аспекте развития новых технологий // Вопросы российской юстиции. 2019. № 1. С. 385–401.
8. Два дома пострадали при атаке БПЛА на белгородское село Долгое. URL: <https://www.mk-belgorod.ru/incident/2024/04/02/dva-doma-postradali-pri-atake-bpla-na-belgorodskoe-selo-dolgoe.html?ysclid=luif7a5c051932079> (дата обращения: 22.03.2024).

9. «Могут изготавливаться где-то в регионе». Военный эксперт о серьезной атаке БПЛА на Нижегородскую область. URL: <https://www.nn.ru/text/incidents/2024/03/12/73322591/> (дата обращения: 22.03.2024).
10. Угрозы от коммерческих беспилотников. URL: <https://sky-x.pro/blog/ugrozy-ot-kommercheskih-bespilotnikov> (дата обращения: 22.03.2024).
11. Треш-стрим как образ жизни. URL: <https://monocle.ru/expert/2020/51/tresh-strim-kak-obraz-zhizni/> (дата обращения: 07.03.2024).

References

1. Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/73585> (дата обращения: 22.03.2024).
2. Krotova E. N. Nepravomernye deyaniya v sisteme yuridicheskikh faktov: dis. ... kand. yurid. nauk. Nizhnij Novgorod, 2022. 266 s.
3. Yuridicheski znachimye deyaniya v chastnom prave / A. M. Huzhin, E. N. Krotova [i dr.]; pod red. A. M. Huzhina. M.: Yurlitinform, 2021. 272 s.
4. Voronin Yu. A., Belyaeva I. M., Kuhtina T. V. Sovremennye tendencii prestupnosti v cifrovoj srede // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2021. № 1. S. 7–12.
5. Karpova A. Yu., Maksimova N. G. Skulshuting v Rossii: chto imeet znachenie? // Vlast'. 2021. № 1. S. 93–105.
6. «Gruppy smerti» vsyo eshchyo zhivy. Pochemu ne rabotaet zakon. URL: https://tsargrad.tv/articles/gruppy-smerti-vse-eshhjo-zhivy-pochemu-ne-rabotaet-zakon_357177?ysclid=lty455yne0772109059 (дата обращения: 22.03.2024).
7. Cvetkova E. S. Vidy istochnikov povyshennoj opasnosti v aspekte razvitiya novyh tekhnologij // Voprosy rossijskoj yusticii. 2019. № 1. S. 385–401.
8. Dva doma postradali pri atake BPLA na belgorodskoe selo Dolgoe. URL: <https://www.mk-belgorod.ru/incident/2024/04/02/dva-doma-postradali-pri-atake-bpla-na-belgorodskoe-selo-dolgoe.html?ysclid=luif7a5c051932079> (дата обращения: 22.03.2024).
9. «Могут изготавливать с/я где-то в регионе». Voennyj ekspert o ser'eznoj atake BPLA na Nizhegorodskuyu oblast'. URL: <https://www.nn.ru/text/incidents/2024/03/12/73322591/> (дата обращения: 22.03.2024).
10. Ugrozy ot kommercheskih bespilotnikov. URL: <https://sky-x.pro/blog/ugrozy-ot-kommercheskih-bespilotnikov> (дата обращения: 22.03.2024).
11. Tresh-strim kak obraz zhizni. URL: <https://monocle.ru/expert/2020/51/tresh-strim-kak-obraz-zhizni/> (дата обращения: 07.03.2024).

Информация об авторах

A. M. Хужин — доктор юридических наук, доцент.
E. N. Кротова — кандидат юридических наук.

Information about the authors

A. M. Khuzhin — Doctor of Science (Law), Associate Professor.
E. N. Krotova — Candidate of Science (Law).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 04.05.2024; одобрена после рецензирования 29.06.2024; принята к публикации 27.08.2024.

The article was submitted 04.05.2024; approved after reviewing 29.06.2024; accepted for publication 27.08.2024.

Алтайский юридический вестник. 2024. № 3 (47). С. 39–45.

Altai Law Journal. 2024. № 3 (47). P. 39–45.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 328.185:34

ОПЫТ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КОРРУПЦИИ

Анастасия Викторовна Щербинина

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, anastasiya_pitineva@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу опыта зарубежных стран в противодействии коррупции. Автором рассмотрены две наиболее успешные антикоррупционные модели: северо-европейская — на примере таких наименее коррумпированных стран, как Дания, Швеция, и юго-восточная — на примере Сингапура, а также некоторые иные нестандартные антикоррупционные меры, применяемые в других государствах, в частности в Индии и Китае. По результатам проведенного анализа выявлены наиболее распространенные в мировом сообществе средства противодействия коррупции, составлен перечень актуальных для России направлений антикоррупционной деятельности.

Ключевые слова: коррупция, зарубежный опыт, эффективные антикоррупционные модели, незаконное обогащение, система противодействия коррупции

Для цитирования: Щербинина А. В. Опыт зарубежных стран в противодействии коррупции // Алтайский юридический вестник. 2024. № 3 (47). С. 39–45.

THEORETICAL AND HISTORICAL LAW SCIENCES

Original article

EXPERIENCE OF FOREIGN COUNTRIES IN COUNTERING CORRUPTION

Anastasia V. Shcherbinina

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, anastasiya_pitineva@mail.ru

Abstract. The article analyzes the experience of foreign countries in combating corruption. The author examines two of the most successful anti-corruption models: the Northern European model, using the example of the least corrupt countries such as Denmark and Sweden, and the South-Eastern model, using the example of Singapore, as well as some other non-standard anti-corruption measures used in other countries, in particular, in India and China. Based on the results of the analysis, the most common means of combating corruption in the world community were identified, and a list of areas of anti-corruption activity relevant for Russia was compiled.

Keywords: corruption, foreign experience, effective anti-corruption models, illegal enrichment, anti-corruption system

For citation: Shcherbinina A. V. Experience of foreign countries in countering corruption. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2024;3:39–45 (In Russ.).

© Щербинина А. В., 2024

Проблема коррупции актуальна для большинства государств. Этим негативным социальным явлением в той или иной степени поражены органы управления практически всех стран. Небывалому всплеску коррупции способствовала промышленная революция, которая обусловила быстрый рост экономики, в т. ч. ее теневой стороны. Говоря в целом об уровне коррупции, важно отметить, что он зависит от политической и экономической конъюнктуры, стадии развития общества и государства, национальной ментальности, а также принимаемых в стране мер по противодействию этому явлению.

Лидирующие места среди наименее коррумпированных стран мира на протяжении последнего десятилетия неизменно занимают такие страны, как Дания, Финляндия, Норвегия, Сингапур и т. п. Примечательно, что в этом рейтинге встречаются страны, занимающие противоположное географическое положение в Евразии, одни расположены на северо-западе Европы (Дания, Финляндия, Норвегия, Швеция), в то время как Сингапур относится к территории юго-восточной Азии. Эти страны характеризуются не только отличиями в географическом расположении, но и существенными различиями в культурном наследии, менталитете, религии, отношении общества к органам государственной власти и т. д.

Анализируя антикоррупционную деятельность, реализуемую в Дании, отмечают, что «в этой стране отсутствует специализированное антикоррупционное ведомство. Внутренней коррупцией занимается полиция, международной — прокуратуры по особым экономическим преступлениям. При этом важную роль в предупреждении коррупции играют независимые СМИ и общество. Любой гражданин Дании может сообщить (в т. ч. анонимно) в правоохранительные органы об имеющихся у него подозрениях в коррупции» [1, с. 63]. Примечательно, что, как и в России, «датский законодатель различает как взяточничество в государственном секторе, так взяточничество и в частном секторе» [2, с. 153]. Характерными чертами антикоррупционной политики в Дании также являются снижение бюрократической нагрузки на бизнес, сопровождающееся уменьшением количества налогов и лицензируемых видов деятельности, а также принятие кодекса профессиональной этики государственных служащих. Кроме того, в Дании внедрена так называемая политика абсолютной нетерпимости коррупции, которую проводят большинство датских коммерческих компаний. В таких компаниях при трудоустройстве обязательным

является подписание специального (антикоррупционного) договора, в котором содержится обязательство сторон об отказе брать и давать взятки.

По схожему пути идет и Швеция, где успеху в борьбе с коррупцией способствовали сосредоточение усилий на минимизации вмешательства государства в хозяйственную деятельность, широкое использование средств стимулирования (льготы, субсидии), а также обеспечение максимальной открытости государственных документов и создание независимой судебной структуры. При этом заработная плата государственных служащих значительно превышала оплату труда рабочих. Для чиновников были введены высокие стандарты поведения, беспорочность национальной бюрократии стала социальной нормой [2, с. 153].

Следует отметить, что упрощение, сокращение и повышение прозрачности бюрократических процедур, а также жесткий контроль за соблюдением этических стандартов государственными служащими характерны и для антикоррупционной политики Сингапура, в этом его сходство с европейскими странами [2, с. 152]. Кроме того, важным и весьма примечательным принципом в Сингапуре является «оплата труда государственных служащих соразмерно заработной плате успешно работающих в частном секторе лиц» [3, с. 657]. Вместе с тем ключевую роль в преодолении коррупции сыграло создание в 1952 г. специализированного независимого антикоррупционного органа — Бюро по расследованию коррупции, наделенного очень широкими полномочиями. Бюро «подчинено исключительно премьер-министру страны и полностью независимо от других органов власти» [1, с. 64]. При этом в целях недопущения коррупции в самом бюро сотрудникам установлены высокие заработные платы, их деятельность часто подвергается проверкам, а руководство — частым ротациям [1, с. 64]. Кроме того, в отношении чиновников по законодательству Сингапура была введена так называемая презумпция виновности в коррупции. Это означает, что если госслужащий не может объяснить источник дохода, то он обвиняется в коррупции. Также это правило распространяется и на доходы ближайших родственников [1, с. 64]. Полагаем, что введению указанной нормы способствовали реальное стремление верховной власти Сингапура к искоренению коррупции с установлением правового порядка, основанного на балансе между гарантированными правами и свободами человека, и поддержанию общественной безопасности, а также эффективность инструментов реализации по-

литической воли, свойственная существующему в стране авторитарному политическому режиму.

Установление уголовной ответственности за незаконное обогащение и презумпция виновности в коррупции являются одним из актуальных и дискуссионных вопросов во многих странах. Это обусловлено наличием в ключевом международном документе по противодействию коррупции — Конвенции ООН против коррупции — положения о признании в качестве уголовно наказуемого деяния незаконного обогащения, т. е. значительного увеличения активов публичного должностного лица, превышающих его законные доходы, которые оно не может разумным образом обосновать. При этом в статье 20 Конвенции есть оговорка, что указанные законодательные меры каждое государство-участник рассматривает индивидуально при условии соблюдения своей конституции и основополагающих принципов своей правовой системы¹.

Оживленная дискуссия по этому вопросу развернута и в российской научной среде. «По мнению ряда отечественных ученых-криминалистов, норма о незаконном обогащении противоречит базовым принципам уголовного законодательства России — презумпции невиновности, принципу криминализации деяния, а не его результата, запрету на повторное осуждение лица и прочим основам уголовной политики государства» [4, с. 486].

Вместе с тем нельзя отрицать и эффективности рассматриваемого средства борьбы с коррупцией. Об этом свидетельствует иностранный опыт, в частности практика Сингапура и др. Однако необходимо учитывать и проблемы, с которыми сталкиваются государства в процессе имплементации нормы о незаконном обогащении. Так, например, на Украине уголовная ответственность за незаконное обогащение была введена в 2011 г., однако в 2019 г. данная норма была признана неконституционной ввиду нарушения принципов верховенства права и презумпции невиновности. Это нивелировало положительный эффект от действия данной нормы, т. к. все расследуемые дела коррупционеров были прекращены. В последующем в стране был принят новый закон, вводивший уголовную ответственность за незаконное обогащение, но с учетом замечаний Конституционного суда. В частности, законодатель отказался от упоминания обязанности лица доказывать законность своих активов [4, с. 493–494].

¹ Конвенции ООН против коррупции. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (дата обращения: 20.05.2024).

В данном контексте интересен опыт Литвы, где согласно ст. 189 Уголовного кодекса страны установлена уголовная ответственность за приобретение, пользование либо реализацию имущества, заведомо добытого преступным путем². В формулировке указанной статьи прослеживаются сходства со статьей 174 УК РФ «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем». Однако ключевым отличием является то, что по российскому законодательству преследуется легализация материальных ценностей, приобретенных другими лицами. В данной связи нельзя говорить о том, что указанная статья РФ имеет отношение к криминализации незаконного обогащения. В свою очередь, Литва пошла дальше, криминализовав незаконное обогащение не только государственных служащих, но и частных лиц. Вместе с тем, судя по всему, указанные меры также встречают сопротивление в ходе практической реализации. Так, 7 декабря 2017 г. «руководитель антикоррупционной комиссии Виталиус Гайлюс сообщил, что пакет законов, направленных на пресечение незаконного обогащения, и наказаний за такое преступление в Литве совершенно не работает. По его информации, всего в стране было возбуждено по фактам незаконного обогащения 357 дел. 50 из них дошли до суда, однако реальное наказание понесли единицы. При этом ни у кого из осужденных не было конфисковано имущество. Бывшие госчиновники сумели уверить судей, что разбогатели ещё до того, как поступили на государственную службу» [5].

Таким образом, полагаем, что, несмотря на потенциально высокую эффективность в борьбе с коррупцией правовой нормы о необоснованном обогащении, к вопросу ее имплементации в отечественное законодательство необходимо подходить с должной осторожностью и полноценной теоретической проработанностью. Кроме того, на практическую реализацию, несомненно, влияет не только теоретическая проработанность вопроса, но и заряд политической воли, а также готовность правоохранительной и судебной системы.

В ходе изучения международного опыта противодействия коррупции интересными представляются и некоторые иные, иногда и нестандартные меры. Так, например, в Южной Корее «приоритетным направлением антикоррупционной государственной политики является внедрение "культуры

² Уголовный кодекс Литовской Республики. URL: <https://studylib.ru/doc/3734814/ugolovnyj-kodeks-litovskoj-respubliki> (дата обращения: 20.05.2024).

прозрачности", которая на практике реализуется посредством программы "OPEN" — онлайн-овой системы контроля за рассмотрением заявлений граждан чиновниками городской администрации. Суть этой системы сводится к тому, что свободный доступ к информации и состоянию дел исключает необходимость личных контактов с чиновниками или предложения взяток за ускорение в принятии решений. В результате реализации этой программы коррупция среди чиновников в столице уменьшилась в несколько раз» [6, с. 176]. Схожей электронной системой мы можем назвать нашу российскую электронную платформу оказания государственных услуг «Госуслуги». Конечно, указанная система охватывает не все оказываемые в России государственные услуги, но, несомненно, имеет положительные стороны, т. к. на протяжении уже почти 15 лет своего существования она получила значительное развитие, что способствовало автоматизации многих общественно-государственных процессов, облегчило доступ граждан к государственным услугам и минимизировало часть коррупционных рисков.

В свою очередь, в Индии применили нестандартный подход в борьбе с коррупцией, введя в оборот официальную купюру номиналом ноль рупий. Эти банкноты были созданы по образцу официально действующих купюр номиналом пятьдесят рупий, однако дополнительно содержат антикоррупционные лозунги «Искорените коррупцию на всех уровнях» и «Я обещаю не принимать и не давать взятки». Предполагалось, что, используя такие деньги, гражданам будет легче сказать чиновникам «нет!», и в знак протеста они смогут «выплатить» нулевые купюры должностным лицам, вымогающим взятки. Нулевые купюры получили в Индии широкую популярность среди общественности. Кроме того, в Индии в 2016 г. была проведена денежная реформа, призванная вывести наличные денежные средства из теневой экономики, в т. ч. из владения коррупционеров. Смысл реформы заключался в выведении более половины всех купюр из оборота и замене их на новые. При этом граждане для сохранения своих активов должны были обменять свои деньги или внести их на электронные счета в банках или на почте, предъявив удостоверение личности. Справедливости ради отметим, что у этой кампании были и подводные камни. Помимо положительного эффекта в виде выявления незаконно нажитого, реформа сопровождалась экономическим коллапсом, многочисленными махинациями при обмене банкнот и пр.

Некоторыми авторами также высказывается мнение об эффективности борьбы с преступностью, в т. ч. и с коррупционной, с помощью внедрения системы построения социальных лифтов на основе цифровых технологий. Примером такой системы может служить опыт Китая, где с 2014 г. внедряется цифровая система социального рейтинга. Согласно разработанной системе за социально одобряемое поведение гражданину начисляются баллы, уровень которых в том числе способствует трудоустройству или повышению по службе. В свою очередь, отклонение от социальных норм ведет к снижению рейтинга и, соответственно, применению санкций. Предполагается, что к занятию государственных должностей и, соответственно, более высоких должностей будут допущены только лица с идеальной социально одобряемой историей, следовательно, наименее склонные к коррупции. Однако, несмотря на имеющийся потенциал, данная система требует тщательной практической апробации и дальнейшего совершенствования. Кроме того, по мнению отдельных авторов, «внедрение цифровых институтов социального рейтинга в европейских государствах столкнется с определенными трудностями, связанными с иной европоцентричной культурой, где первостепенную роль будут играть рыночно-экономические критерии и индивидуалистический менталитет» [7, с. 71].

Таким образом, анализ антикоррупционной политики зарубежных государств позволяет выделить такие наиболее распространенные направления противодействия коррупции, как: наличие ряда запретов на государственной службе; контроль над расходами и доходами должностных лиц; своды этических правил; запрет государственным чиновникам в течение нескольких лет после отставки работать в компании, которую они контролировали, в целях недопущения реализации так называемого принципа «вращающихся дверей» в частном секторе; ограничения на прием подарков; нередко наличие специализированного антикоррупционного органа; достойная оплата труда государственных служащих; снижение бюрократической нагрузки на бизнес; анонимность сообщения о коррупции и качественная защита лиц, сообщивших о коррупционных фактах и др. Ввиду активного развития антикоррупционного законодательства на протяжении последних 15 лет в Российской Федерации уже внедрены многие из указанных антикоррупционных средств. Однако отсутствие стойкого снижения уровня коррупции в нашей стране говорит о необходимости дальнейшего совершенствования антикоррупционного законодательства и реализа-

ции новых направлений противодействия коррупции, в т. ч. с учетом международного опыта.

Важно отметить, что на эффективность тех или иных норм влияет целый системо-комплекс особенностей каждого отдельного государства. Это и политический режим, и развитость гражданского общества, и особенности культуры, менталитета. На принципиальную разницу западного и восточного менталитета указывает Л. В. Мухомедьярова. Автор отмечает, что «в первую очередь она базируется на разном понимании взаимоотношений общества и власти на Западе (где чиновничество считается социальным менеджментом, подконтрольным обществу) и на Востоке (где чиновники воспринимаются как начальство, элита, а высшие руководители — как вершители судеб страны). Кроме того, важную роль играют различия во взглядах на права человека и на возможность тех или иных ограничений этих прав». По мнению автора, «главной действующей силой наиболее успешной восточной модели, созданной в Сингапуре, является специализированный антикоррупционный орган. В то время как главной движущей силой успешной западной модели является гражданское общество. Где, с одной стороны, воспитание, этика и общепризнанная система ценностей такова, что подавляющее большинство граждан считают незаконное обогащение с использованием служебного положения чем-то абсолютно недопустимым, а с другой стороны, установлена беспрецедентная прозрачность государственных органов перед гражданами, а граждан — как перед государственными органами, так и перед друг другом» [1, с. 65].

Анализируя эффективность действия специализированных антикоррупционных органов, следует отметить, что мировая практика показывает не самую высокую эффективность диктатуры и репрессий. Как отмечает Е. А. Минкова, «репрессивные меры при кажущейся эффективности вряд ли дадут желаемый результат — количество взяток если и убавится, то не намного, а суммы взяток автоматически взлетят до небес как плата за повышенный риск» [3, с. 658]. Поэтому нельзя сводить успех тех или иных стран на антикоррупционном фронте только к одному из направлений, очевидно, эффективность дает целый комплекс мер как правоохранный, так и экономического, социокультурного характера.

Справедливым для всех стран с низким уровнем коррупции считаем утверждение о том, что их объединяет «реальное (а не показное) стремление

верховой власти подавить коррупцию и развитое антикоррупционное законодательство» [1, с. 64].

Рассуждая о том, какая из рассмотренных антикоррупционных моделей наиболее подходит для современной России, полагаем, нельзя дать однозначного ответа. Это обусловлено тем, что, как мы уже отмечали выше, каждое государство имеет свои особенности. В частности, то, что на Западе считается исполнением гражданского долга, в России может быть сочтено за стукачество, доносительство. У нас сравнительно короткая история становления гражданского общества, соответственно, и уровень его развития отличен от североевропейских стран, у нас сложилась иная система отношений в обществе. Преемственность опыта успешной восточной модели, реализуемой в Сингапуре, на наш взгляд, в России возможна, но с учетом некоторых особенностей нашего государства. Сингапур — это город-государство, Россия — страна с федеративным устройством и самой большой территорией в мире. Полагаем, что в данном контексте ключевую роль может сыграть построение и реализация эффективной антикоррупционной системы в первую очередь на уровне каждого отдельного субъекта, а уже далее на более высоком объединяющем уровне — общегосударственном. Однако при внедрении опыта зарубежных стран в российскую антикоррупционную деятельность нельзя не учитывать и принципиальные различия в экономических системах, современную политическую конъюнктуру, баланс сил на международной арене и роль в этом России, санкционную деятельность и т. д. Несомненно, эти особенности сказываются и на международном сотрудничестве и экономических связях. Однако, несмотря на это, международный опыт важен в понимании основных направлений антикоррупционной политики в целях повышения ее эффективности.

Основной площадкой для обсуждения международного взаимодействия по вопросам противодействия коррупции в настоящее время является Конференция государств — участников Конвенции ООН против коррупции. В частности, в декабре 2023 г. на 10-ой сессии Конференции глава российской делегации заместитель Министра иностранных дел С. В. Вершинин актуальным на сегодняшний день направлением антикоррупционной деятельности обозначил «необходимость совершенствования механизмов возвращения средств, полученных в результате совершения коррупционных правонарушений, в страны происхождения. Кроме того, по итогам сессии было принято

12 резолюций по таким вопросам, как гражданско-правовая ответственность за коррупцию, защита осведомителей, измерение коррупции, обеспечение честности и неподкупности в частном секторе. В документах, среди прочего, содержится призыв воздерживаться от применения односторонних санкций, а также требование сохранять технический характер антикоррупционного сотрудничества, устранять барьеры, препятствующие эффективному оказанию взаимной правовой помощи и осуществлению экстрадиции» [8].

Учитывая изложенное, на наш взгляд, актуальными для России направлениями антикоррупционной деятельности являются:

- повышение открытости и налаживание диалога между обществом и государством;
- укрепление нравственности, повышение правовой культуры общества и воспитание нулевой терпимости к коррупции;
- разработка кодексов профессиональной этики не только для государственных служащих, но и для бизнеса, стимулирование честности как в несении государственной службы, так и в ведении бизнеса;
- повышение прозрачности финансовых потоков;
- совершенствование механизмов возвращения из-за рубежа средств, полученных в результате совершения коррупционных правонарушений;
- соотнесение заработной платы государственных служащих со средними доходами успешных граждан в частном секторе;

- сокращение, упрощение и повышение прозрачности бюрократических процедур;

- рассмотрение вопроса о формировании специализированного независимого антикоррупционного органа (при создании важно минимизировать коррупционные риски, чтобы вновь созданный государственный орган не превратился в орудие политической борьбы за власть и бизнес-влияние);

- разработка качественной системы защиты лиц, сообщивших о коррупционных фактах, установление возможности анонимности при сообщении о коррупции.

Таким образом, международный опыт свидетельствует о том, что эффективность антикоррупционной политики в большей степени зависит от сильной политической воли и стремления управляющей элиты к искоренению коррупции. Чиновники должны быть заинтересованы в улучшении качества жизни государства и общества, в честном служении на общее благо и сохранении доброго имени, а не заботиться о личном обеспечении и обогащении. При этом базовым основанием эффективной антикоррупционной деятельности является наличие конструктивного диалога между обществом и государством, их прозрачность и открытость друг перед другом, а также нулевая терпимость к коррупции как среди государственных служащих, так и на уровне бизнес-сообщества и каждого конкретного гражданина.

Список источников

1. Мухамедьярова Л. В. Международный опыт противодействия коррупции: сравнительный анализ // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 3–5. С. 62–66.
2. Бузин Р. В., Золотарев И. И., Ильченко Л. К. Коррупция как внутренняя угроза экономической безопасности: международный опыт противодействия // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2022. № 8–2. С. 149–156.
3. Минкова Е. А. Международный опыт противодействия коррупции // Актуальные вопросы современной юридической науки: теория, практика, методика: сборник мат-лов II Международной заочной научной конф-ции, Могилев, 19 мая 2017 г. / отв. ред. В. Е. Бурый. Могилев: Могилевский институт МВД, 2017. С. 656–659. URL: http://elib.institutemvd.by/handle/MVD_NAM/1743.
4. Недиков В. Б. Проблемные вопросы установления уголовной ответственности за незаконное обогащение: российский и иностранный опыт // Вопросы российской юстиции. 2021. № 14. С. 483–499.
5. В Литве совершенно не работают меры наказания за незаконное обогащение. URL: <https://lt.baltnews.com/lithuania/20171207/1017810897.html>.
6. Моисеев В. В. Международный опыт противодействия коррупции // Среднерусский вестник общественных наук. 2013. № 3. С. 175–179.
7. Юдина Т. Н., Сулемонова Х. С. Внедрение системы социального рейтинга в КНР в условиях цифровизации // Теоретическая экономика. 2021. № 1 (73). С. 66–71.
8. О 10-ой сессии Конференции государств-участников Конвенции ООН против коррупции. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/un/1924963/.

References

1. Muhamed'yarova L. V. Mezhdunarodnyj opyt protivodejstviya korrupcii: sravnitel'nyj analiz // *Sovremennye tendencii razvitiya nauki i tekhnologij*. 2016. № 3–5. S. 62–66.
2. Buzin R. V., Zolotarev I. I., Il'chenko L. K. Korrupciya kak vnutrennyaya ugroza ekonomicheskoj bezopasnosti: mezhdunarodnyj opyt protivodejstviya // *Obshchestvennaya bezopasnost', zakonnost' i pravoporyadok v III tysyacheletii*. 2022. № 8–2. S. 149–156.
3. Minkova E. A. Mezhdunarodnyj opyt protivodejstviya korrupcii // *Aktual'nye voprosy sovremennoj yuridicheskoy nauki: teoriya, praktika, metodika: sbornik mat-lov II Mezhdunarodnoj zaochnoj nauchnoj konf-cii*, Mogilev, 19 maya 2017 g. / otv. red. V. E. Buryj. Mogilev: Mogilevskij institut MVD, 2017. S. 656–659. URL: http://elib.institutemvd.by/handle/MVD_NAM/1743.
4. Nedikov V. B. Problemnye voprosy ustanovleniya ugolovnoj otvetstvennosti za nezakonnnoe obogashchenie: rossijskij i inostrannyj opyt // *Voprosy rossijskoj yusticii*. 2021. № 14. S. 483–499.
5. V Litve sovershenno ne rabotayut mery nakazaniya za nezakonnnoe obogashchenie. URL: <https://lt.baltnews.com/lithuania/20171207/1017810897.html>.
6. Moiseev V. V. Mezhdunarodnyj opyt protivodejstviya korrupcii // *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk*. 2013. № 3. S. 175–179.
7. Yudina T. N., Sulemonova H. S. Vnedrenie sistemy social'nogo rejtinga v KNR v usloviyah cifrovizacii // *Teoreticheskaya ekonomika*. 2021. № 1 (73). S. 66–71.
8. O 10-oj sessii Konferencii gosudarstv-uchastnikov Konvencii OON protiv korrupcii. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/un/1924963/.

Статья поступила в редакцию 25.03.2024; одобрена после рецензирования 26.04.2024; принята к публикации 27.08.2024.

The article was submitted 25.03.2024; approved after reviewing 26.04.2024; accepted for publication 27.08.2024.

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Алтайский юридический вестник. 2024. № 3 (47). С. 46–54.

Altai Law Journal. 2024. № 3 (47). P. 46–54.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 341.233.111:339.543

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ТАМОЖЕННОГО КОНТРОЛЯ И НАДЗОРА

Саният Абдулганиевна Агамагомедова^{1,2}

¹ Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Россия, saniyat_aga@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8265-2971>

² Российская таможенная академия, Люберцы, Россия

Аннотация. Цифровая трансформация таможенного контроля и надзора в науке может рассматриваться в качестве: таможенного контроля и надзора как публично-правовых институтов в контексте их развития в условиях цифровизации; процесса трансформации этих институтов; качественных изменений в этих институтах. В статье рассмотрена цифровая трансформация таможенного контроля и надзора, дано определение такой трансформации, выделены ее признаки. В заключение автором обозначены тенденции цифровой трансформации таможенного контроля и надзора, среди которых доминирование цифровизации текущего таможенного контроля, развитие системы цифровых сервисов, усиление информационной составляющей рассматриваемых институтов.

Ключевые слова: таможенный контроль и надзор, цифровая трансформация, цифровые сервисы, финансовый контроль, цифровые двойники, система управления рисками, фактический контроль

Для цитирования: Агамагомедова С. А. Цифровая трансформация таможенного контроля и надзора // Алтайский юридический вестник. 2024. № 3 (47). С. 46–54.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

DIGITAL TRANSFORMATION OF CUSTOMS CONTROL AND SUPERVISION

Saniyat A. Agamagomedova^{1,2}

¹ Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, saniyat_aga@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8265-2971>

² Russian Customs Academy, Lyubertsy, Russia

Abstract. Digital transformation of customs control and supervision in science can be considered as: customs control and supervision as public legal institutions in the context of their development in the context of digitalization; the process of transformation of these institutions; qualitative changes in the institutions of customs control and supervision. The article uses the last two options for positioning the digital transformation of customs control and supervision, and provides a definition of such transformation. In conclusion, the author outlines trends in the digital transformation of customs control and supervision, including the dominance of digitalization of current customs control, the development of a system of digital services, and strengthening the information component of customs control and supervision.

Keywords: customs control and supervision, digital transformation, digital services, financial control, digital twins, risk management system, actual control

For citation: Agamagomedova S. A. Digital transformation of customs control and supervision. *Altajskij juridicheskiy vestnik = Altai Law Journal*. 2024;3:46–54 (In Russ.).

© Агамагомедова С. А., 2024

Процессы цифровизации в современном мире не вызывают сомнений. Закономерен тот факт, что они оказывают существенное влияние на все сферы социального взаимодействия. Финансовая сфера занимает здесь особое место с учетом того, что процессы предоставления финансовых услуг наиболее явственно отражают изменения, происходящие под воздействием цифровых технологий. Ученые признают, что мир стал свидетелем значительных трансформаций в данном секторе, при этом их роль приобрела особую значимость в обеспечении качества жизни современного человека. Мы все чаще становимся свидетелями разработки многих новых финансовых продуктов и инструментов, создания новых институтов, основанных на цифровизации [1].

Цифровой трансформации подверглась не только сфера предоставления финансовых и связанных с ними услуг, но и контрольно-надзорные механизмы, которые тоже активно оцифровываются. Представляется, что различные виды финансового контроля имеют разную скорость и формы цифровой трансформации. Одним из таких видов выступает в определенной степени и таможенный контроль, который сочетает в себе контрольную и надзорную составляющие. Несмотря на отстаивание нами позиции о разграничении финансового и таможенного контроля в рамках концепции частичного поглощения [2], нами признается тот факт, что часть таможенного контроля, безусловно, имеет фискальную природу. Речь идет о таких направлениях таможенного контроля, как контроль таможенной стоимости или контроль за своевременностью и полнотой уплаты таможенных платежей. С учетом этого имеются, на наш взгляд, основания полагать, что устойчивые тенденции к цифровой трансформации финансового контроля отражаются и в развитии современного таможенного контроля. В то же время специфика таможенной сферы, в т. ч. заключающаяся в сочетании в ней и фискальных публичных интересов, и частных интересов хозяйствующих субъектов, задач обеспечения безопасности и стимулирования экономической активности, внешнеторгового предпринимательства, обуславливает наличие особенностей цифровой трансформации таможенного контроля в целом, отдельных его направлений и форм в частности. Попытка выделить и обосновать эти особенности с учетом современных вызовов и угроз, определить тенденции и перспективы цифровой трансформации таможенного контроля и надзора принята в данной работе.

Понятие цифровой трансформации таможенного контроля и надзора

Цифровые технологии разным образом влияют на процессы взаимодействия граждан и организаций с государственной властью. Если применительно к административным процедурам предоставления государственных услуг мы можем говорить о повышении скорости их предоставления, доступности и качества, то оценка контрольно-надзорного взаимодействия с учетом цифровизации имеет несколько иной характер. Нами ранее выделялись такие качественно новые свойства таможенного контроля в условиях цифровизации, как автоматизация операций в рамках проведения контрольных мероприятий, их формализация, отход от дуальных связей и переход к сетевым, что в конечном итоге позволило сделать вывод о приобретении признаков сетевого управления в контрольно-надзорном взаимодействии [3].

Анализ этапов влияния цифровизации на административные процедуры таможенного контроля позволяет сделать вывод о том, что существенное воздействие на эти процессы оказало формирование отечественного законодательства о цифровой подписи и развитие сети Интернет, что позволило постепенно перейти к электронному декларированию товаров, ставшему базой для цифровизации текущего таможенного контроля (контроля до выпуска товаров таможенными органами, контроля на этапе таможенного декларирования).

Ведущие ученые справедливо отмечают тот факт, что глобализация современного мира не в последнюю очередь связана с развитием сети Интернет, которая является как благом для человечества, так и несет в себе определенные риски, в т. ч. в сфере обеспечения информационной безопасности [4, с. 5–6]. Действительно, упрощение и ускорение социального, в т. ч. контрольно-надзорного, взаимодействия в сети Интернет сопровождается одновременными процессами повышения угроз в сфере безопасности, защиты данных, административно-процедурного обеспечения оцифрованных механизмов контроля и надзора.

Прежде чем определить понятие цифровой трансформации таможенного контроля и надзора, необходимо уяснить содержание цифровой трансформации как таковой. Специалисты признают отсутствие четкого определения понятия цифровой трансформации в нормативно-правовом поле и научных исследованиях. Под цифровой трансформацией понимают: проявление качественных изменений, использование цифровых технологий, применение инновационных разработок на основе

информационных технологий, разновидность радикального влияния цифровых продуктов на определенную социальную сферу, перманентный процесс внедрения цифровых технологий или даже сами изменения [5].

Специалисты в области финансового права выделяют понятие цифровизации финансового контроля, представляющей собой «комплексную правовую и институциональную трансформацию», в целом положительно влияющую на развитие финансового законодательства [6, с. 4].

Представляется, что процессы цифровой трансформации таможенного контроля и надзора следует рассматривать с точки зрения развития данных публично-правовых институтов. При этом можно выделить несколько вариантов научного позиционирования цифровой трансформации таможенного контроля и надзора. Во-первых, выделенную категорию можно считать таможенным контролем или надзором с учетом его развития под воздействием цифровых технологий. Данный подход основан на разграничении двух институтов, различных во времени: таможенного контроля и надзора конца 90-х годов прошлого века и таможенного контроля и надзора в современных условиях. Разница в данных институтах будет отражать цифровую трансформацию, а обоснование текущего состояния таможенного контроля и надзора призвано представлять саму цифровую трансформацию.

Во-вторых, цифровой трансформацией таможенного контроля и надзора можно считать сами процессы изменения данных институтов под воздействием цифровых инструментов и приоритетов. Эти процессы имеют относительно определенный этап зарождения, периоды (различные по скорости, продолжительности и содержанию) развития, особенности в современных условиях.

В-третьих, под цифровой трансформацией таможенного контроля и надзора можно понимать качественные изменения, произошедшие в данных публично-правовых институтах под воздействием цифровизации. Данные изменения отражаются в развитии административных процедур таможенного контроля и надзора, в характере контрольно-надзорных связей между таможенными органами и подконтрольными лицами, в генерации новых административно-правовых статусов невластных субъектов, в появлении и постепенном укреплении новых инструментов таможенного контроля и надзора.

Это далеко не полный перечень вариантов научного обоснования цифровой трансформации таможенного контроля и надзора. Последние два

представляются нам наиболее приемлемыми, при этом они могут рассматриваться одновременно. На основе выделенных выше подходов к теоретико-правовому позиционированию цифровой трансформации таможенного контроля и надзора можно предложить следующее определение данного понятия.

Цифровая трансформация таможенного контроля и надзора представляет собой процесс качественного развития данных публично-правовых институтов под воздействием цифровых технологий, а также сами изменения таможенного контроля и надзора, отраженные в генерации новых административно-правовых статусов подконтрольных лиц, актуализации инструментов контрольно-надзорного воздействия, в изменении характера подобного воздействия.

С учетом того что контроль и надзор в науке административного права традиционно рассматриваются в том числе в качестве функций управления, можно предположить, что управление цифровой трансформацией таможенного контроля и надзора (точнее, процессом их развития) выступает частью регулирования в таможенной сфере в целом. По мнению ученых, развитие может занимать разное место в структуре управления и может быть его более или менее отдаленным результатом, целью и объектом. При этом его важность в качестве результата и цели еще не превращает его в непосредственный объект управления [7, с. 19].

Полагаем, что применительно к нашему объекту исследования можно говорить о возможности управлять цифровой трансформацией таможенного контроля и надзора как процессом развития для своевременной (оперативной) коррекции в нормативно и стратегически определенных публичной властью на определенном историческом этапе целях. Кроме того, ценность управления цифровой трансформацией таможенного контроля и надзора обусловлена также возможностью реагирования на внешние и внутренние угрозы и вызовы, способные оказать негативное (незапланированное) влияние на институты таможенного контроля и надзора. Нивелирование потенциальных рисков возможных угроз и вызовов выступает в данном случае дополнительной функцией выделенного процесса.

Признаки цифровой трансформации таможенного контроля и надзора

На основе данного выше определения цифровой трансформации таможенного контроля и надзора выделим ее признаки. При этом считаем необходимым дифференцировать эти признаки при-

менительно к цифровой трансформации в понимании: 1) процесса развития и 2) изменений контроля и надзора.

В качестве признаков цифровой трансформации таможенного контроля и надзора как процесса качественного развития выделенных публично-правовых институтов следует отметить: их формализацию и автоматизацию, усиление включенности невластных субъектов в контрольно-надзорные процедуры; зависимость цифровой трансформации таможенного контроля и надзора от трендов реформирования государственного контроля и надзора в отечественной практике в целом и от особенностей развития финансового контроля в частности; углубление дифференциации направлений таможенного контроля и надзора по разным критериям; расширение наднационального уровня регулирования таможенного контроля и надзора в Евразийском экономическом союзе (далее — ЕАЭС) или учет интеграционной цифровой повестки в процессах трансформации.

Что касается признаков цифровой трансформации таможенного контроля и надзора как изменений институтов контроля и надзора, то данные признаки связаны с новыми свойствами контрольно-надзорных отношений в таможенной сфере, получившими отражение в генерации новых, в большинстве своем привилегированных статусов невластных субъектов, а также в возникновении и постепенном, осторожном закреплении новых инструментов контроля и надзора.

В качестве привилегированного административно-правового статуса можно представить статус уполномоченного экономического оператора (далее — УЭО), который пользуется специальными упрощениями, в т. ч. и при прохождении таможенного контроля (отметим, что в тех случаях, когда в данной работе нами употребляется понятие таможенного контроля, то речь идет о легальном его понимании (таможенное законодательство в большинстве своем использует только этот термин). В случаях применения словосочетания «таможенный контроль и надзор» мы рассматриваем данные публично-правовые институты в рамках концепции разграничения контроля и надзора в деятельности таможенных органов).

Другой группой качественных изменений, на наш взгляд, можно считать появление новых инструментов таможенного контроля и надзора, к которым следует отнести использование механизма «цифрового двойника» при таможенных проверках, а также таможенный мониторинг. Если первый механизм (технология) является своеобразным

методом таможенного контроля после выпуска товаров, который позволяет выбрать объект таможенной проверки на основе цифровой копии подконтрольного лица («цифрового двойника» [8]), представляющей собой «совокупность актуальных достоверных данных и иных сведений» [9, с. 5–19] о нем, то второй отражает более серьезные изменения в характере таможенного контроля и надзора. О предпосылках подобных качественных изменений в институтах таможенного контроля и надзора нами говорилось в работах, посвященных существенным изменениям в действующем таможенном законодательстве [10]. Такими предпосылками стали процессы автоматизации и формализации таможенного контроля и принципиальная возможность принятия решения в таможенном деле не только должностным лицом таможенного органа, а информационной системой.

Таможенный мониторинг в этой связи представляет собой уникальный инструмент таможенного контроля и надзора, вобравший в себя многие преимущества цифровой трансформации. Во-первых, данная мера, обеспечивающая проведение таможенного контроля, не смогла бы возникнуть без цифровой базы, встроенной в административные процедуры контрольно-надзорного взаимодействия. Эксперимент по проведению таможенного мониторинга в период с 3 апреля 2023 г. по 1 ноября 2024 г. основан на открытии подконтрольным лицом доступа к своим данным налогового и бухгалтерского учета для таможенных органов. Во-вторых, таможенный мониторинг — это добровольный для хозяйствующих субъектов инструмент контроля. Он отражает определенную открытость и фидуциарность современных контрольно-надзорных связей, основан на доверии в таком взаимодействии, направлен на стимулирование добросовестного поведения подконтрольных организаций. В-третьих, таможенный мониторинг призван нивелировать конфликтность в контрольно-надзорных отношениях, традиционно имеющих подобный (конфликтный) потенциал. Это в определенной степени роднит его с налоговым мониторингом, у которого уже есть нарабатанная правоприменительная практика, промежуточные результаты, определенное научное обоснование и признание.

Ведущие специалисты справедливо позиционируют налоговый мониторинг как «прозрачное и доверительное взаимодействие» в электронной форме, способствующее сокращению рисков для подконтрольных лиц, снижению конфликтности налоговых отношений, как форму досудебного

рассмотрения налоговых споров [11, с. 26]. Более того, ученые в целом цифровизацию налогового администрирования рассматривают в качестве средства предупреждения нарушений законодательства о налогах и сборах, способа повышения его качества [12–13].

При этом имеют место в науке позиции, в которых обозначаются недостатки административных процедур горизонтального налогового мониторинга, в частности отсутствие единой базы по мотивированным мнениям налоговых органов, сформированным в рамках взаимно согласительных процедур [6, с. 4–5].

Общим признаком налогового и таможенного мониторинга выступает ограниченность его использования (небольшая доля крупных компаний). В этой связи можно в качестве общего вывода по их нормативному регулированию и осуществлению признать тот факт, что данные инструменты финансового контроля основаны на цифровой базе взаимодействия участников этих отношений, обусловлены цифровой трансформацией соответствующих видов контроля, снижают контрольно-надзорное воздействие на бизнес (преимущественно крупный). Они стимулируют правомерное поведение и определенную активность невластных субъектов, формируют определенный доверительный, неконфликтный фон контроля, внедряют элементы диспозитивности в традиционно императивные по характеру контрольно-надзорные отношения (добровольность нахождения под мониторингом, мониторинг как альтернатива проверкам), смещают их в части регулирования от нормативно-правового регулирования к индивидуальному.

Кроме того, следует обратить внимание еще на один признак рассматриваемого инструмента таможенного контроля и надзора. Речь идет о стимулировании самоконтроля и самооценки в контрольно-надзорном взаимодействии. Лицо, находящееся под таможенным мониторингом, имеет возможность оценить свои подконтрольные показатели с учетом информации, предоставленной таможенными органами на основе анализа их налоговой и бухгалтерской отчетности. В подобных условиях самоконтроль или внутренний контроль организации становятся мощным фактором снижения, упрощения контрольно-надзорного воздействия извне, со стороны государственного органа.

Не столько признаком, а скорее, результатом, следствием процессов цифровой трансформации таможенного контроля и надзора выступают изменения в структуре системы таможенных органов. Стремительный рост электронного таможенно-

го декларирования и цифровизация таможенного контроля и надзора генерируют качественно новую дифференциацию таможенных органов на электронные таможни и таможни фактического контроля. Единый по содержанию таможенный контроль под влиянием цифровых технологий «раскалывается» на два достаточно самостоятельных направления: документальный, но в условиях электронного документооборота, по сути, цифровой текущий контроль и контроль фактический, основанный на системе управления рисками.

В качестве последнего выделенного нами признака цифровой трансформации таможенного контроля и надзора обозначим признак сохранения роли человека, его управленческого решения в контрольно-надзорном взаимодействии. Стратегические документы в области развития Федеральной таможенной службы констатируют тот факт, что акцент на быструю перенастраиваемость таможенной службы на основе автоматизации и цифровизации ни в коей мере не противоречит тому факту, что большинство важнейших таможенных операций из области фактического контроля, а также существенная часть из области аналитики и управления информацией в обозримом будущем останутся за человеком¹. Представляется, что участие человека, его, а не искусственного интеллекта, будет продолжать иметь значение и в цифровом контроле, критерии автоматизации которого (например, профили рисков, критерии категорирования подконтрольных лиц и др.) также создает человеческий разум. Информационные технологии просто служат ему, облегчая и ускоряя процессы управления различными сферами социального взаимодействия. Таким образом, одним из существенных признаков цифровой трансформации таможенного контроля и надзора продолжает оставаться обслуживающая, обеспечительная, вспомогательная роль цифровых технологий в решении управленческих задач.

Тенденции цифровой трансформации таможенного контроля и надзора

Тенденции цифровой трансформации таможенного контроля и надзора заключаются в формировании и развитии особенностей процесса качественного изменения названных институтов. К таким особенностям можно отнести, к примеру, высокий уровень цифровизации текущего

¹ Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 23.05.2020 № 1388-р (ред. от 08.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 22, ст. 3572.

таможенного контроля в сравнении с контролем после выпуска и таможенным надзором, обусловленный развитием электронного декларирования товаров.

Применительно к контролю после выпуска товаров, который осуществляется в большинстве своем в форме таможенной проверки, цифровизация отражается в рамках отдельных этапов проверочной деятельности, к примеру на этапе выбора объекта таможенной проверки. Подобная фрагментарная (или частичная) цифровизация присуща и отдельным аспектам таможенного контроля и надзора в целом. Так, использование системы управления рисками на этапе таможенного декларирования осуществляется исключительно в автоматическом режиме. Категорирование участников внешнеэкономической деятельности также в большинстве своем осуществляется автоматически, с использованием информационных ресурсов таможенных органов, на основе разработанных ведомством критериев.

В качестве еще одной тенденции цифровизации рассматриваемых институтов можно выделить подверженность цифровизации именно их финансовых аспектов, т. е. направлений контрольно-надзорной деятельности, нацеленных на получение фискальных доходов и пополнение федерального бюджета. Направления таможенного контроля, прямо не связанные с реализацией функций финансовой природы, подвергаются цифровизации не столь системно, в отдельных случаях ограничиваясь применением современных технических средств, в частности инспекционно-досмотровых комплексов в международных пунктах пропуска через таможенную границу. К другим направлениям контрольно-надзорной деятельности таможенных органов, слабо подвернутым цифровой трансформации, следует отнести, на наш взгляд, выявление и пресечение так называемой санкционной продукции мобильными группами. Кроме того, практически не подвергаются цифровой трансформации направления таможенного контроля правоохранительной направленности, в частности меры противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма при проведении таможенного контроля за перемещением через таможенную границу ЕАЭС наличных денежных средств и (или) денежных инструментов (одна из современных функций таможенных органов контрольной природы). Цифровизация здесь имеет место исключительно в части использования технических средств контроля, экспертных процедур.

Еще одну тенденцию цифровой трансформации таможенного контроля и надзора следует выделить особо. Речь идет о развитии системы цифровых сервисов ФТС России, часть из которых прямо или косвенно связана с осуществлением контрольно-надзорных мероприятий. Посредством личного кабинета участника ВЭД подконтрольные лица могут использовать такие цифровые сервисы, как «Проверка» и др. [14]. Подобные цифровые сервисы не просто позволяют упростить и ускорить прохождение отдельных процедур контроля и надзора (отдельных действий в рамках контрольно-надзорного мероприятия), они, на наш взгляд, формируют определенную активную позицию невластного субъекта контрольно-надзорных отношений, стимулируют его цифровую открытость и некую вовлеченность в подобные отношения. В то же время подобное оцифрованное взаимодействие с использованием сервисов личного кабинета участника ВЭД в определенном смысле нивелирует антагонизм конкретного контрольно-надзорного отношения, снижает традиционную «невластность» проверяемого субъекта, включает его в управленческие, а конкретно контрольно-надзорные процедуры в качестве полноценного участника, обладающего инициативой.

Цифровая трансформация таможенного контроля и надзора усиливает информационную составляющую контроля и надзора в таможенной сфере. Среди методологических подходов к доктринальному обоснованию государственного контроля и надзора достаточно распространена так называемая информационная теория контроля и надзора. В ее контексте контроль и надзор представляют собой формы обратной связи между управляемым и управляющим. Информационную теорию поддерживают и отдельные представители финансового контроля, которые полагают, что главная цель контроля заключается в получении достоверной информации о деятельности подконтрольного субъекта, а сами контрольные отношения — это информационные правоотношения. По их мнению, контроль в широком смысле является механизмом обратных связей, осуществляемых в форме надзора, мониторинга, аудита, бухгалтерского и статистического учета [6, с. 6]. Полагаем, что в данном случае не следует ограничивать формы контроля подобным перечнем. Инструментарий государственного контроля и надзора в целом складывается из общих и специальных, присущих отдельным направлениям контрольно-надзорной деятельности, традиционно закрепленных в законодательстве и определенным образом отражаю-

щих цели и задачи контроля и надзора в конкретной сфере правового регулирования. Последняя обусловлена совокупностью, конкретным набором охраняемых законом ценностей, на обеспечение и защиту которых направлено контрольно-надзорное воздействие.

Перспективы цифровой трансформации таможенного контроля и надзора

Согласно Стратегии развития финансового рынка Российской Федерации до 2030 года решение задачи развития российского финансового рынка должно осуществляться его участниками в партнерстве с государством. При этом в качестве задач регуляторов выступают создание благоприятных условий для восстановления и поступательного развития российского финансового рынка, устранение искажений и барьеров, препятствующих такому развитию, с использованием имеющегося инструментария¹. Таможенный контроль и надзор выступают в качестве разновидностей последнего. Их цифровая трансформация меняет облик таможенного органа как органа контроля и надзора, определенным образом снижает дистанцированность государства в лице таможенных органов от граждан и организаций. Представляется, что все эти тенденции способны постепенно уйти от традиционного восприятия таможенного контроля и надзора в качестве административных барьеров для свободы предпринимательской и иной экономической деятельности. Функции содействия внешней торговле, стимулирования в экономическом плане активного и добросовестного поведения граждан и организаций становятся доминирующими.

Безусловно, необходимо планировать, стратегически обозначать и предвидеть перспективы дальнейшей цифровой трансформации таможенного контроля и надзора. Только в этом случае мы можем говорить об управлении развитием, о воздействии на рассматриваемые публично-правовые институты в условиях цифровизации. Перспективы цифровой трансформации таможенного контроля и надзора связаны прежде всего с реализацией цифровой повестки ЕАЭС. В условиях формирования единого экономического пространства ЕАЭС есть все основания выделить категорию «единое контрольно-надзорное пространство ЕАЭС», в определенной степени накладываемую

на категорию «единое цифровое пространство ЕАЭС». На пересечении данных категорий формируется область цифрового публичного контроля и надзора в сфере экономики. Таможенный контроль и надзор выступают составляющими публичного контроля и надзора в сфере экономики, причем наиболее подвергнутыми гармонизации и унификации правового регулирования.

Помимо интеграционного фактора, существенным трендом будущей цифровой трансформации таможенного контроля и надзора должны стать: продолжение вектора снижения административного воздействия на невластных субъектов, развитие системы привилегированных статусов подконтрольных лиц, механизмов самоконтроля и самооценки, генерация новых инструментов контроля и надзора, основанных на цифровых форматах взаимодействия, внедрение элементов диспозитивности.

Подводя итог, отметим, что в каждой предметной области эволюции социального управления ее темпы, уже достигнутый уровень весьма специфичны и требуют специального изучения [7, с. 21]. Безусловно, контроль и надзор в определенной сфере несут в себе определенную специфику, последняя присутствует и в процессах их цифровой трансформации. Цифровую трансформацию таможенного контроля и надзора можно понимать в разных значениях. Наиболее приемлемым нам представляется понимание ее в качестве процесса качественного развития данных публично-правовых институтов под воздействием цифровых технологий, а также позиционирование в качестве цифровой трансформации самих изменений рассматриваемых институтов. Цифровая трансформация таможенного контроля и надзора обусловлена развитием цифровых технологий как в экономической (управляемой) сфере, так и в области государственного управления (управляющей сфере). Она прошла ряд значимых этапов, ей еще предстоит долгое развитие, связанное с внедрением технологий искусственного интеллекта и иных механизмов. Цифровая трансформация, существенно упростив и ускорив контрольно-надзорное взаимодействие, не изменила сущностного содержания таможенного контроля и надзора, в очередной раз доказав обеспечительное, вспомогательное значение информационных технологий в развитии управленческих связей.

¹ Об утверждении Стратегии развития финансового рынка Российской Федерации до 2030 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.12.2022 № 4355-р // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 1 (ч. III), ст. 476.

Список источников

1. Özer M. (2022). Digital Finance and Financial Services. In: Vukovic D. B., Maiti M., Grigorieva E. M. (eds) Digitalization and the Future of Financial Services. Contributions to Finance and Accounting. Springer, Cham. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-031-11545-5_1.
2. Агамагомедова С. А. Финансовый и таможенный контроль: аспекты соотношения и проблемы разграничения // Государство и право. 2023. № 3. С. 158–164.
3. Агамагомедова С. А. Автоматизация таможенного контроля: условия и административно-процедурное обеспечение // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2019. № 4. С. 81–86.
4. Савенков А. Н. Противодействие киберпреступности в финансово-кредитной сфере как вектор обеспечения глобальной безопасности /// Государство и право. 2017. № 10. С. 5–18.
5. Цифровая трансформация. Изменения экономики и социальной сферы под влиянием технологий. URL: <https://iq.hse.ru/news/465484100.html> (дата обращения: 13.02.2024).
6. Запольский С. В., Васянина Е. Л. Цифровизация финансового контроля: правовое регулирование // Правовая информатика. 2022. № 3. С. 4–11.
7. Южаков В. Н. Организация процесса развития: онтология и методология управления развитием. М.: ИД В. Ема, 2011. 215 с.
8. Давыдов Р. В. Технология «цифрового двойника» как основа выбора объектов таможенного контроля после выпуска товаров // Вестник Российской таможенной академии. 2020. № 3 (52). С. 25–32.
9. Виноградова Е. В., Полякова Т. А., Минбалеев А. В. Цифровой профиль: понятие, механизмы регулирования и проблемы реализации // Правоприменение. 2021. Т. 5. № 4. С. 5–19.
10. Агамагомедова С. А. Оптимизация таможенных операций в проекте Таможенного кодекса Евразийского экономического союза // Вестник Российской таможенной академии. 2015. № 4. С. 80–86.
11. Мишустин М. В. Факторы роста налоговых доходов: макроэкономический подход // Экономическая политика. 2016. Т. 11. № 5. С. 8–27.
12. Кобзарь-Фролова М. Н. Цифровизация налогового администрирования как средство предупреждения нарушений законодательства о налогах и сборах // Финансовая безопасность и право в эпоху цифровизации: сборник мат-лов международной научно-практ. конф-ции / под общ. ред. М. Н. Кобзарь-Фроловой, отв. ред. Е. Л. Васянина. М., 2022. С. 19–33.
13. Кобзарь-Фролова М. Н. Цифровизация — путь к повышению качества налогового администрирования // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2021. № 8. С. 72–77.
14. Вход в личный кабинет участника ВЭД // Официальный сайт ФТС России. URL: <https://edata.customs.ru/FtsPersonalCabinetWeb2017/#?view=Home> (дата обращения: 14.02.2024).

References

1. Özer M. (2022). Digital Finance and Financial Services. In: Vukovic D. B., Maiti M., Grigorieva E. M. (eds) Digitalization and the Future of Financial Services. Contributions to Finance and Accounting. Springer, Cham. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-031-11545-5_1.
2. Agamagomedova S. A. Finansovyy i tamozhennyj kontrol': aspekty sootnosheniya i problemy razgranicheniya // Gosudarstvo i pravo. 2023. № 3. S. 158–164.
3. Agamagomedova S. A. Avtomatizaciya tamozhennogo kontrolya: usloviya i administrativno-procedurnoe obespechenie // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. 2019. № 4. S. 81–86.
4. Savenkov A. N. Protivodejstvie kiberprestupnosti v finansovo-kreditnoj sfere kak vektor obespecheniya global'noj bezopasnosti /// Gosudarstvo i pravo. 2017. № 10. S. 5–18.
5. Cifrovaya transformaciya. Izmeneniya ekonomiki i social'noj sfery pod vliyaniem tekhnologij. URL: <https://iq.hse.ru/news/465484100.html> (data obrashcheniya: 13.02.2024).
6. Zapol'skij S. V., Vasyanina E. L. Cifrovizaciya finansovogo kontrolya: pravovoe regulirovanie // Pravovaya informatika. 2022. № 3. S. 4–11.
7. Yuzhakov V. N. Organizaciya processa razvitiya: ontologiya i metodologiya upravleniya razvitiem. M.: ID V. Ema, 2011. 215 s.
8. Davydov R. V. Tekhnologiya «cifrovogo dvojnika» kak osnova vybora ob'ektov tamozhennogo kontrolya posle vypuska tovarov // Vestnik Rossijskoj tamozhennoj akademii. 2020. № 3 (52). S. 25–32.

9. Vinogradova E. V., Polyakova T. A., Minbaleev A. V. Cifrovoy profil': ponyatie, mekhanizmy regulirovaniya i problemy realizacii // Pravoprimerenie. 2021. T. 5. № 4. S. 5–19.

10. Agamagomedova S. A. Optimizaciya tamozhennyh operacij v proekte Tamozhennogo kodeksa Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza // Vestnik Rossijskoj tamozhennoj akademii. 2015. № 4. S. 80–86.

11. Mishustin M. V. Faktory rosta nalogovyh dohodov: makroekonomicheskij podhod // Ekonomicheskaya politika. 2016. T. 11. № 5. S. 8–27.

12. Kobzar'-Frolova M. N. Cifrovizaciya nalogovogo administrirovaniya kak sredstvo preduprezhdeniya narushenij zakonodatel'stva o nalogah i sborah // Finansovaya bezopasnost' i pravo v epohu cifrovizacii: sbornik mat-lov mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konf-cii / pod obshch. red. M. N. Kobzar'-Frolovoj, otv. red. E. L. Vasyanina. M., 2022. S. 19–33.

13. Kobzar'-Frolova M. N. Cifrovizaciya — put' k povysheniyu kachestva nalogovogo administrirovaniya // Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Ekonomika i pravo. 2021. № 8. S. 72–77.

14. Vhod v lichnyj kabinet uchastnika VED // Oficial'nyj sajt FTS Rossii. URL: <https://edata.customs.ru/FtsPersonalCabinetWeb2017/#?view=Home> (data obrashcheniya: 14.02.2024).

Информация об авторе

S. A. Agamagomedova — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

S. A. Agamagomedova — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 11.02.2024; одобрена после рецензирования 10.07.2024; принята к публикации 27.08.2024.

The article was submitted 11.02.2024; approved after reviewing 10.07.2024; accepted for publication 27.08.2024.

Алтайский юридический вестник. 2024. № 3 (47). С. 55–62.

Altai Law Journal. 2024. № 3 (47). P. 55–62.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342.951:351.82

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ФОРМ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ, НАХОДЯЩИМИСЯ В СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, НУЖДАЮЩИХСЯ В СОЦИАЛЬНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ

Елена Сергеевна Архипова

Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия, arhipovaelena06@yandex.ru

Аннотация. В статье на примере одной из категорий несовершеннолетних, а именно находящихся в специализированных учреждениях для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации, систематизированы формы индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними, включающие в себя реализацию мероприятий, проводимых указанными учреждениями, исходя из анализа правовых актов.

Предложенная автором систематизация форм индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними, находящимися в специализированных учреждениях для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации, имеет практическую пользу при ее интеграции в один из функциональных разделов автоматизированной информационной системы в сфере защиты прав несовершеннолетних и профилактики их антиобщественного и противоправного поведения.

Ключевые слова: несовершеннолетние, индивидуальная профилактическая работа, система профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, специализированные учреждения для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации, АИС «Профилактика»

Для цитирования: Архипова Е. С. Систематизация форм индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними, находящимися в специализированных учреждениях для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации // Алтайский юридический вестник. 2024. № 3 (47). С. 55–62.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

SYSTEMATIZATION OF FORMS OF INDIVIDUAL PREVENTIVE WORK WITH MINORS IN SPECIALIZED INSTITUTIONS FOR MINORS IN NEED OF SOCIAL REHABILITATION

Elena S. Arhipova

Saratov State Law Academy, Saratov, Russia, arhipovaelena06@yandex.ru

Abstract. Using the example of one of the categories of minors, namely those in specialized institutions for minors in need of social rehabilitation, forms of individual preventive work with minors are systematized, including the implementation of activities carried out by these institutions, based on the analysis of legal acts.

The author's proposed systematization of forms of individual preventive work with minors in specialized institutions for minors in need of social rehabilitation has practical benefits when integrated into one of the functional sections of an automated information system in the field of protecting the rights of minors and preventing their antisocial and illegal behavior.

Keywords: minors, individual preventive work, system for preventing neglect and juvenile delinquency, specialized institutions for minors in need of social rehabilitation, AIS «Prevention»

For citation: Arhipova E. S. Systematization of forms of individual preventive work with minors in specialized institutions for minors in need of social rehabilitation. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2024;3:55–62 (In Russ.).

© Архипова Е. С., 2024

Профилактической работе с несовершеннолетними в последнее десятилетие уделяется особое внимание со стороны как органов публичной власти, так и общественности. Совершенствуются нормативные правовые акты, направленные на регулирование правоотношений в сфере защиты прав детей, предупреждения их антиобщественного и противоправного поведения, разрабатываются ведомственные методические рекомендации, обеспечивающие взаимодействие между заинтересованными структурами — субъектами индивидуальной профилактической работы (далее — ИПР) с несовершеннолетними.

Как следует из законодательно установленной¹ дефиниции ИПР, ее составной частью является социальная и педагогическая реабилитация несовершеннолетних, оказавшихся в опасной для жизни обстановке, которая не отвечает требованиям к их содержанию, а также воспитанию (далее — дети установленной категории).

Ответственным субъектом за выполнение указанных реабилитационных мероприятий являются специализированные учреждения (далее — СУ). Законом² закреплено три их вида: социально-реабилитационные центры для несовершеннолетних (далее — СРЦ); социальные приюты для детей (далее — приюты); центры помощи детям, оставшимся без попечения родителей (далее — ЦПД).

Виды, формы и содержание предупредительных и реабилитационных мероприятий ИПР, проводимых в СУ, не систематизированы. Они содержатся в отдельных федеральных законах, постановлениях Правительства Российской Федерации, ведомственных приказах, а также в ведомственных методических рекомендациях.

На основе анализа последних видится возможным систематизировать формы ИПР с несовершеннолетними, включающие в себя реализацию мероприятий по социальной реабилитации, проводимых в указанных учреждениях.

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы познания, а также формально-логический и сравнительно-правовой методы. Эмпирическая база исследования включает правовые акты в сфере профилактики правонарушений несовершеннолетних.

¹ Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федеральный закон Российской Федерации от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ (ред. от 21 ноября 2022 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 26, ст. 3177; 2022. № 48, ст. 8312.

² Там же.

Основные положения, отражающие вопросы организации деятельности СУ, содержатся не только в законе, но и в примерных положениях о каждом из рассматриваемых учреждений³.

СРЦ, приюты и ЦПД относятся к числу организаций социального обслуживания и в своей деятельности руководствуются методическими рекомендациями⁴. Данные рекомендации содержат один из самых полных на сегодняшний день перечень форм и методов ИПР, алгоритмы ее проведения в отношении различных категорий несовершеннолетних и могут быть использованы в организации ИПР иными субъектами системы профилактики.

Отдельные действия (мероприятия) органов и учреждений системы профилактики при проведении ИПР с несовершеннолетними, которые находятся в СРЦ, приютах, ЦПД, осуществляются в соответствии с многочисленными рекомендациями федеральных органов власти⁵.

Среди научных работ в указанной области можно выделить исследования, посвященные анализу эффективности реабилитационных мероприятий, проводимых в СУ [1, с. 72–74; 2, с. 70–71]. Отдельные научные работы посвящены координации деятельности СРЦ по защите прав ребенка [3, с. 34; 4,

³ Об утверждении Примерных положений о специализированных учреждениях для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации (вместе с Примерным положением о социально-реабилитационном центре для несовершеннолетних, Примерным положением о социальном приюте для детей, Примерным положением о центре помощи детям, оставшимся без попечения родителей): постановление Правительства Российской Федерации от 27 ноября 2000 г. № 896 (ред. от 10 марта 2009 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 49, ст. 4822; 2009. № 12, ст. 1427.

⁴ О направлении методических рекомендаций (вместе с Методическими рекомендациями по организации профилактической работы с несовершеннолетними, склонными к совершению противоправных деяний, в организациях социального обслуживания): письмо Минтруда России от 12 апреля 2022 г. № 26-6/10/В-4751 // Официальные документы в образовании. 2022. № 22.

⁵ О направлении методических рекомендаций (вместе с Методическими рекомендациями о порядке признания несовершеннолетних и семей находящихся в социально опасном положении и организации с ними индивидуальной профилактической работы): письмо Минобрнауки России от 1 января 2015 г. № ВК-2969/07 // Администратор образования. 2016. № 2; О направлении методических рекомендаций (вместе с Методическими рекомендациями по вопросам совершенствования индивидуальной профилактической работы с обучающимися с девиантным поведением): письмо Минобрнауки России от 28 апреля 2016 г. № АК-923/07 // Администратор образования. 2016. № 12.

с. 7]. Так, в одной из работ приводится пример, когда ребенок сменил три СРЦ, и каждый раз для него составлялся индивидуальный план профилактической работы без учета ранее реализованных планов по реабилитации несовершеннолетнего, а также мероприятий, направленных на восстановление детско-родительских отношений [5, с. 20].

Таким образом, формы профилактической работы с несовершеннолетними, которые находятся в СРЦ, приютах и ЦПД, требуют особого внимания, поскольку выбор конкретной формы зависит от задач, поставленных перед указанными учреждениями.

К основным задачам СРЦ можно отнести:

- социальную реабилитацию детей установленной категории;
- проведение с ними предупредительных мероприятий, направленных на недопущение безнадзорности.

Согласно вышеуказанным задачам в первом случае основным направлением работы станет восстановление положения ребенка в семье, в обществе, что потребует от специалистов СРЦ оказания психологической, правовой и иных видов помощи, например, в восстановлении документов, утраченных социальных связей, детско-родительских отношений. Во втором случае — профилактическое воздействие, в т. ч. осуществляемое во взаимодействии с родителями (законными представителями), органами опеки, образовательными учреждениями и другими субъектами.

СРЦ выполняет функции, непосредственно связанные с обеспечением жизнедеятельности ребенка (обеспечивает временное проживание, обучение, медицинское обслуживание, профориентационные мероприятия с детьми), но, безусловно, важной функцией является содействие в возвращении несовершеннолетнего в его семью.

Анализ вышеуказанных нормативных правовых актов, а также рекомендаций федеральных органов исполнительной власти позволил сформировать следующий перечень форм профилактического воздействия, применяемых в СРЦ:

- посещение семей, воспитывающих детей установленной категории;
- проведение с ними и (или) их родителями (законными представителями) профилактических бесед;
- организация и проведение рейдов в места массового пребывания детей установленной категории совместно с иными ведомствами (органами социальной защиты, внутренних дел, по делам молодежи, здравоохранения, образования и др.);

- оказание помощи в восстановлении социального статуса несовершеннолетнего в коллективах сверстников по месту учебы, работы, жительства;

- оказание социальной и психологической помощи;

- применение восстановительных технологий (медиация, семейные конференции, советы);

- медицинское обеспечение;

- обучение социально одобряемым моделям поведения, оценке своего поведения и сопоставлению его с моральными и правовыми нормами, действующими в семье и обществе;

- профессиональная ориентация;

- правовое просвещение посредством проведения тематических лекций и встреч;

- просмотр фильмов и киносюжетов по профилактике правонарушений несовершеннолетних;

- содействие в устройстве оставшегося без попечения родителей ребенка.

Отдельное внимание следует уделить формам ИПР, которые не регламентированы в правовых актах, но предложены учеными и прошли апробацию на базе действующих СРЦ.

Можно согласиться с мнением, согласно которому формирование здоровьесберегающих компетенций у детей позволит профилактировать их физические и психические заболевания, а в итоге сохранить и укрепить их здоровье [6, с. 31; 7, с. 24]. В настоящее время отдельные СРЦ проводят занятия, направленные на формирование представлений у детей об основах здорового образа жизни, о гигиене тела, системе оздоровления, профилактике вредных привычек и правильном питании. В рамках реализации подобных программ несовершеннолетним предоставляется возможность освоить навыки оказания первой помощи, разработать проект на тему укрепления здоровья. В числе основных форм работы используются: конкурсы, турниры, квест-игры, акции, дискуссии, беседы, мозговые штурмы.

Особое место в профилактической работе занимает оказание помощи детям в учебной деятельности. Этому способствуют создаваемые в СРЦ комнаты самоподготовки, в которых педагоги оформляют стенды по определенной тематике, организуют викторины, выставки, тематические беседы и просмотры познавательных видеофильмов. Достойной практикой является создание ситуации успеха [8, с. 34], когда дети достигают поставленные цели, пусть небольшие, но имеющие для них значение. Такая практика помогает снять у детей страх перед учебой, сфокусировать их внимание на малейших успехах и достижениях [9, с. 57].

Используются также такие формы профилактической работы, как трудотерапия, иппотерапия, глинолечение [10, с. 108], библиотерапия [11, с. 31, 32–33] и профессиональное самоопределение [12, с. 13].

Основной задачей приютов является оказание экстренной социальной помощи детям установленной категории. Виды и формы профилактического воздействия, применяемые в приютах, схожи с используемыми в СРЦ.

Ученые предлагают в профилактической работе в приютах уделять особое внимание правовому просвещению детей, что позволит предупредить трудную жизненную ситуацию, вызванную незнанием прав [13, с. 84–85]. Видится необходимым в приютах повышать уровень правовой информированности детей и прививать навыки правомерного поведения.

В рамках социально-педагогической реабилитации несовершеннолетних представляется необходимым применение форм ИПР, направленных на предпрофессиональную подготовку и приобщение к труду. Прежде всего, обучение навыкам самообслуживания, хозяйственно-бытовому труду через творческую деятельность и обучение в трудовых мастерских [14, с. 295].

Значимой практикой является внедрение технологии «садовой терапии» [15, с. 443]. «Садовая терапия» использует растения и связанную с ними деятельность в целях социальной реабилитации [16, с. 10]. Забота о растениях, ответственность за выполнение бережливого ухода, полива развивают в детях любовь к природе и всему живому, к труду, навыки самоконтроля и успешного социального взаимодействия.

Формирование начал экологической культуры, а именно уважительного отношения ребенка к окружающей его природе, к себе и людям, имеет огромное значение для сохранения природы и будущего планеты. Данное направление может быть реализовано, например, через игровые формы.

Интересен опыт по использованию в работе с детьми установленной категории настольных игр. Так, например, настольная экологическая игра «Экология родного края» заинтересовала детей, находящихся в приюте. Как отмечали разработчики данной игры, она воспитывает в детях доброту и бережное отношение к природе [17, с. 170].

В процессе реабилитации воспитанников социального приюта применяются групповые формы, такие как социально-педагогические тренинги, в зависимости от выявленных проблем игровые методы, включение воспитанников в совместную

деятельность, экскурсии в различные учреждения (образовательные организации, учреждения здравоохранения, МЧС, полицию), организация встреч с различными специалистами из учреждений [18, с. 251].

Основными задачами ЦПД являются временное содержание детей установленной категории и содействие в их устройстве. Формы профилактического воздействия, применяемые в ЦПД, схожи с формами работы в СРЦ.

Рассматривая мероприятия профориентационной направленности, реализуемые в настоящее время в ЦПД, можно выделить следующие формы работы: интерактивные занятия с представителями разных профессий; профориентационные игры (игры-квесты, решение реальных бизнес-кейсов); тренинговые занятия или беседы с элементами тренинга; практические занятия в профессии. Практикуются и выездные занятия, проводимые на территориях предприятий [19, с. 48].

Проведенный анализ вышеуказанных нормативных правовых актов, а также методических рекомендаций Минтруда России позволил систематизировать формы ИПР с несовершеннолетними, находящимися в СУ, включающие в себя реализацию определенных действий (мероприятий) с ребенком.

Мероприятия предлагается систематизировать в зависимости от задач деятельности специализированных учреждений, а к числу общих отнести следующие:

- организацию и проведение рейдов в места массового пребывания детей установленной категории совместно с иными ведомствами (органами социальной защиты, внутренних дел, по делам молодежи, здравоохранения, образования и др.) (социальный патруль);
- посещение семей, воспитывающих детей установленной категории, и проведение с ними и (или) их родителями (законными представителями) профилактических бесед (социальный патронаж, социальная экспедиция, службы участковых социальных работников);
- обучение социально одобряемым моделям поведения, оценке своего поведения и сопоставлению его с моральными и правовыми нормами, действующими в семье и обществе;
- правовое просвещение посредством проведения тематических лекций и встреч;
- организацию работы «ящиков доверия», «телефонов доверия» для детей;
- содействие в устройстве оставшегося без попечения родителей ребенка.

Представляется целесообразным осуществлять адаптивное управление процессами организации и проведения ИПР с несовершеннолетними посредством автоматизированного формирования примерных планов ИПР.

В настоящее время наблюдается активное внедрение информационных технологий и систем обработки данных в различные сферы деятельности, в т. ч. в деятельность органов и учреждений по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

В целях реализации своих полномочий каждый субъект системы профилактики на разных уровнях (федеральном, региональном и муниципальном) использует свои ведомственные информационные системы (далее — ИС), в разном объеме содержащие информацию о несовершеннолетних, их родителях, правонарушениях и других антиобщественных действиях. Особенностью ИС является автономность их работы, накопление и обработка сведений только в рамках деятельности одного субъекта профилактики. При этом комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, выполняющие координирующую роль в системе профилактики, не имеют доступа к указанным сведениям, содержащимся в ИС, что не позволяет им в полном объеме обеспечить совместную системную работу с ребенком и его семьей.

Отсутствие единой автоматизированной ИС при существующем многообразии региональных ИС (например, АИС «Несовершеннолетние» [20], программный комплекс «Находка-КДН» [21], Электронная комиссия по делам несовершеннолетних [22], АИС «Подросток» [21] и др.) не способствует единообразному применению законодательства о профилактике правонарушений несовершеннолетних, своевременному обмену информацией, организации взаимодействия субъектов профилактики между собой по типовому алгоритму, содержащему общие и специальные мероприятия [23, с. 105].

В этих целях в период с 2021 по 2023 г. в рамках реализации федерального проекта «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации», национального проекта «Образование» ряд регионов Российской Федерации апробирует разработанную автоматизированную ИС в сфере защиты прав несовершеннолетних и профилактики их антиобщественного и противоправного поведения «Профилактика» (далее — АИС, АИС «Про-

филактика»), функциональная структура которой неоднократно становилась предметом научных исследований [24, с. 89; 25, с. 108; 26, с. 15; 27, с. 7–8].

Изучая руководство пользователя АИС «Профилактика», следует обратить внимание на существующий в ней раздел «Профилактическая работа», который содержит подраздел «Планы ИПР», позволяющий фиксировать сведения о сформированных в отношении ребенка планах ведения работы.

Практическая польза представленной выше систематизации форм ИПР с несовершеннолетними, находящимися в СУ, видится в ее использовании в АИС «Профилактика». Так, предлагается перед введением в эксплуатацию АИС в деятельность субъектов системы профилактики, которая уже работает в пилотном режиме, рассмотреть возможность интеграции в функциональный раздел «Планы ИПР» выпадающего списка общих систематизированных действий (мероприятий), проводимых в рамках ИПР с несовершеннолетними, находящимися в СУ.

Видится необходимым создание строки «иные действия (мероприятия), проводимые в рамках ИПР, установленные законодательством Российской Федерации», что позволит расширить возможности применения различных мероприятий при реализации ИПР субъектами, осуществляющими профилактическую работу.

Таким образом, субъектам системы профилактики будет представлен выбор общих мероприятий при организации профилактической работы по конкретному случаю с ребенком и перечень дополнительных мероприятий, проведение которых останется на усмотрение СУ.

Учитывая изложенное, внедрение в функциональный раздел «Планы ИПР» АИС выпадающего списка действий (мероприятий), проводимых в рамках ИПР с ребенком и его родителями (законными представителями), может оказать весомую практическую помощь в деятельности органов и учреждений системы профилактики (в частности, в деятельности СУ), будет способствовать сокращению временных затрат специалистов субъектов системы профилактики на обработку и подготовку планов профилактической работы с указанными лицами, а также позволит учитывать данную информацию в работе с ребенком и его семьей другим органам и учреждениям системы.

Список источников

1. Кваша С. Г., Маскалянова С. А. Социальная реабилитация несовершеннолетних в специализированных учреждениях // Теория и практика социальной работы в современном социуме: мат-лы Всероссийской с международным участием научно-практ. конф-ции. Липецк, 2019. С. 70–75.
2. Маринкин Д. Н., Щукин А. А. Специализированные учреждения для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации // Вестник Прикамского социального института. 2020. № 3 (87). С. 68–73.
3. Баранов А. А., Молчанова Т. В., Соломатина Е. А. Самовольное оставление несовершеннолетними семей и детских государственных учреждений: анализ причинного комплекса и профилактика их поведения // Российский следователь. 2017. № 9. С. 31–35.
4. Ережипалиев Д. И. Организация и проведение прокурорских проверок по фактам насилия над детьми и суицидов в подростковой среде // Законность. 2019. № 11. С. 3–8.
5. Павлова Л. В. О совершенствовании координации и взаимодействия субъектов в сфере защиты прав ребенка // Административное право и процесс. 2022. № 7. С. 19–22.
6. Алпатов Н. С., Долецкий А. Н., Панасюк В. В. Формирование здоровьесберегающих компетенций у несовершеннолетних в условиях социально-реабилитационного центра // The Scientific Heritage. 2022. № 83-3 (83). С. 30–33.
7. Ободенко Н. С. Формирование и развитие основ здорового образа жизни у воспитанников реабилитационного центра // Системный анализ и синтез моделей научного развития общества: сборник статей по итогам Международной научно-практ. конф-ции (4 февраля 2021 г.). Стерлитамак, 2021. С. 23–26.
8. Шефер К. В., Шрамко Н. В. Создание ситуации успеха у воспитанников социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних // Социализация детей и подростков в условиях реабилитационного центра: опыт, достижения, проблемы: сборник трудов Международной научно-практ. конф-ции (Нижний Тагил, 11 ноября 2022 г.). Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2022. С. 33–39.
9. Дементьева Е. В. Повышение учебной мотивации у несовершеннолетних в условиях учебной комнаты социально-реабилитационного центра // Научный альманах. 2022. № 11-1 (97). С. 55–57.
10. Савинов Л. И., Лазарева З. Н., Соловьева Т. В. [и др.] Технологии социальной работы с семьей и детьми. Саранск, 2017.
11. Белан П. Д., Бибикина Н. В. Библиотерапия как технология социализации несовершеннолетних в условиях социально-реабилитационного центра // Образование и воспитание дошкольников, школьников, молодежи: теория и практика. 2022. № 2. С. 27–35.
12. Никитина Т. И. Профессиональное самоопределение подростков, проживающих в социально-реабилитационном центре для несовершеннолетних // Поиск. Научно-методический журнал. 2022. № 2 (79). С. 13–15.
13. Матюшева Т. Н. Правовое образование детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, в условиях гражданского общества // Современное право. 2015. № 10. С. 83–87.
14. Зарипова Э. А. Практики приобщения к труду несовершеннолетних в социальных приютах для детей и подростков Республики Татарстан // Казанский педагогический журнал. 2022. № 4 (153). С. 293–301.
15. Песков В. П., Кузеванов В. Я. Обоснование применения метода «садовой терапии» для коррекции и профилактики девиантного поведения // Российский девиантологический журнал. 2023. Т. 3. № 4. С. 441–451.
16. Сизых С. В. Садовая терапия: использование ресурсов ботанического сада для социальной адаптации и реабилитации. Иркутск: Изд-во Ирк. гос. ун-та, 2006.
17. Лукашова О. П., Березина А. Р., Тураева М. Н. Педагогическое волонтерство учителя географии и биологии в практике организации работы с детьми социального приюта // Межведомственный подход к сопровождению личности, оказавшейся в трудной жизненной ситуации: теория и лучшие практики: мат-лы второй Международной научно-практ. конф-ции. Иркутск, 2021. С. 168–171.
18. Суюндукова Л. Содержание реабилитационной деятельности социального педагога с воспитанниками социального приюта // Человек. Общество. Культура. Социализация: мат-лы XVIII Международной молодежной научно-практ. конф-ции. Уфа, 2022. С. 248–254.

19. Белякова Ю. И. Профессиональная ориентация подростков, воспитанников центров помощи детям, оставшимся без попечения родителей // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2022. Т. 1. № 11. С. 46–49.
20. Официальный сайт компании «Инсофт». URL: <http://w3.insoft.ru/resheniya-i-uslu/municipalitet/ais-nesovershennoletni> (дата обращения: 15.04.2024).
21. Официальный сайт компании «Находка». URL: <http://kn-k.ru/solutions/kdn> (дата обращения: 15.04.2024).
22. Официальный сайт компании «Барс Групп». URL: <https://bars.group/education/elektronnaya-komissiya-po-delam-nesovershennoletnikh> (дата обращения: 15.04.2024).
23. Смагина Т. А., Зайкова С. Н., Ковалева Н. Н. Проблемы модернизации механизма правового регулирования оборота данных в системе профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: опыт социально-правового исследования: монография. Саратов, 2020. 236 с.
24. Стародубов А. А., Архипова Е. С. Перспективы формирования единого информационного пространства в целях профилактики правонарушений в молодежной среде // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 6 (149). С. 84–93.
25. Ильгова Е. В., Зайкова С. Н. Функциональная структура автоматизированной информационной системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 5 (142). С. 104–113.
26. Ковалева Н. Н. Структура федеральных государственных информационных систем субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2023. № 1. С. 14–25.
27. Бурлаков М. Е., Бутаков М. А., Колмакова Е. М. Цифровизация системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Российской Федерации // Общество, экономика, управление. 2023. Т. 8. № 3. С. 5–9.

References

1. Kvasha S. G., Maskalyanova S. A. Social'naya rehabilitaciya nesovershennoletnih v specializirovannyh uchrezhdeniyah // Teoriya i praktika social'noj raboty v sovremennom sociume: mat-ly Vserossijskoj s mezhdunarodnym uchastiem nauchno-prakt. konf-cii. Lipeck, 2019. S. 70–75.
2. Marinkin D. N., Shchukin A. A. Specializirovannye uchrezhdeniya dlya nesovershennoletnih, nuzhdayushchihsya v social'noj rehabilitacii // Vestnik Prikamskogo social'nogo instituta. 2020. № 3 (87). S. 68–73.
3. Baranov A. A., Molchanova T. V., Solomatina E. A. Samovol'noe ostavlenie nesovershennoletnimi semej i detskih gosudarstvennyh uchrezhdenij: analiz prichinnogo kompleksa i profilaktika ih povedeniya // Rossijskij sledovatel'. 2017. № 9. S. 31–35.
4. Erezhipaliev D. I. Organizaciya i provedenie prokurorskih proverok po faktam nasiliya nad det'mi i suicidov v podrostkovoju srede // Zakonnost'. 2019. № 11. S. 3–8.
5. Pavlova L. V. O sovershenstvovanii koordinacii i vzaimodejstviya sub'ektov v sfere zashchity prav rebenka // Administrativnoe pravo i process. 2022. № 7. S. 19–22.
6. Alpatova N. S., Doleckij A. N., Panasyuk V. V. Formirovanie zdorov'esberegayushchih kompetencij u nesovershennoletnih v usloviyah social'no-reabilitacionnogo centra // The Scientific Heritage. 2022. № 83-3 (83). S. 30–33.
7. Obodenko N. S. Formirovanie i razvitie osnov zdorovogo obraza zhizni u vospitannikov reabilitacionnogo centra // Sistemnyj analiz i sintez modelej nauchnogo razvitiya obshchestva: sbornik statej po itogam Mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konf-cii (4 fevralya 2021 g.). Sterlitamak, 2021. S. 23–26.
8. Shefer K. V., Shramko N. V. Sozdanie situacii uspekha u vospitannikov social'no-reabilitacionnogo centra dlya nesovershennoletnih // Socializaciya detej i podrostkov v usloviyah reabilitacionnogo centra: opyt, dostizheniya, problemy: sbornik trudov Mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konf-cii (Nizhnij Tagil, 11 noyabrya 2022 g.). Ekaterinburg: Ural'skij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 2022. S. 33–39.
9. Dement'eva E. V. Povyshenie uchebnoj motivacii u nesovershennoletnih v usloviyah uchebnoj komnaty social'no-reabilitacionnogo centra // Nauchnyj al'manah. 2022. № 11-1 (97). S. 55–57.
10. Savinov L. I., Lazareva Z. N., Solov'eva T. V. [i dr.] Tekhnologii social'noj raboty s sem'ej i det'mi. Saransk, 2017.

11. Belan P. D., Bibikova N. V. Biblioterapiya kak tekhnologiya socializacii nesovershennoletnih v usloviyah social'no-reabilitacionnogo centra // *Obrazovanie i vospitanie doshkol'nikov, shkol'nikov, molodezhi: teoriya i praktika*. 2022. № 2. S. 27–35.
12. Nikitina T. I. Professional'noe samoopredelenie podrostkov, prozhivayushchih v social'no-reabilitacionnom centre dlya nesovershennoletnih // *Poisk. Nauchno-metodicheskij zhurnal*. 2022. № 2 (79). S. 13–15.
13. Matyusheva T. N. Pravovoe obrazovanie detej, nahodyashchihsya v trudnoj zhiznenoj situacii, v usloviyah grazhdanskogo obshchestva // *Sovremennoe pravo*. 2015. № 10. S. 83–87.
14. Zaripova E. A. Praktiki priobshcheniya k trudu nesovershennoletnih v social'nyh priyutah dlya detej i podrostkov Respubliki Tatarstan // *Kazanskij pedagogicheskij zhurnal*. 2022. № 4 (153). S. 293–301.
15. Peskov V. P., Kuzevanov V. Ya. Obosnovanie primeneniya metoda «sadovoj terapii» dlya korrekcii i profilaktiki deviantnogo povedeniya // *Rossijskij deviantologicheskij zhurnal*. 2023. T. 3. №. 4. S. 441–451.
16. Sizyh S. V. Sadovaya terapiya: ispol'zovanie resursov botanicheskogo sada dlya social'noj adaptacii i rehabilitacii. Irkutsk: Izd-vo Irk. gos. un-ta, 2006.
17. Lukashova O. P., Berezina A. R., Turaeva M. N. Pedagogicheskoe volonterstvo uchitelya geografii i biologii v praktike organizacii raboty s det'mi social'nogo priyuta // *Mezhvedomstvennyj podhod k soprovozhdeniyu lichnosti, okazavshejsya v trudnoj zhiznenoj situacii: teoriya i luchshie praktiki: mat-ly vtoroj Mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konf-cii*. Irkutsk, 2021. S. 168–171.
18. Suyundukova L. Soderzhanie reabilitacionnoj deyatel'nosti social'nogo pedagoga s vospitannikami social'nogo priyuta // *Chelovek. Obshchestvo. Kul'tura. Socializaciya: mat-ly XVIII Mezhdunarodnoj molodyozhnoj nauchno-prakt. konf-cii*. Ufa, 2022. S. 248–254.
19. Belyakova Yu. I. Professional'naya orientaciya podrostkov, vospitannikov centrov pomoshchi detyam, ostavshimsya bez popecheniya roditel'ej // *Social'naya integraciya i razvitie etnokul'tur v evrazijskom prostranstve*. 2022. T. 1. № 11. S. 46–49.
20. Oficial'nyj sajt kompanii «Insoft». URL: <http://w3.insoft.ru/resheniya-i-uslu/municipalitetu/ais-nesovershennoletni> (data obrashcheniya: 15.04.2024).
21. Oficial'nyj sajt kompanii «Nahodka». URL: <http://kn-k.ru/solutions/kdn> (data obrashcheniya: 15.04.2024).
22. Oficial'nyj sajt kompanii «Bars Grupp». URL: <https://bars.group/education/elektronnaya-komissiya-podelam-nesovershennoletnikh> (data obrashcheniya: 15.04.2024).
23. Smagina T. A., Zajkova S. N., Kovaleva N. N. Problemy modernizacii mekhanizma pravovogo regulirovaniya oborota dannyh v sisteme profilaktiki beznadzornosti i pravonarushenij nesovershennoletnih: opyt social'no-pravovogo issledovaniya: monografiya. Saratov, 2020. 236 s.
24. Starodubov A. A., Arhipova E. S. Perspektivy formirovaniya edinogo informacionnogo prostranstva v celyah profilaktiki pravonarushenij v molodezhnoj srede // *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii*. 2022. № 6 (149). S. 84–93.
25. Il'gova E. V., Zajkova S. N. Funkcional'naya struktura avtomatizirovannoj informacionnoj sistemy profilaktiki beznadzornosti i pravonarushenij nesovershennoletnih v Rossijskoj Federacii // *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii*. 2021. № 5 (142). S. 104–113.
26. Kovaleva N. N. Struktura federal'nyh gosudarstvennyh informacionnyh sistem sub'ektov sistemy profilaktiki beznadzornosti i pravonarushenij nesovershennoletnih // *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*. 2023. №. 1. S. 14–25.
27. Burlakov M. E., Butakov M. A., Kolmakova E. M. Cifrovizaciya sistemy profilaktiki beznadzornosti i pravonarushenij nesovershennoletnih v Rossijskoj Federacii // *Obshchestvo, ekonomika, upravlenie*. 2023. T. 8. № 3. S. 5–9.

Статья поступила в редакцию 27.04.2024; одобрена после рецензирования 15.05.2024; принята к публикации 27.08.2024.

The article was submitted 27.04.2024; approved after reviewing 15.05.2024; accepted for publication 27.08.2024.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Данила Евгеньевич Баталов

Омская академия МВД России, Омск, Россия, BaDa4815@yandex.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-4575-2391>

Аннотация. Обеспечение национальной безопасности Российской Федерации является приоритетной задачей органов публичной власти. Рассматриваемое явление имеет системный многоаспектный характер, значимым элементом которого является конституционно-правовое регулирование обеспечения национальной безопасности. В данной научной статье проанализировано правовое регулирование вопросов национальной безопасности как в отечественном, так и в зарубежном законодательстве. Особое внимание уделено конституциям зарубежных государств, в которых закрепляются особенности системы обеспечения национальной безопасности. Автор приходит к выводу о необходимости совершенствования правового регулирования исследуемой сферы с учетом возникающих угроз национальным интересам. Обосновывается необходимость заимствования зарубежного опыта в сфере закрепления на законодательном уровне базовых элементов системы национальной безопасности в целях единообразия их толкования в правоприменительной деятельности органов публичной власти.

Ключевые слова: безопасность, национальная безопасность, национальные интересы, конституция, правовое регулирование, угрозы, государство, органы публичной власти

Для цитирования: Баталов Д. Е. Конституционно-правовое регулирование обеспечения национальной безопасности в зарубежных странах // Алтайский юридический вестник. 2024. № 3 (47). С. 63–68.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

CONSTITUTIONAL AND LEGAL REGULATION OF NATIONAL SECURITY IN FOREIGN COUNTRIES

Danila E. Batalov

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, Omsk, Russia, BaDa4815@yandex.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-4575-2391>

Abstract. Ensuring the national security of the Russian Federation is a priority task of public authorities. The phenomenon under consideration has a systemic, multidimensional nature, a significant element of which is the constitutional and legal regulation of national security. This scientific article analyzes the legal regulation of national security issues in both domestic and foreign legislation. Particular attention is paid to the constitutions of foreign states, which establish the features of the national security system. The author comes to the conclusion that it is necessary to improve the legal regulation of the area under study, taking into account emerging threats to national interests. The necessity of borrowing foreign experience in the field of consolidating at the legislative level the basic elements of the national security system in order to ensure uniformity of their interpretation in the law enforcement activities of public authorities is substantiated.

Keywords: security, national security, national interests, constitution, legal regulation, threats, state, public authorities

For citation: Batalov D. E. Constitutional and legal regulation of national security in foreign countries. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal.* 2024;3:63–68 (In Russ.).

Современное мировое сообщество переживает процесс трансформации, выражающийся в формировании многополярности, активной милитаризации государств, возникновении горячих точек по всему миру, процесс активного развития высоких технологий, нарушения глобальных логистических маршрутов и т. д. В данном контексте обостряются угрозы национальным интересам государств. Как отмечает Д. В. Ирошников, обеспечение национальной безопасности — одна из важнейших функций любого государства на том или ином этапе его исторического развития [1, с. 5]. Российская Федерация в сложившихся условиях проводит активную государственную политику по предупреждению возникающих угроз и минимизации ущерба от деструктивных сил внешнего и внутреннего характера.

Значение конституций различных государств в системе правового обеспечения национальной безопасности сложно переоценить, т. к. в них закрепляются фундаментальные основы государственного устройства, конституционно-правовой статус личности, экономические отношения, основы взаимодействия органов публичной власти и общества. В данном контексте вопросы обеспечения отдельных видов национальной безопасности не являются исключением и находят свое закрепление в нормах конституций. Как справедливо отмечают С. А. Комаров и А. В. Попова, «предмет конституционного права конкретного государства всегда эволюционирует, но в определенных границах, целью которых является сохранение баланса интересов личности, общества и государства» [2, с. 110].

Исследуя конституционно-правовой уровень обеспечения национальной безопасности, в первую очередь интерес представляет закрепление термина «национальная безопасность», что является предпосылкой формирования рассматриваемого правового института.

В конституциях зарубежных стран чаще всего употребляется термин «безопасность», «безопасность государства», «общественная безопасность» и т. д. США как государство, которое впервые ввело в научный и правовой оборот термин «национальная безопасность», в тексте Конституции апеллируют категорией «общественная безопасность», которая находится под особой правовой охраной, и в случае посягательства на нее может быть приостановлено «действие привилегии судебного приказа habeas corpus» (абз. 2 разд. 9

ст. 1)¹. Основной закон Федеративной Республики Германии от 23 мая 1949 г. также использует категорию «общественная безопасность», которая выступает конституционно-правовой ценностью, и в случае посягательства на нее может быть ограничена неприкосновенность жилища (ч. 3 ст. 13). О соотношении национальной безопасности и общественной безопасности существует достаточное количество публикаций [3, 4, 5, 6]. В данном случае мы будем придерживаться подхода, согласно которому общественная безопасность является составной частью национальной безопасности [7, с. 81].

Термин «национальная безопасность» также постепенно находит закрепление в высших учредительных документах государств. Регламентируя процедуру ограничения основных прав, в абз. 1 ст. 23 Конституции Финляндии² закреплено, что это возможно «во время вооруженного нападения на Финляндию, равно как и во время иного рода чрезвычайного положения, серьезно угрожающего безопасности нации». Конституция Республики Сербии³, регламентируя право на справедливый суд, в абз. 3 ст. 32 допускает запрет на допуск прессы на все или часть судебных заседаний в интересах национальной безопасности. Данной конституцией в абз. 2 ст. 46 также предусмотрено ограничение свободы самовыражения в целях защиты национальной безопасности. В Конституции Республики Болгарии термин «национальная безопасность» используется в нескольких аспектах⁴. Во-первых, как основание ограничения отдельных прав и свобод (ч. 1 ст. 35 «право свободно выбирать свое место жительства, передвигаться по территории страны и выезжать за ее пределы»; ч. 1 ст. 41 «право искать, получать и распространять информацию»), во-вторых, как цель внешней политики Республики Болгарии (ч. 2 ст. 24).

В странах Содружества Независимых Государств (далее — СНГ) понятие «национальная безопасность» также находит закрепление на конституционном уровне. Так, например, в п. 10.1

¹ Конституция Соединенных Штатов Америки. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnstUS.htm> (дата обращения: 06.01.2024).

² Конституция Финляндии от 11 июня 1999 г. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/finland.pdf> (дата обращения: 29.05.2023).

³ Constitution of the Republic of Serbia // Official Gazette of the RS, № 98/2006.

⁴ Конституция Республики Болгарии от 12 июля 1991 г. // Държавен вестник, бр.56 от 13 июля 1991 г.

ст. 44 Конституции Республики Казахстан¹ установлено право Президента Республики Казахстан в интересах обеспечения национальной безопасности направлять обращение в Конституционный Суд о рассмотрении вступившего в силу закона или иного правового акта на соответствие Конституции Республики. В пункте 2 ст. 23 Конституции Киргизской Республики² отмечено, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены конституцией и законами в целях защиты национальной безопасности. Обязанностью Правительства Республики Беларусь в соответствии с абз. 5 ст. 107 Конституции Республики Беларусь³ является принятие мер по обеспечению прав и свобод граждан, защите интересов государства, национальной безопасности. Кроме того, ст. 89.5, раскрывающая правовой статус Всебелорусского народного собрания, закрепляет юридическую силу решений данного органа государственной власти, которые могут отменять правовые акты, иные решения государственных органов и должностных лиц, противоречащие интересам национальной безопасности. В соответствии с п. 6 ст. 89 Конституции Республики Армения⁴ Правительство обеспечивает осуществление обороны, национальной безопасности и внешней политики Республики. В ст. 30 Конституции Туркменистана⁵ закреплено, что «осуществление прав и свобод не должно... причинять ущерб национальной безопасности». Регламентируя компетенции Кабинета Министров, в п. 2 ст. 94 прямой обязанностью является «осуществление мер по обеспечению и защите прав и свобод граждан, охране собственности, общественного порядка и национальной безопасности».

Из приведенных положений зарубежных конституций следует, что «национальная безопасность» рассматривается в нескольких аспектах: как основание ограничения прав и свобод человека и гражданина; как право личности на обеспечение национальной безопасности в различных ее проявлениях; как одно из наиболее значимых направлений деятельности органов публичной власти госу-

дарства. Следовательно, необходимо отметить, что на конституционно-правовом уровне априори не содержится система исчерпывающих положений, которые бы регулировали процесс обеспечения национальной безопасности в целом. Однако в силу «верховенства, прямого действия и системообразующего влияния на весь механизм правового регулирования» [8, с. 115] данных нормативных правовых актов следует признать наличие в них тех положений, которые выступают фундаментальными началами системы обеспечения национальной безопасности.

Отметим, что конституционные нормы о национальной безопасности находят свое развитие в отдельных нормативных правовых актах. В частности, в ряде государств СНГ действуют законы, в которых закреплен механизм обеспечения национальной безопасности государства, как, например, Закон Республики Казахстан от 6 января 2012 г. № 527-IV «О национальной безопасности Республики Казахстан»⁶; Закон Азербайджанской Республики от 29 июня 2004 г. № 712-III «О национальной безопасности»⁷; Закон Киргизской Республики от 26 февраля 2003 г. № 44 «О национальной безопасности»⁸.

Каждое из вышеназванных государств формирует свою совокупность базовых понятий, раскрывающих сущность национальной безопасности посредством закрепления категориального аппарата в одной статье закона («основные понятия», «понятие национальной безопасности и ее объекты») либо в тексте отдельных статей, посвященных тому или иному элементу системы национальной безопасности. К примеру, в законах Республики Казахстан и Киргизской Республики в разделе (главе) 1 закреплена норма, в которой отражены все базовые понятия (ст. 1). Законы же Азербайджанской Республики раскрывают содержание базовых понятий в отдельных статьях. В Российской Федерации базовые понятия в рассматриваемой сфере нашли свое закрепление на уровне подзаконного акта⁹, который в соответствии с Федеральным за-

¹ Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 г. // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 1996. № 4, ст. 217.

² Конституция Кыргызской Республики от 11 апреля 2021 г. // Эркин Тоо. 2021. 5 мая. № 41.

³ Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. № 2875-XII // Народная газета. 1996. 27 нояб. № 298.

⁴ Конституция Республики Армения от 5 июля 1995 г. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/armenia.pdf> (дата обращения: 17.05.2023).

⁵ Конституция Туркменистана // Ведомость Меджлиса Туркменистана. 1992. № 5, ст. 30.

⁶ О национальной безопасности Республики Казахстан: Закон Республики Казахстан от 6 января 2012 г. № 527-IV // Ведомости Парламента Республики Казахстан. 2012. № 1 (2602), ст. 3.

⁷ О национальной безопасности: Закон Азербайджанской Республики от 29 июня 2004 г. № 712-III // Газета «Азербайджан». 2004. 6 авг. № 181.

⁸ О национальной безопасности: Закон Кыргызской Республики от 26 февраля 2003 г. № 44 // Ведомости Жогорку Кенеша Кыргызской Республики. 2003. № 4, ст. 196.

⁹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от

коном Российской Федерации от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»¹ должен корректироваться каждые 6 лет, что исключает их стабильность. Таким образом, считаем, что значимым является сам факт закрепления категориального аппарата на уровне закона, что является залогом его стабильности и единообразия толкования в правоприменительной практике.

Следующим аспектом является выбор подхода к выделению и закреплению видов национальной безопасности. В Республике Казахстан законодатель разделяет объекты обеспечения национальной безопасности (личность, общество и государство) и виды (общественная, военная, политическая, экономическая, информационная и экологическая). Каждая из этих сфер в той или иной степени затрагивает национальные интересы всей триады объектов. Закон Азербайджанской Республики выделяет триаду объектов, а также апеллирует категорией «сферы» (политическая, экономическая, социальная, военная, информационная, экологическая, научная, культурная и духовная), в которых необходимо обеспечивать национальные интересы. В Федеральном законе Российской Федерации от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» (далее — ФЗ «О безопасности») законодатель лишь в ст. 1 отметил, что его действие направлено на «обеспечение безопасности государства, общественной безопасности, экологической безопасности, безопасности личности, иных видов безопасности, предусмотренных законодательством Российской Федерации». Данный перечень является открытым. С одной стороны, данный подход может способствовать оперативному реагированию на появление новых угроз в той или иной сфере жизни общества. При этом отсутствие четкой системы видов может привести к возникновению неучтенных потенциальных угроз национальным интересам в той или иной сфере общественной жизни и, как следствие, проблемам в планировании деятельности органов публичной власти и иррациональности использования ресурсов.

Отечественная система национальной безопасности выделяет национальные интересы личности, общества и государства, одновременно относя их и к видам национальной безопасности, которые

необходимо обеспечить. Считаем необходимым обратиться к зарубежному опыту и закрепить в отечественном законе как систему объектов обеспечения национальной безопасности, так и сферы, в которых триада объектов реализует свои потребности, что будет способствовать повышению эффективности государственной политики обеспечения национальной безопасности.

Отдельно хотелось бы остановиться на проблеме контроля и надзора в сфере обеспечения национальной безопасности. Закон Республики Казахстан содержит в себе ст. 27 «Надзор за соблюдением законности в сфере обеспечения национальной безопасности». Говоря о надзоре, стоит отметить, что главным и основным субъектом, осуществляющим данную деятельность, является прокуратура Республики Казахстан. Связано это с тем, что основная задача данного государственного органа — осуществлять надзор за соблюдением законности на территории данного государства. Следовательно, так как деятельность субъектов, обеспечивающих национальную безопасность, базируется на таких принципах, как «соблюдение законности» и «приоритет прав и свобод человека и гражданина», прокуратура обязана реагировать на противоправные действия должностных лиц, которые попирают данные принципы. Данная практика встречается и в Законе Киргизской Республики, где в ст. 21 закреплено, что «надзор за законностью деятельности органов обеспечения национальной безопасности осуществляют органы прокуратуры». При этом в Законе Республики Азербайджан отсутствует дефиниция о надзоре как таковом. Ввиду этого стоит отметить отечественный опыт законодателя, т. к. в действующем ФЗ «О безопасности» ни контроль, ни надзор за обеспечением национальной безопасности не предусмотрены. Однако в Законе «О безопасности» 1992 г. законодатель все же считал необходимым установление таких правовых институтов, как контроль и надзор, осознавая высокую степень ответственности субъектов.

Контроль, как явствует из положений действующего ФЗ «О безопасности», осуществляют Президент Российской Федерации и Совет Безопасности Российской Федерации. Однако применяемые в демократическом обществе такие формы контроля, как парламентский и судебный, попросту отсутствуют. Представляется, что целесообразно ввести институт парламентского контроля в сфере обеспечения национальной безопасности. Необходимо распространить парламентский контроль на такие вопросы, как финансирование деятельности

2 июля 2021 г. № 400. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ О стратегическом планировании в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации и кадровая политика в рассматриваемой сфере.

Надзор за деятельностью субъектов, обеспечивающих безопасность, в соответствии с ранее действующим Законом «О безопасности» вменялся в обязанность Генеральному прокурору Российской Федерации, а также подчиненным ему прокурорам. По мнению И. Б. Кардашовой, прокуратура Российской Федерации осуществляет: «во-первых, надзор за соответствием законам правовых актов; во-вторых, координацию деятельности правоохранительных органов в области обеспечения национальной безопасности» [9, с. 17]. К тому же «возложение на прокуратуру обеспечения надзора за соблюдением Конституции Российской Федерации усиливает правозащитную функцию прокуратуры; с одной стороны, создает реальные гарантии прав и свобод граждан, с другой — обеспечивает возможность воздействия на неправомерные действия органов власти и должностных лиц в сфере обеспечения национальной безопасности». Считаем, что в целях совершенствования института контроля в рассматриваемой сфере следует пересмотреть содержание ФЗ «О безопасности» и ввести отдельный раздел «Контроль и надзор за деятельностью по обеспечению национальной безопасности», в котором ввести норму «Прокурорский надзор за законностью деятельности органов и сил национальной безопасности».

Таким образом, термин «национальная безопасность» постепенно находит закрепление на конституционно-правовом уровне. В конституциях отдельных зарубежных государств термин «национальная безопасность» используется, однако его содержательная сторона не раскрывается. Анализ положений конституций свидетельствует, что «национальная безопасность» выступает как конституционно-правовая ценность, как право личности и как одно из направлений деятельности органов публичной власти.

При этом стоит отметить, что основные положения, регулирующие процесс обеспечения национальной безопасности, отражены в положениях закона, где достаточно подробно описывается данный правовой институт. Однако используя сравнительно-правовой метод исследования положений национального и зарубежного законодательства в рассматриваемой сфере, следует обоснованный вывод о необходимости дальнейшего совершенствования правовых основ обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Необходимо законодательно закрепить понятийно-категориальный аппарат, четко обозначить систему видов национальной безопасности, ввести институт контроля и надзора за деятельностью по обеспечению национальной безопасности. Данные элементы будут способствовать укреплению всей системы обеспечения национальной безопасности и своевременному реагированию на возникающие вызовы и угрозы.

Список источников

1. Ирошников Д. В. Безопасность как правовая категория: монография. М.: Юридический институт РУТ (МИИТ), 2019. 224 с.
2. Комаров С. А., Попова А. В. Предмет конституционного права: взгляд теоретиков // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10 (95). С. 103–113.
3. Шободоева А. В. О соотношении понятий «национальная безопасность», «государственная безопасность» и «общественная безопасность» // Обеспечение национальной безопасности России в современном мире: мат-лы международной научно-практ. конф-ции, Иркутск, 26–27 мая 2016 г. Иркутск: Байкальский государственный университет, 2016. С. 347–355.
4. Возженников А. В. Национальная безопасность: теория, политика, стратегия. М., 2000. 234 с.
5. Кардашова И. Б. Об общественной безопасности // Административное право и процесс. 2008. № 2. С. 27–30.
6. Степашин С. В. Безопасность человека и общества (политико-правовые вопросы): монография. СПб., 1994. 239 с.
7. Баталов Д. Е. Полиция в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2022. № 4. С. 79–83.
8. Ланцман Е. М. Окружающая природная среда — объект конституционно-правового регулирования // Известия АлтГУ. 2011. № 2. С. 113–115.
9. Капинус О. С., Рябцев В. П., Кардашова И. Б. Прокуратура в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2010. № 6 (20). С. 12–22.

References

1. Iroshnikov D. V. Bezopasnost' kak pravovaya kategoriya: monografiya. M.: Yuridicheskij institut RUT (MIIT), 2019. 224 s.
2. Komarov S. A., Popova A. V. Predmet konstitucionnogo prava: vzglyad teoretikov // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2018. № 10 (95). S. 103–113.
3. Shobodoeva A. V. O sootnoshenii ponyatij «nacional'naya bezopasnost'», «gosudarstvennaya bezopasnost'» i «obshchestvennaya bezopasnost'» // Obespechenie nacional'noj bezopasnosti Rossii v sovremennom mire: mat-ly mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konf-cii, Irkutsk, 26–27 maya 2016 g. Irkutsk: Bajkal'skij gosudarstvennyj universitet, 2016. S. 347–355.
4. Vozzhennikov A. V. Nacional'naya bezopasnost': teoriya, politika, strategiya. M., 2000. 234 s.
5. Kardashova I. B. Ob obshchestvennoj bezopasnosti // Administrativnoe pravo i process. 2008. № 2. S. 27–30.
6. Stepashin S. V. Bezopasnost' cheloveka i obshchestva (politiko-pravovye voprosy): monografiya. SPb., 1994. 239 s.
7. Batalov D. E. Policiya v sisteme obespecheniya nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii // Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I. D. Putilina. 2022. № 4. S. 79–83.
8. Lancman E. M. Okruzhayushchaya prirodnyaya sreda — ob'ekt konstitucionno-pravovogo regulirovaniya // Izvestiya AltGU. 2011. № 2. S. 113–115.
9. Kapinus O. S., Ryabcev V. P., Kardashova I. B. Prokuratura v sisteme obespecheniya nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii // Vestnik Akademii General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii. 2010. № 6 (20). S. 12–22.

Статья поступила в редакцию 14.03.2024; одобрена после рецензирования 23.04.2024; принята к публикации 27.08.2024.

The article was submitted 14.03.2024; approved after reviewing 23.04.2024; accepted for publication 27.08.2024.

Алтайский юридический вестник. 2024. № 3 (47). С. 69–76.

Altai Law Journal. 2024. № 3 (47). P. 69–76.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342.7:351.75

ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА ГРАЖДАН, УЧАСТВУЮЩИХ В ОХРАНЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Александр Геннадьевич Бачурин

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, vooky22@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается существующий в настоящее время механизм участия граждан в охране общественного порядка в Российской Федерации. Отдельное внимание уделено такой форме организации коллективного участия граждан в охране общественного порядка, как создание народных дружин, в т. ч. с учетом регионального опыта Алтайского края. Анализируется правовой статус народных дружинников и внештатных сотрудников полиции, в т. ч. в рамках сравнительного правоведения. Рассмотрен опыт зарубежной правовой регламентации статуса дружинников Республики Беларусь и вспомогательных полицейских города Нью-Йорка. Выделяются существующие подходы и различия в привлечении представителей гражданского общества к сотрудничеству с полицией.

На основании проведенного анализа предлагаются новеллы в нормативное правовое регулирование участия граждан в охране общественного порядка в Российской Федерации.

Ключевые слова: охрана общественного порядка, гражданское общество, граждане, народная дружина, дружинник, внештатный сотрудник полиции, правовой статус, зарубежный опыт, вспомогательная полиция

Для цитирования: Бачурин А. Г. Перспективы совершенствования правового статуса граждан, участвующих в охране общественного порядка в Российской Федерации // Алтайский юридический вестник. 2024. № 3 (47). С. 69–76.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

PROSPECTS FOR IMPROVING THE LEGAL STATUS OF CITIZENS INVOLVED IN THE PROTECTION OF PUBLIC ORDER IN THE RUSSIAN FEDERATION

Alexandr G. Bachurin

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, vooky22@yandex.ru

Abstract. The article indicates that one of the ways to protect public order and ensure public safety is to involve citizens in such activities. The current mechanism of citizens' participation in the protection of public order in the Russian Federation is being considered. Special attention is paid to such a form of organizing the collective participation of citizens in the protection of public order as the creation of national squads, including taking into account the regional experience of the Altai Territory. The legal status of national vigilantes and freelance police officers is analyzed, including in the framework of comparative jurisprudence. The experience of foreign legal regulation of the status of vigilantes of the Republic of Belarus and auxiliary police officers of New York City is considered. The existing approaches and differences in the involvement of representatives of civil society in cooperation with the police are highlighted.

Based on the analysis, novelties are proposed in the normative legal regulation of citizens' participation in the protection of public order in the Russian Federation.

Keywords: protection of public order, civil society, citizens, national guard, vigilante, freelance police officer, legal status, foreign experience, auxiliary police

For citation: Bachurin A. G. Prospects for improving the legal status of citizens involved in the protection of public order in the Russian Federation. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2024;3:69–76 (In Russ.).

© Бачурин А. Г., 2024

Одним из приоритетных направлений деятельности полиции является охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности. Ключевым способом реализации данного направления деятельности, доказавшим свою эффективность, является активное взаимодействие с гражданским обществом.

В настоящее время институт участия граждан в охране общественного порядка получил определенное развитие в нашей стране. Но следует признать, что его эффективность явно недостаточна. Так, В. В. Дадыко справедливо отмечает, что «одним из важнейших условий эффективной деятельности полиции является содействие граждан в охране общественного порядка, но одной из проблем был и остаётся вопрос о способах их массового привлечения к такой деятельности» [1, с. 81]. За рубежом опыт показывает, что создать условия для активного задействования граждан в охране общественного порядка возможно и необходимо, поскольку это крайне положительно влияет на состояние правопорядка и развитие человеческого правосознания.

Рассмотрим существующий в настоящее время механизм участия граждан в охране общественного порядка в Российской Федерации. В частности, законодателем предусмотрены определенные формы такой деятельности¹. Во-первых, это содействие в реализации полномочий полиции и иных правоохранительных органов. Во-вторых, оказание помощи полиции при розыске лиц, пропавших без вести. В-третьих, внештатное сотрудничество с полицией. В-четвертых, организованное участие в охране правопорядка путем создания общественных объединений правоохранительной направленности, народных дружин, казачьих формирований.

Одной из наиболее распространенных форм организации коллективного участия граждан в охране общественного порядка является создание народных дружин. Например, в Алтайском крае действуют 153 народные дружины: 12 в городах края, 51 районная, 90 поселенческих, 3 дружины сформированы из числа членов казачьих обществ, а общее число дружинников насчитывает 3868 [2]. Такие граждане при участии в охране общественного порядка обладают правовым статусом народного дружинника. Для обретения названного статуса нужно соответствовать определенным законом критериям: добровольное желание исполнять

¹ Об участии граждан в охране общественного порядка [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 02.04.2014 № 44. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

обязанности народного дружинника; наличие российского гражданства; отсутствие непогашенной (неснятой) судимости или уголовного преследования; отсутствие психических расстройств, медицинских диагнозов «алкоголизм» и «наркомания»; непричастность к экстремистской деятельности или терроризму; наличие полной дееспособности; отсутствие фактов привлечения к административной ответственности в судебном порядке².

Как элемент правового статуса законодатель закрепляет за народными дружинниками определенные обязанности:

1) знать и руководствоваться требованиями нормативных правовых актов в сфере охраны общественного порядка;

2) при объявлении сбора народной дружины незамедлительно прибывать в установленное место;

3) соблюдать права и законные интересы граждан, общественных объединений и организаций;

4) при выявлении правонарушений, принимать меры к их пресечению;

5) подчиняться и выполнять не противоречащие закону требования сотрудников полиции;

6) при наличии соответствующих навыков оказывать первую помощь пострадавшим;

7) при осуществлении деятельности по охране общественного порядка иметь при себе и предъявлять гражданам при обращении к ним удостоверение установленного образца.

В рамках исполнения перечисленных обязанностей народный дружинник имеет право:

- требовать от граждан и должностных лиц прекратить противоправное поведение;

- принимать меры по охране места происшествия и вещественных доказательств для дальнейшей передачи их сотрудникам полиции;

- оказывать содействие полиции при участии в охране общественного порядка;

- применять физическую силу в случаях и порядке, детально оговоренных законом.

Так, народные дружинники имеют право применять физическую силу только для устранения непосредственной опасности, в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости. Кро-

² Об участии граждан в охране общественного порядка [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 02.04.2014 № 44. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 07.08.2001 № 115-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ме того, определен и строгий порядок применения такой меры принуждения. Отметим, что при участии в охране общественного порядка народные дружинники не получают какие-либо специальные средства, не могут носить и использовать их, в данном случае такое право закреплено только за действующими сотрудниками полиции.

Народными дружинниками при реализации своих полномочий в качестве отличительной символики используются нарукавная повязка красного цвета размером 200 на 100 мм с надписью «НАРОДНЫЙ ДРУЖИННИК» или «ДРУЖИННИК», выполненной путем нанесения по центру нарукавной повязки оттиска рубленного шрифта типа «Arial жирный 72пт» белого либо желтого (золотистого) цвета¹. В городе Барнауле постановлением администрации введены дополнительные элементы одежды в качестве отличительной символики народного дружинника, а именно синие куртки со световозвращающими элементами и надписью «НАРОДНЫЙ ДРУЖИННИК». На левой лицевой стороне куртки размещен шеврон красного цвета в виде геральдической формы немецкого щита с надписью «БАРНАУЛ», окантованный нитью черного цвета, с обрамлением по краям щита дубовыми ветвями золотистого цвета [3].

Говоря о гарантиях правовой защиты как элементах статуса, в законодательстве указывается, что народные дружинники во время участия в охране общественного порядка находятся под защитой государства, а их законные требования о прекращении противоправных действий являются обязательными для исполнения. Отметим, что невыполнение законных требований народного дружинника, а равно воспрепятствование их деятельности по охране общественного порядка административно наказуемы санкцией статьи 19.35 КоАП РФ.

Материальное стимулирование народных дружинников, льготы и компенсации для них осуществляются за счет местного бюджета. Например, постановлением администрации Алтайского края народным дружинникам предоставлены меры социальной поддержки, связанные с их личным страхованием². Кроме того, может выплачиваться

¹ Об участии граждан в охране общественного порядка [Электронный ресурс]: закон Алтайского края от 05.09.2014 № 69-ЗС. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О порядке предоставления мер социальной поддержки народным дружинникам, связанных с их личным страхованием [Электронный ресурс]: постановление администрации Алтайского края от 18.02.2015 № 54. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ся вознаграждение за помощь в раскрытии преступлений и задержании лиц, их совершивших³. Местными властями также устанавливаются дополнительные льготы и компенсации для социальной защиты народных дружинников и членов их семей. Так, в Ключевском районе Алтайского края администрацией им было предоставлено право бесплатного посещения физкультурно-оздоровительных комплексов на территории района, а также мероприятий, проводимых муниципальными бюджетными учреждениями культуры⁴.

Законодательно прописана и ответственность народных дружинников, в частности это статья 19.36 КоАП РФ «Совершение народным дружинником или внештатным сотрудником полиции действий, нарушающих права и законные интересы граждан или организаций», а также предусмотрена возможность обжалования их действий.

Отметим и обязательность подготовки народных дружинников к охране правопорядка, которая осуществляется в соответствии с приказом МВД России [4]. В данном приказе предусмотрено, что обучение народных дружинников осуществляется в форме инструктажа продолжительностью не более 30 минут, непосредственно перед их участием в мероприятиях по охране общественного порядка, что объективно не может дать им значимых навыков и знаний, а лишь весьма поверхностно освещает порядок действий.

Таким образом, правовой статус народного дружинника в Российской Федерации обладает всеми необходимыми элементами, характерными для данного юридического понятия. При анализе такого правового статуса и с целью выработки предложений по его совершенствованию необходимо учесть и зарубежный опыт, т. к. народные дружинники участвуют в охране общественного порядка во многих государствах.

³ Об утверждении Положения о назначении и выплате полицией вознаграждения за помощь в раскрытии преступлений и задержании лиц, их совершивших [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 06.06.2018 № 356. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Об утверждении Положения о материальном стимулировании деятельности, предоставлении льгот членам добровольной народной дружины по защите Государственной границы Российской Федерации на территории Ключевского района Алтайского края [Электронный ресурс]: постановление администрации Ключевского района Алтайского края от 22.08.2022 № 343 // Официальный сайт администрации Ключевского района Алтайского края. URL: <https://kluchialt.ru/pages/688?ysclid=lsb3976wz556899327> (дата обращения: 07.02.2024).

Так, в Республике Беларусь такая деятельность регламентирована Законом от 26.06.2003 № 214-З «Об участии граждан в охране правопорядка»¹. В данном законе указывается, что членство в добровольных дружинах — это одна из форм участия граждан в охране общественного порядка. Добровольные дружины Республики Беларусь осуществляют свою деятельность под руководством уполномоченных должностных лиц органов местного управления или иных юридических лиц, их создавших. В отличие от России дружинники Республики Беларусь могут привлекаться для проведения профилактических мероприятий по пресечению преступлений и административных правонарушений; для обеспечения безопасности дорожного движения; для защиты окружающей среды; для участия в пределах своей компетенции в мероприятиях по охране и защите государственной границы.

Требования для кандидатов в члены добровольной дружины Республики Беларусь аналогичны российским. Это возраст, добровольное желание, состояние здоровья, отсутствие судимостей и фактов привлечения к административной ответственности. Что касается обязанностей народных дружинников Республики Беларусь, то их отличия от обязанностей народных дружинников Российской Федерации заключаются в следующем:

- обязательность повышения уровня своих правовых знаний;

- обязательность прохождения периодических проверок на пригодность к действиям по участию в охране правопорядка в условиях, связанных с применением физической силы, оказанием доврачебной помощи пострадавшим.

Также у дружинников Республики Беларусь имеются и специфические права:

- право на задержание лиц, совершивших правонарушения;

- право на изъятие орудий совершения правонарушений или иных предметов, оставление которых у правонарушителя может угрожать личной безопасности члена добровольной дружины или других лиц, с последующей передачей этих предметов сотрудникам правоохранительных органов;

- право на вход в развлекательные заведения и иные общественные места и помещения с разрешения собственника или уполномоченного им

лица для задержания правонарушителей или пресечения правонарушений;

- право на бесплатное пользование телефонами и другими средствами связи, принадлежащими юридическим лицам, для связи с правоохранительными органами в случаях, не терпящих отлагательства; право на использование автомобилей граждан и юридических лиц для транспортировки пострадавших лиц, которым необходима срочная медицинская помощь.

Белорусское государство гарантирует и социальную защиту членов добровольной дружины. В случае получения ими при охране правопорядка ранения (контузии), травмы, увечья, утраты трудоспособности выплачивается пособие в размере 100 % среднедневного (среднечасового) заработка. В случае смерти или инвалидности члена народной дружины при исполнении обязанностей по охране общественного порядка в соответствии с законодательством Республики Беларусь назначается государственная пенсия. Кроме того, члены добровольной дружины подлежат обязательному личному страхованию.

Отметим, что в плане ответственности члены народных дружин приравнены к должностным лицам, что отражено в ст. 24.3. «Неповиновение законному распоряжению или требованию должностного лица при исполнении им служебных полномочий», а также в ст. 24.4. «Оскорбление должностного лица при исполнении им служебных полномочий» Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 91-3².

Проведенная сравнительная характеристика показывает, что основные положения, касающиеся правового статуса дружинников, схожи в России и Республике Беларусь. Однако можно сделать вывод, что существующие отличия приближают правовой статус члена добровольной дружины Республики Беларусь к правовому статусу должностного лица.

Еще одной формой участия граждан в охране общественного порядка, уже не в составе организованного формирования, является внештатное сотрудничество с полицией.

В Российской Федерации внештатные сотрудники полиции не являются должностными лицами органов внутренних дел. Осуществляют свою деятельность на безвозмездной основе, под непосредственным руководством сотрудника полиции,

² Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=НК2100091> (дата обращения: 07.02.2024).

¹ Об участии граждан в охране правопорядка [Электронный ресурс]: закон Республики Беларусь от 26.06.2003 № 214-З. URL: <https://part.gov.by/documents/2023/profilactika/dobrovolnye-druzhiny/20230118-ohrana-pravoporydka.pdf> (дата обращения: 07.02.2024).

закрепленного за ним в установленном порядке¹. Законодательные требования к внештатным сотрудникам полиции аналогичны предъявляемым к дружинникам. И в целом правовой статус внештатных сотрудников полиции практически идентичен статусу народных дружинников. Согласимся с точкой зрения А. В. Шнитенкова, который полагает, что фактически и те и другие осуществляют функции представителя власти, но юридически не обладают таким статусом [5, с. 42]. Соответственно, их полномочия и результативность деятельности весьма ограничены. Считаем это неприемлемым и полагаем, что требуется оптимизация правового статуса внештатных сотрудников полиции и народных дружинников для более значительной вовлеченности граждан в охрану общественного порядка с большей результативностью. Для этого необходимо проанализировать правовое положение граждан, задействованных в охране правопорядка за рубежом, в частности на примере вспомогательных сотрудников полиции города Нью-Йорка, которые в определенной мере близки к правовому статусу внештатных сотрудников в России, но имеют ряд значительных отличий. Рассмотрим их подробнее.

Программа вспомогательной полиции Нью-Йорка — самая масштабная программа вспомогательной полиции в Соединенных Штатах Америки, в рамках которой тысячи офицеров-волонтеров ежегодно посвящают государственной службе более миллиона часов. Сотрудники вспомогательных служб обучены наблюдать за условиями, требующими внимания обычной полиции, и по возможности сообщать об этом, они помогают выполнять обязанности, не несущие угрозу жизни и здоровью [6].

Это гражданские мужчины и женщины, которые добровольно помогают местным полицейским участкам в зонах обслуживания территориальной полиции и в транзитных районах, выступая в качестве «глаз и ушей» района посредством пешего, автомобильного и велосипедного патрулирования.

К вспомогательным полицейским предъявляются следующие требования:

1) возраст не младше 17 и не старше 65 лет (для лиц старше 60 лет устанавливаются дополнительные ограничения на исполнение служебных обязанностей);

2) житель города Нью-Йорка;

3) хорошее здоровье и здоровая психика;

4) отсутствие судимостей за совершение преступлений;

5) гражданство США или легальное пребывание на территории США;

6) достойная биография и характеристики по месту жительства.

Будущие вспомогательные полицейские проходят 18-недельный 140-часовой «Курс базовой подготовки вспомогательной полиции», в рамках которого изучаются уголовное право, использование радиостанций, тактика защиты и самообороны без оружия и с прямой деревянной дубинкой, оказание первой помощи, техника надевания наручников и осуществляется физическая подготовка и др. По окончании курса обучающимися сдается письменный и практический экзамен, а также производится медицинское обследование здоровья. После успешной сдачи всех экзаменов, а также после завершения испытательного срока вспомогательным полицейским выдаются жетон и полицейское удостоверение, а также чек на первоначальное денежное довольствие. Сотрудники вспомогательной полиции, проходящие испытательный срок, должны работать вместе с действующим сотрудником полиции. В настоящее время лица, прошедшие отбор, осуществляют содействие полиции в следующих направлениях:

1) патрулирование на улицах города в соответствии с утвержденными маршрутами;

2) обеспечение дополнительного присутствия полиции в форме в местах массового скопления людей;

3) оказание помощи в регулировании дорожного движения при проведении массовых мероприятий или возникновении чрезвычайных ситуаций;

4) участие в профилактических мероприятиях по охране собственности, предупреждению угонов транспортных средств, а также помощи детям, находящимся в опасной жизненной ситуации [7].

Таким образом, сотрудники вспомогательной полиции, присутствуя на улицах города, эффективно способствуют повышению уровня осведомленности граждан о постоянном нахождении полиции в общественных местах.

Законодательство Нью-Йорка предусматривает следующие права вспомогательных полицейских:

- сотрудники вспомогательной полиции могут носить с собой и использовать прямые деревянные дубинки и наручники;

- сотрудники вспомогательной полиции могут задерживать нарушителей за мелкие правонарушения;

¹ Об утверждении Инструкции по организации деятельности внештатных сотрудников полиции [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 10.01.2012 № 8. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

- сотрудники вспомогательной полиции могут применять физическую силу при проведении ареста или когда лицо применяет физическую силу в отношении сотрудника полиции или другого лица.

Сотрудники вспомогательной полиции выполняют следующие обязанности:

1) в целях поддержания порядка и безопасности при проведении массовых мероприятий обязаны осуществлять управление потоками граждан;

2) координировать движение по дорогам и перекрывать улицы во время массовых мероприятий или чрезвычайных ситуаций;

3) осуществлять контроль за дорожным движением при неисправностях дорожного оборудования и авариях;

4) задерживать лиц, совершивших преступления или административные правонарушения;

5) оказывать медицинскую помощь лицам, нуждающимся в ней.

Предусмотрены определенные льготы и компенсации сотрудникам вспомогательной полиции, получившим ранения при исполнении служебных обязанностей. Кроме того, они получают ежегодное пособие на приобретение обмундирования.

Исходя из имеющихся полномочий, в вспомогательной полиции создаются следующие специализированные подразделения:

1) дорожный патруль;

2) портовое подразделение для патрулирования водных путей Нью-Йорка;

3) общегородская дорожная оперативная группа: офицеры патрулируют районы города, в которых наиболее сложная криминальная обстановка, а также часто несут службу во время проведения массовых мероприятий;

4) отдел нравов под прикрытием: для оказания помощи в борьбе с наркотиками, незаконной продажей алкоголя, ножей и аэрозольной краски.

Достаточно разнообразным является и материальное обеспечение деятельности вспомогательных полицейских. Для патрулирования ими используются:

- RMP (вспомогательная полицейская машина), такие автомобили окрашены в белый цвет со светло-голубыми наклейками;

- фургон на 15 пассажиров для обычного патрулирования и перевозки офицеров;

- велосипед;

- полицейская тележка для гольфа на электрическом приводе (используется только в районе Центрального парка Манхэттена).

Для защиты жизни и здоровья применяются бронежилеты уровня IIIA, такими же пользуются штатные сотрудники полиции. Бронежилет выдается в начале смены и после окончания несения службы сдается ответственному лицу в полицейском участке. Отличает вспомогательных полицейских от их коллег «под присягой»¹ то, что они не могут носить при себе огнестрельное оружие и использовать его на законных основаниях во время исполнения обязанностей. Кроме того, они не имеют права производить так называемый «полицейский арест», т. е. арест, при котором соблюдается «Правило Миранды», согласно которому каждому разъясняется и обеспечивается право на помощь адвоката с момента ареста или лишения личной свободы [8]. Кроме того, вспомогательные полицейские не обладают таким объемом льгот, как штатные сотрудники, и их жалование гораздо меньше (10–20 долларов в час). Они тоже носят форму полиции, но на полицейских жетонах можно заметить надпись «auxiliary», которая также присутствует на шевронах и автомобилях.

Работа граждан в качестве Auxiliary Police позволяет им ознакомиться с деятельностью полиции на практике и в дальнейшем вступить в ряды уже аттестованных полицейских. Фактически они являются подготовленным резервом для пополнения полицейских кадров.

Таким образом, в сравнении с гражданами, участвующими в охране общественного порядка в России, вспомогательные полицейские Нью-Йорка имеют гораздо более широкие полномочия для выполнения возложенных на них задач, а также их деятельность оплачивается, что оказывает влияние на формирование активной позиции граждан при охране общественного порядка.

Соответственно, считаем, что в нашей стране законодателю следует перенять некоторый зарубежный опыт для дальнейшего развития и совершенствования института участия граждан в охране общественного порядка.

Во-первых, необходимо изменить форму подготовки граждан к несению службы по охране общественного порядка, предусмотрев предварительный теоретический и практический курс, поскольку нынешний 30-минутный инструктаж явно не может дать достаточного уровня знаний и навыков.

¹ Штатные офицеры полиции по окончании полицейской академии приносят присягу (клятву на верность американскому флагу и обществу).

Во-вторых, следует установить гарантированную оплату труда таким гражданам, например, из средств муниципальных бюджетов, что будет повышать мотивацию к участию в охране общественного порядка. Это особенно актуально для привлечения молодых российских граждан, и сформировать резерв полицейских кадров.

В-третьих, наделить внештатных сотрудников полиции (народных дружинников) правом на применение специальных средств, снаряженных слезоточивыми или раздражающими веществами

(аэрозольными распылителями), а также средств ограничения подвижности (наручниками).

В-четвертых, наряду с существующим правом требовать прекращения противоправного поведения следует наделить их и правом задержания правонарушителей с последующей передачей задержанных сотрудникам полиции.

Таким образом, данные новеллы, предложенные на основе сравнительного анализа, могут способствовать развитию института участия граждан в охране общественного порядка.

Список источников

1. Дадыко В. В. Проблемы привлечения граждан к участию в охране общественного порядка // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: мат-лы ежегодной Всероссийской научно-практ. конф-ции: в 3 ч. (Санкт-Петербург, 20 марта 2015 г.). СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2015. Ч. III. С. 80–82.
2. Официальный сайт Администрации г. Барнаула. URL: https://barnaul.org/news/u-barnaulskikh-narodnykh-druzhinnikov-poyavilas-otlichitelnaya-simvolika__.html (дата обращения: 07.02.2024).
3. Официальный сайт партии Единая Россия в Алтайском крае. URL: <https://altai-ter.er.ru/activity/news/v-altajskom-krae-v-ohrane-obshestvennogo-poryadka-prinimayut-uchastie-pochti-chetyre-tysyachi-narodnyh-druzhinnikov?ysclid=ls4510sl6t349681581> (дата обращения: 07.02.2024).
4. Вопросы подготовки народных дружинников к действиям в условиях, связанных с применением физической силы, и по оказанию первой помощи [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 18.08.2014 № 696. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Шнитенков А. В. Уголовно-правовое положение народного дружинника и внештатного сотрудника полиции // Законность. 2017. № 7. С. 41–43.
6. Вспомогательная полиция Департамента полиции города Нью-Йорка. URL: <https://en-academic.com/dic.nsf/enwiki/1147630> (дата обращения: 07.02.2024).
7. Официальный сайт Департамента полиции Нью-Йорка. URL: <https://www.nyc.gov/site/nypd/index.page/> (дата обращения: 07.02.2024).
8. Конституционный Суд Российской Федерации: 30 лет на защите прав граждан. На примерах практики // КС РФ: официальный сайт. 2022. URL: <http://www.ksrf.ru/> (дата обращения: 18.01.2022).

References

1. Dadyko V. V. Problemy privlecheniya grazhdan k uchastiyu v ohrane obshestvennogo poryadka // Aktual'nye problemy administrativnogo i administrativno-processual'nogo prava: mat-ly ezhegodnoj Vserossijskoj nauchno-prakt. konf-cii: v 3 ch. (Sankt-Peterburg, 20 marta 2015 g.). SPb.: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2015. Ch. III. S. 80–82.
2. Oficial'nyj sajt Administracii g. Barnaula. URL: https://barnaul.org/news/u-barnaulskikh-narodnykh-druzhinnikov-poyavilas-otlichitelnaya-simvolika__.html (data obrashcheniya: 07.02.2024).
3. Oficial'nyj sajt partii Edinaya Rossiya v Altajskom krae. URL: <https://altai-ter.er.ru/activity/news/v-altajskom-krae-v-ohrane-obshestvennogo-poryadka-prinimayut-uchastie-pochti-chetyre-tysyachi-narodnyh-dr-uzhinnikov?ysclid=ls4510sl6t349681581> (data obrashcheniya: 07.02.2024).
4. Voprosy podgotovki narodnyh druzhinnikov k dejstviyam v usloviyah, svyazannyh s primeneniem fizicheskoy sily, i po okazaniyu pervoj pomoshchi [Elektronnyj resurs]: prikaz MVD Rossii ot 18.08.2014 № 696. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
5. Shnitenkov A. V. Ugolovno-pravovoe polozhenie narodnogo druzhinnika i vneshtatnogo sotrudnika policii // Zakonnost'. 2017. № 7. S. 41–43.
6. Vspomogatel'naya policiya Departamenta policii goroda N'yu-Jorka. URL: <https://en-academic.com/dic.nsf/enwiki/1147630> (data obrashcheniya: 07.02.2024).
7. Oficial'nyj sajt Departamenta policii N'yu-Jorka. URL: <https://www.nyc.gov/site/nypd/index.page/> (data obrashcheniya: 07.02.2024).

8. Konstitucionnyj Sud Rossijskoj Federacii: 30 let na zashchite prav grazhdan. Na primerah praktiki // KS RF: oficial'nyj sajt. 2022. URL: <http://www.ksrf.ru/> (data obrashcheniya: 18.01.2022).

Информация об авторе

A. G. Bachurin — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A. G. Bachurin — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 07.02.2024; одобрена после рецензирования 29.03.2024; принята к публикации 27.08.2024.

The article was submitted 07.02.2024; approved after reviewing 29.03.2024; accepted for publication 27.08.2024.

Алтайский юридический вестник. 2024. № 3 (47). С. 77–83.

Altai Law Journal. 2024. № 3 (47). P. 77–83.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 347.157:316.624

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ РОДИТЕЛЕЙ (ИНЫХ ЗАКОННЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ) ЗА ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ

Елена Евгеньевна Власенко

Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия, yelena.vlasenko.75@bk.ru

Аннотация. В статье приводится анализ правовых положений гражданского, уголовного, административного, семейного законодательства в сфере профилактики правонарушений среди несовершеннолетних, защиты их прав и интересов. Отмечается, что одним из факторов, способствующих подростковому делинквентному поведению, является отсутствие единой согласованной по целям и тактике политики различных субъектов профилактики при выявлении, пресечении, привлечении к административной и уголовной ответственности несовершеннолетних и лиц, причастных к вовлечению несовершеннолетних в противоправную деятельность. Рассматриваются вопросы ответственности родителей (законных представителей) за противоправное (девиантное) поведение несовершеннолетних детей, а также ответственности за семейно-бытовое насилие. Определяются отличительные особенности подростковых правонарушений. Обозначаются проблемы и пути их решения, связанные с профилактикой противоправных деяний несовершеннолетних. Отмечается особая роль семьи в вопросах воспитания подрастающего поколения.

Ключевые слова: несовершеннолетний, ответственность, правонарушение, родители (законные представители), девиантное поведение, профилактика

Для цитирования: Власенко Е. Е. Ответственность родителей (иных законных представителей) за девиантное поведение несовершеннолетних детей // Алтайский юридический вестник. 2024. № 3 (47). С. 77–83.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

RESPONSIBILITY OF PARENTS (OTHER LEGAL REPRESENTATIVES) FOR DEVIANT BEHAVIOR OF MINOR CHILDREN

Elena E. Vlasenko

Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, Krasnodar, Russia, yelena.vlasenko.75@bk.ru

Abstract. The article provides an analysis of the legal provisions of civil, criminal, administrative, and family legislation in the field of prevention of offenses among minors, protection of their rights and interests. It is noted that one of the factors contributing to adolescent delinquent behavior is the lack of a unified policy of various subjects of prevention coordinated in goals and tactics in identifying, suppressing, bringing to administrative and criminal responsibility minors and persons involved in the involvement of minors in illegal activities. The issues of responsibility of parents (legal representatives) for the illegal (deviant) behavior of minor children, as well as responsibility for domestic violence, are considered. The distinctive features of juvenile delinquency are determined. The problems are identified and the ways to solve them related to the prevention of illegal acts of minors are indicated. The special role of the family in the upbringing of the younger generation is noted.

Keywords: minor, responsibility, offense, parents (legal representatives), deviant behavior, prevention

For citation: Vlasenko E. E. Responsibility of parents (other legal representatives) for deviant behavior of minor children. *Altajskij juridicheskiy vestnik = Altai Law Journal*. 2024;3:77–83 (In Russ.).

© Власенко Е. Е., 2024

Проблема отклоняющегося поведения несовершеннолетних является одной из наиболее важных в государстве. В работе с несовершеннолетними основной задачей должно являться предупреждение правонарушений с их стороны.

Формирование отечественной системы профилактики противоправного поведения признается одним из наиболее важных и приоритетных направлений государственной политики в области национальной безопасности¹.

Основополагающие положения по вопросам профилактики безнадзорности, беспризорности несовершеннолетних, а также предупреждения совершения такими лицами правонарушений регламентированы Конституцией Российской Федерации². В главе 2 Конституции Российской Федерации «Права и свободы человека и гражданина» закреплен главный критерий правового демократического государства — главенство прав и свобод человека. Государство является гарантом соблюдения прав и свобод человека и гражданина. Вопросы, касающиеся прав и свобод, согласно п. «в» ст. 71 Конституции России отнесены к ведению Российской Федерации. Однако, несмотря на последовательно проводимую политику государства в обозначенной сфере исследования, в обществе продолжают сохраняться причины и условия, которые детерминируют развитие подростковых правонарушений³ и проявление новых видов девиантного поведения несовершеннолетних. Правонарушения несовершеннолетних являются составной частью общего числа правонарушений в стране. Так, по данным статистической отчетности за январь — октябрь 2023 г. несовершеннолетними лицами либо при их соучастии было совершено 21 903 преступления [1].

По итогам 2023 г. количество преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их участии, снизилось на 10,3 % (до 27 325). Число несовершеннолетних, принявших участие в совершении уголовно наказуемых деяний, сократилось на 15,1 % (с 26,3 тыс. до 22,3 тыс.).

Проблемы профилактики подростковых правонарушений связаны как с социально-экономи-

ческими, культурными факторами, так и особенностями переходного возраста: недостаточным жизненным опытом, антагонизмом к запретам и предписаниям, стремлением к самостоятельности и самоутверждению наряду с неустойчивой самооценкой. К отличительным особенностям подростковых правонарушений относятся:

1. Преимущественно высокая скрытность (латентность). На это оказывают влияние как особенности правового положения таких субъектов, так и физиологические, личностные особенности несовершеннолетних.

2. Неоправданная (немотивированная) жестокость. Зачастую в данном возрастном периоде это детерминировано особенностями психофизического развития подростков. Совершение тяжких преступлений зачастую происходит спонтанно. Чаще всего агрессивное поведение этих лиц напрямую зависит от страха перед более сильным противником. Часто наблюдается не совсем адекватная оценка подростком своих и чужих возможностей.

3. Групповой характер преступлений. В зависимости от возрастных категорий, вида уголовно наказуемого деяния и территориального расположения данный показатель в 2–5 раз выше, чем аналогичной преступности у взрослых. Чаще всего преступления совершаются с участием лиц в возрасте 14 лет. Основной причиной данной ситуации являются возрастные психологические особенности. Совершать преступления в группе несовершеннолетнему кажется безопаснее, т. к. ответственен за происходящее не только он один. Совершая преступления в группе, подросток теряет свои индивидуальные черты характера, а поведение обусловлено настроением группы в целом. Несовершеннолетний преступник не представляет такой опасности, как может представлять, находясь в группе. Чаще всего группой лиц совершаются разбойные нападения, грабежи и кражи. В данном возрастном периоде групповой характер могут носить еще и такие явления, как наркомания, половая распущенность и уличное хулиганство. Чаще всего группы несовершеннолетних состоят из 2–3 человек.

За 2023 год доля несовершеннолетних участников групповых преступлений в общей массе несовершеннолетних участников уголовных правонарушений составила 39,7 %. В шести регионах Российской Федерации она достигает почти половины в общем числе фигурантов уголовных правонарушений либо превышает ее.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Российская газета. 1993. 25 дек. № 237.

² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (ч. II), ст. 5351.

³ В данной статье понятие «правонарушение» используется в широком смысле, относящееся как к административно, так и к уголовно наказуемым деяниям.

4. Жертвами преступлений несовершеннолетних часто становятся незащищенные категории граждан, такие как одинокие, пожилые люди, женщины, лица в состоянии алкогольного опьянения.

5. Предметы противоправных посягательств. Часто при хищениях в силу отсутствия жизненного опыта и знаний не осознается ценность предметов. Зачастую предметами хищения становятся продукты питания и спиртные напитки.

Кроме того, одним из немаловажных факторов, способствующих подростковому девиантному поведению, является отсутствие единой согласованной по целям и тактике политики различных субъектов профилактики при выявлении, пресечении, привлечении к административной и уголовной ответственности несовершеннолетних и лиц, причастных к вовлечению несовершеннолетних в противоправную деятельность.

Согласимся с мнением Д. В. Вечерниковой, которая отмечает, что способами противодействия деструктивному молодежному поведению должны стать «совершенствование форм и методов воспитания и правового образования детей и молодежи, совершенствование деятельности всех субъектов профилактики» [2].

Помимо непосредственного совершения правонарушений, к факторам, повышающим степень их общественной опасности, относятся также вовлечение новых несовершеннолетних в деструктивную деятельность, в т. ч. в экстремистскую, радикальную пропаганду стиля общения по «законам» криминального мира (АУЕ), группы суицидальной направленности, употребление наркотических средств и алкогольной продукции.

Характеризуя личность несовершеннолетнего правонарушителя, необходимо обращать внимание на пробелы в их правосознании. Его несформированность приводит к незнанию закона, негативному отношению к общеустановленным нормам и правилам и наталкивает подростков на мысли о несправедливости окружающего мира. Особая роль в восприятии объективной реальности здесь отводится окружению несовершеннолетних, основополагающее значение в котором занимают институт семьи и роль законных представителей, опекунов и т. п. несовершеннолетнего в процессе его воспитания, обучения, проведения им досуга. Вместе с тем нередко встречаются случаи, когда несовершеннолетние, совершающие правонарушения, сами подвергались семейно-бытовому насилию. Насилие может проявляться не только физически, но и морально. Вместе с тем законодательно закрепленное понятие «семейно-бытовое

насилие» отсутствует. Необходимо обратить внимание и на пробелы административного и административно-процессуального законодательства в части привлечения к ответственности лиц, совершающих действия насильственного характера в отношении несовершеннолетних, не содержащие признаки уголовно наказуемого деяния. Дела по таким административным правонарушениям возбуждаются на основании заявления потерпевшего. Учитывая, что несовершеннолетний находится под давлением взрослых и, соответственно, не подает заявления, привлечь к ответственности семейного дебошира не представляется возможным.

Привлечение к ответственности по ст. 6.1.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях Российской Федерации¹ (далее — КоАП РФ) не отражает все проявления семейно-бытового насилия, которые могут выражаться в том числе и в психологическом давлении. Всё это свидетельствует о необходимости внесения изменений в действующее законодательство, что позволит ликвидировать правовую неопределенность и устранил возможность злоупотребления правом.

Являясь одной из традиционных российских духовно-нравственных ценностей, крепкая семья, в которой присутствует взаимопомощь и взаимопомощь ее членов, обязанность родителей по воспитанию, в т. ч. и правовому, подрастающего поколения, может и должна стать основой, в которой прививаются моральные ценности и идеалы [3]. Не случайно на законодательном уровне закреплено, что ответственность за правонарушение, совершенное несовершеннолетним, возлагается в том числе и на его родителей (иных законных представителей). Чаще всего это обусловлено возрастом ребенка, в силу которого он не обладает полной правосубъектностью, т. е. способностью осуществлять юридические права и нести обязанности. Отечественное законодательство содержит ряд предписаний, устанавливающих возраст наступления ответственности для лиц, не достигших совершеннолетия. Вместе с тем зачастую и родители (иные законные представители) не знают и не могут справиться с воспитанием и приведением в норму девиантного поведения своих детей. С такими законными представителями и детьми необходимо проводить обоюдную воспитательную работу с привлечением педагогов и психологов.

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 196-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. I), ст. 1.

В связи с этим, на наш взгляд, необходимо создание специализированных социально-реабилитационных центров для законных представителей и несовершеннолетних с девиантным поведением.

Согласно нормам КоАП РФ к ответственности привлекаются граждане Российской Федерации с 16-летнего возраста. Необходимо обратить внимание на тот факт, что к лицам, подлежащим административной ответственности, но еще не достигшим совершеннолетия, как правило, комиссиями по делам несовершеннолетних применяются меры воздействия, предусмотренные КоАП РФ, в соответствии с Положением о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав¹.

Это объясняется тем обстоятельством, что именно эти коллегиальные органы имеют преимущественное право рассматривать дела о правонарушениях, совершенных лицами указанной возрастной категории. Из всего спектра административных наказаний, предусмотренных ст. 3.2 КоАП РФ, несовершеннолетним назначается предупреждение или административный штраф.

Учитывая, что несовершеннолетние лица, как правило, не имеют собственного заработка, назначенный административный штраф оплачивается родителями (законными представителями) подростка.

В случае совершения административного правонарушения лицом, не достигшим 16-летнего возраста, ответственность несут его родители (законные представители). Причем действующий КоАП РФ предусматривает ответственность специального субъекта лишь по ст. 20.22 КоАП РФ (за нахождение в состоянии опьянения несовершеннолетних, потребление (распитие) ими алкогольной и спиртосодержащей продукции либо потребление ими наркотических или психотропных веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ). Данное правонарушение выделено законодателем как наиболее опасное для жизни и здоровья самого подростка и влечет наложение административного штрафа на его законных представителей.

В остальных случаях, как правило, при совершении лицом, не достигшим возраста административной ответственности, правонарушения на родителей (законных представителей) составляется протокол по ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ, предусматри-

вающей ответственность за ненадлежащее исполнение обязанностей по содержанию и воспитанию подростков.

Сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации составляют протоколы по данной статье КоАП РФ на родителей (законных представителей) несовершеннолетних, если подростки систематически и без уважительных причин пропускают учебные занятия, нарушают установленные законодательством запреты курения табака, совершают мелкие кражи, агрессивно ведут себя по отношению к учителям или сверстниками, выражаются нецензурной бранью, т. е. демонстрируют девиантное поведение.

Особенность привлечения к административной ответственности законных представителей несовершеннолетних по ст. 5.35 КоАП РФ заключается в систематическом совершении подростком правонарушений. С содержательной стороны нормы ст. 5.35 КоАП РФ предусматривают ответственность именно за ненадлежащее поведение законных представителей по отношению к своим несовершеннолетним детям. Согласно нормам действующего законодательства, родители (законные представители) должны быть привлечены к административной ответственности по данной статье КоАП РФ в случае неисполнения возложенных на них обязанностей, вытекающих из семейного права России. Например, несоблюдение санитарных правил содержания детей (беспорядок в доме, грязь и т. д.), недостаточное обеспечение питанием, средствами гигиены, иными предметами первой необходимости, ограничение или отказ от медицинской помощи, демонстрация асоциального поведения при ребенке (например, употребление в присутствии несовершеннолетних алкогольной и иной спиртосодержащей продукции, наркотических или психотропных веществ, курение табака, демонстрация агрессивного поведения, грубая нецензурная брань, совершение иных противоправных или аморальных поступков).

Статьей 63 Семейного кодекса Российской Федерации² закреплена обязанность родителей по воспитанию и образованию детей. Так, в части 1 указанной статьи предписано, что родители или иные законные представители несут ответственность за воспитание, жизнь, здоровье, физическое, психическое, духовное и нравственное развитие.

¹ Об утверждении Примерного положения о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав [Электронный ресурс]: постановление Правительства Российской Федерации от 6 ноября 2013 г. № 995. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

² Семейный кодекс Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1, ст. 16.

Из вышеизложенного следует, что ст. 5.35 КоАП РФ нацелена в первую очередь на коррекцию поведения самих родителей (иных законных представителей), защиту прав и законных интересов несовершеннолетних детей. Однако правоприменители зачастую трактуют диспозицию статьи в ином ключе и, по сути, заменяют ею ответственность ребенка в том случае, когда он в силу возраста или по иным причинам не может быть привлечен к административной ответственности за свое противоправное поведение. Следует также обратить внимание на то, что меры административного принуждения, применяемые к несовершеннолетнему, могут быть заменены мерами общественного воздействия. Например, порицанием на общем собрании класса, школы, предложением публично принести извинения, передачей несовершеннолетнего на поруки класса.

Следующий вид ответственности, к которой может быть привлечен несовершеннолетний, — это уголовная ответственность, которая наступает за совершение уголовно наказуемых деяний. Примечательно, что согласно нормам Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ)¹, ответственность за совершенные преступления наступает в случае достижения на момент совершения преступления возраста 16 лет, а по преступлениям, перечисленным в ч. 2 ст. 20 УК РФ, — с 14-летнего возраста. В данном случае несовершеннолетний привлекается к уголовной ответственности, предусмотренной санкцией конкретной статьи УК РФ. Сам факт преступного деяния совершенного лицом, не достигшим совершеннолетия, является одним из обстоятельств, смягчающих уголовную ответственность (п. «б» ч. 1 ст. 61 УК РФ). В то же время необходимо индивидуально подходить к рассмотрению каждого факта совершения несовершеннолетним лицом противоправного деяния, поскольку могут проявляться индивидуальные особенности психоэмоционального, физиологического и интеллектуального развития человека. Вместе с тем несовершеннолетний не подлежит уголовной ответственности, если он достиг возраста уголовной ответственности, «но вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не мог в полной мере осознавать фактический характер

и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими»².

В случае привлечения несовершеннолетнего гражданина к уголовной ответственности закон предусматривает некоторые особенности. В частности, в Уголовном кодексе содержится специальная глава, регламентирующая особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних (глава 14 УК РФ). К таким особенностям относятся, например, ограничение сферы уголовной ответственности несовершеннолетних и замена ее на альтернативные меры (воспитательного характера, административно-правового воздействия и пр.). Кроме того, действующий Уголовный кодекс РФ предусматривает особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних, регламентированные разделом V УК РФ. В статье 88 УК РФ перечислены виды наказаний, назначаемых несовершеннолетним. Часть 2 указанной статьи прописывает, что штраф может быть назначен несовершеннолетнему осужденному как при наличии самостоятельного заработка или имущества, на которое может быть обращено взыскание, так и при отсутствии таковых. Данное пояснение предполагает, что в случае отсутствия у подростка средств для уплаты назначенного наказания в виде штрафа, его оплачивают родители (законные представители) несовершеннолетнего.

Можно сказать, что фактически осужденный несовершеннолетний никоим образом не «страдает» за совершенное преступление и его перевоспитание опять же ложится на плечи родителей, которые материально «пострадали» за преступление, совершенное их ребенком. Кроме того, в ряде случаев даже при освобождении несовершеннолетнего осужденного от наказания либо в случае прекращения уголовного дела или вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела потерпевшие вправе обратиться в суд в порядке гражданского судопроизводства с целью взыскания причиненного несовершеннолетним материального (физического, морального) ущерба, бремя возмещения которого опять же возлагается на родителей (законных представителей) совершившего правонарушение несовершеннолетнего. Например, 13-летний подросток М. умышленно повредил автомобиль соседа, с которым у него сложились личные неприязненные отношения, причинив тем самым владельцу значительный материальный ущерб. В действиях несовершеннолетнего М. формально усматриваются признаки преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 167 УК

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25, ст. 2954.

² Часть 3 статьи 20 УК РФ.

РФ, однако в возбуждении уголовного дела будет отказано согласно п. 2 ч. 1 ст. 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹. Владелец автомобиля вправе обратиться в суд в гражданском порядке и взыскать с родителей виновника сумму, потраченную на ремонт имущества. Это уже третий вид ответственности несовершеннолетних — гражданско-правовая ответственность, регулирующая имущественные отношения, которая, как правило, возлагается на родителей (законных представителей) подростка-виновника.

Немаловажной проблемой является и правильное установление законных представителей несовершеннолетних, находящихся под надзором в учреждениях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, т. к. это необходимо для установления субъекта административной ответственности для таких составов, как ч. 1 ст. 5.35 и ст. 20.22 КоАП РФ. Согласно п. 4 ст. 35 Гражданского кодекса Российской Федерации² ограниченно или полностью недееспособные граждане, помещенные под надзор в медицинские, образовательные или иные организации, оказывающие социальные услуги, в т. ч. для детей сирот или детей, оставшихся без попечения родителей, не могут получить назначение опекуна или попечителя. В указанных случаях их обязанности возлагаются на указанные выше специализированные организации. В данной ситуации субъектом административной ответственности в случае совершения правонарушений, предусмотренных ч. 1 ст. 5.35 КоАП РФ и ст. 20.22 КоАП РФ, являются конкретные должностные лица организации, которые виновны в неисполнении или исполнении ненадлежащим образом своих служебных обязанностей, связанных с воспитанием и содержанием детей.

Таким образом, понятие «правонарушение несовершеннолетних» может рассматриваться как нарушение лицами от четырнадцати до восемнадцати

лет норм, установленных действующим законодательством.

Родители (законные представители) несовершеннолетних могут нести юридическую ответственность за противоправное поведение своих детей. Как правило, это административная ответственность, выраженная в санкциях материального характера, стимулирующая родителей или иных законных представителей уделять больше времени воспитанию несовершеннолетних, организации их досуга, усилению контроля за кругом их общения и поведением.

При этом существующая процедура привлечения несовершеннолетних к административной ответственности практически исключает их из субъектов, которые претерпевают негативные последствия материального характера от своих противоправных действий.

В силу этого обстоятельства считаем необходимым акцентировать внимание научного сообщества на проблеме сокращения юрисдикционных полномочий комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав по привлечению к административной ответственности несовершеннолетних, проработке механизма назначения в судебном порядке несовершеннолетним такого вида административных наказаний, как обязательные работы. Полагаем, что указанные меры могли бы повысить эффективность профилактической работы, приобщать несовершеннолетних к общественно полезной деятельности и тем самым стимулировать их законопослушное поведение. Кроме того, на наш взгляд, необходимо рассмотреть вопрос о создании социально-реабилитационных центров для законных представителей и несовершеннолетних с девиантным поведением. В таких центрах на обязательной основе проводить психолого-педагогическое воспитание и обучение как самих законных представителей, так и несовершеннолетних.

Список источников

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — октябрь 2023 г. URL: <https://мвд.рф/reports/item/44036297/> (дата обращения: 20.12.2023).
2. Вечерникова Д. В. Профилактика правонарушений экстремистской направленности в молодежной среде // Административно-правовое регулирование правоохранительной деятельности: теория и практика: мат-лы Международной научно-практ. конф-ции (Краснодар, 9 июня 2023 г.) / редкол.: К. Д. Рыл-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I), ст. 4921.

² Гражданский кодекс Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32, ст. 3301.

ченко, А. Г. Белый, А. Д. Абрамкин [и др.]. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2023. С. 43–46.

3. Марина А. А., Вечерникова Д. В. Актуальные проблемы современного института семьи в России // Право и управление. 2023. № 6. С. 182–185.

References

1. Kratkaya harakteristika sostoyaniya prestupnosti v Rossijskoj Federacii za yanvar' — oktyabr' 2023 g. URL: <https://mvd.rf/reports/item/44036297/> (data obrashcheniya: 20.12.2023).

2. Vechernikova D. V. Profilaktika pravonarushenij ekstremistskoj napravlenosti v molodezhnoj srede // Administrativno-pravovoe regulirovanie pravoohranitel'noj deyatel'nosti: teoriya i praktika: mat-ly Mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konf-cii (Krasnodar, 9 iyunya 2023 g.) / redkol.: K. D. Rydchenko, A. G. Belyj, A. D. Abramkin [i dr.]. Krasnodar: Krasnodarskij universitet MVD Rossii, 2023. S. 43–46.

3. Marina A. A., Vechernikova D. V. Aktual'nye problemy sovremennogo instituta sem'i v Rossii // Pravo i upravlenie. 2023. № 6. S. 182–185.

Информация об авторе

E. E. Vlasenko — кандидат юридических наук.

Information about the author

E. E. Vlasenko — Candidate of Science (Law).

Статья поступила в редакцию 08.02.2024; одобрена после рецензирования 29.03.2024; принята к публикации 27.08.2024.

The article was submitted 08.02.2024; approved after reviewing 29.03.2024; accepted for publication 27.08.2024.

Алтайский юридический вестник. 2024. № 3 (47). С. 84–89.

Altai Law Journal. 2024. № 3 (47). P. 84–89.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342.95:351.75

РОЛЬ УЧАСТКОВОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО ПОЛИЦИИ В ПОДБОРЕ И ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ ВНЕШТАТНОГО СОТРУДНИКА ПОЛИЦИИ

Алексей Геннадьевич Гришаков

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, grishakovag@buimvd.ru

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные аспекты деятельности участкового уполномоченного полиции по подбору кандидатов для внештатного сотрудничества и дальнейшей работы с ними на территории административного участка. Предлагается при изучении морально-деловых качеств претендентов на внештатное сотрудничество использовать несколько этапов, к которым автор относит первоначальные проверочные мероприятия по адресу фактического проживания кандидата, по месту его работы или учебы, а также получение дополнительных сведений, характеризующих гражданина, посредством опроса его близких родственников или близких лиц. Обосновываются перспективные направления деятельности, по которым возможно использование внештатного сотрудника полиции на закрепленной территории, даются рекомендации по отдельным вопросам данной работы.

Ключевые слова: административный участок, правонарушение, охрана общественного порядка, участковый уполномоченный полиции, внештатный сотрудник полиции, внештатное сотрудничество, личные и морально-деловые качества, отдельные поручения, списочный учет, профилактический учет, риск для жизни и здоровья

Для цитирования: Гришаков А. Г. Роль участкового уполномоченного полиции в подборе и организации работы внештатного сотрудника полиции // Алтайский юридический вестник. 2024. № 3 (47). С. 84–89.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

ROLE OF LOCAL POLICE OFFICER IN THE SELECTION AND ORGANIZATION THE WORK OF A FREELANCE POLICE OFFICER

Alexey G. Grishakov

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, grishakovag@buimvd.ru

Abstract. The article discusses certain aspects of the activities of local police officer in selecting candidates for freelance cooperation and further work with them on the territory of the administrative district. It is proposed to use several stages when studying the moral and business qualities of applicants for freelance cooperation, to which the author includes initial verification activities at the address of the candidate's actual residence, place of work or study, as well as obtaining additional information characterizing the citizen by interviewing his close relatives or close persons. Promising areas of activity in which it is possible to use a freelance police officer in an assigned territory are substantiated, and recommendations are given on certain issues of this work.

Keywords: administrative district, offense, protection of public order, local police officer, freelance police officer, freelance cooperation, personal and moral and business qualities, individual orders, list accounting, preventive accounting, risk to life and health

For citation: Grishakov A. G. Role of local police officer in the selection and organization the work of a freelance police officer. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2024;3:84–89 (In Russ.).

Участковый уполномоченный полиции в рамках служебной деятельности реализует большую часть основных направлений деятельности полиции, уделяя пристальное внимание обеспечению правопорядка на территории обслуживаемого административного участка. При несении службы происходит активное взаимодействие с различными институтами гражданского общества как в сфере охраны общественного порядка [1, с. 22–23; 2, с. 24–25], так и по отдельным направлениям административной деятельности полиции [3, с. 27–32; 4, с. 65–68]. В последнее время профильным главком центрального аппарата МВД России¹ делается акцент на поддержании правопорядка в жилом секторе административного участка, а также на роли участкового уполномоченного полиции в профилактике административных правонарушений и преступлений. Значительный вклад в правоприменительную деятельность органов внутренних дел и участковых уполномоченных полиции вносят внештатные сотрудники полиции.

Подразделения участковых уполномоченных полиции территориальных органов МВД России наделены компетенцией по привлечению граждан к сотрудничеству в качестве внештатных сотрудников полиции в целях участия в охране общественного порядка и реализации иных направлений деятельности полиции. В частности, для защиты личности, общества, государства от противоправных посягательств, предупреждения и пресечения преступлений и административных правонарушений, поиска лиц, обеспечения правопорядка в общественных местах. Так, в Алтайском крае по состоянию на 1 апреля 2024 г. в подразделениях участковых уполномоченных полиции было привлечено к внештатному сотрудничеству 530 человек, из них в городе Барнауле — 172. При этом с начала года с участием внештатных сотрудников полиции было раскрыто 167 преступлений, в краевой столице — 13².

Правовую основу деятельности участкового уполномоченного полиции по привлечению граждан к внештатному сотрудничеству с органами внутренних дел составляют федеральные законы «О полиции»³, «Об участии граждан в охране

¹ Главное управление по обеспечению охраны общественного порядка и координации взаимодействия с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации Министерства внутренних дел Российской Федерации.

² Статистическая информация предоставлена УОДУУПиПДН ГУМВД России по Алтайскому краю.

³ О полиции [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. До-

общественного порядка»⁴, а также два ведомственных приказа: «Об утверждении Инструкции по организации деятельности внештатных сотрудников полиции»⁵ и «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности»⁶.

На сегодняшний день внештатным сотрудником полиции может быть любой гражданин Российской Федерации, достигший возраста семнадцати лет, изъявивший желание оказывать помощь полиции и привлекаемый к сотрудничеству на добровольной, гласной и безвозмездной основе. При этом внештатный сотрудник полиции принимает участие в деятельности подразделений участковых уполномоченных полиции под непосредственным руководством участкового уполномоченного полиции, закрепленного за ним приказом руководителя территориального органа МВД России.

В рамках ретроспективного анализа нельзя не напомнить, что еще десять лет назад сотрудникам органов внутренних дел рекомендовалось осуществлять поиск и подбор кандидатов для работы в качестве внештатных сотрудников милиции с учетом предыдущей трудовой деятельности в правоохранительных органах. Внештатные сотрудники милиции подбирались, как правило, из числа народных дружинников, а также пенсионеров — бывших сотрудников органов внутренних дел, федеральных органов государственной безопасности, юстиции, прокуратуры и военнослужащих. В настоящий момент вышеперечисленные требования не являются приоритетными, в то же время полагаем, что не следует исключать из виду имеющийся положительный опыт работы милиции в данном направлении.

Участковый уполномоченный полиции при осуществлении поиска кандидатов в качестве внештатных сотрудников полиции в первую оче-

ступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Об участии граждан в охране общественного порядка [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Об утверждении Инструкции по организации деятельности внештатных сотрудников полиции [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 10 января 2012 г. № 8. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

редь рассматривает лиц, проживающих на территории административного участка, предварительно изучив и проверив их личные и морально-деловые качества. Такая работа проводится в процессе осуществления профилактического обхода административного участка, при проведении поквартирного и подворового обхода обслуживаемой территории, а также при приеме граждан в участковом пункте полиции.

Реализуя данные формы несения службы, участковый уполномоченный полиции знакомится с населением и сотрудниками предприятий, учреждений и организаций, расположенных на административном участке. При установлении контактов и партнерских доверительных отношений с гражданами следует выяснять их отношение к внештатному сотрудничеству с полицией. Также необходимо обозначить направления работы, по которым будет осуществляться взаимодействие, довести права и обязанности, установленные федеральным законодательством, разъяснить, что внештатные сотрудники полиции не являются должностными лицами органов внутренних дел и оказывают помощь гласно на безвозмездной основе.

В процессе рассмотрения кандидатур в первую очередь следует обращать внимание на бывших сотрудников правоохранительных органов, уволившихся с федеральной государственной службы не по отрицательным мотивам, т. к. указанные лица имеют практический опыт правоприменительной деятельности. В качестве кандидатов целесообразно рассматривать лиц, ранее проходивших службу в подразделениях органов внутренних дел (полиции), федеральной службы исполнения наказаний, Росгвардии, федеральной таможенной службы, федеральной службы судебных приставов, органов прокуратуры и бывших военнослужащих. Кроме этого, целесообразно привлекать для внештатного сотрудничества граждан, состоящих в различных общественных объединениях правоохранительной направленности, в т. ч. бывших членов народных дружин.

При подборе кандидатов для внештатного сотрудничества и изучении их морально-деловых качеств участковый уполномоченный полиции должен учитывать ряд ограничений, установленных федеральным законодательством, не позволяющих привлекать граждан к участию в охране общественного порядка или другим мероприятиям по основным направлениям деятельности органов внутренних дел. К примеру, внештатными сотрудниками полиции не могут быть граждане, имеющие неснятую или непогашенную судимость или

в отношении которых осуществляется уголовное преследование.

При рассмотрении кандидатуры лица, изъявившего желание оказывать внештатное сотрудничество и соответствующего установленным критериям отбора и ограничениям, участковый уполномоченный полиции приступает к изучению его личных и морально-деловых качеств. Первоначально проводятся мероприятия по адресу фактического проживания кандидата в целях получения информации, характеризующей его взаимоотношения с окружающими. Для объективности целесообразно провести опрос граждан, проживающих не только в квартирах, расположенных на одной лестничной площадке, но и на других этажах в подъезде жилого дома проверяемого лица.

Используя предложенный прием, участковый уполномоченный полиции получает реальную картину, характеризующую кандидата к внештатному сотрудничеству с положительной или отрицательной стороны. Например, личные неприязненные отношения между гражданами, проживающими по соседству, иногда возникают вследствие затянувшегося конфликта на фоне гражданско-правовых отношений. В такой ситуации второй стороной бытового конфликта в целях подрыва авторитета и репутации проверяемого лица могут даваться негативные характеристики, несоответствующие действительности. И наоборот, поступают исключительно положительные отзывы на гражданина, зарекомендовавшего себя не лучшим образом в общении с окружающими, из-за боязни соседей испортить с ним дальнейшие отношения.

Также следует составить беседы с председателем товарищества собственников жилья или жилищного кооператива, старшим по дому или подъезду, на которых возложены обязанности по урегулированию текущих вопросов по содержанию общего имущества многоквартирного дома. От указанных лиц может быть получена информация, дающая представление о взаимоотношениях кандидата к внештатному сотрудничеству с жильцами дома, в т. ч. об его участии в общих собраниях или благоустройстве придомовой территории. Наравне с этим выясняется наличие или отсутствие у проверяемого лица задолженностей в ежемесячных платежах за предоставляемые услуги в сфере жилищно-коммунального хозяйства. Кроме этого, указанные лица могут предоставить сведения о неправомерном использовании кандидатом общей придомовой территории многоквартирного дома, в т. ч. совершении иных нарушений администра-

тивного, финансового, жилищного или гражданского законодательства.

Вторым этапом по изучению участковым уполномоченным полиции личных и деловых качеств кандидата на внештатное сотрудничество являются проверочные мероприятия по месту его работы или учебы. Проводится опрос руководителей и отдельных сотрудников учреждения, предприятия или образовательной организации, в которых он работает или обучается, в целях выяснения его взаимоотношений в трудовом коллективе или учебной группе. Устанавливается круг лиц, с которыми он поддерживает дружеские отношения не только на рабочем месте или в процессе обучения, но и в личное время на фоне общих увлечений и интересов. Определяются направления деятельности, где кандидат достиг высоких профессиональных результатов и которые можно активно использовать при внештатном сотрудничестве с полицией.

Третий этап, позволяющий получить дополнительные сведения, характеризующие кандидата, включает в себя опрос его близких родственников или близких лиц. Из бесед с ними выясняется отношение семьи и ближайшего окружения к предстоящей правоохранительной деятельности кандидата, связанной с оказанием помощи органам внутренних дел. Проводится правовое информирование указанных лиц с разъяснением направлений деятельности полиции, по которым будет привлекаться к сотрудничеству внештатный сотрудник полиции. Обращается внимание, что кандидат привлекается к данной деятельности на добровольной, гласной и безвозмездной основе.

Предложенные этапы установления вышеперечисленных сведений, позволяющих изучить личные и морально-деловые качества кандидата, могут осуществляться сотрудником полиции в различной последовательности и дополняться иными проверочными мероприятиями с учетом особенностей региона, обычаев или традиций конкретной местности. По результатам изучения и проверки предполагаемого кандидата участковый уполномоченный полиции готовит на имя руководителя территориального органа МВД России подробный рапорт с указанием вывода о возможности либо невозможности его зачисления в качестве внештатного сотрудника полиции. При принятии положительного решения по представленной кандидатуре готовится приказ о зачислении такого лица внештатным сотрудником полиции с указанием сотрудника органа внутренних дел, координирующего его деятельность.

В процессе административной деятельности на обслуживаемом участке участковый уполномоченный полиции лично руководит правоохранительной деятельностью внештатного сотрудника полиции. Например, дает конкретные поручения, инструктирует о способах их выполнения, осуществляет контроль их исполнения. Участвует в проведении занятий по обучению внештатного сотрудника полиции формам и методам работы по охране правопорядка и профилактике правонарушений. Кроме того, повышает правовую грамотность внештатных сотрудников полиции, а также распространяет положительный опыт работы и вносит предложения по ее совершенствованию.

Участковый уполномоченный полиции организует работу с внештатным сотрудником полиции в рамках ежедневной административной деятельности на территории закрепленного участка, а также при проведении профилактических или иных рейдовых мероприятий. На наш взгляд, целесообразно привлекать внештатных сотрудников полиции для мониторинга имеющихся систем видеонаблюдения, находящихся на территории административного участка, в целях их использования при установлении лиц, совершивших правонарушения и преступления. Располагая информацией о наличии камер видеонаблюдения, местах их установки, порядке получения доступа к электронным файлам и срокам хранения, можно оперативно установить виновных лиц и принять меры к их задержанию и привлечению к ответственности.

Внештатному сотруднику полиции вполне уместно давать поручения, направленные на увеличение количества имеющихся систем видеонаблюдения, размещенных в жилом секторе административного участка. Данная работа проводится посредством разъяснения гражданам, председателям товариществ собственников жилья или жилищных кооперативов, старшим по домам и подъездам целесообразности установки систем видеонаблюдения по периметру придомовой территории многоквартирного дома с обзором парковочных мест автотранспорта.

Кроме этого, не следует недооценивать помощь внештатных сотрудников полиции в выявлении на административном участке притонов для незаконного потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также мест сбыта наркотических средств. Внештатному сотруднику полиции даются поручения проводить разъяснительную работу с дворниками, старшими по домам и подъездам, гражданами, проживающими на первых этажах многоквартирных домов,

ориентируя их на выявление дворов, подъездов и прилегающих территорий, где могут сбываться наркотические средства, в т. ч. бесконтактным способом посредством закладок.

Участковый уполномоченный полиции может привлекать внештатных сотрудников полиции при проведении просветительских и профилактических мероприятий в школах и иных образовательных организациях, расположенных на обслуживаемом административном участке. Сюда можно отнести тематические выступления, демонстрацию фильмов, совместное проведение круглых столов, индивидуальных и групповых бесед, лекционных занятий, направленных на информирование обучающихся о вреде здоровью вследствие употребления табачной и алкогольной продукции, наркотических средств или психотропных веществ, а также новых потенциально опасных психоактивных веществ. Также неплохо зарекомендовали себя и коллективные просмотры видеосюжетов и документальных фильмов об экстремистских проявлениях в подростковой и молодежной среде с последующим обсуждением имеющихся проблем в нормативно-правовом регулировании и своевременном выявлении рассматриваемых правонарушений в стране и регионе.

Другим направлением деятельности полиции, в котором целесообразно использовать граждан, осуществляющих внештатное сотрудничество, является получение сведений о поведении лиц, допускающих правонарушения в семейно-бытовой сфере и состоящих на профилактическом учете органов внутренних дел. Характеризующая информация может быть получена от соседей по лестничной площадке контролируемого лица или граждан, проживающих в подъезде многоквартирного дома. Аналогичные мероприятия могут проводиться в отношении лиц, совершивших административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность при проведении публичных или официальных спортивных мероприятий.

Еще одним не менее актуальным вопросом, решаемым участковым уполномоченным полиции посредством привлечения ресурсов внештатных сотрудников полиции, является получение сведений о поведении лиц, больных алкоголизмом или наркоманией и представляющих опасность для окружающих, состоящих на списочном учете. Здесь же нам представляется вполне обоснованной работа по актуализации имеющихся данных на лиц, страдающих психическими расстройствами, состоящих на учете в медицинской организа-

ции и представляющих опасность для окружающих.

Зачастую участковый уполномоченный полиции дает поручения по установлению лиц, вовлекающих несовершеннолетних в потребление никотинсодержащей продукции, курение табака, употребление пива и иных алкогольных напитков, наркотических средств, психотропных и одурманивающих веществ, в т. ч. выявлению лиц, пропагандирующих педофилию или распространяющих среди несовершеннолетних информацию, демонстрирующую нетрадиционные сексуальные отношения или предпочтения либо способную вызвать у несовершеннолетних желание сменить пол.

Наряду с этим внештатным сотрудником полиции выявляются места концентрации несовершеннолетних, в которых происходит систематическое употребление никотинсодержащей и алкогольной продукции, наркотических средств, психотропных или одурманивающих веществ, в т. ч. новых потенциально опасных психоактивных веществ. Поиск несовершеннолетних, пропавших без вести или самовольно ушедших из семей, тоже является востребованным направлением правоприменительной деятельности на территории административного участка.

В условиях активного развития объектов цифрового мира и в целом глобальной цифровизации современного общества вполне актуальным является использование внештатных сотрудников полиции при мониторинге различных электронных ресурсов. К примеру, социальных сетей и интернет-сайтов, групп популярных мессенджеров в целях установления лиц, проживающих на административном участке, осуществляющих разжигание межнациональной и религиозной розни или пропаганду экстремистской идеологии, занимающихся пропагандой или сбытом наркотических средств и психотропных веществ в жилом секторе, в т. ч. бесконтактным способом.

Сбор и систематизация сведений о лицах, проживающих на обслуживаемой территории и входящих в общественные объединения правоохранительной направленности или народные дружины, также могут осуществляться в рамках отдельных поручений участкового уполномоченного полиции. Указанные лица могут привлекаться для оказания помощи в охране места происшествия, при пресечении административных правонарушений и доставлении задержанных в территориальный орган. Кроме этого, внештатные сотрудники полиции используются для актуализации сведений о лицах, являющихся председателями товари-

ществ собственников жилья или жилищных кооперативов, старшими по домам и подъездам.

При организации работы на территории административного участка участковому уполномоченному полиции запрещается поручать внештатному сотруднику полиции самостоятельное производство следственных действий, проведение (участие в проведении) оперативно-розыскных мероприятий, составление протоколов об административных правонарушениях, а также проверку заявлений и сообщений о преступлениях и правонарушениях. Кроме этого, запрещено привлекать внештатного сотрудника полиции к участию в мероприятиях, заведомо связанных с риском для его жизни и здоровья, в т. ч. знакомить с документами, содержащими сведения, отнесенные к государ-

ственной тайне, и с иной информацией ограниченного пользования.

В заключение необходимо отметить, что грамотно организованная работа с внештатным сотрудником полиции позволит оперативно решать возложенные на участкового уполномоченного полиции задачи по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности в жилом секторе административного участка с наименьшими временными затратами. При этом количество граждан, привлеченных к внештатному сотрудничеству, не только частично «разгружает» служебное время участкового уполномоченного полиции, но и является одним из критериев оценки его правоприменительной деятельности на закрепленной территории.

Список источников

1. Маслакова Е. А. Органы местного самоуправления в системе субъектов профилактики правонарушений // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2023. № 3. С. 20–23.
2. Безруков А. В. Общественные формирования и органы публичной власти в обеспечении конституционного правопорядка: основные направления деятельности и формы сотрудничества // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 1. С. 21–25.
3. Ефимов А. А., Трусов А. И., Губарева Т. И. К вопросу о формах и сущности взаимодействия полиции с органами государственной власти субъектов РФ и местного самоуправления по вопросам профилактики правонарушений и защиты безопасности личности, государства и общества // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 6. С. 27–32.
4. Соколов В. А., Овсепян Г. М. Совершенствование нормативного правового регулирования охраны общественного порядка в период подготовки и проведения выборов Президента Российской Федерации // Административное право и процесс. 2021. № 3. С. 65–68.

References

1. Maslakova E. A. Organy mestnogo samoupravleniya v sisteme sub"ektov profilaktiki pravonarushenij // Municipal'naya sluzhba: pravovye voprosy. 2023. № 3. S. 20–23.
2. Bezrukov A. V. Obshchestvennyye formirovaniya i organy publichnoy vlasti v obespechenii konstitucionnogo pravoporyadka: osnovnyye napravleniya deyatel'nosti i formy sotrudnichestva // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2020. № 1. S. 21–25.
3. Efimov A. A., Trusov A. I., Gubareva T. I. K voprosu o formah i sushchnosti vzaimodejstviya policii s organami gosudarstvennoj vlasti sub"ektov RF i mestnogo samoupravleniya po voprosam profilaktiki pravonarushenij i zashchity bezopasnosti lichnosti, gosudarstva i obshchestva // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. 2022. № 6. S. 27–32.
4. Sokolov V. A., Ovsepyan G. M. Sovershenstvovanie normativnogo pravovogo regulirovaniya ohrany obshchestvennogo poryadka v period podgotovki i provedeniya vyborov Prezidenta Rossijskoj Federacii // Administrativnoe pravo i process. 2021. № 3. S. 65–68.

Информация об авторе

А. Г. Гришаков — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A. G. Grishakov — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 05.04.2024; одобрена после рецензирования 23.05.2024; принята к публикации 27.08.2024.

The article was submitted 05.04.2024; approved after reviewing 23.05.2024; accepted for publication 27.08.2024.

Алтайский юридический вестник. 2024. № 3 (47). С. 90–94.

Altai Law Journal. 2024. № 3 (47). P. 90–94.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342.9:343.262

К ВОПРОСУ О ЮРИДИЧЕСКОМ ЗАКРЕПЛЕНИИ И ИСПОЛНЕНИИ АДМИНИСТРАТИВНОГО НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ РАБОТ

Олег Николаевич Дядькин

Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Россия, krimvngu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1887-2977>

Аннотация. Автор исследует правовое регулирование установления и порядка исполнения нового для отечественного законодательства об административных правонарушениях наказания в виде обязательных работ. Проведенные анализы действующего КоАП РФ и зарубежных кодексов об административных правонарушениях позволили выделить отдельные аспекты, которые в дальнейшем станут основанием применения обязательных работ за административные правонарушения. Это касается уточнения категорий лиц, которым допустимо применение обязательных работ, сроков, допускающих осуществление бесплатных общественно полезных работ, а также процедуры их назначения — дача согласия делинквента на их исполнение. В статье путем внесения отдельных дополнений и изменений предложена новая редакция статьи 3.13 КоАП РФ «Обязательные работы».

Ключевые слова: обязательные работы, общественные работы, лица пенсионного возраста, сроки обязательных работ, согласие на выполнение обязательных работ

Для цитирования: Дядькин О. Н. К вопросу о юридическом закреплении и исполнении административного наказания в виде обязательных работ // Алтайский юридический вестник. 2024. № 3 (47). С. 90–94.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

ON THE ISSUE OF LEGAL CONSOLIDATION AND EXECUTION OF ADMINISTRATIVE PUNISHMENT IN THE FORM OF COMPULSORY LABOR

Oleg N. Dyadkin

Vladimir State University, Vladimir, Russia, krimvngu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1887-2977>

Abstract. The author examines the legal regulation of the establishment and procedure for the implementation of punishment in the form of compulsory labor, which is new to domestic legislation on administrative offenses. The analyzes of the current Code of Administrative Offenses of the Russian Federation and foreign codes on administrative offenses made it possible to highlight certain aspects that will make it possible in the future to effectively apply compulsory labor for administrative offenses. This concerns clarification of the categories of persons for whom the use of compulsory labor is permissible, the terms allowing the implementation of free socially useful works, as well as the procedure for their appointment — giving the consent of the delinquent to their execution. The article, by introducing individual additions and changes, proposes a new version of Article 3.13 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation «Compulsory Work».

Keywords: compulsory work, public works, persons of retirement age, terms of compulsory work, consent to perform compulsory work

For citation: Dyadkin O. N. On the issue of legal consolidation and execution of administrative punishment in the form of compulsory labor. *Altajskij juridicheskiy vestnik = Altai Law Journal*. 2024;3:90–94 (In Russ.).

Административное и административно-процессуальное законодательство в соответствии с п. к) ст. 72 Конституции Российской Федерации¹ относится к совместному ведению России и ее субъектов. Но при этом законы субъектов Российской Федерации в качестве наказаний за установленные ими административно-правовые деликты могут вводить только предупреждение и административный штраф. Другие административные наказания, включая и обязательные работы, могут назначаться только за административные правонарушения, подведомственность которых относится к федеральным органам исполнительной власти.

Обязательные работы среди существующих административных наказаний выделяются из них своим названием и юридическим закреплением, что ведет к определенным проблемам их назначения и последующего исполнения. На сегодняшний день существует 10 видов административных наказаний, из которых в пяти присутствует прилагательное административный (административное); конфискация орудия или предмета административного правонарушения (в уголовном праве такая санкция выступает в качестве иной меры уголовно-правового характера, но не наказания); два — по сути совпадают с уголовными наказаниями, но разнятся по названию (лишение специального права и дисквалификация); предупреждение (только закреплено как административно-правовая санкция) и обязательные работы, которые имеют одинаковое название в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ) и КоАП РФ, что создает неопределенность в изучении и исследовании данного феномена². В связи с этим поддерживаем высказывания авторов об изменении данного наказания на *административные* обязательные работы. По нашему убеждению, масса проблем, связанных с практической реализацией обязательных работ за совершенные административные правонарушения, кроется в их юридическом закреплении и процессе исполнения. Не учитываются практика их назначения и зарубежный опыт назначения и исполнения обязательных работ (общественных работ).

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Обычно наказания, закрепленные в КоАП РФ, в своих названиях имеют прилагательное «административный» (штраф, арест), в УК РФ в названиях деяний это прилагательное не предусмотрено (предупреждение, дисквалификация и т. п.).

По результатам изучения статистических сведений, официально предоставляемых Федеральной службой судебных приставов с 2013 г. [1], можно сделать выводы о сложности исполнения обязательных работ. Так, за период 2013–2020 гг. наблюдается динамика ежегодного увеличения окончанных и прекращенных производств по исполнению обязательных работ, среди показателей выделяются основания в связи с истечением срока давности исполнения. Так, в 2013 г. производств, в ходе которых обязательные работы не были исполнены в отведенные законом сроки, насчитывалось всего 38, в 2014 г. — 708, в 2015 г. — 271, в 2016 г. — 1 310, в 2017 г. — 2083, в 2018 г. — 9636, в 2019 г. — 13 628. По итогам 2020 г. этот показатель составил уже 18 404. В отчетах последующих лет, начиная с 2021 г., основания прекращения исполнительных производств не конкретизировались.

Также о трудностях исполнения обязательных работ в указанный временной период можно судить по числу лиц, подвергнутых обязательным работам за административные правонарушения, которые уклонились от их исполнения. Так, в 2013 г. насчитывался 131 «уклонист», далее число указанных лиц возрастает из года в год: 2014 г. — 2984, 2015 г. — 5329, 2016 г. — 7323, 2017 г. — 11 478, 2018 г. — 14 047, 2019 г. — 20 268. И только в 2020 г. наблюдается уменьшение числа правонарушителей, уклонившихся от исполнения данного наказания. Подобное снижение можно объяснить введением мероприятий, направленных на предупреждение и снижение случаев заражения COVID-19. Начиная с 2021 г. из отчетности ФССП России данный показатель исключили.

Обратимся последовательно к обозначенным актуальным вопросам и предложим пути их решения.

Согласно ч. 1 ст. 3.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях Российской Федерации (далее — КоАП РФ)³ «обязательные работы заключаются в выполнении физическим лицом, совершившим административное правонарушение, в свободное от основной работы, службы или учебы время бесплатных общественно полезных работ. Обязательные работы назначаются судьей». Первоначально можно сделать вывод о том, что такие работы могут назначаться только лицам, имеющим общественно полезную

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1), ст. 1.

занятость (работник, служащий, учащийся). Но практика показывает, что такое административное наказание может нести любое физическое лицо, которому исполнилось 16 лет. Исключение могут составлять правонарушители по состоянию здоровья (инвалиды 1 и 2 групп, беременные женщины); по обязанности воспитывать детей, не достигших возраста 3-х лет (распространяется только на женщин); проходящие военную службу или государственную службу иных видов, призванные на военные сборы¹.

Можно объяснить такой подход законодателя тем, что граждане, имеющие воинские или специальные звания, проходят государственную службу, которая не имеет временных рамок. Например, военная служба может осуществляться непрерывно долгое время (специальная военная операция предполагает командировки до шести месяцев). А отвлечение сотрудников ОВД, УИС, Следственного комитета Российской Федерации или Федеральной таможенной службы Российской Федерации от исполнения ими служебных обязанностей создает большие трудности в обеспечении защиты прав человека, правопорядка и мер противодействия преступности.

Вместе с тем непонятно, по какой причине обязательные работы распространяются на мужчину, воспитывающего ребенка, которому не исполнилось трех лет, не исключаем, что он может являться единственным родителем, что скажется на воспитании ребенка и заботе о нем. Поэтому необходимо словосочетание в ч. 3 ст. 3.13 КоАП РФ «женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет» заменить на «женщинам и мужчинам, ...». Полагаем, что требуется уточнить и правовой статус таких лиц — не имеющих детей..., а находящихся в отпуске по уходу за ребенком...

Кроме того, мы предлагаем дополнить указанный перечень лицами, которые являются пенсионерами по старости. Включить в ч. 1 ст. 3.13 КоАП РФ женщин, достигших 60 лет, и мужчин, которым исполнилось 65 лет. Так, Кодекс Республики Беларусь от 6 января 2021 г. № 91-3 (далее — КоАП РБ)² в п. 1) ч. 3 ст. 6.5 «Общественные работы» обязательные работы запрещает устанавливать для лиц, достигших общеустановленного пенсионного возраста. Следует обратить внимание на то, что в законодательстве об административных правонарушениях бывших республик СССР вме-

сто термина «обязательные работы» используются «общественные работы». При этом их сущность сродни обязательным работам, предусмотренным КоАП РФ. В отечественном законодательстве общественные работы, как правило, рассчитаны на привлечение к труду граждан, которые официально зарегистрированы как безработные, и подлежат оплате.

Ряд административистов сопоставляют введенные обязательные работы в 2012 г. в КоАП РФ с исправительными работами до 2-х месяцев, которые закреплялись в ст. 31 утратившего силу КоАП РСФСР. Суть исправительных работ сводилась к тому, что из заработной платы правонарушителя в доход государства ежемесячно могло удерживаться по решению суда до 20 %, что позволяло говорить о бесплатности части его работы.

Вместе с тем возникает спор о правильности правового регулирования назначения обязательных работ. Проблема кроется в том, что обязательные работы назначаются за административно-правовые деликты на основании постановления по делу об административном правонарушении, а не судебного приговора. Нормы международного права в целом закрепляют положения относительно принудительных и обязательных работ применительно к осужденным. Изучив данную проблему, С. Е. Чаннов пришел к выводу, что «практика европейских государств в настоящее время стоит на запрете использования наказания в виде обязательных работ к лицам, не находящимся в заключении, без их согласия» [2, с. 102]. Аналогичным образом рассматриваемая проблема решена в ч. 3 ст. 6.5 КоАП РБ. Мы предлагаем дополнить ч. 1 ст. 3.13 КоАП РФ словосочетанием «с согласия лиц...».

Не можем обойти стороной и тот факт, что сроки обязательных работ, предусмотренных в виде санкций за преступления и административные правонарушения, «перекрываются». Так, в соответствии с ч. 2 ст. 49 УК РФ время данного уголовного наказания устанавливается в пределах от 60 до 480 часов, а «административных» обязательных работ — от 20 до 200 часов. По нашему мнению, сроки и размеры административных наказаний должны быть меньше по сравнению с аналогичными в УК РФ³. В связи с этим предлагаем сроки обязательных работ в КоАП РФ закрепить в рамках от 20 до 60 часов, а ежедневный объем оставить как и раньше — не свыше четырех часов.

³ Ярким примером такого разделения может служить арест (от 1 до 6 месяцев) и административный арест (от одних до тридцати суток).

¹ Их перечень предусмотрен ст. 2.5 КоАП РФ.

² Кодекс Республики Беларусь от 6 января 2021 г. № 91-3. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=НК2100091> (дата обращения: 30.03.2024).

Отдельные авторы полагали, что обязательные работы станут конкурировать с административным арестом в части адекватной реакции на противоправные деяния, совершаемые представителями так называемых деклассированных элементов (нищими, бомжами и т. д.) [3, с. 46]. Но российский законодатель косвенно указал на статус субъектов, способных исполнить обязательные работы: «лица, осуществляющие трудовую деятельность, служащие или учащиеся» [4, с. 92]. Данная проблема может быть разрешимой по аналогии с КоАП Республики Узбекистан (далее — КоАП РУ)¹.

Так, ст. 28.1 КоАП РУ закрепляет, что общественные работы оплачиваются и выполняются правонарушителем по судебному решению от 80 до 240 часов. При этом оговаривается, что учащийся правонарушитель выполняет общественные работы в свободное от учебы время, и к ним, помимо иных категорий, не привлекаются постоянно работающие граждане. Обратим внимание на опыт узбекского законодателя, который ввел оплачиваемость общественных работ для лиц, не имеющих места работы. Таким образом, правонарушитель обязан оплачивать существующую для него задолженность в размере 50 %. Часть 5 ст. 28.1 КоАП РУ закрепляет механизм, обеспечивающий исполнение общественных работ, который предусматривает возможность замены данного вида наказания административным арестом или штрафом в соответствующей пропорции. Например, при замене общественных работ штрафом размер последнего определяется из расчета одной базовой величины² взамен восьми часов работ.

Данное положение требует внимательного изучения, анализа нормативно-правовых актов, правоприменительной практики и соотнесения

¹ Кодекс Республики Узбекистан об административной ответственности: утвержден Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2015-ХП (с изм. и доп. по состоянию на 31.10.2023). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421092&pos=5;-106#pos=5;-106 (дата обращения: 30.03.2024).

² С 1 мая 2023 г. на территории Республики Узбекистан, согласно Указу Президента Республики Узбекистан от 17 ноября 2023 г. № УП-196 «О повышении размеров заработной платы, пенсий и пособий» (см.: О повышении размеров заработной платы, пенсий и пособий: Указ Президента Республики Узбекистан от 17 ноября 2023 г. № УП-196. URL: <https://lex.uz/docs/6665687?ONDATE=01.02.2024> (дата обращения: 30.03.2024)), установлены: минимальный размер оплаты труда — 1 050 000 сумов в месяц = 7560 рос. руб. (в РФ МРОТ = 19 242; соотношение 1:2,55); базовая расчетная величина — 340 000 сумов в месяц (в переводе на 1 час ООР это будет 42 500 сум) = 2448 рос. руб. (1 узб. сум — 0,0072 рос. руб. (1000 сум = 7,2 рос. руб.).

с российскими реалиями. В дальнейшем, по нашему убеждению, это может решить проблему исполнения обязательных работ лицами, которые не заняты общественно полезным трудом и не имеют самостоятельного заработка. В настоящей работе мы не остановились на аспектах применения обязательных работ к несовершеннолетним правонарушителям, поскольку данная проблема требует самостоятельного освещения. Мы считаем, что применение обязательных работ к гражданам, не достигшим 18 лет, должно учитывать их способности к обучению и время, необходимое на подготовку к учебным занятиям; трудовые отношения, которые реализуются с участием их родителей (законных представителей). Немаловажным видится решение вопроса в случае, если несовершеннолетний правонарушитель будет уклоняться от исполнения обязательных работ. Фактически для данной категории оно отсутствует, поскольку уклонение от исполнения данной правовой санкции может повлечь за собой административный арест или административный штраф до 300 тысяч рублей. Во-первых, административный арест к несовершеннолетним не назначается, а во-вторых, «неподъемный» размер штрафа трудно исполним даже для взрослого, а в возрасте от 16 до 18 лет ребенок учится и не имеет по общему правилу собственного заработка. В подобных случаях административный штраф обязаны оплатить его законные представители (родители), а сам делинквент административной ответственности не понесет. Наши доводы только еще раз подтверждают непроработанность привлечения к обязательным работам лиц, которым не исполнилось 18 лет.

В результате проведенного исследования можно предложить несколько иную редакцию ст. 3.13 КоАП РФ, а именно:

«1. Обязательные работы заключаются в выполнении физическим лицом, совершившим административное правонарушение, в свободное от основной работы, службы или учебы время бесплатных общественно полезных работ. Обязательные работы назначаются судьей *с согласия правонарушителя*.

2. Обязательные работы устанавливаются на срок *от двадцати до шестидесяти часов* и отбываются не более четырех часов в день.

3. Обязательные работы не применяются к беременным женщинам, женщинам и *мужчинам, находящимся в отпуске по уходу за ребенком*, инвалидам I и II групп, военнослужащим, гражданам, призванным на военные сборы, а также к имеющим специальные звания сотрудникам Следственного

комитета Российской Федерации, органов внутренних дел, войск национальной гвардии Российской Федерации, органов и учреждений уголовно-исполнительной системы, органов принудительного исполнения Российской Федерации, Государственной противопожарной службы и таможенных органов, а также к мужчинам и женщинам, достигшим пенсионного возраста по старости».

Данные предложения позволяют оптимизировать осуществление обязательных работ и сделать их реальными для исполнения. Дополнение перечня правонарушителей, к которым не назначаются обязательные работы, мужчинами, находящимися в отпуске по уходу за ребенком (и распространение такой формулировки применительно к женщинам), сделано не случайно. Такая категория женщин закреплена в ч. 1 ст. 256 Трудового кодекса

Российской Федерации (далее — ТК РФ)¹. Именно лица, осуществляющие уход за детьми до 3-х лет, постоянно их опекают и не имеют времени, чтобы отвлекаться на обязательные работы. Если женщина имеет ребенка в возрасте до трех лет и не занимается уходом за ним, то на нее не распространяется право не подвергаться обязательным работам.

Статья 257 ТК РФ предоставляет отпуск по уходу за ребенком до достижения им (ими) возраста трех лет по желанию работников, усыновивших ребенка (детей). Отказ от назначения обязательных работ женщинам и мужчинам, осуществляющим уход за ребенком младше трех лет, может послужить поводом для редакции ст. 3.9 КоАП РФ, включив в число лиц, которым не назначается административный арест, мужчин, являющихся единственным родителем малолетнего ребенка.

Список источников

1. Ведомственная статистическая отчетность Федеральной службы судебных приставов. URL: https://fssp.gov.ru/deals/osnovnye_rezultaty_deyatelnosti_federalnoj_sluzhby_sudebnykh_prstavov/statistics (дата обращения: 30.03.2024).
2. Чаннов С. Е. К вопросу об одном постановлении Конституционного Суда. С. 94–107. URL: http://www.kizilov-inc.ru/sites/default/files/gm_articles/k_voprosu_ob_odnom.pdf (дата обращения: 30.03.2024).
3. Тимошенко И. В. Административный арест в общей системе административных наказаний // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2015. № 2. С. 43–47.
4. Супонина Е. А., Маркевич А. С. Обязательные работы как вид административного наказания: оправдаются ли надежды правоприменителя? // Юридические исследования. 2017. № 1. С. 91–97.

References

1. Vedomstvennaya statisticheskaya otchetnost' Federal'noj sluzhby sudebnykh pristavov. URL: https://fssp.gov.ru/deals/osnovnye_rezultaty_deyatelnosti_federalnoj_sluzhby_sudebnykh_prstavov/statistics (data obrashcheniya: 30.03.2024).
2. Channov S. E. K voprosu ob odnom postanovlenii Konstitucionnogo Suda. S. 94–107. URL: http://www.kizilov-inc.ru/sites/default/files/gm_articles/k_voprosu_ob_odnom.pdf (data obrashcheniya: 30.03.2024).
3. Timoshenko I. V. Administrativnyj arest v obshchej sisteme administrativnykh nakazaniy // Vestnik Taganrogsckogo instituta upravleniya i ekonomiki. 2015. № 2. S. 43–47.
4. Suponina E. A., Markevich A. S. Obyazatel'nye raboty kak vid administrativnogo nakazaniya: opravdayutsya li nadezhdy pravoprimeritelya? // Yuridicheskie issledovaniya. 2017. № 1. S. 91–97.

Информация об авторе

О. Н. Дядькин — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

O. N. Dyadkin — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 05.02.2024; одобрена после рецензирования 29.03.2024; принята к публикации 27.08.2024.

The article was submitted 05.02.2024; approved after reviewing 29.03.2024; accepted for publication 27.08.2024.

¹ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Российская газета. 2001. 31 декабря. № 256.

Алтайский юридический вестник. 2024. № 3 (47). С. 95–100.

Altai Law Journal. 2024. № 3 (47). P. 95–100.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 35.078:343.3/.7

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ В СФЕРЕ ОБОРОТА ОРУЖИЯ

Татьяна Митрофановна Занина¹, Денис Михайлович Моргунов²

^{1, 2} Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия

¹ zanina.tatyana2011@yandex.ru

² morgunov.d2015@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросам, связанным с применением законодательства в области оборота оружия, определением и практической реализацией терминов применения и использования огнестрельного оружия, организацией межведомственного взаимодействия в сфере контроля за оборотом оружия. В работе проанализированы положения нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность в рассматриваемой сфере, освещены проблемные вопросы правоприменительного характера и возможные пути их решения.

Ключевые слова: применение оружия, использование оружия, оборот оружия, контроль за оборотом оружия

Для цитирования: Занина Т. М., Моргунов Д. М. Проблемные вопросы, возникающие в сфере оборота оружия // Алтайский юридический вестник. 2024. № 3 (47). С. 95–100.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

PROBLEM ISSUES ARISING IN THE FIELD OF WEAPONS CIRCULATION

Tatyana M. Zanina¹, Denis M. Morgunov²

^{1, 2} Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Voronezh, Russia

¹ zanina.tatyana2011@yandex.ru

² morgunov.d2015@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the issues related to the application of legislation in the field of arms trafficking, the definition and practical implementation of the terms of use of firearms, and the organization of interdepartmental cooperation in the field of arms control. The work analyzes the provisions of regulatory legal acts regulating activities in the area under consideration, highlights problematic issues of a law enforcement nature and possible ways to solve them.

Keywords: use of weapons, circulation of weapons, gun control

For citation: Zanina T. M., Morgunov D. M. Problem issues arising in the field of weapons circulation. *Altajskij juridicheskiy vestnik = Altai Law Journal*. 2024;3:95–100 (In Russ.).

Незаконный оборот огнестрельного оружия и масштабы его распространения вызывают обоснованные опасения международного сообщества в связи с угрозами мировой безопасности, поскольку наибольший спрос на нелегальное оружие обеспечивают такие субъекты, как террористические и экстремистские формирования, участники военных конфликтов локального и регионального характера. Повышение объема незаконного оборота огнестрельного оружия связано с его относительно низкой ценой на черном рынке.

В настоящий момент не существует полноценных эффективных организационных, стратегических, тактических, правовых мер, которые позволили бы полностью ликвидировать незаконный оборот огнестрельного оружия и его негативные последствия. Фактическое накопление незаконного оружия не создает конфликтов, однако его наличие у преступных субъектов способствует созданию ощущения возможности их разрешения путем насилия, приводит к эскалации противостояния, повышению количества жертв. К сожалению, на сегодняшний день цифра накопленного незаконного огнестрельного оружия составляет около 700 млн единиц и сама по себе является ужасающей [1, 2].

Ежегодные доклады Организации Объединенных Наций о безопасности в мире позволяют сделать обоснованный вывод о том, что оружие выступает главным источником насилия в вооруженных конфликтах, причем речь идет именно об индивидуальном стрелковом оружии.

Учитывая положение Российской Федерации на мировой арене и происходящие в государстве политические, социальные, экономические процессы, можно сказать, что на данный момент существуют причины и условия, порождающие или способствующие незаконному обороту оружия в России.

Для характеристики предупреждения, профилактики и противодействия незаконному обороту оружия в Российской Федерации необходимо провести анализ нормативно-правовой базы, регламентирующей вопросы оборота оружия.

В первую очередь, следует обратиться к Конституции Российской Федерации. Ее основными положениями, закрепленными в ч. 1 ст. 8 и п. «л» ст. 71, регламентированы вопросы покупки и продажи оружия, боеприпасов, военной техники, которые по уровню государственного ведения относятся к федеральному¹.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в

Федеральный закон Российской Федерации от 13.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии»² является нормативно-правовым актом, более детально регламентирующим особенности оборота оружия в России. Данный закон устанавливает правила сохранности огнестрельного оружия, боеприпасов, что исключает риск завладения оружием третьими лицами. Невыполнение требований данного федерального закона является одним из условий, способствующих совершению преступлений против общественной безопасности в сфере незаконного оборота огнестрельного оружия.

Под незаконным оборотом оружия понимается совершение действий с ним без соответствующих разрешений уполномоченных органов государственной власти, к которым относятся: контрабанда, незаконное приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение.

В вышеуказанном федеральном законе установлено легальное определение оружия и огнестрельного оружия в Российской Федерации. Под огнестрельным оружием понимается оружие, предназначенное для механического поражения цели на расстоянии снарядом, получающим направленное движение за счет энергии порохового или иного заряда.

Разработка прикладной классификации огнестрельного оружия необходима для разрешения задач правоохранительных органов, в т. ч. для регламентации судебно-баллистических экспертиз. Федеральный закон «Об оружии» классифицирует оружие по его назначению:

- боевое;
- служебное;
- гражданское.

Необходимо отметить, что в монографических исследованиях также идет дискуссия относительно необходимости внесения изменений в федеральный закон «Об оружии».

Например, В. В. Векленко и Е. В. Зайцева, определяя термин «использование оружия», рассматривают действия, которыми непосредственный вред человеку не причинен, а также без возникновения умысла на его причинение, в частности, случаи, когда огонь используется в целях остановки автомобиля, повреждения или разрушения элементов, не позволяющих при наличии

ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об оружии [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 13.12.1996 № 150-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

достаточных оснований проникнуть в помещения, уничтожения опасного животного и т. д. Под применением оружия, по мнению авторов, понимается осуществление выстрела, целью которого является причинение вреда человеку [3].

А. Н. Моляров и В. Н. Опарин поддерживают вышеуказанную точку зрения в части определения термина «применение оружия», указывая на то, что его целесообразно использовать, когда речь идет о поражении живой цели, при этом дополняют данный термин подачей сигнала тревоги [4].

Соответственно, вышеуказанные точки зрения правоведов при определении терминов «использование оружия», «применение оружия» говорят о разграничении данных понятий на основании последствий от осуществления выстрелов. Однако подобная точка зрения не способна в полноценной мере стать основанием для четкого разграничения этих понятий, т. к., основываясь на данной идее, невозможно определить, использовалось огнестрельное оружие или применялось, например, в случае, когда во время стрельбы по автомобилю для его остановки причинено ранение или смерть водителя или пассажиров.

В теоретических исследованиях также содержатся мнения, что главным отличием применения оружия от его использования является цель его владения и непосредственная реализация полномочия в части ведения огня. Так, при применении оружия лицо имеет цель нанесения какого-либо поражения другому лицу или имуществу. Его использование всегда имеет цель только удовлетворения интересов лица в рамках охоты или осуществления им деятельности спортивного характера. Однако такое понимание не соответствует действующим нормативным правовым актам, регламентирующим данные вопросы.

По мнению Т. Т. Шиктыбаева, под применением оружия необходимо понимать осуществление гражданином выстрела, при котором человеку не важна ни цель, ни законность совершения данного выстрела, ни какие-либо иные обстоятельства [5]. В таком случае под применение оружия подпадает и производство случайных выстрелов, и использование при самоубийствах, а также ведение огня преступником.

Вместе с тем М. И. Катбамбетов также отмечает проблему отсутствия в законодательстве определений «применение» и «использование» оружия и приходит к выводу о том, что если оружие используется не по прямому назначению при причинении вреда потерпевшему, то следует говорить о применении предметов, используемых в качестве оружия [6].

С таким мнением сложно согласиться, т. к. само понятие «применение предметов, используемых в качестве оружия» подразумевает использование любых материальных объектов, посредством которых возможно причинение вреда здоровью.

Особо выделим мнение Д. Н. Бахраха, который считает, что в целях реализации властных полномочий огнестрельное оружие могут применять только субъекты административной власти. При этом для необходимой обороны таким оружием могут пользоваться не только указанные субъекты, но и обычные граждане [7]. Оно наиболее соответствует положениям закона об оружии.

Таким образом, очевидно наличие проблемы, связанной с интерпретацией понятий «использование оружия» и «применение оружия», и отсутствие единства во мнениях по существу рассматриваемых понятий. В рамках доктринальных исследований сформулированные несколькими авторами трактовки терминов «использование оружия» и «применение оружия» и их различия сводятся к последствиям, к которым привело производство выстрелов.

Соответственно, вопрос терминологии, связанной с применением и использованием огнестрельного оружия, до настоящего времени остается дискуссионным, т. к. учеными-правоведами не выработан единый подход к определению данных понятий. Кроме того, данные дефиниции не представлены и в действующем законодательстве. В связи с этим в целях устранения имеющихся правовых пробелов, а также повышения эффективности реализации нормативных правовых актов в сфере оборота оружия целесообразно в рамках рассмотрения термина «применение оружия» руководствоваться тем, что данное действие является умышленным или волевым, выражается в производстве выстрелов или угрозе их производства непосредственно в отношении человека, а также для подачи сигналов тревоги, в т. ч. при ведении огня уполномоченными на то лицами по целям, предусмотренным законодательством. При определении термина «использование оружия» необходимо учесть, что данное действие осуществляется путем производства выстрелов по неживым объектам неуполномоченными на то лицами либо для достижения иных целей посредством свойств огнестрельного оружия. Соответствующие дополнения целесообразно внести в статью 1 Федерального закона Российской Федерации «Об оружии», изложив их в следующей редакции:

- применение оружия — волевое действие, выраженное в производстве выстрелов по живой

цели для подачи сигналов, а также ведения огня уполномоченными должностными лицами по целям, определенным законодательством;

- использование оружия — действия, направленные на достижение каких-либо целей посредством свойств оружия, в т. ч. производство выстрелов неуполномоченными лицами либо по не определенным в законодательстве целям.

Рассматривая вопрос оборота гражданского огнестрельного оружия, целесообразно отметить трагические события, произошедшие 11 мая 2021 г. в Казани, 20 сентября 2021 г. в Перми, 26 сентября 2022 г. в Ижевске, которые вызвали общественный резонанс, привлекая внимание к праву граждан на владение оружием и нормативно-правовому регулированию в обозначенной сфере. Закономерной реакцией на указанные события было принятие Федерального закона Российской Федерации от 28 июня 2021 г. № 231-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об оружии" и отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹. Из ключевых моментов можно отметить повышение возраста приобретения гражданского гладкоствольного охотничьего оружия с 18 до 21 года, ограничение на приобретение охотничьего оружия или оружия самообороны с двумя и более стволами или магазином владельцам, впервые приобретающим гладкоствольное длинноствольное оружие, ужесточение требований к лицам, претендующим на получение лицензии на приобретение оружия; также введена обязанность владельца оружия уведомлять полицию или Росгвардию о факте утраты оружия.

Кроме того, имеется ряд проблемных вопросов правоприменительной практики в части контроля за условиями хранения (сохранности), ношения огнестрельного оружия его владельцами.

Согласно совместному приказу МВД России и Федеральной службы войск национальной гвардии России от 18.08.2017 № 652/360 «О некоторых вопросах участия полиции в мероприятиях по контролю за обеспечением условий хранения (сохранностью) гражданского, служебного, боевого и наградного оружия, боеприпасов, патронов к оружию, находящихся в собственности или во временном пользовании граждан»² сотрудники по-

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «Об оружии» и отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 28.06.2021 № 231-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О некоторых вопросах участия полиции в мероприятиях по контролю за обеспечением условий хранения (сохранностью) гражданского, служебного, боевого и наградного ору-

жия участвуют в мероприятиях по контролю за оборотом оружия на основании мотивированного запроса подразделений лицензионно-разрешительной работы. Данный мотивированный запрос составляется в отношении каждого владельца оружия, подлежащего проверке отдельно, однако на практике сотрудники лицензионно-разрешительной службы направляют в территориальный орган МВД России на районном уровне список владельцев оружия в одном запросе на проверку. Данные действия влекут за собой нарушение установленного порядка учета и контроля оружия. При осуществлении сотрудником полиции контрольных мероприятий он должен иметь при себе документ, на основании которого проводится проверка, в данном случае именно мотивированный запрос на конкретного человека, что и будет являться единственным законным основанием для их производства.

Немаловажной проблемой осуществления учета оружия и контроля за его оборотом является нагрузка на сотрудников подразделений лицензионно-разрешительной службы по осуществлению проверочных мероприятий.

На территории Российской Федерации проживает 3,7 млн физических лиц, являющихся владельцами более 6,5 млн единиц оружия [8], при этом зачастую один сотрудник подразделений ЛРР Росгвардии закреплен за территорией, обслуживаемой двумя территориальными органами МВД России на районном уровне. Вместе с тем совместный приказ МВД России и ФСВНГ России не запрещает привлекать к проверке условий хранения огнестрельного оружия иные службы Росгвардии, например службу вневедомственной охраны, однако сотрудники данного подразделения не обладают соответствующими полномочиями, а также необходимой квалификацией и не обучены работе в данной сфере. Исходя из совокупности указанных факторов, основная нагрузка по проверке владельцев огнестрельного оружия ложится на подразделения участковых уполномоченных полиции территориальных органов МВД России. Однако в соответствии с положениями пункта 10.3 Инструкции по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке, ут-

жия, боеприпасов, патронов к оружию, находящихся в собственности или во временном пользовании граждан: приказ МВД России и Федеральной службы войск национальной гвардии РФ от 18.08.2017 № 652/360 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7, ст. 900; 2016. № 27, ст. 4160.

вержденной приказом МВД России от 29.03.2019 № 205¹, участковый уполномоченный полиции участвует в мероприятиях по контролю в сфере оборота оружия лишь в пределах компетенции, которую, в свою очередь, и определяет совместный приказ МВД России и ФСВНГ России, где указано, что сотрудники полиции проверяют условия хранения, ношения огнестрельного оружия только у граждан, проживающих в труднодоступной, сельской местности.

Недостаток специальных помещений для хранения изъятого у граждан огнестрельного оружия приводит к тому, что сотрудники Росгвардии в рамках межведомственного взаимодействия используют помещения органов внутренних дел, в частности комнаты хранения огнестрельного оружия, что способствует некорректному учету изъятого оружия, нарушениям условий его хранения ввиду достаточно большого объема изъятого оружия, а это влечет более быстрый износ его основных частей.

В целях решения обозначенных проблем целесообразно:

1. Рассмотреть вопрос о внесении изменений в действующее законодательство в части определения терминов «использование», «применение» оружия.

2. Обеспечить контроль за строгим исполнением положений приказа МВД России и ФСВНГ России от 18.08.2017 № 652/360 в части направления именно мотивированных запросов в органы внутренних дел на проверку каждого владельца оружия, проживающего в труднодоступной, сельской местности.

3. Рассмотреть вопрос о привлечении к мероприятиям по контролю за оборотом гражданского огнестрельного оружия иных служб и подразделений Росгвардии с наделением их соответствующими полномочиями, а также организацией необходимого обучения порядку проведения данной

работы, в т. ч. на базе образовательных организаций МВД России.

4. Провести ревизию существующих специальных помещений Росгвардии для хранения оружия, определить их количество и доступность, а также рассмотреть возможность оптимизации существующих площадей недвижимого имущества ФСВНГ и модернизации свободных помещений под объекты хранения изъятого огнестрельного оружия.

Происходящие в мире различные финансовые, экономические, политические кризисы, рост региональной и мировой нестабильности в современном мире приводят к повышению уровня криминогенной обстановки, которая влечет за собой негативные последствия как для общества, так и для государства. Данные тенденции создают благоприятные условия для совершения противоправных деяний, в т. ч. с незаконным использованием различных видов огнестрельного оружия.

В большинстве современных государств оружие, будучи источником повышенной опасности, является предметом, оборот и использование которого строго регламентируются законодательством, а его нарушение влечет привлечение к юридической ответственности и назначение строгого наказания, в т. ч. уголовного.

Исследователи отмечают, что поскольку применение оружия нередко является неотъемлемой частью совершения преступлений, толкование терминологии, использованной при описании признаков состава, должно быть единообразным, не допускающим разночтений и противоречий.

Решение обозначенных выше проблемных вопросов окажет положительное воздействие на процессы, связанные с обеспечением контроля за оборотом оружия, и будет способствовать совершенствованию деятельности правоохранительных органов в данной сфере.

Список источников

1. Афонин Д. Н. Контрабанда оружия: современное состояние проблемы // Бюллетень инновационных технологий. 2023. Т. 7. № 2. С. 8–11.
2. Сапир Е. В., Карачев И. А. Вызовы новой инвестиционной политики: защита и поощрение капиталовложений // Финансы: теория и практика. 2020. Т. 24. № 3. С. 118–131.
3. Векленко В. В., Зайцева Е. В. Спорные вопросы квалификации преступлений, совершенных с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия // Уголовное право. 2009. № 2. С. 23–29.

¹ О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Моляров А. Н., Опарин В. Н. Административная ответственность за нарушение правил оборота гражданского и служебного оружия: монография. Омск, 2007.
5. Шиктыбаев Т. Т. Основания и условия правомерности применения огнестрельного оружия сотрудниками правоохранительных органов: учебное пособие. Алматы: Данекер, 2001.
6. Катбамбетов М. И. Применение оружия как квалифицирующий признак преступления: терминологический анализ // Известия Юго-Западного государственного университета. 2017. № 1 (70). С. 191–197.
7. Бахрах Д. Н. Административная ответственность: учебное пособие. М., 1999.
8. Свободная пресса. URL: <https://svpressa.ru/society/news/294957/>.

References

1. Afonin D. N. Kontrabanda oruzhiya: sovremennoe sostoyanie problemy // Byulleten' innovacionnyh tekhnologij. 2023. T. 7. № 2. S. 8–11.
2. Sapir E. V., Karachev I. A. Vyzovy novoj investicionnoj politiki: zashchita i pooshchrenie kapitalovlozhenij // Finansy: teoriya i praktika. 2020. T. 24. № 3. S. 118–131.
3. Veklenko V. V., Zajceva E. V. Spornye voprosy kvalifikacii prestuplenij, sovershennyh s primeneniem oruzhiya ili predmetov, ispol'zuemyh v kachestve oruzhiya // Ugolovnoe pravo. 2009. № 2. S. 23–29.
4. Molyarov A. N., Oparin V. N. Administrativnaya otvetstvennost' za narushenie pravil oborota grazhdanskogo i sluzhebno go oruzhiya: monografiya. Omsk, 2007.
5. Shiktybaev T. T. Osnovaniya i usloviya pravomernosti primeneniya ognestrel'nogo oruzhiya sotrudnikami pravoohranitel'nyh organov: uchebnoe posobie. Almaty: Daneker, 2001.
6. Katbambetov M. I. Primenenie oruzhiya kak kvalificiruyushchij priznak prestupleniya: terminologicheskij analiz // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 1 (70). S. 191–197.
7. Bahrah D. N. Administrativnaya otvetstvennost': uchebnoe posobie. M., 1999.
8. Svobodnaya pressa. URL: <https://svpressa.ru/society/news/294957/>.

Информация об авторе

Т. М. Занина — кандидат юридических наук, профессор.

Information about the author

T. M. Zanina — Candidate of Science (Law), Professor.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 07.02.2024; одобрена после рецензирования 27.03.2024; принята к публикации 27.08.2024.

The article was submitted 07.02.2024; approved after reviewing 27.03.2024; accepted for publication 27.08.2024.

Алтайский юридический вестник. 2024. № 3 (47). С. 101–107.

Altai Law Journal. 2024. № 3 (47). P. 101–107.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 343.9.01:323.1

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ПРОБЛЕМЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Елена Юрьевна Зинченко¹, Евгений Николаевич Хазов², Алёна Александровна Лихова³

^{1, 2, 3} Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия

¹ elena9998863@yandex.ru

² evg.hazow@yandex.ru

³ alenalichova@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье обозначается, что национальная безопасность состоит из единства различных компонентов, среди которых находится и этнокультурная безопасность России — состояние устойчивого и положительного функционирования культур всех национальных групп, проживающих на территории России. Этнокультурная безопасность России на сегодняшний день имеет особое значение в силу того, что увеличивается реальность латентной и явной угрозы безопасности Российской Федерации, связанная, в частности, со взаимодействием различных этнических групп. Авторы рассматривают миграционные процессы и существующие, возникающие проблемы этнокультурной безопасности современного Российского государства, в результате проведенного комплексного анализа разработали пути решения выявленных проблем.

Ключевые слова: миграция, мигранты, миграционные процессы, этнокультурная безопасность, этнокультурная нетерпимость, преступность, Средняя Азия

Для цитирования: Зинченко Е. Ю., Хазов Е. Н., Лихова А. А. Миграционные процессы и проблемы этнокультурной безопасности современной России // Алтайский юридический вестник. 2024. № 3 (47). С. 101–107.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

MIGRATION PROCESSES AND PROBLEMS ETHNOCULTURAL SECURITY OF CONTEMPORARY RUSSIA

Elena Yu. Zinchenko¹, Evgeny N. Khazov², Alyona A. Likhova³

^{1, 2, 3} Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

¹ elena9998863@yandex.ru

² evg.hazow@yandex.ru

³ alenalichova@mail.ru

Abstract. This article indicates that national security consists of the unity of various components, among which is the ethnocultural security of Russia — the state of stable and positive functioning of cultures of all national groups living on the territory of Russia. The ethnocultural security of Russia is of particular importance today due to the fact that the reality of a latent and obvious threat to the security of the Russian Federation is increasing, in particular, related to the interaction of various ethnic groups. The authors consider migration processes and existing, emerging problems of ethnocultural security of the modern Russian state, and as a result of a comprehensive analysis in this area, they have developed ways to solve the identified problems.

Keywords: migration, migrants, migration processes, ethnocultural security, ethnocultural intolerance, crime, Central Asia

For citation: Zinchenko E. Yu., Khazov E. N., Likhova A. A. Migration processes and problems ethnocultural security of contemporary Russia. *Altajskij juridicheskiy vestnik = Altai Law Journal*. 2024; 3: 101–107 (In Russ.).

© Зинченко Е. Ю., Хазов Е. Н., Лихова А. А., 2024

Конфессиональный и национальный дифференцированный подход в структуре населения России обуславливает формирование различных культурных паттернов поведения различных представителей социальных групп в обществе. Бытовые, трудовые, семейные и иные модели поведения, присущие для одной расы, нации или иной социальной общности людей, порой непривычны для представителей других социальных групп, что вызывает диссонанс социально-культурного восприятия, возникновение бытовых конфликтов, порой перерастающих в нетерпимость, ненависть и открытую вражду, вытекающую в принижение по указанным мотивам.

Соседство Российской Федерации с Центрально-Азиатским регионом и Ближним Востоком, а также «мягкие» пограничные правила для въезда граждан из стран СНГ в Россию также сказываются на росте экстремистских, террористических и иных преступных, а также иного рода противоправных проявлений [1].

Этнокультурная терпимость, берущая свои корни из конфронтаций, основанных на социально-культурной и политической нетерпимости к отдельным социальным и политическим группам, является насущной и крайне актуальной угрозой и проблемой этнокультурной и национальной безопасности Российской Федерации на современном этапе [2].

Основываясь на статистических данных о криминогенности и конфликтогенности мигрантов на территории России, а также образе их поведения в российском обществе, в частности, опираясь на общественное мнение граждан Российской Федерации, можно констатировать реальную угрозу влияния бесконтрольных миграционных процессов на этнокультурную безопасность. Мигранты, находящиеся на территории России незаконно, чувствуют себя безнаказанно не только в бытовой и социальной сферах, но также и в рамках публично-правовых отношений, что в конечном итоге обуславливает навязывание ими своих культурных и идеологических ценностей, носящих порой сверхрадикальный характер [3].

На сегодняшний день решение вопроса о регулировании миграционных процессов для обеспечения этнокультурной и национальной безопасности Российской Федерации является актуальным как никогда [4]. В особенности общественность и политическое руководство России актуализировали аспекты усиления административного контроля, учащения правоохранительных и миграционных проверок, а также ужесточения порядка пребыва-

ния иностранных граждан и лиц без гражданства на территории России, в т. ч. такого правового порядка получения российского гражданства в связи с последним трагичным событием в рамках теракта в «Крокус Сити Холле», в ходе которого погибло 145 человек и ещё более 550 человек получили серьезные ранения [5].

Через несколько дней после совершения данного масштабного теракта, исполнителями которого были уроженцы Таджикистана, ФСБ России пресекла ещё один крупный теракт уже в Ставропольском крае, который подготавливался также гражданами из государств Центральной Азии [6]. В марте этого же года в Самарской области также был предотвращен теракт с участием иностранных граждан [7].

На фоне активизации мигрантов в рамках их террористической деятельности на территории Российской Федерации российская общественность закономерно обеспокоилась о национальной безопасности.

В особенности настроение российской общественности относительно вопроса удовлетворенности пребывания и сожительства с мигрантами из отдельных государств можно было проследить после масштабного теракта в «Крокус Сити Холле», когда выдвигались порой радикальные позиции с требованием о проверке всех иностранных граждан из Центральной Азии на законность их пребывания на территории России и в случае необходимости выдворения на родину [8].

Мигранты как внешний элемент террористической угрозы для российского общества рассматриваются не в качестве единственной, но как основная проблема выстраивания взаимоуважительных и доверительных социально-культурных и экономических отношений между народами.

На этнокультурную проблему безопасности также влияет: покрывательство мигрантов национальными общинами; формирование трудовых сфер, в которых рабочие места занимают дешевой рабочей силой в виде иностранных граждан и лиц без гражданства; участие мигрантов в экстремистской деятельности; участие мигрантов в антиобщественной и иной противоправной деятельности; навязывание мигрантами собственной культуры (образа поведения и быта, а также религии) в совокупности с отрицанием и даже унижением культуры других народов, населяющих Россию, и пр. [9].

Как следствие, эти и другие факторы этнокультурной нетерпимости вызывают проблемы современной этнокультурной безопасности Российской Федерации, что и надлежит рассмотреть в рамках

данной статьи через призму влияния миграционных процессов [10].

В качестве материалов для обсуждения были использованы статистические данные Судебного департамента Верховного Суда Российской Федерации о состоянии преступности среди иностранных граждан и лиц без гражданства, также данные Росстата о миграционных процессах, а также результаты опроса населения России об их удовлетворенности современными этнокультурными отношениями с различными народами [11]. На сегодняшний день в России к основным современным проблемам этнокультурной безопасности следует относить не только национальную и религиозную нетерпимость представителей различных народов и конфессий, но и также вовлеченность иностранных граждан в преступную и иную антиобщественную деятельность, посягающую на сложившиеся общественно-культурные и бытовые устои российского общества [12].

Председатель Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкин в одном из выступлений отметил, что с учетом современной криминологии мигрантской преступности мигранты стали одним из факторов социальной напряженности в России [13]. И ведь действительно, за 2023 год было привлечено лишь к уголовной ответственности более 20,5 тыс. иностранных граждан стран СНГ на территории России и ещё почти 1 тыс. лиц без гражданства. Среди представителей иностранных граждан, не относящихся к странам СНГ, на территории России совершили преступления всего 918 лиц [14]. Несмотря на то что доля мигрантской преступности от общего числа преступлений, совершаемых на территории Российской Федерации, составляет всего 4,2 %, нельзя отрицать другие очевидные тенденции в данном направлении. Одна из таких тенденций — это учащение количества случаев вовлеченности мигрантов в преступную и иную незаконную деятельность. Так, для сравнения, в 2019 г. к уголовной ответственности было привлечено немного более 16 тыс. иностранных граждан, что в процентном соотношении к общему числу всех преступлений на территории России составляет 2,6 % [15].

Вторая тенденция — это изменение структуры мигрантской преступности. Так, лишь за первое полугодие 2023 г. среди иностранных граждан и лиц без гражданства отмечается рост тяжкой и особо тяжкой преступности на целых 32 %. В числовом выражении это почти 11 тыс. тяжких и особо тяжких преступлений за полгода. Здесь же отмечается и рост среди мигрантов преступлений

против половой неприкосновенности на 22 % [16], что также не может не вызывать беспокойство среди российского общества.

Несмотря на то что по данному вопросу отсутствует обобщенная официальная статистика о привлечении иностранных граждан и лиц без гражданства к административной ответственности, всё же беря во внимание информационные материалы различных новостных СМИ, можно заметить частые массовые потасовки, драки, разборки (в т. ч. с холодным и огнестрельным оружием) и самоуправство с участием мигрантов. Как пример, в 2023 г. шестеро граждан государств Средней Азии напали на людей, избивали их, желая противопоставить себя окружающим [17].

Все это фиксировали на видео и публиковали в социальных сетях, при этом их действия активно поддерживали представители соответствующих народов, укрепляя правильность содеянного и побуждая иностранных граждан, пребывающих на территории России, действовать аналогичным образом, чувствуя перед российским обществом и правоохранительной системой безнаказанность. Подобная безвольность в отношении общественного порядка со стороны мигрантов не только подрывает терпимость у других народов российского общества, но и также закономерно обуславливает страх взаимоотношения с конфликтогенными народами из стран Средней Азии [18].

Мигранты, чувствуя безнаказанность, в т. ч. по причине того, что находятся под покровительством внутренних общин, имеющих коррупционные связи с региональными и муниципальными властями, нередко решают вопросы радикальными способами, навязывая культуру поведения и образ жизни в семейных, трудовых, предпринимательских, бытовых и иных отношениях, а также религиозные идеи и ценности как единственно верные, возбуждая при этом социальную, национальную и (или) религиозную рознь [19].

Показательным является и опрос, проведенный Всероссийским центром изучения общественного мнения (далее — ВЦИОМ) в 2023 г., среди россиян об их отношении к иностранным гражданам, пребывающим на территории России на долгосрочной перспективе. Из результатов опроса следует, что 39 % опрошенных отмечают значительное усиление межнациональной и межконфессиональной напряженности в стране [20]. По результатам опроса Фонда «Общественное мнение» также прослеживается, что около 69 % опрошенных россиян считают, что мигранты при-

носят для российского общества больше вреда, чем пользы [21].

Среди негативных факторов, отражающих вред мигрантов, россияне отметили следующие: не соблюдают и не уважают законы; навязывают свои порядки; совершают административные правонарушения и преступления; разный менталитет и культура; низкий уровень культуры; агрессивное навязывание национальной культуры; создают беспорядки и конфликты; плохо относятся к коренным жителям России и др. Конечно, речь идет не о всех мигрантах, а лишь о тех недобросовестных представителях иностранных государств, которые игнорируют правила социально-культурной адаптации, самостоятельно сегрегируются в российском обществе, а также используют незаконные инструменты и возможности для незаконного пребывания на территории России [22].

Справедливо заметить, что незаконной миграции способствуют и представители МВД России, которые за материальную выгоду оформляют мигрантов в России в нарушение установленного порядка миграционного учета и получения гражданства, и, более того, такие представители пограничных органов, которые также в корыстных целях в нарушение пограничного законодательства пропускают мигрантов через государственную границу России при условии, что они не имели права её пересекать [23].

К примеру, в 2023 г. лишь в одном Санкт-Петербурге был выявлен факт незаконной постановки на миграционный учет более 100 тыс. иностранных граждан [24], а всего за 2023 год было пресечено около 23 тыс. преступлений [25], посягавших на установленный законодательством Российской Федерации порядок прибытия, нахождения и убытия иностранных граждан и лиц без гражданства в пределах территории России.

Учитывая всё и беря за основу статистические данные о криминогенности и конфликтогенности мигрантов на территории России, а также образ их поведения в российском обществе, в частности, опираясь на общественное мнение граждан Российской Федерации, можно констатировать реальную угрозу влияния бесконтрольных миграционных процессов на этнокультурную безопасность нашей страны [26].

Мигранты, находящиеся на территории России незаконно, чувствуют себя безнаказанно не только в бытовой и социальной сферах, но и также в рамках публично-правовых отношений, что в конечном итоге обуславливает навязывание ими

своих культурных и идеологических ценностей, носящих порой сверхрадикальный характер. Пока что действующий публично-правовой механизм не ориентирован на превалирование интересов коренных граждан Российской Федерации, наоборот, потакая интересам пребывающих иностранных граждан, в связи с чем борьба с коррупцией в области миграционного учета должна быть первичным направлением для обеспечения законного порядка пребывания мигрантов на территории России, что в конечном итоге скажется позитивным образом и на этнокультурной безопасности современной России [27].

Здесь же следует отметить и необходимость ужесточения административного порядка получения мигрантами разрешения на трудовую деятельность, место жительства или получение гражданства, а также усиление мер ответственности для лиц, нарушивших порядок пребывания на территории России. Проведение регулярных полицейских рейдов в общежитиях, на производствах, в хостелах и иных местах нахождения мигрантов — ещё одна необходимая мера для контролирования законности миграционных процессов [28].

В конечном итоге не только правовая система, но и также сама практика правоприменения, т. е. функционирования правоохранительных служб, должны быть организованы таким образом, чтобы не допустить нахождения на территории России иностранных граждан в нарушение миграционного законодательства, а равно лиц, которые совершили правонарушение или любое уголовно наказуемое преступление, и в ином случае предпринять меры по выдворению подобных правонарушителей за пределы России с установлением запрета на въезд от 5 до 15 лет в зависимости от степени совершенного правонарушения. То есть положение мигрантов должно быть таким, чтобы под угрозой нормы права он всегда осознавал, что в случае проявления нетерпимости и насилия в какой-либо степени и форме по отношению к другим лицам государство обязательно отреагирует не только в виде наложения мер административно-правовой, гражданско-правовой и (или) уголовно-правовой ответственности, но и также в виде выдворения и установления запрета на въезд. Подобный подход позволит обеспечить более «аккуратное» поведение мигрантов на территории России и, как следствие, более уважительное отношение иностранных граждан к ценностям, идеологии, религии, культуре, быту и иным социально-культурным конструктам, сложившимся в российском обществе.

Список источников

1. Богданов А. В., Ильинский И. И., Хазов Е. Н. Терроризм и экстремизм как одна из мировых проблем борьбы с преступностью // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 5. С. 231–236.
2. Эриашвили Н. Д., Гасанов К. К., Миронова О. А. [и др.] Национальная безопасность. М., 2022.
3. Богданов А. В., Венидиктов М. И., Косухин В. В. [и др.] Противодействие незаконной миграции правоохранительными органами в России. Новосибирск, 2023.
4. Бышков П. А., Гасанов К. К., Егоров С. А. [и др.] Основы национальной безопасности. М., 2022.
5. Теракт в «Крокус Сити Холле». URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki>.
6. Крупный теракт предотвращен в Ставропольском крае. URL: https://www.1tv.ru/news/2024-03-30/473832-krupnyu_terakt_predotvraschen_v_stavropolskom_krae (дата обращения: 06.05.2024).
7. ФСБ России в Самарской области предотвращен теракт. URL: <http://nac.gov.ru/terrorizmu-net/fsb-rossii-v-samarskoj-oblasti-predotvrashchen-terakt.html> (дата обращения: 06.05.2024).
8. Богданов А. В., Дорожко Ф. Л., Хазов Е. Н. Угрозы и вызовы экстремизма и терроризма в современном мире: оперативно-розыскная характеристика // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2015. № 6. С. 95–99.
9. Богданов А. В., Волченков В. В., Воронцов А. В. [и др.] Криминальная среда. Понятие, генезис, оперативно-розыскное воздействие. М., 2015. Ч. I.
10. Зинченко Е. Ю., Хазов Е. Н. Правовая культура как одна из основ государственной безопасности страны // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 5. С. 72–77.
11. Зинченко Е. Ю., Хазов Е. Н. Актуальные вопросы государственной миграционной политики России // Образование. Наука. Научные кадры. 2022. № 2. С. 79–83.
12. Гаврилова О. В., Зинченко Е. Ю., Исаков В. М. [и др.] Конституционное право зарубежных стран. Новосибирск, 2021.
13. Александр Бастрыкин: мигранты стали одним из факторов социальной напряженности в мире и России. URL: <https://www.interfax.ru/russia/895287> (дата обращения: 07.05.2024).
14. Отчет о демографических признаках осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации за 2023 год. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8690> (дата обращения: 07.05.2024).
15. Отчет о демографических признаках осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации за 2019 год. URL: http://www.cdep.ru/userimages/Statistika_zameni/11.1-svod-2019.xls (дата обращения: 07.05.2024).
16. Бастрыкин А. Сообщил о росте тяжких преступлений среди мигрантов на 32 %. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2023/09/25/997061-bastrikin-soobschil-roste-tyazhkih-prestuplenii-sredi-migrantov> (дата обращения: 07.05.2024).
17. Бастрыкин А. Заявил о пятикратном росте числа дел против мигрантов по тяжким статьям. URL: <https://www.interfax.ru/russia/895190> (дата обращения: 08.05.2024).
18. Гасанов К. К., Хазов Е. Н. Правоохранительная деятельность органов внутренних дел по обеспечению конституционных прав и свобод человека в России. М., 2004.
19. Хазова В. Е., Хазов Е. Н. Международно-правовая защита национально-культурного достояния народов: монография. М., 2009.
20. ВЦИОМ утверждает, что почти половина россиян положительно относятся к мигрантам. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6160376> (дата обращения: 08.05.2024).
21. Отношение к мигрантам из Средней Азии: опрос ФОМнибус. URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/14701> (дата обращения: 08.05.2024).
22. Хазов Е. Н., Хазова В. Е., Шакун Н. В. [и др.] Конституционно-правовое обеспечение социальных прав и свобод человека и гражданина в России. Новосибирск, 2020.
23. Богданов А. В., Пауков О. В., Хазов Е. Н. Миграционные процессы и их роль в современном государстве // Образование и право. 2022. № 1. С. 96–102.
24. В Петербурге незаконно поставили на учет 100 тысяч иностранцев. URL: <https://rg.ru/2023/07/13/v-peterburge-sotrudniki-migracionnoj-sluzhby-nezakonno-postavili-na-uchet-100-tysiach-inostrancev.html> (дата обращения: 08.05.2024).

25. Почти 23 тыс. преступлений в сфере миграционного законодательства пресечено в РФ. URL: <https://www.interfax-russia.ru/moscow/news/pochti-23-tys-prestupleniy-v-sfere-migracionnogo-zakonodatelstva-presecheno-v-rf> (дата обращения: 10.05.2024).

26. Зинченко Е. Ю., Хазов Е. Н. Актуальные направления совершенствования правового регулирования института миграции в России // Актуальные вопросы совершенствования правового регулирования в сфере миграции: сборник научных трудов Всероссийской научно-практ. конф-ции. М., 2023. С. 145–148.

27. Хазов Е. Н., Горшенева И. А., Егоров С. А. [и др.] Обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина при проведении оперативно-розыскных мероприятий. М., 2017.

28. Зинченко Е. Ю., Воробьев В. Ф., Хазов Е. Н. Миграционная политика России: проблемы и перспективы их решения // Международный журнал конституционного и государственного права. 2023. № 1. С. 15–19.

References

1. Bogdanov A. V., Il'inskij I. I., Hazov E. N. Terrorizm i ekstremizm kak odna iz mirovyyh problem bor'by s prestupnost'yu // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2017. № 5. S. 231–236.

2. Eriashvili N. D., Gasanov K. K., Mironova O. A. [i dr.] Nacional'naya bezopasnost'. M., 2022.

3. Bogdanov A. V., Venidiktov M. I., Kosuhin V. V. [i dr.] Protivodejstvie nezakonnoj migracii pravoohranitel'nymi organami v Rossii. Novosibirsk, 2023.

4. Byshkov P. A., Gasanov K. K., Egorov S. A. [i dr.] Osnovy nacional'noj bezopasnosti. M., 2022.

5. Terakt v «Krokus Siti Holle». URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki>.

6. Krupnyj terakt predotvrashchen v Stavropol'skom krae. URL: https://www.1tv.ru/news/2024-03-30/473832-krupnyy_terakt_predotvrashchen_v_stavropolskom_krae (дата обрaшчeния: 06.05.2024).

7. FSB Rossii v Samarskoj oblasti predotvrashchen terakt. URL: <http://nac.gov.ru/terrorizmu-net/fsb-rossii-v-samarskoj-oblasti-predotvrashchen-terakt.html> (дата обрaшчeния: 06.05.2024).

8. Bogdanov A. V., Dorozhko F. L., Hazov E. N. Ugrozy i vyzovy ekstremizma i terrorizma v sovremennom mire: operativno-rozysknaya harakteristika // Vestnik Akademii ekonomicheskoy bezopasnosti MVD Rossii. 2015. № 6. S. 95–99.

9. Bogdanov A. V., Volchenkov V. V., Voroncov A. V. [i dr.] Kriminal'naya sreda. Ponyatie, genezis, operativno-razysknoe vozdejstvie. M., 2015. Ch. I.

10. Zinchenko E. Yu., Hazov E. N. Pravovaya kul'tura kak odna iz osnov gosudarstvennoj bezopasnosti strany // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2019. № 5. S. 72–77.

11. Zinchenko E. Yu., Hazov E. N. Aktual'nye voprosy gosudarstvennoj migracionnoj politiki Rossii // Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry. 2022. № 2. S. 79–83.

12. Gavrilova O. V., Zinchenko E. Yu., Isakov V. M. [i dr.] Konstitucionnoe pravo zarubezhnyh stran. Novosibirsk, 2021.

13. Aleksandr Bastykin: migranty stali odnim iz faktorov social'noj napryazhennosti v mire i Rossii. URL: <https://www.interfax.ru/russia/895287> (дата обрaшчeния: 07.05.2024).

14. Otchet o demograficheskikh priznakah osuzhdennyh po vsem sostavam prestuplenij Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii za 2023 god. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8690> (дата обрaшчeния: 07.05.2024).

15. Otchet o demograficheskikh priznakah osuzhdennyh po vsem sostavam prestuplenij Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii za 2019 god. URL: http://www.cdep.ru/userimages/Statistika_zameni/11.1-svod-2019.xls (дата обрaшчeния: 07.05.2024).

16. Bastykin A. Soobshchil o roste tyazhkih prestuplenij sredi migrantov na 32 %. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2023/09/25/997061-bastrikin-soobshchil-roste-tyazhkih-prestuplenii-sredi-migrantov> (дата обрaшчeния: 07.05.2024).

17. Bastykin A. Zayavil o pyatikratnom roste chisla del protiv migrantov po tyazhkim stat'yam. URL: <https://www.interfax.ru/russia/895190> (дата обрaшчeния: 08.05.2024).

18. Gasanov K. K., Hazov E. N. Pravoohranitel'naya deyatelnost' organov vnutrennih del po obespecheniyu konstitucionnyh prav i svobod cheloveka v Rossii. M., 2004.

19. Hazova V. E., Hazov E. N. Mezhdunarodno-pravovaya zashchita nacional'no-kul'turnogo dostoyaniya narodov: monografiya. M., 2009.

20. VCIOM utverzhdaet, chto pochti polovina rossiyan polozhitel'no odnosyatsya k migrantam. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6160376> (data obrashcheniya: 08.05.2024).
21. Otnoshenie k migrantam iz Srednej Azii: opros FOMnibus. URL: <https://fom.ru/Nastroeniya/14701> (data obrashcheniya: 08.05.2024).
22. Hazov E. N., Hazova V. E., Shakun N. V. [i dr.] Konstitucionno-pravovoe obespechenie social'nyh prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossii. Novosibirsk, 2020.
23. Bogdanov A. V., Paukov O. V., Hazov E. N. Migracionnyye processy i ih rol' v sovremennom gosudarstve // Obrazovanie i pravo. 2022. № 1. S. 96–102.
24. V Peterburge nezakonno postavili na uchet 100 tysyach inostrancev. URL: <https://rg.ru/2023/07/13/v-peterburge-sotrudniki-migracionnoj-sluzhby-nezakonno-postavili-na-uchet-100-tysiach-inostrancev.html> (data obrashcheniya: 08.05.2024).
25. Pochti 23 tys. prestuplenij v sfere migracionnogo zakonodatel'stva presecheno v RF. URL: <https://www.interfax-russia.ru/moscow/news/pochti-23-tys-prestupleniy-v-sfere-migracionnogo-zakonodatelstva-presecheno-v-rf> (data obrashcheniya: 10.05.2024).
26. Zinchenko E. Yu., Hazov E. N. Aktual'nye napravleniya sovershenstvovaniya pravovogo regulirovaniya instituta migracii v Rossii // Aktual'nye voprosy sovershenstvovaniya pravovogo regulirovaniya v sfere migracii: sbornik nauchnyh trudov Vserossijskoj nauchno-prakt. konf-cii. M., 2023. S. 145–148.
27. Hazov E. N., Gorsheneva I. A., Egorov S. A. [i dr.] Obespechenie konstitucionnyh prav i svobod cheloveka i grazhdanina pri provedenii operativno-rozysknyh meropriyatij. M., 2017.
28. Zinchenko E. Yu., Vorob'ev V. F., Hazov E. N. Migracionnaya politika Rossii: problemy i perspektivy ih resheniya // Mezhdunarodnyj zhurnal konstitucionnogo i gosudarstvennogo prava. 2023. № 1. S. 15–19.

Информация об авторах

Е. Ю. Зинченко — кандидат юридических наук, профессор.
Е. Н. Хазов — доктор юридических наук, профессор.

Information about the authors

E. Yu. Zinchenko — Candidate of Science (Law), Professor.
E. N. Khazov — Doctor of Science (Law), Professor.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 05.05.2024; одобрена после рецензирования 29.07.2024; принята к публикации 27.08.2024.

The article was submitted 05.05.2024; approved after reviewing 29.07.2024; accepted for publication 27.08.2024.

Алтайский юридический вестник. 2024. № 3 (47). С. 108–113.
Altai Law Journal. 2024. № 3 (47). P. 108–113.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья
УДК 342.9

ОТ ЮРИДИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫХ ДЕЙСТВИЙ К ПРАВОВОЙ ПРОЦЕДУРЕ В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРОЦЕССЕ

Мария Михайловна Курашова

Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия, km4498@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье автор рассматривает актуальную проблему исследования юридической природы отдельных элементов административного процесса, а именно юридически значимых действий и административных процедур. Выделяя отсутствие единого подхода в понимании указанных правовых явлений, а также их четкого нормативно-правового регулирования, автор приходит к выводу о необходимости совершенствования существующих теоретических положений, а также действующего административного законодательства в части, касающейся реализации административных процедур.

Ключевые слова: административный процесс, юридически значимые действия, правовая процедура, административная процедура, публично-правовые органы, юридический результат, правоприменение

Для цитирования: Курашова М. М. От юридически значимых действий к правовой процедуре в административном процессе // Алтайский юридический вестник. 2024. № 3 (47). С. 108–113.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

FROM LEGALLY SIGNIFICANT ACTIONS TO A LEGAL PROCEDURE IN THE ADMINISTRATIVE PROCESS

Mariya M. Kurashova

Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Voronezh, Russia, km4498@yandex.ru

Abstract. The author examines the current problem of studying the legal nature of individual elements of the administrative process, namely: legally significant actions and administrative procedures. Highlighting the lack of a unified approach in understanding these legal phenomena, as well as their clear legal regulation, the author comes to the conclusion that it is necessary to improve existing theoretical provisions, as well as the current administrative legislation in terms of the implementation of administrative procedures.

Keywords: administrative process, legally significant actions, legal procedure, administrative procedure, public law bodies, legal result, law enforcement

For citation: Kurashova M. M. From legally significant actions to a legal procedure in the administrative process. *Altajskij juridicheskiy vestnik = Altai Law Journal*. 2024;3:108–113 (In Russ.).

Структура административного процесса, несмотря на высокую степень ее научной разработанности и довольно богатую историю теоретико-правового развития, до сих пор является одной из самых актуальных тем как для апологетов административно-правовой науки, так и для молодых ученых. На первый взгляд, совершенно логичная и стройная система элементов административного процесса при ее детальном рассмотрении являет исследователю целый ряд вопросов, требующих глубокого сущностного анализа и выработки единых теоретических направлений. Данный тезис ни в коем случае не отрицает существующих подходов к пониманию административного процесса, однако абсолютно точно порождает стойкое желание погрузиться в его суть.

Одним из наиболее актуальных вопросов такого рода является вопрос процессуальной природы правовой процедуры, в частности ее административно-правовой составляющей. При этом ее ложная очевидность зачастую сбивает с толку в тех случаях, когда одной из задач конкретного исследования является идентификация (выявление) этих самых процедур в общем массиве правовых норм, регулирующих не только внутриаппаратные отношения в публичных органах, но и властные полномочия, этими органами реализуемые.

В настоящее время в административно-правовой доктрине сложилось несколько основных подходов к сущности административного процесса: управленческий, юрисдикционный, судебный (юстиционный) и интегративный. В то же время основные элементы его структуры во всех перечисленных случаях различными авторами определяются аналогично — это административные производства, административные процедуры и иные юридически значимые действия. Логика образования в каждом конкретном случае того или иного правового явления тоже вполне ясна: административное производство представляет собой совокупность административных процедур, которые, в свою очередь, являются совокупностями юридически значимых действий. В этом вопросе критически важными являются следующие аспекты: это единые направленность (цель) и юридически значимый результат этих самых совокупностей.

При этом, невзирая на общность взглядов относительно главных элементов структуры административного процесса и их признаков, виды и, соответственно, классификации зачастую, наоборот, коренным образом отличаются. Различаются мнения и по вопросу сущности административно-правовой процедуры, ее объема и значимости в срав-

нении с другими элементами. Также не сформировано единой позиции, которая бы смогла отразить, какие правовые показатели (признаки, критерии, параметры) необходимо применить к определенной совокупности процессуально-правовых норм, которые, в свою очередь, дали бы четкое разграничение между массивом отдельных юридически значимых действий и административно-правовых процедур. В наши же дни для ответа на вопрос: «Как отличить процедуру от юридически значимого действия?», исследователь использует несколько методов: анализ теоретической базы административного процесса для последующего выбора определенной удовлетворяющей по каким-либо параметрам позиции либо формирование собственной с опорой на «правовую интуицию» — определенную субъективную оценку значимости цели и результата конкретного акта правоприменения.

Полагаем, что все вышеперечисленное говорит о необходимости уделить отдельное внимание данному вопросу и попытаться выявить правовые показатели (признаки, критерии, параметры) административной процедуры, отличающие ее от юридически значимого действия.

Сразу же отметим, что, несмотря на существующие проблемные вопросы, теоретико-содержательный аспект административно-правовой процедуры раскрыт в литературе достаточно глубоко. К тому же и массив нормативных правовых актов, действующих в сфере государственного управления, определенным образом способствует формулированию определенных выводов относительно позиции законодателя к институту административных процедур. Однако, к нашему сожалению, юридически значимые действия не могут «похвастаться» такой же степенью научной разработанности. Учитывая логику рассуждения, полагаем, что начать анализ необходимо с юридически значимых действий.

На сегодняшний день административно-правовое законодательство, действующее в Российской Федерации, не содержит нормативного определения юридически значимых действий.

Анализируя научные исследования в области государственного управления, мы делаем вывод о том, что юридически значимые действия неразрывно связаны с юридическими последствиями и в большинстве случаев рассматриваются в контексте реализации должностными лицами своих полномочий. При этом юридически значимые действия следует отличать от юридически не значимых по созданию ими имеющего место быть факта

правовых последствий для другого субъекта правоотношений [1, с. 79–80].

В гражданском же законодательстве под юридически значимыми действиями понимаются такие действия, совершение которых влечет появление у конкретного лица (лиц) гражданских прав и обязанностей. Последствия этих действий могут предусматриваться прямо или косвенно в законе, соглашениях сторон, а также следовать из обычаев. В абзаце 2 п. 1 ст. 8 Гражданского кодекса Российской Федерации приведен неисчерпывающий перечень юридически значимых действий, включающий в себя:

- 1) договоры и иные сделки, как предусмотренные законом, так и не предусмотренные законом, но не противоречащие ему;
- 2) решения собраний в случаях, предусмотренных законом;
- 3) акты государственных органов и органов местного самоуправления, которые предусмотрены законом в качестве оснований возникновения гражданских прав и обязанностей;
- 4) судебные решения, установившие гражданские права и обязанности и др.

Коллектив авторов-цивилистов под руководством Б. М. Гонгало придерживается той же позиции: «юридические действия — это волевые акты субъектов, с которыми закон связывает правовые последствия» [2, с. 278].

Итак, проводя аналогию с гражданско-правовой сферой и принимая во внимание особенности публично-правового поля, сформулируем следующее определение юридически значимых административных действий — это волевые акты уполномоченных административно-публичных органов (должностных лиц), совершение которых влечет появление у индивидуальных и коллективных субъектов прав и обязанностей в сфере государственного управления. Полагаем, что к юридически значимым действиям в административном процессе можно отнести, например:

- прием должностным лицом заявлений и иных документов, необходимых для предоставления государственных услуг;
- оформление и выдачу документов, справок, выписок и других результатов предоставления государственных услуг (например, водительского удостоверения, паспорта гражданина РФ, разрешения на временное проживание, выписки из государственного реестра транспортных средств, государственных регистрационных знаков и др.);
- принятие решения о регистрации или отказе в осуществлении регистрационных действий (снятии с регистрации) и др.

Теперь вернемся к вопросу сущности административной процедуры, который в известной степени зависит от позиции конкретного автора относительно природы административного процесса.

Так, например, авторский коллектив под руководством М. А. Лапиной и Г. Ф. Ручкиной выдвигает тезис о преимущественно позитивном характере административного процесса (который, по их мнению, делится на три института: административные процедуры, административную юрисдикцию и административную юстицию), связанного с реализацией основных функций государства [3, с. 247].

Юрисдикционная концепция отождествляет административный процесс с юрисдикционным производством, в ходе которого реализуется административная ответственность. В то же время подразумевается наличие деятельности органов исполнительной власти, не относящейся к административному процессу.

Принципиально иной подход — интегративный — разрабатывают и выделяют А. Б. Зеленцов, П. И. Кононов и А. И. Стахов. Следуя ему, административный процесс может быть определен как внешневластная правоприменительная комплексная деятельность органов и должностных лиц публичной администрации, иных административно-публичных органов, административно-публичных организаций, а также судов (судей) по разрешению в соответствии с установленными процедурами административных и судебно-административных дел [4, с. 24–25].

Сама правовая процедура — один из основных элементов административного процесса — не менее сложный для исследователя вопрос.

Так, в своем исследовании проблем теории административного процесса С. Н. Махина в качестве наиболее правильного указывает следующее определение правовой процедуры: «это урегулированный законодательством порядок совершения определенного действия, направленного на достижение конкретного правового результата» [5, с. 49].

Сторонники интегративного подхода, рассматривая процедуру с позиции формально-логического понимания, определяют ее в качестве нормативного регулятора, который определяет специальный (исполнительный административно-процессуальный) порядок действий и решений административно-публичных органов, совершаемых (принимаемых) данными органами самостоятельно без взаимодействия с судебными органами и законодательными органами в целях и в ходе разрешения административного дела. Не менее

любопытен их тезис о том, что деятельность административно-публичных органов по разрешению административных дел только тогда превращается в административно-процессуальные производства, когда осуществляется в соответствии с административными процедурами [4, с. 82–83].

По мнению Ю. А. Тихомирова, процедура — это «установленный порядок последовательно совершаемых действий субъектов права для реализации их прав и обязанностей». Помимо прочего, он выделяет следующие элементы административной процедуры:

- 1) процедурные правила, предназначенные для легального применения материально-компетенционных норм;
- 2) типичный набор юридических действий и актов, совершаемых и принимаемых субъектами компетенции;
- 3) стадии деятельности субъектов компетенции и связанных с ними других субъектов права, последовательность совершения юридических действий и их связь;
- 4) временная характеристика (сроки, продолжительность, периодичность) [6, с. 144].

Не лишённую справедливости позицию выражают ранее упомянутые нами сторонники позитивной концепции административного процесса М. А. Лапина и Г. Ф. Ручкина: «административные процедуры регламентируют правотворческую и позитивную правоприменительную, неюрисдикционную деятельность органов исполнительной власти, направленную на реализацию прав и обязанностей индивидуальных и коллективных субъектов в сфере управления» [3, с. 247]. Полагаем, что в этом случае налицо деление преимущественно внешнеуправленческих правоприменительных позитивных процедур, что сразу ставит перед исследователем множество вопросов, например, как быть с внутриаппаратной деятельностью публичных органов; чем являются меры административного принуждения, реализуемые за пределами рамок производства по делам об административных правонарушениях.

Следовательно, принимая во внимание широчайший спектр мнений относительно вопроса природы правовой процедуры в системе административного процесса, считаем наиболее логичным в таком случае придерживаться максимально широкого подхода к определению административной процедуры — это специальный порядок совершения публичной администрацией либо иными уполномоченными субъектами действий либо принятие ими соответствующих административ-

ных решений [7, с. 48–52]. Не вызывает сомнения тот факт, что данное определение не охватывает многообразия и тонкости содержательных моментов и специфических черт конкретных процедур, однако в наиболее общем виде даёт представление о ее природе, включая в свой объем аспекты внешней и внутренней, позитивной и юрисдикционной, нормотворческой и правоприменительной деятельности.

Обобщив признаки административных процедур, без всякого сомнения, согласимся с К. В. Давыдовым, который представил их систему в следующем виде:

- урегулированность нормами права;
- стадийность, структурированность;
- властный субъект реализации административной процедуры;
- юридическая содержательность;
- юридическая результативность [8, с. 55–61].

Следовательно, указанные признаки могут быть в полной мере отнесены и к юридически значимым действиям, осуществляемым именно в рамках административного процесса. Кроме одного: юридически значимое действие не обладает признаком стадийности и структурированности. Разумеется, любое действие можно «разложить» на стадии, представив, например, прием должностным лицом заявлений и иных документов в следующем виде:

- 1) приветствие заявителя;
- 2) осознание сути проблемного вопроса;
- 3) оценка его законности, а также правомерности действий заявителя;
- 4) непосредственный прием заявления и соответствующих документов;
- 5) напутственные слова заявителю.

Очевидно, ситуация выглядит довольно комичной. В этом случае любое банальное одноактное краткосрочное действие — это процедура, реализация которой уполномоченным должностным лицом должна быть урегулирована как минимум исходя из принципа законности. Указанные обстоятельства, в свою очередь, приведут к принятию все большего числа нормативных правовых актов без того в широчайшем пространстве административно-правового регулирования государственного управления. В подобной ситуации не заинтересованы ни административно-публичные органы в лице их должностных лиц, обязанных соблюдать процедурную форму реализации своих полномочий (как внутриаппаратных, так и внешнеуправленческих), ни лица, являющиеся одной из сторон подобных правоотношений (в случаях

осуществления внешнеуправленческих процедур).

Теперь же вернемся к вопросам действующего административного законодательства. Когда мы говорим о вопросах реализации административных процедур, то в первую очередь обращаем свое внимание на административные регламенты, предназначенные для нормативно-правового закрепления порядка оказания государственных услуг населению. В свою очередь, указанные выше юридически значимые действия законодателем в административных регламентах отнесены к «административным процедурам (действиям)» предоставления различных государственных услуг (например, п. 60 Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации предоставления государственной услуги по регистрации транспортных средств, утвержденного Приказом МВД России от 21.12.2019 № 950). Полагаем, что использование данной терминологии не совсем корректно с точки зрения теории административного процесса. Следуя ранее приведенным тезисам, административная процедура — это все же более объемная категория, предусматривающая в первую очередь последовательно сменяющиеся друг друга стадии (юридически значимые действия) со своими конкретными юридическими итогами, совокупность которых и составляет юридически значимый административно-правовой результат. Считаем, что исключение из формулировки «исчерпывающий перечень административных процедур (действий)» слова «процедуры» внесет определенную ясность в рассматриваемый вопрос. Тогда у исследователей в области административного процесса будет более четкое понимание позиции законодателя относительно широты и объема административной процедуры как правовой категории, а также появится возможность прийти к единому мнению относительно ее юридического содержания.

Таким образом, поставив задачи проанализировать юридическую природу административно-правовой процедуры, а также определить правовые показатели (признаки, критерии, параметры), отличающие ее от юридически значимых действий, мы можем сформулировать следующие выводы:

1. В настоящее время административное законодательство не содержит нормативно-правового

определения юридически значимых действий, однако учитывая теоретические положения, а также осуществив сравнительно-правовой анализ, считаем, что юридически значимыми административными действиями в административном процессе являются волевые акты уполномоченных административно-публичных органов (должностных лиц), совершение которых влечет появление у индивидуальных и коллективных субъектов прав и обязанностей в сфере государственного управления.

2. Понимание сущности административной процедуры напрямую зависит от принимаемой в том или ином случае позиции относительно природы административного процесса, тем не менее, обобщив исследования, считаем уместным в качестве наиболее корректного использовать широкий подход: административно-правовая процедура — это урегулированный административно-правовыми нормами порядок осуществления уполномоченными публично-правовыми органами процессуальных действий, направленных на достижение социально значимого юридического результата — реализацию прав и обязанностей индивидуальных и коллективных субъектов права. Ключевой признак, позволяющий выявить процедуру среди юридически значимых действий, — это стадийность и структурированность. Юридически значимое действие — одноактное волевое действие уполномоченного субъекта, позволяющего при его совершении добиться юридического результата; административно-правовая процедура — это систематизированная совокупность юридически значимых действий, последовательно сменяющих друг друга, которая в случае нарушения этой самой последовательности не достигнет социально значимого юридического результата, для которого ее реализация была предназначена.

3. Терминология, используемая в действующих на сегодняшний день нормативных правовых актах, определяющих вопросы правового регулирования государственного управления посредством закрепления порядка предоставления государственных услуг, на наш взгляд, является не совсем корректной. Считаем возможным изменение концептуального подхода законодателя к административным процедурам, которое позволит разграничить процедуры и юридически значимые административные действия.

Список источников

1. Бугаевская Н. В. Юридически значимые действия как форма выражения организационно-распорядительных функций должностных лиц в коррупционных преступлениях // Евразийский союз ученых. 2014. № 7-5 (7). С. 79–80.

2. Гражданское право: учебник: в 2 т. / С. С. Алексеев, О. Г. Алексеева, К. П. Беляев [и др.]; под ред. Б. М. Гонгало. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2018. Т. 1. 528 с.
3. Административное право. Административный процесс: учебник / под ред. М. А. Лапиной, Г. Ф. Ручкиной. М.: Юстиция, 2022. 578 с.
4. Административно-процессуальное право России: учебник для вузов: в 2 ч. / А. Б. Зеленцов, П. И. Кононов, А. И. Стахов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2023. Ч. 1. 311 с.
5. Административный процесс: проблемы теории, перспективы правового регулирования. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1999. 230 с.
6. Административно-процессуальное право: курс лекций / под ред. проф. И. Ш. Киясханова. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2004. 399 с.
7. Рогачева О. С. От административных регламентов к административным процедурам: постановка задачи и пути ее практической реализации // Административное право и процесс. 2013. № 6. С. 48–52.
8. Давыдов К. В. Административные процедуры: концепция правового регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2020. 655 с.

References

1. Bugaevskaya N. V. Yuridicheski znachimye dejstviya kak forma vyrazheniya organizacionno-rasporjaditel'nyh funkcij dolzhnostnyh lic v korrupcionnyh prestupleniyah // Evrazijskij soyuz uchenyh. 2014. № 7-5 (7). S. 79–80.
2. Grazhdanskoje pravo: uchebnik: v 2 t. / S. S. Alekseev, O. G. Alekseeva, K. P. Belyaev [i dr.]; pod red. B. M. Gongalo. 3-e izd., pererab. i dop. M.: Statut, 2018. T. 1. 528 s.
3. Administrativnoje pravo. Administrativnyj process: uchebnik / pod red. M. A. Lapinoj, G. F. Ruchkinoj. M.: Yusticiya, 2022. 578 s.
4. Administrativno-processual'noje pravo Rossii: uchebnik dlya vuzov: v 2 ch. / A. B. Zelencov, P. I. Kononov, A. I. Stahov. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Yurajt, 2023. Ch. 1. 311 s.
5. Administrativnyj process: problemy teorii, perspektivy pravovogo regulirovaniya. Voronezh: Izd-vo Voronezh. gos. un-ta, 1999. 230 s.
6. Administrativno-processual'noje pravo: kurs lekcij / pod red. prof. I. Sh. Kilyaskhanova. M.: YuNITI-DANA; Zakon i pravo, 2004. 399 s.
7. Rogacheva O. S. Ot administrativnyh reglamentov k administrativnym proceduram: postanovka zadachi i puti ee prakticheskoj realizacii // Administrativnoje pravo i process. 2013. № 6. S. 48–52.
8. Davydov K. V. Administrativnye procedury: koncepciya pravovogo regulirovaniya: dis. ... d-ra yurid. nauk. Nizhnij Novgorod, 2020. 655 s.

Статья поступила в редакцию 23.04.2024; одобрена после рецензирования 14.05.2024; принята к публикации 27.08.2024.

The article was submitted 23.04.2024; approved after reviewing 14.05.2024; accepted for publication 27.08.2024.

Алтайский юридический вестник. 2024. № 3 (47). С. 114–119.

Altai Law Journal. 2024. № 3 (47). P. 114–119.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 343.9.01

ГОСУДАРСТВЕННАЯ МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Светлана Владимировна Мягкова¹, Виктория Евгеньевна Хазова²

¹ Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия, myagkovas83@mail.ru

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия, x.victoria@yandex.ru

Аннотация. Актуальность настоящей статьи вызвана постоянно изменяющейся миграционной политикой в государстве, в результате которой возникла необходимость в объективном отражении той ситуации, которая сложилась в рассматриваемой сфере на территории России. В данной статье рассмотрены аспекты, характеризующие современное состояние и перспективы развития государственной миграционной политики Российской Федерации, а также проведен системный анализ основных направлений миграционных процессов, определены основные проблемные вопросы, разработаны предложения, направленные на дальнейшее совершенствование миграционной политики России. При проведении исследования авторами были использованы методы системного и логического анализа, а также исторический метод, которые позволили, с одной стороны, обобщить, логически структурировать и интерпретировать собранные данные, с другой — выделить факторы, оказывающие существенное влияние на миграционные процессы в Российской Федерации, и представить их развитие в динамике.

Ключевые слова: концепция, государство, миграция, миграционная политика, миграционные процессы, Российская Федерация

Для цитирования: Мягкова С. В., Хазова В. Е. Государственная миграционная политика современной России // Алтайский юридический вестник. 2024. № 3 (47). С. 114–119.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

STATE MIGRATION POLICY OF CONTEMPORARY RUSSIA

Svetlana V. Myagkova¹, Victoria E. Khazova²

¹ Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, myagkovas83@mail.ru

² Institute of National Security and Law of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia, x.victoria@yandex.ru

Abstract. The relevance of this article is caused by the constantly changing migration policy in the state, as a result of which there was a need for an objective reflection of the situation that has developed in the field in question on the territory of Russia. Pursuing the above goal, this article examines aspects characterizing the current state and prospects for the development of the state migration policy of the Russian Federation, as well as a systematic analysis of the main directions of migration processes, identifies the main problematic issues, and, accordingly, developed proposals aimed at further improving the migration policy of Russia. When conducting research in the designated area, the authors used methods of systematic and logical analysis, as well as the historical method, which allowed, on the one hand, to generalize, logically structure and interpret the collected data, on the other hand, to identify factors that have a significant impact on migration processes in the Russian Federation and present their development in dynamics.

Keywords: concept, state, migration, migration policy, migration processes, the Russian Federation

For citation: Myagkova S. V., Khazova V. E. State migration policy of contemporary Russia. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2024;3:114–119 (In Russ.).

© Мягкова С. В., Хазова В. Е., 2024

Постоянные миграционные потоки и связанные с ними явления по-прежнему остаются одной из основ общественной жизни, становятся новыми импульсами для современной миграционной политики Российской Федерации. Наряду с этим международная региональная обстановка продолжает оставаться достаточно сложной и изменчивой. Российская Федерация считается одним из регионов с самой высокой оживленностью глобальной миграции. Огромные по масштабу миграционные потоки, с одной стороны, стимулируют развитие региональной экономики, а с другой — формируют новые вызовы для управления безопасностью в стране [1, с. 152].

Сегодня «миграционная ситуация в Российской Федерации — не простая проблема. Она характерна для очень многих стран мира и для нас тоже». Именно так высказался В. В. Путин о миграционной политике в России [2].

Нынешняя напряженная ситуация, вызванная специальной военной операцией (далее — СВО), изменила глобальный политический, социальный и экономический мировой порядок. Миграционные процессы в свете вооруженных конфликтов относятся к самым острым проблемам на мировой арене, т. к. не в добровольном порядке перемещенные люди в результате военных конфликтов являются уязвимой группой населения всей планеты [3].

Россия — это открытое для внешнего мира государство, в связи с чем необходимо глубоко и кардинально обновить подходы к действующей миграционной политике с учетом проводимой СВО, которая будет направлена не только на решение общих задач, связанных с проведением СВО, но и глобально затронет сферы социально-экономического, демографического пространства не только за счет пребывающих иностранных граждан, а полностью будет направлена на граждан Российской Федерации, соотечественников.

Российская Федерация заинтересована в привлечении большого количества трудовых мигрантов, выступая реципиентом мировых миграционных потоков, т. к. наша страна является одним из крупнейших и богатейших государств мира и одновременно выступает центром притяжения для иностранных граждан, пребывающих как в поисках работы, так и в рамках реализации гуманитарных целей.

Однако нормативно-правовых актов, которые были бы направлены на урегулирование миграционной политики в период СВО, недостаточно, что требует уточнения ряда вопросов. Концепция миграционной политики, утвержденная Указом

Президента РФ в 2018 г.¹, не содержит положений, отсылаемых к СВО, не предусматривает создание привлекательных механизмов для снижения оттока россиян из страны, создание условий для возвращения жителей в новые регионы, которые те покинули из-за СВО на территории Украины. Законодательство в сфере миграции не предусматривает меры и нормы, регламентирующие особенности передвижения населения в период СВО [4].

В период проведения СВО некоторые иностранные граждане, нелегально въезжающие на территорию РФ, совершали преступления, связанные с экстремизмом, терроризмом. Для создания и установления правопорядка в стране в период проведения СВО требуется принятие хотя бы в рамках Концепции миграционной политики решений, способствующих предотвратить хаос и беспорядок в миграционной сфере. Решающим в данном вопросе должен быть принцип, который будет направлен со стороны иностранных граждан, въезжающих в РФ, на уважение нашей культуры, истории, языка и традиций.

Уменьшение срока временного пребывания иностранных граждан в России до 90 суток суммарно в течение одного календарного года и прохождение иностранными гражданами дактилоскопической регистрации и фотографирования при въезде в Российскую Федерацию позволят обеспечить ведомственным структурам более полный контроль в миграционной сфере.

Данная стратегия должна быть обращена на трансформацию миграционной политики. Всегда должен быть полный контроль над нашими границами, т. к. безопасные и эффективно функционирующие границы имеют решающее значение для нашей безопасности и самого чувства нашей государственности. Такой подход может привести к легальной миграции в будущем и снизит миграционные потоки страны в целом.

Проведение СВО послужило импульсом для порождения массовой не только вынужденной, но и нелегальной миграции, которая несет в себе жесткий процесс, где люди бегут от разрушений, боёв и бедствий, оказываются жертвами — беженцами, вынужденными переселенцами, эмигрантами. И это вызов для Российской Федерации, снова находящейся в трудном экономическом положении, вызов, справиться с которым будет предельно сложно, но возможно [5].

¹ О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы: Указ Президента Российской Федерации от 31.10.2018 № 622 (ред. от 12.05.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 45, ст. 6917.

При этом государство должно на законодательном уровне реагировать на проблемы различных групп населения, оказавшихся в конкретной военно-политической ситуации. Государственная власть, имея отчетливую политику в отношении переселения, эвакуации иммиграционного притока и оттока населения в зарубежные страны, сохранит не только демографическую ситуацию в стране, но и приведет в порядок социально-экономический баланс всего населения [6, с. 48].

Количество беженцев, прибывших в Россию с территории Украины и Донбасса, с февраля 2022 г. возросло до 5,3 млн [7]. Подавляющее большинство перемещенных лиц насильственно «выдавлены» властями Украины, в т. ч. и на территорию Российской Федерации с начала СВО. Указанный факт является проблемой, которая требует решения на государственном уровне, что необходимо с целью создания условий для возвращения соотечественников.

Миграция оказывает влияние и на мобилизационный ресурс страны, который зависит и от миграционной ситуации, от социально-экономического и социально-политического потенциалов общества и государства, а также от военных, демографических, геополитических и иных факторов. Поддержание мобилизационного ресурса на необходимом для нужд военного времени уровне основывается не только на заблаговременно использованных мобилизационных возможностях государства, но и общества в мирное время.

Таким образом, Концепция миграционной политики в период СВО должна содержать в себе мобилизационный ресурс, направленный на учет мигрирующих граждан на территорию РФ, определяя в дальнейшем у них уровень и критерии пригодности к военной службе, при этом не создавая почву для массового уклонения от мобилизации и иных обязанностей в военное время.

Актуальной проблемой современности является организация трудовой миграции в период военного времени. Сейчас многие граждане Российской Федерации принимают участие в СВО, защищают свою страну, а мигранты из Средней Азии, не имеющие права служить в армии РФ, пребывают на территорию России исключительно на заработки. Именно на это и необходимо обратить внимание законодателям и урегулировать миграционные притоки иностранных граждан для нужд военной промышленности и фронта в России. Кроме того, в связи со сформированным у мигрантов собственным менталитетом и организацией их обществ возникают конфликты с коренным населением нашей

страны. Как мы видим, множество миграционных проблем требует скорейшего решения.

В 2022 г. под влиянием изменившихся социально-экономических условий увеличился миграционный отток не только «простого» населения РФ за рубеж, но и произошел отток квалифицированной рабочей силы из числа наших граждан. На сегодняшний день пополнение вакантных мест осуществляется за счет приезжих иностранных граждан из других стран.

В связи с этим требуется принятие дополнительных мер по созданию финансовых, социальных и иных механизмов сохранения человеческого капитала, снижению оттока населения Российской Федерации за рубеж.

Еще одной проблемой в вопросе прибывающих на территорию России иностранных граждан является их интеграция в наше общество, которая происходит очень сложно. Миграционные программы, которые направлены на адаптацию и интеграцию иностранных граждан в российское общество — это всегда улица с двусторонним движением. С одной стороны, невозможно полностью отказаться от мигрантов. С другой стороны, привлечение иностранных специалистов — это определенные проблемы, связанные непосредственно с самими мигрантами, которые создают дисбаланс плюсов и минусов.

Сегодня, на наш взгляд, в новой миграционной стратегии необходимо уделить особое внимание той государственной миграционной политике России, которая будет направлена не только на адаптацию иностранных граждан в РФ, но и на сбалансированность острой потребности страны в большом количестве «коренных» жителей с ее политическими и структурными проблемами; на развитие миграционной политики в период СВО, усиление гуманитарных аспектов в сфере миграции для коренного населения [8, с. 180].

Как отмечает Президент России, «в миграционной политике мы должны исходить, прежде всего, из интересов, конечно, наших граждан в вопросах безопасности, социальной сфере, на рынке труда. Здесь очень важен гибкий сбалансированный подход, который не создает для нас риски, а работает на развитие страны, на экономику страны» [9].

Таким образом, миграционная система Российской Федерации должна быть одной из наиболее жестких в мире, оставаясь одним из лидеров по привлекательности для иностранных граждан в силу возможностей заработка и основным центром трудовой миграции. В то же время миграционная политика РФ должна быть нацелена и на

привлечение в страну трудовых мигрантов, пребывание которых должно быть ограничено, как правило, временным характером. Как показывают статистические данные официального сайта ГУВМ МВД России, иностранные граждане, прибывающие в Россию с заявленной целью въезда «работа», через некоторое время становятся нелегалами, что приводит к фактическому бесправию трудовых мигрантов. Многие трудовые мигранты бегут от своих работодателей, теряя свой трудовой статус и пополняя тем самым число нелегальных мигрантов [10].

Проблема нелегальных мигрантов в Российской Федерации стоит достаточно остро. Высокий уровень жизни и дохода, гарантированный гражданину страны, обуславливает стремление мигрантов каким-либо образом добиться натурализации. Правительством страны должны быть созданы необходимые условия их пребывания. Иностранцы из числа трудовых мигрантов должны организованно приезжать в нашу страну на определенный срок и так же организованно выезжать по окончании трудового договора. При этом в отношении трудовых контрактов должен быть определен запрет на заключение такого контракта с лицом, которое ранее привлекалось к административной или уголовной ответственности. Указанное ограничение позволит воспрепятствовать возможности трудовым мигрантам находиться в стране на нелегальном положении [11].

Также необходимо предъявить определенные требования и уделить огромное внимание работодателям. Так, зарплата, на которую они могут нанимать иностранных работников, не должна превышать минимальный размер оплаты труда россиянина. Такая мера должна служить не просто законом, а своеобразной формулой, обеспечивающей тем самым защиту интересов граждан и экономическую стабильность нашей страны. Именно такой подход создаст барьер для неквалифицированных иностранных работников, предостерегая от возможного давления на рынок труда и снижения заработных плат местных жителей [12].

Однако указанных мер, очевидно, недостаточно. Число нелегальных мигрантов остается стабильно высоким, в силу чего они негативно влияют на рынок труда, снижая среднюю заработную плату. В наибольшей степени от нелегальной миграции страдают такие сферы, как торговля и логистика, строительство, сфера обслуживания. Именно в указанных сферах занятость местного населения по сравнению с мигрантами минимальна, что позволяет сформировать установку в массовом

сознании на возможность дискриминации граждан Российской Федерации в пользу иностранных граждан. Необходимо предпринять попытки освобождения от зависимости от иностранной рабочей силы и заменить ее местными кадрами [13, с. 62].

Данное направление открывает путь для высокооплачиваемых специалистов. Россия активно привлекает талантливых и квалифицированных работников, предоставляет им одновременно не только возможность трудоустройства, но и реализацию иных потребностей для интенсивно развивающегося общества. Это позволит России использовать опыт зарубежных стран и иностранных специалистов-профессионалов, улучшая свой технологический и научный потенциал [14, с. 1593].

Таким образом, Россия, используя минимальную зарплату как ключевой инструмент, найдет золотую середину между защитой своего внутреннего рынка труда и открытостью для высококвалифицированных специалистов из других стран. Данный подход создаст уникальную модель миграционной политики, которая будет способствовать устойчивому экономическому развитию, сохраняя национальные и культурные традиции и избегая социальных и экономических проблем, связанных с массовым притоком неквалифицированных иностранных работников [15].

Обострение миграционной ситуации, которую мы сейчас наблюдаем в связи с переформатированием международных отношений, является дополнительным фактором для новых волн мигрантов, что оказывает влияние на миграционную политику России. На сегодняшний день принимаются меры, направленные на урегулирование миграционной политики, многие из них связаны с проведением СВО, однако этих мер недостаточно в силу быстроменяющейся ситуации не только на международном уровне, но и внутри страны. Одной из особенностей миграционной политики в период СВО является важность наличия мобилизационного ресурса, направленного на учет мигрирующих граждан на территорию РФ, что в дальнейшем позволит определить у них уровень и критерии пригодности к военной службе и при этом не создаст условия для массового уклонения от мобилизации и военной службы. Указанные аспекты должны найти отражение и в будущей Концепции, которая предположительно будет направлена на период с 2026 по 2031 г. и которая должна стать универсальной моделью для государства и быть направленной на создание правового пространства, отвечающего современным реалиям миграционной ситуации.

Список источников

1. Бышков П. А., Гасанов К. К., Егоров С. А. [и др.] Основы национальной безопасности. М., 2022.
2. Путин В. В. О миграционной политике России 2024, мигрантах, гражданстве России. URL: https://www.youtube.com/watch?v=wWGtTAA_TIA.
3. Гаврилова О. В., Зинченко Е. Ю., Исаков В. М. [и др.] Конституционное право зарубежных стран. Новосибирск, 2021.
4. Харламов С. О., Прудников А. С., Прудникова Т. А. [и др.] Правовое регулирование предоставления государственных услуг в сфере миграции: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция». М., 2023.
5. Богданов А. В., Венидиктов М. И., Косухин В. В. [и др.] Противодействие незаконной миграции правоохранительными органами в России. Новосибирск, 2023.
6. Мягкова С. В., Коньшин А. Н. Формирования органов публичной власти на вновь присоединенных территориях Российской Федерации // Международный журнал гражданского и торгового права. 2023. № 1. С. 47–50.
7. Свыше 5,3 млн беженцев с Украины и из Донбасса прибыли в Россию. URL: <https://iz.ru/1472836/2023-02-20/bolee-53-mln-bezhentcev-s-ukrainy-i-iz-donbassa-pribyli-v-rossiiu-za-god>.
8. Зинченко Е. Ю., Воробьев В. Ф., Хазов Е. Н. Охрана и защита прав и свобод человека и гражданина правоохранительными органами в условиях специальных правовых режимов // Конституционные права и свободы человека как высшая ценность государства и общества: сборник научных трудов Всероссийской научно-практ. конф-ции. М., 2023. С. 176–180.
9. URL: <https://www.interfax.ru/russia/902275> (дата обращения: 25.12.2023).
10. Хазов Е. Н., Хазова В. Е., Шакун Н. В. [и др.] Конституционно-правовое обеспечение социальных прав и свобод человека и гражданина в России. Новосибирск, 2020.
11. Зинченко Е. Ю., Хазов Е. Н. Актуальные вопросы государственной миграционной политики России // Образование. Наука. Научные кадры. 2022. № 2. С. 79–83.
12. Зинченко Е. Ю., Воробьев В. Ф., Хазов Е. Н. Миграционная политика России: проблемы и перспективы их решения // Международный журнал конституционного и государственного права. 2023. № 1. С. 15–19.
13. Хазов Е. Н., Андрейцо С. Ю. Правовое обеспечение миграционных процессов в России: проблемы и перспективы // Судебная экспертиза и исследования. 2023. № 4. С. 59–64.
14. Яткевич О. Г., Хазов Е. Н., Борисов И. Д. Особенности правового регулирования миграции в ряде европейских стран // Актуальные проблемы развития российского законодательства и практика его применения: сборник научных статей Всероссийской научно-практ. конф-ции с международным участием. Ижевск, 2022. С. 1589–1602.
15. Абакумов О. Б., Шакун Н. В., Шаламов Р. Г. [и др.] Основные социальные права и свободы человека и гражданина в России и их конституционно-правовое обеспечение. М., 2014.

References

1. Byshkov P. A., Gasanov K. K., Egorov S. A. [i dr.] Osnovy nacional'noj bezopasnosti. M., 2022.
2. Putin V. V. O migracionnoj politike Rossii 2024, migrantah, grazhdanstve Rossii. URL: https://www.youtube.com/watch?v=wWGtTAA_TIA.
3. Gavrilova O. V., Zinchenko E. Yu., Isakov V. M. [i dr.] Konstitucionnoe pravo zarubezhnyh stran. Novosibirsk, 2021.
4. Harlamov S. O., Prudnikov A. S., Prudnikova T. A. [i dr.] Pravovoe regulirovanie predostavleniya gosudarstvennyh uslug v sfere migracii: uchebnoe posobie dlya studentov vuzov, obuchayushchihsya po napravleniyu podgotovki «Yurisprudenciya». M., 2023.
5. Bogdanov A. V., Venidiktov M. I., Kosuhin V. V. [i dr.] Protivodejstvie nezakonnoj migracii pravoohranitel'nymi organami v Rossii. Novosibirsk, 2023.
6. Myagkova S. V., Kon'shin A. N. Formirovaniya organov publichnoj vlasti na novoprisoedinennyh territoriyah Rossijskoj Federacii // Mezhdunarodnyj zhurnal grazhdanskogo i torgovogo prava. 2023. № 1. S. 47–50.
7. Svshe 5,3 mln bezhencev s Ukrainy i iz Donbassa pribyli v Rossiyu. URL: <https://iz.ru/1472836/2023-02-20/bolee-53-mln-bezhentcev-s-ukrainy-i-iz-donbassa-pribyli-v-rossiiu-za-god>.

8. Zinchenko E. Yu., Vorob'ev V. F., Hazov E. N. Ohrana i zashchita prav i svobod cheloveka i grazhdanina pravoohranitel'nymi organami v usloviyah special'nyh pravovyh rezhimov // Konstitucionnye prava i svobody cheloveka kak vysshaya cennost' gosudarstva i obshchestva: sbornik nauchnyh trudov Vserossijskoj nauchno-prakt. konf-cii. M., 2023. S. 176–180.

9. URL: <https://www.interfax.ru/russia/902275> (data obrashcheniya: 25.12.2023).

10. Hazov E. N., Hazova V. E., Shakun N. V. [i dr.] Konstitucionno-pravovoe obespechenie social'nyh prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Rossii. Novosibirsk, 2020.

11. Zinchenko E. Yu., Hazov E. N. Aktual'nye voprosy gosudarstvennoj migracionnoj politiki Rossii // Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry. 2022. № 2. S. 79–83.

12. Zinchenko E. Yu., Vorob'ev V. F., Hazov E. N. Migracionnaya politika Rossii: problemy i perspektivy ih resheniya // Mezhdunarodnyj zhurnal konstitucionnogo i gosudarstvennogo prava. 2023. № 1. S. 15–19.

13. Hazov E. N., Andrejco S. Yu. Pravovoe obespechenie migracionnyh processov v Rossii: problemy i perspektivy // Sudebnaya ekspertiza i issledovaniya. 2023. № 4. S. 59–64.

14. Yatkevich O. G., Hazov E. N., Borisov I. D. Osobennosti pravovogo regulirovaniya migracii v ryade evropejskih stran // Aktual'nye problemy razvitiya rossijskogo zakonodatel'stva i praktika ego primeneniya: sbornik nauchnyh statej Vserossijskoj nauchno-prakt. konf-cii s mezhdunarodnym uchastiem. Izhevsk, 2022. S. 1589–1602.

15. Abakumov O. B., Shakun N. V., Shalamov R. G. [i dr.] Osnovnye social'nye prava i svobody cheloveka i grazhdanina v Rossii i ih konstitucionno-pravovoe obespechenie. M., 2014.

Информация об авторах

С. В. Мягкова — кандидат педагогических наук.

В. Е. Хазова — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

S. V. Myagkova — Candidate of Science (Pedagogics).

V. E. Khazova — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 05.02.2024; одобрена после рецензирования 29.03.2024; принята к публикации 27.08.2024.

The article was submitted 05.02.2024; approved after reviewing 29.03.2024; accepted for publication 27.08.2024.

Алтайский юридический вестник. 2024. № 3 (47). С. 120–126.

Altai Law Journal. 2024. № 3 (47). P. 120–126.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 343.6

ОТДЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ О ПОБОЯХ

Андрей Максимович Павлюченко

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, a_pavlyuchenko1997@mail.ru

Аннотация. Производство по делам об административных правонарушениях в условиях активной декриминализации составов преступлений приобретает особую актуальность. В настоящей статье рассмотрены отдельные особенности производства по делам о побоях, ответственность за которые установлена в статье 6.1.1 КоАП РФ. В основу настоящего исследования положено более 250 судебных решений по делам о побоях, анализ которых позволил выявить проблемы, возникающие на стадии возбуждения дела об административном правонарушении у сотрудников полиции. В работе исследован порядок назначения экспертиз в рамках производства по делам о побоях, а также сделан вывод о целесообразности её проведения исходя из конкретных ситуаций. Автором принята попытка оптимизации отдельных аспектов, касающихся производства по статье 6.1.1 КоАП РФ. В заключение делаются выводы о наличии проблемных аспектов, формируются авторские предложения по их устранению.

Ключевые слова: производство по делам о побоях, экспертиза, административное расследование, побои

Для цитирования: Павлюченко А. М. Отдельные особенности производства по делам о побоях // Алтайский юридический вестник. 2024. № 3 (47). С. 120–126.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

FEATURES OF PROCEEDINGS IN CASES OF BEATINGS

Andrey M. Pavlyuchenko

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia,

a_pavlyuchenko1997@mail.ru

Abstract. Proceedings in cases of administrative offenses in the context of active decriminalization of the elements of crimes are becoming particularly relevant. This article discusses certain features of the proceedings in cases of beatings, the responsibility for which is established in Article 6.1.1 of the Administrative Code of the Russian Federation. The present study is based on more than 250 court decisions in cases of beatings, the analysis of which revealed the problems that arise at the stage of initiation of an administrative offense case against police officers. Based on statistical information and interviews conducted, a detailed analysis of situations arising in law enforcement activities at the stage of an administrative investigation is given in relation to the considered composition of an administrative offense. The paper examines the procedure for appointing examinations in the framework of proceedings in cases of beatings, as well as concludes that it is advisable to conduct it based on specific situations. The author has attempted to optimize certain aspects of the proceedings under Article 6.1.1 of the Administrative Code of the Russian Federation. Conclusions are drawn about the presence of problematic aspects, author's proposals for their elimination are formed.

Keywords: proceedings in cases of beatings, examination, administrative investigation, beatings

For citation: Pavlyuchenko A. M. Features of proceedings in cases of beatings. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2024;3:120–126 (In Russ.).

Гуманизация уголовного законодательства, а в ряде случаев исключение составов преступлений из числа таковых на сегодняшний день являются устойчивым приоритетом уголовно-правовой политики Российской Федерации. Декриминализация отдельных составов преступлений нашла свою поддержку более чем у половины россиян. По данным ВЦИОМ, 59 % опрошенных граждан поддержали идею о смягчении уголовной ответственности за нанесение побоев впервые [1].

В июле 2016 г. в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ)¹ была введена ответственность за нанесение побоев. Данное решение законодателя можно считать беспрецедентным в связи с тем, что изменения коснулись главы 16 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) «Преступления против жизни и здоровья»², образовав тем самым административную преюдицию. Таким образом, впервые в советской и российской истории была введена административная ответственность за нанесение побоев³.

Несмотря на относительно продолжительное существование статьи 6.1.1 КоАП РФ «Побои» и обширную судебную практику по рассматриваемому составу административного правонарушения, вопросы, связанные с производством по делам о побоях, привлекают внимание как ученых, так и правоприменителей. На наш взгляд, повышенный интерес к этому вызван сложным и многогранным процессом производства по делу о рассматриваемом составе административного правонарушения.

В подтверждение изложенного считаем необходимым привести статистику по количеству дел, поступивших в суды, в сравнении с количеством лиц, привлеченных к ответственности. По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2023 г. в суды поступило 146 837 дел (2022 г. — 170 111) по статье 6.1.1 КоАП РФ, привлечено к ответственности 91 964 лица

(2022 г. — 108 420). Исходя из приведенных статистических сведений, мы видим, что в 37,4 % случаях (2022 г. — 36,3 %) виновные лица к ответственности привлечены не были. Кроме того, стоит отметить, что подавляющее большинство дел (2023 г. — 43,4 %, 2022 г. — 43,1 %), по которым виновные лица не привлечены к ответственности, возвращены для устранения недостатков, имеющих в материалах дел [2].

Несмотря на многочисленные попытки научного сообщества решить проблемы, возникающие у сотрудников полиции в производстве по делам о побоях, вышеприведенные статистические сведения позволяют констатировать наличие определенных проблем при документировании административных правонарушений, ответственность за которые предусмотрена ст. 6.1.1 КоАП РФ.

В целях выявления таковых считаем необходимым детально рассмотреть объективную сторону состава административного правонарушения. В соответствии с КоАП РФ под административными побоями понимается действие по нанесению побоев или совершению иных насильственных действий, причинивших физическую боль, однако не повлекших утрату трудоспособности. Исходя из диспозиции указанной нормы, мы видим, что объективная сторона рассматриваемого деяния может быть выражена двумя способами — нанесение побоев и причинение физической боли.

Говоря о нанесении побоев, следует отметить, что в нормативных правовых актах на сегодняшний день отсутствует закрепление данного понятия. Однако в ранее действовавших нормативных документах, а именно в Приказе Минздрава Российской Федерации от 10.12.1996 № 407 «О введении в практику Правил производства судебно-медицинских экспертиз»⁴, под побоями понимались действия, характеризующиеся многократными ударами, в результате которых могут быть причинены телесные повреждения. Исходя из этого, следует говорить о том, что нанесение побоев может повлечь причинение телесных повреждений, а может и не повлечь. В рассматриваемой ситуации необходимо проведение экспертизы в целях установления полной картины произошедшего. Вместе с тем результаты проведенного интервьюирования действующих участковых уполномоченных поли-

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 30.12.2001 № 195-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Кодекс РСФСР об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: утвержден ВС РСФСР 20.06.1984 (документ утратил силу с 01.07.2022 в связи с принятием Федерального закона от 30.12.2001 № 196-ФЗ). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ О введении в практику Правил производства судебно-медицинских экспертиз [Электронный ресурс]: приказ Минздрава РФ от 10.12.1996 № 407 (утратил силу в связи с изданием приказов Минздрава РФ от 14.09.2001 № 361, от 21.03.2003 № 119). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ции свидетельствуют о достаточно разносторонней практике не только на территории различных субъектов (Республика Алтай, Кемеровская область и Алтайский край), но и в границах одного муниципального образования. В качестве примера приведем информацию о рассмотренных делах по ст. 6.1.1 КоАП РФ на территории г. Барнаула. Так, мировыми судьями Железнодорожного района г. Барнаула в 2023 г. рассмотрено 22 дела по интересующему нас составу административного правонарушения. Анализ судебных решений позволяет утверждать, что в 100 % случаях независимо от характера причиненных повреждений основным доказательством являлось заключение эксперта. Противоположная ситуация наблюдается на участках мировых судей Октябрьского района г. Барнаула, где за аналогичный период рассмотрено 72 дела об административных правонарушениях, и лишь в 5 материалах имелось заключение эксперта. Сложившаяся ситуация порождает разносторонний подход должностных лиц к требованиям, предъявляемым к производству по делам о побоях, и, как следствие, категорично различную судебную практику не только в общем по стране, но и на территории одного муниципального образования.

Продолжая рассматривать целесообразность проведения экспертиз в рамках производства по делам о побоях, следует отметить, что в отличие от уголовно-процессуального законодательства¹ экспертиза, проводимая в порядке ст. 26.4 КоАП РФ, не носит императивного характера. Таким образом, у правоприменителя возникают трудности с тем, чтобы убедить потерпевшего явиться в медицинскую организацию при отсутствии каких-либо правовых рычагов воздействия на него. Кроме того, заключение эксперта не является обязательным для судьи, рассматривающего дело. Отсутствие юридической ответственности за невыполнение требований должностного лица, ведущего производство по делу об административном правонарушении, об обязательном прохождении экспертизы потерпевшей стороной в большинстве случаев ведет к прекращению производства в связи с отсутствием возможности доказать наличие состава административного правонарушения.

Рассматривая совершение иных насильственных действий, повлекших причинение физической боли, под которыми в правоприменительной прак-

тике понимается воздействие на тело человека при помощи физической силы (различных толчков, сдавливания, захватов, выкручивания рук и т. п.), как один из способов совершения административного правонарушения, следует отметить, что указанные выше действия не всегда влекут видимые телесные повреждения. Таким образом, лицо, ведущее производство по делу об административном правонарушении, исходя из конкретной ситуации, вправе принимать решение о необходимости проведения экспертизы. Вместе с тем, как отмечено выше, в большинстве случаев правоприменитель будет отталкиваться не от обстоятельств произошедшего, а от требований, которые выдвигает тот или иной судья. В качестве примера приведем дело № 5-129/2024 от 13 февраля 2024 г., рассмотренное мировым судьей судебного участка № 1 Центрального района г. Барнаула. Из текста постановления по делу об административном правонарушении следует, что гражданин С. нанес гражданину П. удар рукой в область правой надбровной дуги, чем причинил последнему физическую боль. В рамках производства по делу об административном правонарушении была назначена экспертиза, однако согласно заключению эксперта каких-либо телесных повреждений у потерпевшего обнаружено не было². Несмотря на это, в совокупности с иными доказательствами по делу гражданин С. был привлечен к административной ответственности. Приведенное судебное решение свидетельствует о сложившейся практике рассмотрения дел по ст. 6.1.1 на конкретном судебном участке. В целях подтверждения обозначенного тезиса следует отметить, что данным судебным органом в 2023 г. рассмотрено лишь 2 дела по указанному составу административного правонарушения. Подобные обстоятельства ведут к нерациональному распределению времени должностных лиц, ведущих производство по делу об административном правонарушении, в связи с тем, что судебная практика вынуждает последних назначать экспертизы, хотя объективная ситуация этого не требует.

Необходимо обратить внимание на то, что основным должностным лицом, ведущим производство по делам о побоях, является участковый уполномоченный полиции, который, помимо иных функциональных обязанностей, тратит значительную часть служебного времени на производство

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Постановление Мирового судьи судебного участка № 1 Центрального района г. Барнаула от 13.02.2024 № 5-129/2024 // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html> (дата обращения: 03.05.2024).

по делам об административных правонарушениях (от 1150 часов до 1535 часов при общем усредненном ресурсе рабочего времени 1976 часов в год) [3, с. 8]. Как в сельской, так и городской местности административное правонарушение, ответственность за которое предусмотрена ст. 6.1.1 КоАП РФ, входит в число не только самых затратных по времени противоправных деяний, но и занимает лидирующие позиции по количеству материалов.

Ещё одним немаловажным аспектом в производстве по ст. 6.1.1 КоАП РФ является наличие сроков, имеющих у должностного лица, с момента выявления события административного правонарушения до передачи на рассмотрение в компетентный орган для привлечения виновного к ответственности. Согласно действующим положениям КоАП РФ срок, отведенный для принятия решения по материалу, составляет один месяц с момента возбуждения дела об административном правонарушении. Указанный временной отрезок прописан в ст. 28.7 «Административное расследование», исходя из содержания которой проведение административного расследования по побоям является обязательным. Считаю необходимым привести мнение, высказанное в монографии Ю. П. Соловья, о сроках административного производства. Отдельные ученые-административисты того времени предлагали установить общий срок, необходимый для фиксации административного проступка и установления личности правонарушителя, в течение двух месяцев. Однако, по мнению Ю. П. Соловья, очевидно, что «данное требование к производству возможно установить лишь на бумаге в тиши уютного кабинета, но никак не на практике» [4]. На сегодняшний день, по истечении более 20 лет с момента издания вышеуказанной монографии, нельзя в полной мере согласиться с вышеприведенной цитатой. Гуманизация уголовного законодательства, трансформация составов преступлений в административные правонарушения сегодня действительно требуют значительных временных затрат на производство по отдельным составам административных правонарушений. Вместе с тем многообразие действий, образующих состав административного правонарушения по ст. 6.1.1 КоАП РФ, свидетельствует о необходимости разграничивать ситуации, когда есть необходимость проведения административного расследования и экспертизы, а когда в этом нет необходимости.

Попытка классифицировать, опираясь на имеющуюся правоприменительную практику, обстоятельства, при которых возможно привлечение

к административной ответственности по ст. 6.1.1 КоАП РФ, позволяет сделать вывод, что все ситуации можно разделить на две большие группы: лицо, совершившее побои, известно либо же оно не установлено. Исходя из этого, необходимо принимать решение о проведении административного расследования.

Рассматривая каждую из приведенных ситуаций отдельно, следует отметить, что при наличии лица, нанесшего побои или причинившего физическую боль (как правило, это лица, состоящие в семейно-бытовых отношениях), необходимо вынести определение о возбуждении дела об административном правонарушении и проведении административного расследования. Затрагивая тему процессуального оформления, следует отметить, что провести административное расследование возможно только при наличии лица, в отношении которого ведется производство, иначе принятие данного решения видится автору настоящей статьи незаконным.

Говоря о проведении административного расследования, которое представляет собой комплекс мероприятий, требующих значительных временных затрат для проведения процессуальных действий¹, следует отметить, что целесообразность проведения подобных процессуальных действий отпадает в том случае, когда совершены иные насильственные действия, повлекшие физическую боль, и необходимость в проведении экспертизы отсутствует. В ситуации, когда телесные повреждения отсутствуют, необходимо руководствоваться иными доказательствами, которыми могут выступать объяснения участвующих лиц, запись с камер видеонаблюдения и др. В качестве примера рассмотрим ситуацию приведем дело № 5/661-2023 от 17 ноября 2023 г. Из постановления следует, что гражданин Ч. совершил насильственные действия в виде одного удара ладонью правой руки в область лица гражданина Т., в результате чего последний испытал физическую боль. При назначении наказания судья исследовал доказательства, представленные по делу должностным лицом, среди которых отсутствует заключение эксперта. Несмотря на это, гражданин Ч. был привлечен к административной ответственности в виде ад-

¹ О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2005 № 5. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

министративного штрафа¹. Подобная практика позволяет сделать вывод, что проведение экспертизы в данном конкретном случае неоправданно, т. к. телесных повреждений у потерпевшего нет.

В случае отсутствия лица, которое совершило административное правонарушение, у сотрудника полиции есть острая необходимость провести комплекс мероприятий по установлению правонарушителя в целях определения наличия состава административного правонарушения. В действительности установление личности правонарушителя может занять длительный временной отрезок. В рассматриваемом случае необходимость в проведении расследования видится нам очевидной. Однако, как уже упоминалось выше, при проведении административного расследования необходимо составить процессуальный документ (определение), в котором следует отразить не только данные правонарушителя, но и разъяснить порядок проведения административного расследования, а также вручить копию данного определения. Как считают О. В. Корниенко, Б. А. Кудрявцев, в рассматриваемой ситуации определение выносится в отсутствие указанного лица, а в срок, установленный ст. 28.7 КоАП РФ, принимаются меры к его установлению [5, с. 5]. Несмотря на то что должностное лицо, ведущее производство по делу, реализует указанный выше способ, стоит отметить, что это не в полной мере соответствует принципам деятельности полиции, т. к. административное расследование предполагает проведение комплекса мероприятий, которые, в свою очередь, затрагивают права и свободы граждан. В подтверждение изложенного приведем мнение Е. В. Елфимова, Ю. Ш. Никонова, которые справедливо отмечают, что необоснованное решение о проведении административного расследования может спровоцировать дальнейшую волокиту по делу об административном правонарушении и, как следствие, нарушение прав и законных интересов его участников [6, с. 64].

Исходя из приведенных ситуаций, следует вывод, что законодатель обязал правоприменителя проводить административное расследование в любом случае совершения административного правонарушения по ст. 6.1.1 КоАП РФ. Вместе с тем ситуации, которые возникают при выявлении рассматриваемого состава правонарушения, не всегда располагают к проведению затратных

мероприятий либо процессуальное оформление административного расследования невозможно. К этим ситуациям следует отнести: во-первых, совершение иных насильственных действий, повлекших причинение физической боли (т. е. когда телесные повреждения отсутствуют), во-вторых, когда состав административного правонарушения есть, однако личность правонарушителя не установлена (невозможно вынести определение о проведении административного расследования).

Следующим немаловажным фактом, вытекающим из требования законодателя о проведении административного расследования, является определение компетенции судьи, уполномоченного рассматривать дела по ст. 6.1.1 КоАП РФ. Трактую положения, регламентирующие порядок производства по делам об административных правонарушениях, а именно главу 23 КоАП РФ, можно сделать вывод, что материалы дел по ст. 6.1.1 в случае проведения административного расследования подлежат рассмотрению районным судом. Как отмечалось выше, проведение административного расследования является обязательным по рассматриваемому составу административного правонарушения. Вместе с тем мониторинг судебных актов позволил выявить 260 решений по ст. 6.1.1 КоАП РФ, принятых мировыми судьями судебных участков г. Барнаула [7]. Ответ на сложившуюся практику частично удалось получить в рамках проведенного интервьюирования УУП, которые пояснили, что в ряде случаев проверка по делам о побоях проводится в порядке Уголовно-процессуального кодекса, что позволяет миновать стадии производства по делу об административном правонарушении. Аналогичной точки зрения придерживается М. Р. Нигматуллин, который утверждает, что зачастую обстоятельства по делу об административном правонарушении по ст. 6.1.1 КоАП РФ устанавливаются в иных предусмотренных законом формах [8, с. 148]. Несмотря на найденный должностными лицами выход из сложившейся ситуации, по нашему мнению, он не является оптимальным.

Таким образом, освещенные проблемы требуют в первую очередь корректировок в законодательстве, которые устранят имеющиеся правовые проблемы и будут способствовать оптимизации производства по делам о побоях.

Резюмируя вышеизложенное, предлагаем авторский вариант решения поднятых в тексте статьи проблем:

Во-первых, исходя из положений нормативных правовых актов, регулирующих порядок производства экспертиз, считаем, что ст. 6.1.1 КоАП РФ

¹ Постановление мирового судьи судебного участка № 1 Октябрьского района г. Барнаула от 17.11.2023 № 5/661-2023 // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html> (дата обращения: 03.05.2024).

нуждается в разделении на два отдельных состава правонарушения, а именно необходимо ст. 6.1.1 КоАП РФ изложить в следующей редакции: «Нанесение побоев, если эти действия не повлекли последствий, указанных в ст. 115 Уголовного кодекса Российской Федерации, и не содержат признаков уголовно наказуемого деяния».

Во-вторых, видится целесообразным установить ответственность за совершение иных насильственных действий, повлекших причинение физической боли, отдельным составом административного правонарушения, предусмотренного ст. 6.1.2 КоАП РФ, изложив его в следующей редакции: «Совершение насильственных действий, повлекших причинение физической боли, но не повлекших последствий, указанных в статье 6.1.1 КоАП РФ».

В-третьих, учитывая тот факт, что большинство подобных деяний совершается лицами, состоящими в семейно-бытовых отношениях, имеет смысл выделить квалифицирующий признак в рассматриваемом составе правонарушения, а именно в ч. 2 ст. 6.1.2 КоАП РФ установить ответственность в следующем виде: «Действия, указанные в ч. 1 настоящей статьи, совершенные лицами, состоящими в семейно-бытовых отношениях». В качестве примечания к указанной статье закрепить, что «под лицами, состоящими с правонарушителем в семейно-бытовых отношениях, следует понимать: супругов; близких родственников, т. е. родственников по прямой восходящей и нисходящей линии: детей, родителей, усыновленных, усыновителей, родных сестер и братьев (полнородных и неполнородных), внуков, бабушек, дедушек; лиц, связанных свойством (родители мужа, родители жены, родные братья и сестры

мужа и жены); сожителей, совместно проживающих и ведущих совместное хозяйство, воспитывающих ребенка».

В-четвертых, в целях создания условий для объективного принятия решения о привлечении к ответственности предлагаем дополнить ст. 26.4 «Экспертиза» частью 4.1, изложив её в следующей редакции: «В случае выявления признаков состава административного правонарушения, ответственность за которое предусмотрена ст. 6.1.1 КоАП РФ, назначение экспертизы является обязательным. Кроме того, потерпевший предупреждается об ответственности за невыполнение требований должностного лица о прохождении экспертизы по статье 17.7 КоАП РФ».

В-пятых, дополнить ст. 25.2 «Потерпевший» обязанностью прохождения экспертизы в случае вынесения определения о её назначении.

В-шестых, в ст. 28.7 КоАП РФ «Административное расследование» исключить положения, обязывающие ознакомить лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, с вынесенным должностным лицом определением о проведении административного расследования в связи с его отсутствием.

Подводя итог вышеизложенного, можно сделать вывод, что предложенные автором настоящей статьи новеллы будут способствовать оптимизации производства по делам о побоях. В том числе помогут исключить практику рассмотрения дел по данному составу административного правонарушения некомпетентными органами и неэффективное использование служебного времени на производство по рассмотренному составу административного правонарушения.

Список источников

1. Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/>.
2. Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://cdcr.ru/?id=79> (дата обращения: 03.05.2024).
3. Гришаков А. Г., Гайдуков А. А., Верхоглядов Я. Е. [и др.] Расчет рабочего времени участкового уполномоченного полиции по основным направлениям деятельности: методические рекомендации. Барнаул: БЮИ МВД России, 2022.
4. Соловей Ю. П. Правовое регулирование деятельности милиции в Российской Федерации: монография. Омск: Высшая школа милиции МВД РФ, 1993. 504 с.
5. Корниенко О. В., Кудрявцев Б. А. Некоторые особенности производства по делу об административном правонарушении по статье 6.1.1 «Побои» Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2017. № 4. С. 3–6.
6. Елфимова Е. В., Никонова Ю. Ш. К вопросу об обоснованности принятия решения о проведении административного расследования по отдельным составам административных правонарушений // Алтайский юридический вестник. 2018. № 1 (21). С. 61–65.

7. Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html> (дата обращения: 03.05.2024).

8. Нигматуллин М. Р. Проблемы производства по делам о правонарушениях, предусмотренных статьей 6.1.1 КоАП РФ // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 4 (50). С. 146–152.

References

1. Vserossijskij centr izucheniya obshchestvennogo mneniya. URL: <https://wciom.ru/>.

2. Dannye sudebnoj statistiki // Sudebnyj departament pri Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii. URL: <http://cdep.ru/?id=79> (data obrashcheniya: 03.05.2024).

3. Grishakov A. G., Gajdukov A. A., Verhoglyadov Ya. E. [i dr.] Raschet rabocheho vremeni uchastkovogo upolnomochennogo policii po osnovnym napravleniyam deyatel'nosti: metodicheskie rekomendacii. Barnaul: BYuI MVD Rossii, 2022.

4. Solovej Yu. P. Pravovoe regulirovanie deyatel'nosti milicii v Rossijskoj Federacii: monografiya. Omsk: Vysshaya shkola milicii MVD RF, 1993. 504 s.

5. Kornienko O. V., Kudryavcev B. A. Nekotorye osobennosti proizvodstva po delu ob administrativnom pravonarushenii po stat'e 6.1.1 «Poboi» Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah // Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2017. № 4. S. 3–6.

6. Elfimova E. V., Nikonova Yu. Sh. K voprosu ob obosnovannosti prinyatiya resheniya o provedenii administrativnogo rassledovaniya po otdel'nym sostavam administrativnyh pravonarushenij // Altajskij yuridicheskij vestnik. 2018. № 1 (21). S. 61–65.

7. Gosudarstvennaya avtomatizirovannaya sistema Rossijskoj Federacii «Pravosudie». URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html> (data obrashcheniya: 03.05.2024).

8. Nigmatullin M. R. Problemy proizvodstva po delam o pravonarusheniyah, predusmotrennyh stat'ej 6.1.1 КоАП РФ // Yuridicheskaya nauka i pravooхранitel'naya praktika. 2019. № 4 (50). S. 146–152.

Статья поступила в редакцию 07.02.2024; одобрена после рецензирования 28.03.2024; принята к публикации 27.08.2024.

The article was submitted 07.02.2024; approved after reviewing 28.03.2024; accepted for publication 27.08.2024.

КОНКУРЕНЦИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРИНЦИПОВ НА ПРИМЕРЕ ГРАЖДАНСКОГО И ЖИЛИЩНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Галина Борисовна Федоренко

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, galgofe@mail.ru

Аннотация. В данной статье говорится о конституционных принципах, являющихся основой таких отраслей российского права, как жилищное право и гражданское право. Автор придерживается позиции, что жилищное право к настоящему времени представляет собой отдельную отрасль права, хотя и относящуюся, по мнению многих исследователей, к комплексным отраслям. Именно автономное видение жилищного права позволяет провести исследование по конкуренции применяемых норм гражданского и жилищного законодательства при регулировании конкретно возникающих ситуаций. Именно такой уникальный объект права, как жилое помещение, имеющее двойственную правовую природу, сталкивает правоприменителя с выбором норм для разрешения сложившихся ситуаций, что позволяет в дальнейшем развивать нормы как гражданского, так и жилищного законодательства. В статье исследуются дискуссионные аспекты содержания норм, входящих в жилищное законодательство, анализируется контекст и применение норм при их практической реализации, обозначаются проблемы для последующего совершенствования законодательства.

Ключевые слова: конституционные права и свободы, конкуренция правовых норм, право на жилище, защита права частной собственности, ограничение прав собственника, имущественный (исполнительский) иммунитет

Для цитирования: Федоренко Г. Б. Конкуренция конституционных принципов на примере гражданского и жилищного законодательства // Алтайский юридический вестник. 2024. № 3 (47). С. 127–132.

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Original article

COMPETITION OF CONSTITUTIONAL PRINCIPLES ON THE EXAMPLE OF CIVIL AND HOUSING LEGISLATION

Galina B. Fedorenko

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, galgofe@mail.ru

Abstract. This article talks about the constitutional principles that are the basis of such branches of Russian law as housing law and civil law. The author adheres to the position that housing law currently represents a separate branch of law, although, according to many researchers, it belongs to complex branches. It is the autonomous vision of housing law that makes it possible to conduct a study on the competition of the applicable norms of civil and housing legislation in regulating specific situations that arise. It is precisely such a unique object of law as a dwelling, which has a dual legal nature, that confronts the law enforcement officer with the choice of norms for resolving the prevailing situations, which allows further development of both the norms of civil and housing legislation. The article examines the controversial aspects of the content of the norms included in housing legislation, analyzes the context and application of norms in their practical implementation, identifies problems for subsequent improvement of legislation.

Keywords: constitutional rights and freedoms, competition of legal norms, right to housing, protection of private property rights, restriction of the rights of the owner, property (executive) immunity

For citation: Fedorenko G. B. Competition of constitutional principles on the example of civil and housing legislation. *Altajskij juridicheskiy vestnik = Altai Law Journal*. 2024;3:127–132 (In Russ.).

В главе второй Конституции Российской Федерации закреплены основные свободы и права человека и гражданина. Общепринято данные положения называть принципами, на которых строится правовая система нашего государства. Конечно, большой массив норм связан и с частноправовым регулированием, т. е. эти положения являются принципами частных отраслей права, таких как: гражданское, семейное, трудовое. При этом Конституция Российской Федерации, провозглашая определенные правила, никак не оговаривает степень их важности. Априори предполагается, что важны все. Однако, развивая принципы в определенной отрасли, закрепленные нормы отдельных отраслей при разрешении некоторых возникших ситуаций начинают конкурировать. И тогда возникает вопрос: как правильно разрешить сложившуюся ситуацию, чьим нормам (какой отрасли) отдать предпочтение, а отсюда — какая конституционная основа приоритетнее. Как правило, в таких ситуациях вся тяжесть разрешения вопроса ложится на судебные органы, которые и рассматривают конкретную ситуацию. Постепенно складывается судебная практика, и в последующем законодатель наконец-то обращает внимание на ситуацию и формулирует в некоторых случаях удачную, а подчас и не совсем удачную норму, разрешающую сложившуюся коллизию.

Именно на такие случаи и хотелось бы обратить внимание в данном исследовании, которое будет основано на примере гражданского и жилищного законодательства. Конечно, может возникнуть вопрос, что нормы, применяемые в спорной ситуации, могут относиться к одной отрасли права и применяться по правилам общей и специальной нормы. Но это только в том случае, если придерживаться точки зрения, согласно которой жилищное законодательство является частью гражданского.

В целом вопрос о правовой природе жилищного права до настоящего времени остается дискуссионным. Ученые-исследователи не пришли к единому мнению, считать ли жилищное право частью гражданского права либо, выросшее из гражданского права, оно уже стало самостоятельной отраслью. Есть и более компромиссная точка зрения, к которой присоединяется большинство. Это точка зрения о том, что жилищное право является комплексной отраслью права, содержащей в себе нормы многих отраслей. В целом и сам законодатель рассматривает жилищное законодательство как существующее самостоятельно, а соответственно, выделяет и такую отрасль права. Статья 72 Кон-

ституции РФ¹ относит жилищное законодательство к совместному ведению Российской Федерации и её субъектов, тогда как гражданское законодательство является только прерогативой самого государства. В связи с этим вполне уместно для целей нашего исследования сопоставлять нормы этих отраслей права.

Конституция РФ в статье 40 закрепляет право каждого гражданина нашей страны на жилище. Причем данный принцип находит свое дополнение и в других конституционных принципах, таких как: неприкосновенность жилища (ст. 25), право на свободный выбор места жительства (ст. 27). Само право на жилище раскрывается в системном толковании норм Жилищного кодекса Российской Федерации (далее — ЖК РФ). Под жилищем подразумевается жилое помещение, которое имеет достаточно четкие критерии. Более того, гражданин имеет право не только иметь жилье, отвечающее определенным требованиям, но и на благоприятную окружающую обстановку, если так можно выразиться, за стенами своей обители, т. е. чтобы действиями третьих лиц (создание шума, захламление общих мест пользования и т. п.) его право не нарушалось.

Вместе с тем жилые помещения, которые относятся к недвижимому имуществу по одному из критериев, с 1991 г., став объектами частной собственности, включены в гражданский оборот. В отношении жилых помещений как объектов права собственности собственник может реализовать свои правомочия владения, пользования и распоряжения. Статья 34 Конституции РФ закрепляет принцип о том, что граждане могут свободно использовать свое имущество для предпринимательской и иной деятельности, если она не запрещена законом, а статья 35 закрепляет охрану права частной собственности законом.

Таким образом, можно рассматривать жилое помещение и как объект жилищного права, и как объект гражданского права. С точки зрения жилищного права собственник жилого помещения использует его в соответствии с целевым назначением, т. е. для своего проживания, а если он не одинок, то и для проживания членов своей семьи. При этом собственник соблюдает все правила пользования жилым помещением с учетом законных интересов соседей, если это жилое помещение находится

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

в многоквартирном доме. С точки зрения гражданского права он может использовать данное жилое помещение не только для собственного проживания, но и, например, передать его во владение по договору найма или аренды иным лицам, тем самым получая дополнительный доход. Но учитывая, что жилое помещение имеет двойственную правовую природу, оно является отнюдь не идеальным объектом права собственности. И развитие правовых норм является тому подтверждением.

Возможность использовать жилые помещения в предпринимательских целях способствовала устройству в них хостелов. Где-то к 2013 г. в России их насчитывалось порядка двухсот, и это движение только набирало обороты [1, с. 115–117]. Возможность получения быстрого дохода вдохновило многих предпринимателей, которые начали переоборудование жилых помещений в многоквартирных домах под хостелы. Наличие хостелов, безусловно, положительно сказалось на развитии туристской деятельности, но отрицательно сказалось на жилищных правах граждан, которые «по несчастью» оказались соседями таких мини-гостиниц. Без вмешательства законодателя здесь не обошлось, в 2019 г. в статью 17 ЖК РФ¹ был внесен запрет на размещение в жилых помещениях гостиниц, а также было запрещено оказание гостиничных услуг.

Данный пример показывает, что в двойственной природе жилого помещения здесь приоритетным оказалась жилищная составляющая.

С позиций гражданского права собственник имеет право распоряжаться своим имуществом, как целым, так и его частью, может отчуждать его целиком или по долям. Так было и с жилым помещением: можно было делить его на любое количество долей без ограничений, при этом отчуждая даже самую незначительную долю. Несмотря на многие законодательные инициативы, направленные на прекращение неразумного дробления на доли в праве на квартиры, дома и даже комнаты, они нашли свое претворение только в 2022 г., в статье 30 ЖК РФ появилась часть 1.1. В данной части формулируется правило, по которому собственник всего помещения либо сосособственник помещения не вправе совершать действия, в результате которых может появиться доля отдельно взятого сосособственника, по размеру меньшая, чем шесть ква-

дратных метров общей площади данного жилого помещения.

Данная новелла не имеет обратной силы, её действие распространяется на сделки, совершенные после 1 сентября 2022 г. С одной стороны, такое ограничение направлено на защиту прав сосособственников дробного жилья, чтобы не было возможности захвата такого жилья путем вынуждения продать свою долю за бесценок из-за неприятного соседства. Далее чтобы тот же гражданский оборот не был затруднен совершением сделок с таким жильем, когда всех сосособственников достаточно трудно собрать для оформления сделки у нотариуса либо в регистрационном центре. Но, с другой стороны, опять прослеживается ограничение прав собственника в части распоряжения таким объектом частной собственности, как жилое помещение.

Данную норму сложно считать удачной, определенные трудности при её применении возникают как у собственников, так и у нотариусов. Формулировка нормы представляет собой довольно замысловатую конструкцию, которую можно прочесть совершенно по-другому, в отличие от смысла, вкладываемого законодателем. Собственник жилого помещения или обладатель доли этого помещения «не вправе совершать действия, влекущие возникновение долей в праве собственности...», если в результате таких действий площадь жилого помещения, приходящаяся на долю каждого из сосособственников и определяемая пропорционально размеру доли каждого из сосособственников, составит менее шести квадратных метров общей площади жилого помещения на каждого сосособственника².

Использование законодателем словосочетания «не вправе совершать действия» не совсем отражает смысл ограничения, слишком кардинально, с одной стороны, и слишком расплывчато — с другой. То есть по смыслу любые действия, в результате которых конечная доля будет меньше шести квадратных метров, запрещены. А если это будут действия на увеличение доли? Если сосособственник, например, одной двадцатой доли, равной двум квадратным метрам, пожелает приобрести такую же долю, чтобы сократить количество долей в праве собственности, то эта сделка тоже будет запрещена? А комната в коммунальной квартире,

¹ О внесении изменений в статью 17 Жилищного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 15.04.2019 № 59-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 14.07.2022 № 310. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

равная десяти квадратным метрам и находящаяся в совместной собственности супругов, после расторжения брака не может подлежать разделу?

И ещё одно место в формулировке является спорным. Представляется, что указание в конце первого предложения нормы «на каждого сособственника» является излишним, это порождает двойную семантику высказывания. Во-первых, мы можем истолковать это правило как правило о предельно допустимой доле (нельзя, если даже только одна доля такая маленькая, а другие доли вполне себе в рамках закона); либо можем истолковать, что если на каждого сособственника будет приходиться меньше шести квадратных метров в помещении, то тогда нельзя, а если больше, то можно (например, однокомнатная квартира, тридцать квадратных метров на четверых сособственников, у двух пропорционально их долям по десять квадратных метров, а у оставшихся двух — по пять, но в целом на каждого приходится по семь с половиной квадратных метра).

Данная норма в последующем, скорее всего, будет подкорректирована, а может быть, и модернизирована после отработки её в нотариальной практике, поскольку в значительной мере реализация данной нормы в большинстве случаев будет проходить через нотариальное удостоверение сделок с долями.

Проанализируем также ещё одну новеллу жилищного права, коснувшуюся той же статьи 30 ЖК РФ. Часть вторая данной статьи с апреля 2024 г. получила новую редакцию. Изменения были внесены во исполнение Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 23 марта 2023 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 17 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина П. Е. Бахирева».

Краткая суть дела заключается в том, что предпринимателю, который сдавал квартиру по договору краткосрочного найма, решением суда было запрещено осуществлять эту деятельность как незаконное предоставление гостиничных услуг. Данный запрет на предоставление гостиничных услуг в жилых помещениях был введен в 2019 г. в ст. 17 ЖК РФ, о чем мы уже упоминали выше. И если в отношении размещения гостиниц в жилых помещениях все относительно понятно, то в разграничении предоставления гостиничных услуг и предоставления краткосрочного найма четких критериев нет, т. к. определение гостиничных услуг не имеет официального закрепления. На

отсутствие необходимых норм Конституционным Судом и было указано.

Первоначально принятая норма имела вид весьма декларативный (законопроект № 445620-8) и во втором чтении не была принята. В экспертном заключении указывалось на неразрешенность поставленной проблемы сформулированной нормой¹. Законопроект дважды уходил на доработку, и окончательный вариант был принят в виде Федерального закона Российской Федерации от 23.03.2024 № 55. Резюмировать, что окончательный вариант на сто процентов разрешает возникший пробел, пока невозможно. Четких критериев закон так и не дал, оставив разграничение между краткосрочным наймом и предоставлением гостиничных услуг на усмотрение суда. Однако некоторые теоретики, да и практики, отмечают положительно внесенные изменения, т. к. они подтверждают законность заключения кратковременного найма жилого помещения, без ограничений минимального срока найма, т. е. это может быть договор найма жилья и на сутки. Вот, казалось бы, в данном случае конституционные права частного собственника не были «попраны» жилищной составляющей, но не тут-то было, новые правила возлагают на собственника, желающего передать во владение и пользование свое жилье на любом законном титуле, новые обязанности в виде оборудования такой квартиры приборами учета используемых энергетических ресурсов, т. е., проще говоря, счетчиками на электричество и на подачу воды (горячей и холодной). То есть реализация прав собственника становится «условной», и эти условия могут в некотором роде также рассматриваться как ограничение, хотя и легко преодолеваемое, поскольку большинство жилых помещений уже оснащены приборами учета. Что касается других введенных формулировок в данную часть статьи, то новеллами их назвать было бы неверным, они выполняют лишь аккумулятивную роль ранее закрепленных норм жилищного права.

Странным кажется и решение законодателя указать на возможность граждан, чьи жилищные права нарушены, обращаться в суд, тем более что именно обращения граждан в суд и «спровоциро-

¹ Экспертное заключение по проекту федерального закона № 445620-8 «О внесении изменения в часть 2 статьи 30 Жилищного кодекса Российской Федерации»: принято на заседании Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 19 октября 2023 г. № 234-5/2023 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

вали» Конституционный Суд на вынесение вышеуказанного постановления.

В данном случае предполагается, что законодатель не хватило выработанных практикой правил, которые позволили бы эффективно регулировать указанные спорные правоотношения, и они «красиво кивнули» в обратную сторону. В итоге и доработанная норма не потеряла своей декларативности, тем не менее при признании имеющихся прав частного собственника жилищная составляющая также остается на активной позиции.

Анализируя только ст. 30 ЖК РФ, которая претерпела изменения в последние семь лет трижды, можно резюмировать, что права собственника жилого помещения сужаются, а обязанности увеличиваются.

Но был бы не совсем справедливым вывод о тенденции паритета основ жилищного права. Анализ судебной практики, которая явилась чуть ли не прецедентной, может изменить в последующем и правила исполнительского иммунитета по отношению к единственно пригодному для проживания жилому помещению, который традиционно закреплен в статье 446 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее — ГПК РФ) и направлен на защиту конституционного права на жилище.

В судебной практике стали появляться дела, когда на единственное жилье стали обращать взыскание по долгам собственника, если это жилое помещение можно было отнести к «роскошным», с условием встречного предоставления кредитором жилого помещения, удовлетворяющего разумным требованиям потребности в жилище для должника. Данные решения, хотя и ссылались на общие нормы жилищного и гражданского законодательства, тем не менее специального регулирования не имели.

Дело в том, что положения ст. 446 ГПК РФ были приняты более двадцати лет назад. По мере увеличения благосостояния граждан жилые помещения стали приобретать иные характеристики, чем просто удовлетворение потребности проживания. Появилось понятие элитной недвижимости, стоимость которой может оцениваться и в миллиарды рублей. Такое жилье часто удовлетворяет и иные потребности человека, т. к. имеет, кроме жилых помещений, и иные зоны, например зоны бассейна и сауны, тренировочные спортивные залы, теннисные корты, домашние кинотеатры. Конечно, права кредиторов, которым отказано в требовании об обращении взыскания на такое жилье со ссылкой на исполнительский иммунитет, были бы с точки зрения правового баланса нарушены, однако действу-

ющее законодательство не содержит законодательных исключений из имущественного иммунитета, кроме наличия обременения в виде залога на такое (единственно пригодное) жилое помещение.

В связи с этим Конституционный Суд РФ указал законодателю на обязанность принять соответствующие нормы, которые позволили бы сохранять разумный баланс между закрепленными конституционными правами на жилище и правами кредиторов на защиту своих имущественных прав. В своем Постановлении № 15-П¹ КС РФ напомнил, что законодатель так и не внес соответствующие изменения в процессуальный закон об отступлении от имущественного иммунитета при наличии жилого помещения, превосходящего достаточные пределы удовлетворения потребности в жилье, а также не установил критерии такого жилья. Данное указание КС РФ нельзя считать как крен в сторону приоритета имущественных отношений, это попытка сбалансировать интересы сторон разной правовой природы, чтобы не допустить злоупотребления правами со стороны должников, защищенных действующими нормами жилищного законодательства. Вместе с тем надо отметить, что КС РФ обратил внимание законодателя на то, что и предусмотренные исключения из иммунитета в абз. 2 ч. 1 ст. 446 ГПК РФ не в должной мере урегулированы и позволяют нарушить жилищные права должника, если после удовлетворения требований залогового кредитора из суммы реализованного имущества оставшуюся сумму не возвращают должнику, а направляют на реализацию требований других кредиторов².

В заключение отметим, что, несмотря на кажущийся приоритет жилищной составляющей при конкуренции конституционных основ, законодатель стремится к достижению правового баланса. И что точно можно констатировать: жилищное законодательство развивается и все

¹ По делу о проверке конституционности положений абзаца второй части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина И. И. Ревкова [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда РФ от 26 апреля 2021 г. № 15-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² По делу о проверке конституционности положений статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой акционерного общества «Юридическое бюро "Факториус"» [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 4 июня 2024 г. № 28-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

с большей уверенностью стремится к самостоя- альное благо, которое содержит в себе право на
тельности, что неудивительно, учитывая то соци- жилище.

Список источников

1. Федоров Р. Г. Развитие хостел-движения в России и за рубежом // Актуальные вопросы экономических наук: мат-лы II Международной научной конф-ции (г. Уфа, апрель 2013 г.). Уфа: Лето, 2013. С. 115–117. URL: <https://moluch.ru/conf/econ/archive/76/3752/> (дата обращения: 24.06.2024).

References

1. Fedorov R. G. Razvitie hostel-dvizheniya v Rossii i za rubezhom // Aktual'nye voprosy ekonomicheskikh nauk: mat-ly II Mezhdunarodnoj nauchnoj konf-cii (g. Ufa, aprel' 2013 g.). Ufa: Leto, 2013. S. 115–117. URL: <https://moluch.ru/conf/econ/archive/76/3752/> (data obrashcheniya: 24.06.2024).

Статья поступила в редакцию 10.06.2024; одобрена после рецензирования 16.07.2024; принята к публикации 27.08.2024.

The article was submitted 10.06.2024; approved after reviewing 16.07.2024; accepted for publication 27.08.2024.

Уголовно-правовые науки

Алтайский юридический вестник. 2024. № 3 (47). С. 133–138.

Altai Law Journal. 2024. № 3 (47). P. 133–138.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.98

ВЕРСИОННЫЙ АНАЛИЗ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ УЧАСТНИКАМИ ДЕСТРУКТИВНЫХ ГРУПП: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Андрей Дмитриевич Абаринов

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, abarinovandrew@gmail.com

Аннотация. В настоящей статье отражена проблема противодействия преступной деятельности участников деструктивных групп. На данный момент группы деструктивной направленности, существующие в Российской Федерации, являются своеобразным средством склонения граждан к делинквентному поведению. Осуществление версионного анализа при расследовании преступлений, совершаемых участниками деструктивных групп, позволит выявить уязвимые места в их деятельности, разработать эффективные средства и методы противодействия преступлениям. В статье автор раскрывает преимущества и особенности осуществления версионного анализа, а также демонстрирует проблемные аспекты, существующие при расследовании преступлений, совершаемых участниками деструктивных групп.

Ключевые слова: деструкция, деструктивные группы, расследование преступлений, версионный анализ

Для цитирования: Абаринов А. Д. Версионный анализ при расследовании преступлений, совершаемых участниками деструктивных групп: постановка проблемы // Алтайский юридический вестник. 2024. № 3 (47). С. 133–138.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

VERSION ANALYSIS IN THE INVESTIGATION OF CRIMES COMMITTED BY MEMBERS OF DESTRUCTIVE GROUPS: PROBLEM STATEMENT

Andrey D. Abarinov

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russia, abarinovandrew@gmail.com

Abstract. This article reflects the problem of countering the criminal activities of participants in destructive groups. At the moment, destructive groups that exist in the Russian Federation are a kind of means of inducing citizens to delinquent behavior. An urgent problem is the lack of knowledge about criminal activity, both in general and certain types of crimes committed by participants in destructive groups. Carrying out version analysis when investigating crimes committed by members of destructive groups will allow us to identify vulnerabilities in their activities and develop effective means and methods of combating crimes. The author reveals the advantages and features of version analysis, and also demonstrates the problematic aspects that exist when investigating crimes committed by members of destructive groups.

Keywords: destruction, destructive groups, crime investigation, version analysis

For citation: Abarinov A. D. Version analysis in the investigation of crimes committed by members of destructive groups: problem statement. Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal. 2024;3:133–138 (In Russ.).

© Абаринов А. Д., 2024

Наука всегда определяла путь развития государства и общества. Благодаря открытиям ученых решались глобальные проблемы человечества, происходило поступательное развитие всех сфер жизни общества. И сегодня нельзя представить себе достижение нашей страной научного, технологического суверенитета без напряженной научной мысли. В своем выступлении по случаю 300-летия Российской академии наук Президент Российской Федерации В. В. Путин отметил, что научные исследования «позволят на качественно ином уровне решать задачи во всех сферах: в области безопасности, здравоохранения, промышленности, в инфраструктуре, экологии и энергетике» [1]. Сущность научного исследования заключается в систематическом и объективном рассмотрении определенной проблемы в целях получения новых знаний и расширения научного понимания. По утверждению Л. В. Львова, «научная проблема представляет собой осознанное противоречие между запросами практики к теории и ограниченными возможностями теории (в силу её неполноты) в ответе на эти запросы» [2, с. 99]. Следует согласиться с позицией А. Ю. Афанасьева, что «постановка новых научных проблем и есть результат осознания противоречия между ограниченностью имеющегося научного знания и потребностями его дальнейшего развития» [3, с. 44].

Так, особую актуальность на данный момент приобретает противодействие преступной деятельности участников деструктивных групп. Выступая на заседании Национального антитеррористического комитета России, директор ФСБ России А. В. Бортников отметил, что «серьезную угрозу представляет деятельность деструктивных сетевых сообществ, ориентированных на несовершеннолетнюю аудиторию и пропагандирующих культ насилия и иные формы общественно опасного поведения» [4], при этом также было акцентировано внимание, что деятельность деструктивных молодежных движений координируется из-за рубежа.

В одном из своих выступлений И. Н. Симаева отметила, что «опасность сегодня представляет масштаб этого явления в виртуальном пространстве: в российском сегменте социальных сетей зафиксировано около 25 миллионов аккаунтов с деструктивным контентом, ассоциированных с несколькими десятками деструктивных субкультур, которые используют психологические технологии для поиска и вовлечения новых adeptов» [5]. Согласно опубликованным данным Лиги безопасного интернета подписчиками деструктивных групп и

сообществ в интернете являются 10,5 млн детей в Российской Федерации [6].

Мы можем видеть, что на данный момент группы деструктивной направленности, существующие в Российской Федерации, являются своеобразным рычагом склонения граждан к делинквентному поведению, что еще раз подчеркивает актуальность и значимость темы исследования. Так, в Челябинской области была пресечена деструктивная деятельность руководителей региональной ячейки оккультномистической терапевтической секты «Ата-Жолы», в ходе расследования было установлено, что участницы секты вовлекли 43-летнюю женщину, после чего занялись подавлением ее сознания, в результате чего женщина сошла с ума [7].

Активная деятельность по вовлечению граждан, в т. ч. несовершеннолетних, в деструктивные группы осуществляется в социальных сетях и многофункциональных мессенджерах. Механизм по вовлечению граждан в деструктивные группы и дальнейшему склонению их к преступной деятельности имеет свои особенности. Характерными признаками вовлечения граждан в деструктивные группы, их психологической обработки и побуждения к дальнейшему совершению преступлений, а также причиной значительной сложности расследования данных преступлений выступают следующие обстоятельства [8, с. 228]:

1) организаторы деструктивных групп создают в социальных сетях и мессенджерах группы или чаты широкого тематического охвата с целью вовлечения неограниченного круга лиц. Большинство деструктивных групп и чатов связаны между собой, администратором той или иной группы или чата может являться один и тот же человек или группа лиц, который (-ые) осуществляет (-ют) администрирование сетевых сообществ;

2) в дальнейшем создаются группы или чаты более узкой специализированной тематики. Деятельности деструктивных групп в информационно-телекоммуникационной среде характерна стратегия перекрестного опыления, т. е. происходит продвижение деструктивной идеи, пропагандируемой одной группой или чатом другим. При этом деструктивный контент может изменяться в зависимости от реакции целевой аудитории;

3) в последующем происходит вовлечение потенциальных adeptов в частные группы или приватные чаты, в которых непосредственно происходит их информационно-психологическая обработка и склонение к преступной деятельности;

4) заключительный этап — реализация преступной деятельности.

Исходя из вышеприведенного, мы можем выделить цели, которые преследуют организаторы деструктивных групп. Во-первых, осуществляется мобилизация так называемой «послушной аудитории», затягивание adeptов происходит с помощью вышеописанного механизма. Следующей целью является обесценивание или искажение у членов деструктивных групп традиционных ценностей. Впоследствии среди участников деструктивных групп создается мнимое ощущение неблагополучности и опасности в объективной реальности, пропагандируется идея насилия. После этого происходит подготовка к реальным действиям, деструктивная активность выводится в реальную жизнь. Конечной целью является дестабилизация социальной и политической жизни общества.

На фоне этого актуальной является проблема недостатка выводных знаний о преступной деятельности как в целом, так и определенных видов преступлений, совершаемых участниками деструктивных групп. Разработка исследований по данному направлению является перспективной и насущной задачей криминалистической науки на современном этапе.

Криминалистические знания в познавательной деятельности следователя выступают в качестве основы в процессе обработки полученной информации и познания существующих обстоятельств, комплексно обеспечивая эту деятельность. Основной целью познавательной деятельности следователя является поиск, выявление, фиксирование, исследование, оценивание, передача и использование источников информации (доказательств) в отношении фактов, событий и обстоятельств, устанавливаемых в процессе выявления и расследования преступлений. Познавательный характер процесса выявления и расследования преступлений обуславливает возможность применения криминалистических знаний в зависимости от доказательственного значения результатов в двух основных формах — процессуальной и непроцессуальной.

Очевиден тот факт, что мысль криминалиста строится по принципу от предположения к факту, это и является составляющей основой его деятельности вне зависимости от его профессиональной формы: следственной, оперативной или экспертной [9, с. 3]. Особое внимание необходимо уделять проведению версионного анализа.

Мы обратились к проблеме версионного анализа при расследовании преступлений не по причинам внезапного вдохновения, а по практико-ориентированной и научно-познавательной необходимости.

Различные аспекты, связанные с исследованием версионного анализа, освещены в работах отечественных исследователей. Вопросам комплексного изучения версионного анализа посвящены работы А. Е. Антонова, С. Ю. Журавлева, В. Я. Колдина, Е. Е. Космодемьянской, И. М. Комарова, А. Ф. Лубина, Н. В. Олиндер, И. П. Четырина и др.

В 2014 г. В. Я. Колдиным была опубликована монография «Версионный анализ». В монографии автор рассматривает версионный анализ как рабочую методику и технологию в общей структуре криминалистического исследования. В работе рассмотрены следующие вопросы:

- структуризация версионного анализа;
- выделение уровней и циклов анализа с соответствующим информационно-техническим обеспечением;
- разработка понятийного аппарата как инструментария версионного анализа;
- использование результатов версионного анализа при решении криминалистических и доказательственных задач [9, с. 4].

А. Ф. Лубин в своих работах рассматривает сущность версионного анализа субъектов выявления и расследования преступлений [10, с. 173]. По его мнению, версионный анализ следует понимать в двух смыслах:

- 1) как универсальный метод, который используется на всех стадиях (этапах) деятельности по выявлению, расследованию преступлений;
- 2) как третий элемент, т. е. некий шаг логической структуры деятельности по выявлению, расследованию преступлений.

Н. В. Олиндер в своих трудах под версионным анализом понимает «анализ исходной информации о преступлении, разработку и построение версий, а также их проверку» [11, с. 285].

В своей работе И. М. Комаров затрагивает проблемные аспекты использования следственных версий и версионного анализа в рамках расследования преступлений в условиях их неочевидного совершения [12, с. 22].

А. Е. Антоновым уделено особое внимание процессу, связанному с осуществлением версионного анализа преступления, позволяющего определить достоверность произошедших событий и установить истину по уголовному делу [13, с. 9].

В трудах этих ученых решено немало вопросов, сопряженных с исследованием версионного анализа при выявлении и расследовании преступлений.

Вовлечение граждан в деструктивные группы часто становится лишь этапом для их последую-

щего вовлечения в экстремистскую и террористическую деятельность.

Вопросы, сопряженные с расследованием преступлений экстремистского характера, были освещены в работах следующих исследователей: М. В. Болвачева, В. Г. Выстропова, В. О. Давыдова, Д. Н. Ерёмкина, А. В. Кутузова, А. В. Михеева, И. В. Погодина, А. В. Сергеевой и др.

Вопросы, связанные с расследованием преступлений террористического характера, были раскрыты в работах следующих исследователей: С. Г. Барышникова, Ж. В. Вассалатий, И. А. Воротова, Т. А. Гончаровой, В. Г. Гузикова, Р. Р. Карданова, А. В. Курдюковой, С. А. Кучерук, П. В. Мочагина, В. А. Стекольников и др.

Однако следует отметить, что на настоящий момент отсутствуют научные труды, посвященные исследованию версионного анализа при расследовании преступлений, совершаемых участниками деструктивных групп, что еще раз обуславливает актуальность настоящего исследования.

Овладение приемами версионного мышления, применяемыми при расследовании преступлений, совершаемых участниками деструктивных групп, позволит следователям не только обрабатывать информацию, которая собрана на первоначальном этапе расследования посредством ее «расчленения», сопоставления и оценки, но и самостоятельно:

а) осуществлять моделирование преступной деятельности участников деструктивных групп;

б) устанавливать закономерные связи в версионной модели преступной деятельности участников деструктивных групп;

в) выстраивать версионную модель деятельности по выявлению и расследованию преступлений, совершаемых участниками деструктивных групп;

г) уяснять направления расследования преступлений путем построения, разработки и планирования проверки версий;

д) реализовывать целенаправленный поиск доказательств по расследуемому делу.

Алгоритм версионного анализа при выявлении и расследовании преступлений, совершаемых участниками деструктивных групп, основан на условно-вероятностных суждениях по типу «если... то, вероятно...». Согласно данной концепции, изучение преступной деятельности должно привести субъектов расследования к иерархической пирамиде версионных цепочек. В свою очередь, версионные цепочки состоят из связей, при которых каждый элемент связан между собой. Связки могут быть парные, тройные, четверные и т. д. Это как раз и есть основа версионного анализа.

Рассматривая элементную структуру, мы можем утверждать, что в зависимости между собой могут находиться субъект преступной деятельности, условия (обстановка) преступной деятельности, способ совершения действий и следовая картина [14, с. 45]. Применительно к фазовой структуре взаимосвязь возможна между информационно-поисковой фазой, фазой создания условий для реализации преступного замысла, фазой реализации преступного замысла и фазой воспроизводства преступной деятельности [14, с. 52].

Также необходимо отметить, что версионный анализ возможен только тогда, когда субъект деятельности по выявлению и расследованию преступлений выходит в рефлексивную позицию, т. е. оценивает и анализирует собственный мыслительный процесс по построению, разработке и планированию проверки версий.

Субъект деятельности по выявлению и расследованию преступлений свои усилия одновременно направляет как на расследование конкретной преступной деятельности, так и на всю систему деятельности по выявлению и расследованию преступлений. Именно в этой позиции и реализуется версионное мышление. Важным требованием версионного анализа является системный анализ всех выдвинутых версий при анализе каждой отдельной версии на любом уровне анализа. По мнению С. Ю. Журавлева, «...на основании комплексного понимания следового пространства за счет структуризации криминальной реальности и способности работы с первичной информацией выделяются подходы к версионному анализу событийного плана» [15, с. 120]. На всех этапах расследования преступления доминирует процедура версионного анализа информации. По мнению профессора А. Ф. Лубина, «именно она (информация) преобладает в умственных действиях сотрудников органов дознания и следствия независимо от того, осознают это участники расследования или нет» [14, с. 25].

В связи с этим важность исследования преступной деятельности деструктивных групп требует системного подхода и изучения различных аспектов данного явления. Версионный анализ при расследовании преступлений, совершаемых участниками деструктивных групп, позволит выявить уязвимые места в их деятельности, способствовать более эффективному выявлению и расследованию преступлений. Проведение версионного анализа позволит следователю выстроить версионную модель расследования преступлений в данной сфере. В свою очередь, выстроенная версионная модель преступ-

ной деятельности участников деструктивных групп является сложной динамической системой, в которой все элементы, рассмотренные нами ранее, находятся в зависимости между собой. Проведенный версионный анализ будет положительно влиять на формирование системы доказательств, на основе которой верно и своевременно будут обоснованы уголовно-процессуальные и тактические решения. Складывающаяся следственная ситуация и построенная на ее основе следственная версия определяют направление проведения версионного анализа. Только качественно проведенный анализ всего массива информации позволит следователю верно и подробно построить версии, а также эффективно осуществить предварительное расследование.

Также необходимо отметить проблемные аспекты.

Во-первых, при расследовании преступлений, совершаемых участниками деструктивных групп,

не учитывается специфика организации и деятельности деструктивных групп и осуществления ее участниками преступной деятельности. Особую сложность приобретает установление связей между участниками и организаторами деструктивных групп, получение информации о составе группы, распределении ролей при подготовке и совершении преступлений. В ряде случаев происходит выявление и задержание лишь рядовых членов деструктивных групп.

Во-вторых, на сегодняшний день не сформирован версионный анализ как универсальный метод, который используется на всех стадиях (этапах) деятельности по выявлению, расследованию преступлений, совершаемых участниками деструктивных групп.

В-третьих, не выстраиваются закономерные связи между элементами и фазами преступной деятельности участников деструктивных групп.

Список источников

1. Торжественный вечер по случаю 300-летия Российской академии наук. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/copy/73410> (дата обращения: 05.03.2024).
2. Львов Л. В. Проблемы логики научного педагогического исследования // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2018. Т. 10. № 1 (39). С. 97–106.
3. Афанасьев А. Ю. Коррупционные риски доказательственного права в уголовном процессе (досудебное производство): дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2016. 279 с.
4. Бортников провел заседание Национального антитеррористического комитета. URL: <https://rg.ru/video/2023/04/11/bortnikov-provel-zasedanie-nacionalnogo-antiterroristicheskogo-komiteta.html> (дата обращения: 05.03.2024).
5. Интервью с доктором психологических наук, профессором Института образования БФУ им. И. Канта Симаевой Ириной Николаевной о деструктивном контенте социальных медиа. URL: <https://www.cyberecology.ru/Интервью-с-экспертами/Деструктивные-группы-часто-окружают-себя-флером-романтики-уникальности-новизны/> (дата обращения: 22.01.2024).
6. Более 10 млн детей в России подписаны на деструктивные группы и сообщества в интернете. URL: <https://tass.ru/obshchestvo/15758099?ysclid=lworpe2m1663965509> (дата обращения: 27.05.2024).
7. Адепты деструктивной секты «Орда» наказаны в Челябинской области. URL: <http://uraldaily.ru/obshchestvo/2020-03-04/adepty-destruktivnoy-sekty-orda-nakazany-v-chelyabinskoy-oblasti> (дата обращения: 27.05.2024).
8. Развитие и деятельность Содружества Независимых Государств в 2021 году: сборник информационно-аналитических материалов. Минск, 2022. Вып. 10.
9. Колдин В. Я. Версионный анализ. М.: Юрлитинформ, 2014. 152 с.
10. Лубин А. Ф. О версионном анализе исходной информации при расследовании преступлений // Казанские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения: мат-лы Международной научно-практ. конф-ции (Казань, 28 апреля 2022 г.): в 2 ч. / отв. ред. Ю. Н. Кулешов. Казань: ЮрЭксПрактик, 2022. Ч. 1. С. 173–182.
11. Олиндер Н. В. Версионный анализ преступлений, совершенных с использованием платежных систем // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 12. С. 285–288.
12. Комаров И. М. Несколько тезисов о версионном анализе как интегративном криминалистическом методе расследования // Казанские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения: мат-лы Международной научно-практ. конф-ции (Казань, 28 апреля 2022 г.): в 2 ч. / отв. ред. Ю. Н. Кулешов. Казань: ЮрЭксПрактик, 2022. Ч. 1. С. 22–25.
13. Антонов А. Е. Криминалистическая характеристика преступления и версионный анализ как основа поисково-познавательной деятельности // Проблемы правоохранительной деятельности и об-

разования: сборник научных трудов. Белгород: Белгородский юридический институт МВД России им. И. Д. Путилина, 2018. Вып. 15. С. 9–14.

14. Криминалистические основы деятельности по расследованию преступлений: курс лекций / А. Ф. Лубин. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2014. 201 с.

15. Журавлев С. Ю. Методологические основы и дидактические средства криминалистической культуры правоприменения: содержание версионного анализа криминальной реальности, разработки плана формирования доказательств и тактико-методических алгоритмов их фиксации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 3 (59). С. 120–126.

References

1. Torzhestvennyj vecher po sluchayu 300-letiya Rossijskoj akademii nauk. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/copy/73410> (data obrashcheniya: 05.03.2024).

2. L'vov L. V. Problemy logiki nauchnogo pedagogicheskogo issledovaniya // Sovremennaya vysshaya shkola: innovacionnyj aspekt. 2018. T. 10. № 1 (39). S. 97–106.

3. Afanas'ev A. Yu. Korrupcionnye riski dokazatel'stvennogo prava v ugovolnom processe (dosudebnoe proizvodstvo): dis. ... kand. jurid. nauk. Nizhnij Novgorod, 2016. 279 s.

4. Bortnikov provel zasedanie Nacional'nogo antiterroristicheskogo komiteta. URL: <https://rg.ru/video/2023/04/11/bortnikov-provel-zasedanie-nacionalnogo-antiterroristicheskogo-komiteta.html> (data obrashcheniya: 05.03.2024).

5. Interv'yu s doktorom psihologicheskikh nauk, professorom Instituta obrazovaniya BFU im. I. Kanta Simaevoj Irinoj Nikolaevnoj o destruktivnom kontente social'nyh media. URL: <https://www.cyberecology.ru/Interv'yu-s-ekspertami/Destruktivnye-gruppy-chasto-okruzhayut-sebya-flerom-romantiki-unikal'nosti-novizny/> (data obrashcheniya: 22.01.2024).

6. Bolee 10 mln detej v Rossii podpisany na destruktivnye gruppy i soobshchestva v internete. URL: <https://tass.ru/obshchestvo/15758099?ysclid=lworpe2m1663965509> (data obrashcheniya: 27.05.2024).

7. Adepty destruktivnoj sekty «Orda» nakazany v Chelyabinskoj oblasti. URL: <http://uraldaily.ru/obshchestvo/2020-03-04/adepty-destruktivnoy-sekty-orda-nakazany-v-chelyabinskoy-oblasti> (data obrashcheniya: 27.05.2024).

8. Razvitie i deyatel'nost' Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv v 2021 godu: sbornik informacionno-analiticheskikh materialov. Minsk, 2022. Vyp. 10.

9. Koldin V. Ya. Versionnyj analiz. M.: Yurlitinform, 2014. 152 s.

10. Lubin A. F. O versionnom analize iskhodnoj informacii pri rassledovanii prestuplenij // Kazanskije ugovolno-processual'nye i kriminalisticheskie chteniya: mat-ly Mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konf-cii (Kazan', 28 aprelya 2022 g.): v 2 ch. / otv. red. Yu. N. Kuleshov. Kazan': YurEksPraktik, 2022. Ch. 1. S. 173–182.

11. Olinder N. V. Versionnyj analiz prestuplenij, sovershennyh s ispol'zovaniem platezhnyh sistem // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2019. № 12. S. 285–288.

12. Komarov I. M. Neskol'ko tezisov o versionnom analize kak integrativnom kriminalisticheskom metode rassledovaniya // Kazanskije ugovolno-processual'nye i kriminalisticheskie chteniya: mat-ly Mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konf-cii (Kazan', 28 aprelya 2022 g.): v 2 ch. / otv. red. Yu. N. Kuleshov. Kazan': YurEksPraktik, 2022. Ch. 1. S. 22–25.

13. Antonov A. E. Kriminalisticheskaya harakteristika prestupleniya i versionnyj analiz kak osnova poiskovo-poznavatel'noj deyatel'nosti // Problemy pravoohranitel'noj deyatel'nosti i obrazovaniya: sbornik nauchnyh trudov. Belgorod: Belgorodskij juridicheskij institut MVD Rossii im. I. D. Putilina, 2018. Vyp. 15. S. 9–14.

14. Kriminalisticheskie osnovy deyatel'nosti po rassledovaniyu prestuplenij: kurs lekcij / A. F. Lubin. N. Novgorod: Nizhegorodskaya akademiya MVD Rossii, 2014. 201 s.

15. Zhuravlev S. Yu. Metodologicheskie osnovy i didakticheskie sredstva kriminalisticheskoy kul'tury pravoprimereniya: sodержanie versionnogo analiza kriminal'noj real'nosti, razrabotki plana formirovaniya dokazatel'stv i taktiko-metodicheskikh algoritmov ih fiksacii // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2022. № 3 (59). S. 120–126.

Статья поступила в редакцию 02.04.2024; одобрена после рецензирования 14.05.2024; принята к публикации 27.08.2024.

The article was submitted 02.04.2024; approved after reviewing 14.05.2024; accepted for publication 27.08.2024.

Алтайский юридический вестник. 2024. № 3 (47). С. 139–144.

Altai Law Journal. 2024. № 3 (47). P. 139–144.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.2/.7:343.3/.7

НОРМЫ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СТРАН СНГ, РЕГУЛИРУЮЩИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ИСКЛЮЧАЮЩИЕ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ

Василий Васильевич Бабурин^{1, 2}

¹ Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия

² Омская академия МВД России, Омск, Россия, vvbaburin@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется законодательный опыт стран Содружества Независимых Государств в сфере уголовно-правового регулирования обстоятельств, исключающих преступность деяния. Раскрывается содержание данного опыта, определяются его положительные и отрицательные стороны, дается общая характеристика структуры данных норм. Подчеркивается необходимость использования положительного законодательного опыта ряда стран СНГ по современному уголовно-правовому регулированию обстоятельств, исключающих преступность деяния, и разработке на этой основе теоретических положений обоснованности правомерного поведения.

Ключевые слова: уголовное законодательство, страны Содружества Независимых Государств, уголовно-правовые нормы, обстоятельства, исключающие преступность деяния, правомерное поведение

Для цитирования: Бабурин В. В. Нормы уголовного законодательства стран СНГ, регулирующие обстоятельства, исключающие преступность деяния // Алтайский юридический вестник. 2024. № 3 (47). С. 139–144.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

NORMS OF THE CRIMINAL LEGISLATION OF THE CIS COUNTRIES REGULATING THE CIRCUMSTANCES EXCLUDING THE CRIMINALITY OF THE ACT

Vasily V. Baburin^{1, 2}

¹ Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia

² Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, Russia, vvbaburin@mail.ru

Abstract. The article examines the legislative experience of the countries of the Commonwealth of Independent States in the field of criminal law regulation of circumstances excluding the criminality of an act. The content of this experience is revealed, its positive and negative sides are determined, and a general description of the structure of these norms is given. The necessity of using the positive legislative experience of a number of CIS countries on modern criminal law regulation of circumstances excluding criminality of an act and the development of theoretical provisions on the validity of lawful behavior on this basis is emphasized.

Keywords: criminal legislation, countries of the Commonwealth of Independent States, criminal law norms, circumstances precluding criminality of an act, lawful behavior

For citation: Baburin V. V. The norms of the criminal legislation of the CIS countries regulating the circumstances excluding the criminality of the act. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2024;3:139–144 (In Russ.).

© Бабурин В. В., 2024

Обстоятельства, исключаяющие преступность деяния (далее — ОИПД) как разновидность правомерного поведения, имеющего уголовно-правовое значение, предусматриваются и применяются во всех странах Содружества Независимых Государств (далее — СНГ). Во многом это результат того, что все эти страны были в свое время в составе СССР, имеющего единое уголовное законодательство, включающее хорошо разработанный институт ОИПД. Это изначально определило для стран СНГ хорошую основу для применения ОИПД и дальнейшего их развития с учетом своего собственного национального подхода к пониманию сущности и значения ОИПД.

Из бывших пятнадцати союзных республик, входивших в состав СССР (Азербайджанская ССР, Армянская ССР, Белорусская ССР, Грузинская ССР, Казахская ССР, Киргизская ССР, Латвийская ССР, Литовская ССР, Молдавская ССР, РСФСР, Таджикская ССР, Туркменская ССР, Узбекская ССР, Украинская ССР, Эстонская ССР), в СНГ изначально в целом с разным правовым статусом вошли двенадцать государств: Азербайджанская Республика, Республика Армения, Республика Беларусь, Грузия, Республика Казахстан, Киргизская Республика, Республика Молдова, Российская Федерация, Республика Таджикистан, Туркменистан, Республика Узбекистан и Украина. В последующем Грузия и Украина вышли из состава СНГ.

Таким образом, для того чтобы изучить современное законодательство именно стран СНГ, фактически речь необходимо вести о законодательстве десяти стран: Азербайджанской Республики, Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Киргизской Республики, Республики Молдова, Российской Федерации, Республики Таджикистан, Туркменистана, Республики Узбекистан. Однако в целях исследования вполне можно делать выводы и относительно развития законодательства всех пятнадцати бывших республик применительно к тому, что у них изначально было и по какому пути у них пошло дальнейшее развитие норм об ОИПД.

Также необходимо учитывать, что роль и значение изучения опыта стран СНГ особенно возрастают в современных условиях. На это обращает внимание руководство Российской Федерации. Так, 13 мая 2024 г. Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин на оперативном совещании с членами Совбеза России отметил, что Россия должна уделять больше внимания отношениям со странами СНГ [1]. По словам В. В. Пути-

на, тема взаимоотношений со странами СНГ остается приоритетной во внешней политике России.

Как справедливо отмечает А. В. Никуленко, «небезынтересным представляется изучение уголовного законодательства бывших республик СССР, большинство из которых пошло по пути сохранения традиций, присущих союзному законодательству. В то же время в нём появились ряд особенностей, определяемых спецификой самобытности права, в том числе уголовного, и нюансами государственного общественного устройства этих стран как самостоятельных субъектов международного права» [2, с. 42].

Еще более точно обосновывает важность изучения опыта стран СНГ в регулировании ОИПД С. В. Пархоменко, которая еще в 2004 г. отмечала, что «в связи с распадом СССР вследствие денонсации союзного договора от 1924 г. для многих российских исследователей-юристов стало правилом при анализе зарубежного законодательства обращать взор прежде всего на законодательство бывших союзных республик, которое, с одной стороны, вполне естественно сохранило присущую законодательству советского периода однотипность в решении вопросов об основаниях и принципах уголовной ответственности, об определении круга деяний, признаваемых преступными, видов и мер наказания за их совершение, а с другой — естественно приобрело особенности, обусловленные теперь уже спецификой самостоятельности республик как субъектов международного права. Подобная двойственность отличает уголовное законодательство бывших союзных республик и в интересующем нас аспекте» [3, с. 32]. Особенно это обращение к опыту бывших стран СССР актуально сейчас, когда скоро будет почти 30 лет со дня ухода СССР с мировой арены. Важно посмотреть, в каком направлении развиваются уголовно-правовые нормы, предусматривающие ОИПД в данных странах.

Забегая вперед, следует отметить в качестве вывода, что за 30 лет в странах СНГ не произошло больших изменений ни сразу после принятия нового уголовного законодательства этих республик, ни в последующих изменениях их уголовного законодательства.

Одним из первых выводов, который можно сделать на основании первичного знакомства с нормами уголовного законодательства стран СНГ, регулируемыми обстоятельства, исключаяющие преступность деяния, является вывод о том, что в целом все страны СНГ сохраняют общее пони-

мание сущности данных обстоятельств, их места в системе уголовного права и законодательства.

Одним из важных обстоятельств, которое способствовало сохранению общего подхода к регулированию ОИПД, как уже было отмечено выше, было то, что все эти страны находились в свое время в составе СССР, имеющего в целом единое уголовное законодательство, включающее хорошо разработанный на тот момент институт ОИПД.

Другим важным обстоятельством, которое способствовало сохранению общего подхода к регулированию ОИПД, стало принятие модельного Уголовного кодекса для стран СНГ. Как отмечает А. В. Никуленко, «уголовное законодательство республик бывшего Советского Союза включает специально предусмотренные нормы, регламентирующие основания и условия правомерного причинения вреда при обстоятельствах, исключающих преступность деяния. Этому в немалой степени способствовало принятие на седьмом пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи государств — участников СНГ 17 февраля 1996 г. модельного Уголовного кодекса для стран СНГ. Модельный УК описал основания и пределы обстоятельств, исключающих преступность деяния, рекомендуя включить их во внутреннее законодательство государств — участников СНГ. Благодаря этому большинство уголовных кодексов содержат интересующий нас институт в главах "обстоятельства, исключающие преступность деяния"» [2, с. 42].

В качестве еще одного важного и, пожалуй, главного, фундаментального обстоятельства, которое объективно способствовало сохранению общего подхода к регулированию ОИПД, необходимо отметить саму теорию советского уголовного права в части учения об ОИПД. Данная теория в свое время позволила расширить законодательное закрепление уже не двух ОИПД (необходимая оборона и крайняя необходимость), как было в УК РСФСР 1960 г. и других союзных республик того периода, а шести ОИПД (необходимая оборона, задержание преступника, крайняя необходимость, физическое или психическое принуждение, обоснованный риск, исполнение приказа или распоряжения) в новом Уголовном кодексе РФ и, соответственно, в модельном Уголовном кодексе стран СНГ. И в последующем для того, чтобы изменить правовое регулирование ОИПД, необходимо было прежде всего иметь в уголовном праве соответствующую новую теорию данных обстоятельств.

В настоящее время состояние правового регулирования данных обстоятельств свидетельству-

ет о том, что такой новой теории нет, поэтому все вносимые изменения носят «косметический» характер, свидетельствуют только о предпринимаемых попытках найти ее. С этих позиций можно оценивать не только страны СНГ, но и другие страны, расположенные на территории бывшего СССР.

Следующим выводом, который можно сделать на основании изучения содержания норм уголовного законодательства стран СНГ, регулирующих обстоятельства, исключающие преступность деяния, является то, что лишь в некоторых странах СНГ предприняты отдельные попытки развить подходы к пониманию сущности и характеристике ОИПД, расширить их число.

В этом плане следует обратить внимание прежде всего на достаточно оригинальный подход грузинского законодателя, который в Уголовном кодексе Грузии предусмотрел открытый перечень ОИПД¹. Как отмечает С. В. Пархоменко, «по нашим сведениям, из двенадцати УК этой группы зарубежных источников уголовного законодательства только один предусматривает открытый перечень ОИПД — это УК Грузии, в котором вслед за перечислением обстоятельств, исключающих противоправность деяния в ст. 28–31, приводится ст. 32, согласно которой: "Не являются противоправными действия лица, совершившего предусмотренное настоящим Кодексом деяние при наличии иных обстоятельств, которые хотя в настоящем Кодексе прямо не упоминаются, но вполне удовлетворяют условиям правомерности этого деяния"» [3, с. 36].

На эту норму, на наш взгляд, следует обратить особое внимание в силу ряда обстоятельств. Во-первых, в учении об ОИПД, разрабатываемом в теории советского уголовного права последнего времени, круг ОИПД никогда не ограничивался теми ОИПД, которые попали в УК РФ 1996 г., и предполагалось, что со временем этот круг ОИПД в главе 8 УК РФ 1996 г. обязательно будет расширен. Во-вторых, в модельном Уголовном кодексе стран СНГ, кроме традиционных для уголовного законодательства стран СНГ шести ОИПД, есть и еще одно ОИПД, которого нет в действующих уголовных законах стран СНГ — это исполнение закона. В-третьих, следует отметить, что в уголовных кодексах отдельных стран СНГ отсутствуют некоторые ОИПД, входящие в классическую шестерку законодательно закрепляемых в уголовном законе ОИПД. Речь идет о Республике Беларусь, в уголовном законе которой нет такого ОИПД, как физическое и психическое принуждение. Также в УК Молдовы в первоначальной редакции не

¹ Уголовный кодекс Грузии. СПб., 2001. С. 104–105.

было такого ОИПД, как исполнение приказа или распоряжения начальника¹. В-четвертых, в ряде УК стран СНГ и других стран в текст уголовного закона включены новые ОИПД, которых не было раньше в советском уголовном законодательстве. Речь идет о Белоруссии, Казахстане и Киргизии. В уголовном законодательстве этих стран предусмотрено новое ОИПД, которое условно можно назвать «выполнение специального задания правоохранительных органов». Таким образом, такая норма представляется очень полезной с точки зрения возможного постепенного и, главное, последовательного расширения законодательного списка ОИПД в уголовных кодексах стран СНГ.

Следовательно, в целом необходимо отметить стремление законодателей ряда стран СНГ не ограничивать перечень ОИПД. При этом если грузинский законодатель пошел по пути введения открытого перечня ОИПД, то белорусский, казахский и узбекский законодатели — по пути включения в уголовный закон новых конкретных ОИПД. Оба эти подхода находятся в русле положений советского учения об ОИПД, перспективах их развития и включения их в текст уголовного закона.

При этом интересным опытом является включение в УК Республики Беларусь, Республики Казахстан и Киргизской Республики такого нового обстоятельства, как выполнение специального задания правоохранительного органа. Интерес представляет тот факт, что данное ОИПД воспринимается актуальным не только одним государством СНГ, а несколькими. Вместе с тем отсутствие единого подхода к определению понятия такого ОИПД свидетельствует о сложностях в раскрытии его признаков.

В УК Республики Беларусь данная статья наиболее лаконичная.

«Статья 38. Пребывание среди соучастников преступления по специальному заданию

1. Не подлежит уголовной ответственности лицо, которое, выполняя в соответствии с действующим законодательством специальное задание по предупреждению, выявлению или пресечению преступления и действуя с другими его участниками, вынужденно совершит преступление.

2. Правила части первой настоящей статьи не применяются к лицу, совершившему особо тяжкое или тяжкое преступление, связанное с посягательством на жизнь или здоровье человека»².

¹ Уголовный кодекс Республики Молдова // Официальный Монитор. 2002. 13 сент. № 128-129 (1013–1014).

² Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3 (с изм. и доп. на 01.10.2023). URL: <https://>

В УК Киргизской Республики данная статья характеризуется тем, что в ней подробно уточняются уголовно-правовые ограничения по действиям субъекта и последующему применению наказания в случае несоблюдения данных ограничений.

«Статья 52. Выполнение специального задания

1. Не является преступлением вынужденное причинение вреда правоохраняемым интересам лицом, которое выполняло специальное задание, принимая участие в организованной группе либо преступном сообществе с целью предупреждения или раскрытия их преступной деятельности.

2. Лицо, указанное в части 1 настоящей статьи, подлежит уголовной ответственности лишь за совершение в составе организованной группы либо преступного сообщества умышленного тяжкого или особо тяжкого преступления, повлекшего причинение смерти, тяжкого вреда.

3. В случае, указанном в части 2 настоящей статьи, суд не может назначить наказание в виде пожизненного лишения свободы. Наказание в виде лишения свободы такому лицу не может быть назначено на срок больший, чем половина максимального срока лишения свободы, предусмотренного законом за это преступление»³.

В УК Республики Казахстан соответствующая статья выделяется тем, что очень подробно характеризует цели, ради которых данная норма предусмотрена.

«Статья 35. Осуществление оперативно-розыскных, контрразведывательных мероприятий или негласных следственных действий

1. Не является уголовным правонарушением причинившее вред охраняемым настоящим Кодексом интересам деяние, совершенное при выполнении в соответствии с законом Республики Казахстан оперативно-розыскных, контрразведывательных мероприятий или негласных следственных действий сотрудником уполномоченного государственного органа либо по поручению такого органа иным лицом, сотрудничающим с этим органом, если это деяние совершено с целью предотвращения, выявления, раскрытия или расследования уголовных правонарушений, совершенных группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, преступной группой, предупреждения, вскрытия и пресечения разведывательных и (или)

online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984 (дата обращения: 01.05.2024).

³ Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. № 127 (с изм. и доп. на 26.02.2024). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36675065 (дата обращения: 02.05.2024).

подрывных акций, а также если причиненный вред правоохраняемым интересам менее значителен, чем вред, причиняемый указанными уголовными правонарушениями, и если их предотвращение, раскрытие или расследование, а равно изобличение виновных в совершении уголовных правонарушений лиц не могли быть осуществлены иным способом.

2. Положения части первой настоящей статьи не распространяются на лиц, совершивших деяния, сопряженные с угрозой жизни или здоровью человека, экологической катастрофы, общественного бедствия или иных тяжких последствий»¹.

Приведенные выше тексты статей УК Белоруссии, Казахстана, Киргизии наглядно свидетельствуют не только о наличии общих черт в данном виде ОИПД, но и наличии существенных отличий в его законодательной регламентации, а также нерешенных проблем, что отмечается многими российскими исследователями данной темы.

Так, В. И. Акимочкин отмечает, что «с одной стороны, закон предоставляет право на причинение вреда лицу, внедренному в преступную среду, с другой стороны, не исключает возможности привлечения данного лица к уголовной ответственности, гарантируя лишь исключение пожизненного лишения свободы».

Тем самым данный вопрос остается открытым и не решает проблему правомерности действий, в частности при оперативном внедрении. Неразрешенным также остается вопрос о правомерности причинения вреда при использовании технических средств охраны» [4, с. 12]. С данными выводами, безусловно, следует согласиться, хотя они вовсе не означают того, что не следует стремиться усовершенствовать данное ОИПД и включать его в текст уголовных законов других стран СНГ.

Следующим выводом, который можно сделать на основании изучения содержания норм уголовного законодательства стран СНГ, регулирующих обстоятельства, исключающие преступность деяния, является вывод о том, что в некоторых странах СНГ в круг ОИПД включены отдельные нормы, предусматривающие под видом новых ОИПД такие действия, которые по своему содержанию не усматриваются в учении об ОИПД в качестве их самостоятельных видов.

Нельзя обойти вниманием тот факт, что в УК Узбекистана в перечень ОИПД включено такое

обстоятельство, как малозначительность, которое согласно учению об ОИПД не отвечает признакам ОИПД.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о том, что в УК Республики Беларусь предусмотрено такое ОИПД, как ошибка в наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния.

«Статья 37. Ошибка в наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния

1. Если лицо вследствие заблуждения считало, что находится в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости, либо осуществляет задержание лица, совершившего преступление, но по обстоятельствам дела не должно было или не могло сознавать отсутствие обстоятельств, исключающих преступность деяния, его действия оцениваются соответственно по правилам статей 34, 35 и 36 настоящего Кодекса.

2. Если в сложившейся обстановке лицо должно было и могло предвидеть отсутствие обстоятельств, исключающих преступность деяния, оно подлежит ответственности за причинение вреда по неосторожности»².

Данное положение является далеко не однозначным, поскольку такая ошибка характеризует только субъективную сторону любого правомерного поведения в рамках любого ОИПД и ведет к ошибочному пониманию содержания такого поведения, как самостоятельного ОИПД. Так, Л. Н. Смирнова отмечает, что «ошибкой, исключающей преступность деяния (ст. 37), признается ситуация, если лицо заблуждалось относительно наличия состояния необходимой обороны, крайней необходимости, задержания лица, совершившего преступление, но по обстоятельствам дела лицо не должно было и не могло сознавать отсутствия этих обстоятельств. Эти действия оцениваются по правилам правомерности необходимой обороны, крайней необходимости и задержания лица, совершившего преступление» [5, с. 49]. Однако ст. 37 УК Республики Беларусь говорит лишь об уточняющих моментах правомерного общественно полезного поведения, а не его новом самостоятельном виде.

В заключение необходимо отметить, что в уголовном законодательстве стран СНГ содержится достаточно много важных моментов, имеющих большое значение для понимания сущности ОИПД, многие аспекты такого правового регули-

¹ Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V (с изм. и доп. на 01.05.2024). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 02.05.2024).

² Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3 (с изм. и доп. на 01.10.2023). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984 (дата обращения: 03.05.2024).

рования требуют дальнейшего анализа и систематизации. Остаются неизученными такие вопросы, как перспективы дальнейшего развития данных норм, с учетом общей ситуации, динамики вносимых изменений в уголовное законодательство стран СНГ по данной тематике.

Список источников

1. Путин попросил членов Совбеза уделить дополнительное внимание отношениям со странами СНГ // Новостной портал «МК.RU». URL: https://www.mk.ru/politics/2024/05/13/putin-poprosil-chlenov-sovbeza-udelit-dopolnitelnoe-vnimanie-otnosheniyam-so-stranami-sng.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 13.05.2024).
2. Никуленко А. В. Зарубежное законодательство об обстоятельствах, исключающих уголовную ответственность // Правда и Закон. 2018. № 2 (4). С. 40–48.
3. Пархоменко С. В. Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2004. 267 с.
4. Акимочкин В. И. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: сравнительный анализ // Актуальные проблемы сравнительного правоведения и юридической лингвистики: мат-лы пятой Международной научно-практ. конф-ции (Москва, 9–10 декабря 2021 г.) / редколлегия М. Ю. Воронин [и др.]. М.: Московский государственный лингвистический университет, 2022. С. 7–13.
5. Смирнова Л. Н. Обстоятельства, исключающие преступность деяния, по законодательству некоторых стран СНГ и ближнего зарубежья // Известия АлтГУ. 2008. № 2. С. 46–49.

References

1. Putin poprosil chlenov Sovbeza udelit' dopolnitel'noe vnimanie otnosheniyam so stranami SNG // Novostnoj portal «MK.RU». URL: https://www.mk.ru/politics/2024/05/13/putin-poprosil-chlenov-sovbeza-udelit-dopolnitelnoe-vnimanie-otnosheniyam-so-stranami-sng.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (data obrashcheniya: 13.05.2024).
2. Nikulenko A. V. Zarubezhnoe zakonodatel'stvo ob obstoyatel'stvah, isklyuchayushchih ugolovnyuyu otvetstvennost' // Pravda i Zakon. 2018. № 2 (4). S. 40–48.
3. Parhomenko S. V. Deyaniya, prestupnost' kotoryh isklyuchaetsya v silu social'noj poleznosti i neobhodimosti. SPb.: Yuridicheskij centr «Press», 2004. 267 s.
4. Akimochkin V. I. Obstoyatel'stva, isklyuchayushchie prestupnost' deyaniya: sravnitel'nyj analiz // Aktual'nye problemy sravnitel'nogo pravovedeniya i yuridicheskoy lingvistiki: mat-ly pyatoy Mezhdunarodnoj nauchno-prakt. konf-cii (Moskva, 9–10 dekabrya 2021 g.) / redkollegiya M. Yu. Voronin [i dr.]. M.: Moskovskij gosudarstvennyj lingvisticheskij universitet, 2022. S. 7–13.
5. Smirnova L. N. Obstoyatel'stva, isklyuchayushchie prestupnost' deyaniya, po zakonodatel'stvu nekotoryh stran SNG i blizhnego zarubezh'ya // Izvestiya AltGU. 2008. № 2. S. 46–49.

Информация об авторе

В. В. Бабурин — доктор юридических наук, профессор.

Information about the author

V. V. Baburin — Doctor of Science (Law), Professor.

Статья поступила в редакцию 02.04.2024; одобрена после рецензирования 28.06.2024; принята к публикации 27.08.2024.

The article was submitted 02.04.2024; approved after reviewing 28.06.2024; accepted for publication 27.08.2024.

Алтайский юридический вестник. 2024. № 3 (47). С. 145–150.
Altai Law Journal. 2024. № 3 (47). P. 145–150.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 343.13

КОНФИСКАЦИЯ ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Инна Викторовна Баталова¹, Алина Александровна Лукьянова², Андрей Михайлович Мишин³

¹ Главное следственное управление Главного управления МВД России по Алтайскому краю, Барнаул, Россия, linna.batalova.91@bk.ru

² Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, lok_doc@mail.ru

³ Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия, AndreyM_Mishin@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблемам, связанным с введением нормативных положений в УК РФ, направленных на расширение перечня имущества, подлежащего конфискации, в т. ч. транспортного средства, принадлежащего обвиняемому, при совершении им преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения (п. «д» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ). Сделан вывод о том, что следует привести к системному единству положения п. 8 ч. 1 ст. 73 УПК РФ и ч. 1 ст. 104.1 УК РФ. В статье подвергнута анализу судебная практика применения конфискации транспортных средств, находящихся в совместной собственности. Выявлены проблемы правовой определенности и стабильности подхода к реализации правовых норм, обеспечивающих конфискацию и регулирующих досудебное производство. Авторами сформулировано предложение по изменению п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14.06.2018 № 17.

Ключевые слова: конфискация, наложение ареста на имущество, транспортное средство, уголовное судопроизводство

Для цитирования: Баталова И. В., Лукьянова А. А., Мишин А. М. Конфискация транспортного средства в уголовном судопроизводстве: вопросы правового регулирования // Алтайский юридический вестник. 2024. № 3 (47). С. 145–150.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

CONFISCATION OF A VEHICLE IN CRIMINAL PROCEEDINGS: ISSUES OF LEGAL REGULATION

Inna V. Batalova¹, Alina A. Lukyanova², Andrey M. Mishin³

¹ Main Investigation Department of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Altai Territory, Barnaul, Russia, linna.batalova.91@bk.ru

² Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, lok_doc@mail.ru

³ East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia, AndreyM_Mishin@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the problems associated with the introduction of regulations in the Criminal Code of the Russian Federation aimed at expanding the list of property subject to confiscation, including vehicles belonging to the accused, when he commits crimes related to violation of traffic rules (clause «d», part 1 article 104.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). It is concluded that the provisions of clause 8, part 1, art. 73 should be brought to systemic unity. The article analyzes the judicial practice of applying confiscation of vehicles that are jointly owned. The problems of legal certainty and stability of the approach to the implementation of legal norms ensuring confiscation and regulating pre-trial proceedings are identified. The authors formulated a proposal to amend clause 6 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court dated June 14, 2018 № 17.

Keywords: confiscation, seizure of property, vehicle, criminal proceedings

For citation: Batalova I. V., Lukyanova A. A., Mishin A. M. Confiscation of a vehicle in criminal proceedings: issues of legal regulation. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2024;3:145–150 (In Russ.).

Конституция РФ в ст. 35 гарантирует каждому право частной собственности, что предполагает судебный порядок отчуждения имущества в случае прекращения названного конституционного права и принудительного изъятия имущества. При этом гражданское законодательство (ст. 234 ГК РФ) содержит норму об основаниях прекращения права собственности, среди которых конфискация имущества — специальная мера уголовно-правового характера, применяемая в качестве санкции за совершенное преступление (ст. 235 ГК РФ, ст. 104.1 УК РФ).

Эта мера, до 2003 г.¹ считавшаяся отдельным видом уголовного наказания, была возвращена в Уголовный кодекс РФ в 2006 г.² в качестве иной меры уголовно-правового характера, обеспечив по замыслу законодателя «согласованность национального законодательства с международными стандартами в сфере обеспечения конфискации использовавшегося или предназначавшегося для использования при совершении преступлений имущества»³. Появление такого рода института «специальной конфискации» стало вполне закономерным и соответствовало ключевым направлениям борьбы с преступностью в мире.

Законотворческие решения последних лет были направлены на расширение перечня имущества, подлежащего конфискации на основании обвинительного приговора. В частности, 14.07.2022 Федеральным законом № 258-ФЗ ч. 1 ст. 104.1 УК РФ была дополнена п. «д», определившим в качестве предмета изъятия транспортное средство по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 264.1, 264.2 или 264.3 УК РФ⁴. Такое регули-

¹ О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 08.12.2003 № 162-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации конвенции совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму» [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 27.07.2006 № 153-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 81 и статьи 401.6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданина А. Е. Певзнера [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 07.03.2017 № 5-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 150 Уголовно-процессуального

рование было обусловлено стремлением законодателя снизить мотивацию к управлению транспортными средствами в состоянии опьянения, потому как в противном случае человек не только привлекается к уголовной ответственности, но и несет дополнительные материальные потери.

Однако следует отметить, что еще на этапе обсуждения в Государственной Думе Российской Федерации законопроект № 130391-8 стал поводом для оживленной дискуссии. Перед законодателями остро встал вопрос о том, насколько будет эффективна эта превентивная норма [1]. Ведь львиная доля всех повторных нарушений (преступлений) совершается на арендованном или просто чужом транспорте. В таком случае конфискация имущества гражданина, который фактически не имеет никакого отношения к противоправному поведению, не соответствует логике гражданского законодательства России, потому как добросовестные граждане будут вынуждены в порядке регресса в гражданском судопроизводстве взыскивать стоимость автомобиля с виновного. И наоборот, если речь вести все-таки о конфискации орудия совершения преступления, принадлежащего обвиняемому, то при таком подходе «девять из десяти случаев под конфискацию в чистом виде не подпадут» [1].

Согласно действующему правовому регулированию (п. «д» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ) подлежит конфискации транспортное средство, *принадлежащее обвиняемому и использованное им при совершении преступления* (курсив авт. — И. Б., А. Л., А. М.), предусмотренного ст. 264.1, 264.2 или 264.3 УК РФ. Здесь важно указать, что для правомерного применения конфискации необходима именно совокупность двух условий: доказанная принадлежность конфискуемого имущества обвиняемому и доказанный факт использования этого имущества при совершении преступления.

Ожидаемо процедура конфискации транспортного средства по обвинительному приговору стала востребованной в правоприменении. Это объясняется тем, что уголовно наказуемые нарушения в сфере безопасности дорожного движения на протяжении лет стабильно составляют 0,9 % в структуре преступности России. Так, в 2023 г. зарегистрировано 54 768 фактов управления транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутому административному наказанию или имеющим судимость (в 2022 г. — 61 208,

кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 14.07.2022 № 258-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

в 2021 г. — 66 327). Количество нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств в 2023 г. составило 17 865, в 2022 г. — 17 595, в 2021 г. — 18 217 [2].

Судами при рассмотрении уголовных дел по первой инстанции только в 2022 г. по приговору конфисковано 614 автомобилей и других транспортных средств, в 2023 г. это число составило уже 9171 [3].

В научной литературе по вопросу о необходимости конфискации транспортных средств в рамках производства по уголовному делу также существуют разные позиции. Например, К. Н. Карпов предлагал «дополнить п. "а" ч. 1 ст. 104.1 УК РФ положением о конфискации транспортного средства, принадлежащего лицу (курсив авт. — И. Б., А. Л., А. М.), совершившему преступление, предусмотренное статьей 264.1 УК РФ» [4]. Д. К. Амирова, Ю. А. Никифоров настаивали на том, что «необходимо было ч. 1 ст. 104.1 УК РФ дополнить пунктом "д", предусматривающим конфискацию транспортных средств, явившихся предметом преступлений (курсив авт. — И. Б., А. Л., А. М.), предусмотренных ст. 264, 264.1 УК РФ» [5]. Е. Г. Ларин в одной из своих публикаций назвал это предложение «весьма радикальным, так как подобного рода решение предполагает применение конфискации транспортных средств, которые могут находиться в собственности лица, не являющегося субъектом преступления, либо в долевой или совместной собственности» [6]. Несколькими годами ранее автор в публикации 2016 г., анализируя особенности расследования уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 264.1 УК РФ, приводил актуальные на тот момент разъяснения Верховного Суда Российской Федерации, согласно которым транспортное средство нельзя считать орудием, оборудованием или иным средством совершения преступления, предусмотренного ст. 264 либо ст. 264.1 УК РФ, а значит, такое транспортное средство не подлежит конфискации [7].

Однако законодательство изменилось, а высказанный довод закономерно предвосхитил возникшие проблемы, во-первых, в части процесса доказывания, а во-вторых, связанные с неоднозначной практикой применения нормы о конфискации транспортного средства, в т. ч. складывающейся в Алтайском регионе. Первая проблема обусловлена расширением предмета доказывания по уголовному делу. Если использование транспортного средства в целом охватывается механизмом совершения преступления, входит в перечень обстоятельств, указанных в ч. 1 ст. 73 УПК РФ,

то принадлежность этого транспортного средства обвиняемому — уже дополнительное обстоятельство, и оно не отражено в п. 8 ч. 1 ст. 73 УПК РФ. Более того, как справедливо отмечает С. А. Васильков, реализация нормы, содержащейся в п. «д» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, «пагубно скажется на загруженности судов, потому как суды будут обязаны во всех без исключения случаях рассматривать вопрос о конфискации транспортного средства. В результате достаточно простые с точки зрения предмета доказывания дела, как правило, рассматриваемые в подавляющем большинстве случаев в порядке главы 40 УПК РФ, выльются в полноценные судебные процессы» [8].

По вопросу конфискации Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 14.06.2018 № 17 (ред. от 12.12.2023) определил, что «транспортное средство, которое было использовано обвиняемым при совершении преступления, предусмотренного ст. 264.1, 264.2 или 264.3 УК РФ, подлежит конфискации при условии, что оно принадлежит обвиняемому. При этом для целей главы 15.1 УК РФ принадлежащим обвиняемому следует считать имущество, находящееся в его собственности, а также в общей собственности обвиняемого и других лиц (курсив авт. — И. Б., А. Л., А. М.), в том числе в совместной собственности супругов»¹.

Однако изучение практики судов Алтайского края демонстрирует отсутствие единообразного подхода к решению данного вопроса (применительно к конфискации транспортного средства, являющегося совместно нажитым имуществом супругов, в т. ч. когда оно зарегистрировано на супруга, не являющегося обвиняемым).

Так, в качестве примера можно привести судебные решения, в которых совместная собственность не признана препятствием для конфискации транспортного средства. Большинство судов применяют положения о конфискации транспортного средства, исходя из того, что режим совместной собственности не является препятствием для принятия такого решения, учитывая при этом право заинтересованного лица на обращение в суд с иском об освобождении имущества от ареста либо о взыскании стоимости причитающейся ему доли в праве совместной собственности на транспортное средство.

¹ О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14.06.2018 № 17. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Например, по уголовному делу в отношении Д. С. Змеиногорский городской суд принял решение о конфискации автомобиля¹. В дальнейшем признавая несостоятельными доводы апелляционной жалобы, вышестоящий суд указал, что решение суда о конфискации в доход государства автомобиля отвечает требованиям п. «д» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ и п. 1 ч. 3 ст. 81 УПК РФ, поскольку Д. С. полностью согласился с предъявленным обвинением, а судом достоверно установлено, что принадлежащий виновному автомобиль использовался им при совершении преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ. Доводы осужденного о невозможности конфискации автомобиля в связи с его приобретением в период брака с Д. Н. и о наличии брачного договора апелляционным судом были отклонены². Восьмой кассационный суд общей юрисдикции согласился с указанной позицией судов первой и второй инстанций, оставив кассационную жалобу осужденного без удовлетворения³.

Аналогичного рода решения в части конфискации автомобиля, приобретенного в период брака, принимались: Благовещенским районным судом по уголовному делу в отношении К.⁴; Калманским районным судом по уголовному делу в отношении Г.⁵; Павловским районным судом по уголовному делу в отношении А., устоявшееся в апелляционной и кассационной инстанциях⁶; Поспелихинским районным судом по уголовному делу в отношении М.⁷; Рубцовским городским судом по уголовному делу в отношении А.⁸

Также имеют место примеры, когда суды, в т. ч. в апелляционном порядке, принимали решение

о конфискации транспортного средства, являющегося общей совместной собственностью супругов, когда оно было зарегистрировано на супруга, не являющегося обвиняемым (например, Волчихинским районным судом в отношении В., приговор которого признан законным в апелляции⁹; Тальменским районным судом в отношении С., приговор которого признан законным в апелляции¹⁰; Шипуновским районным судом в отношении С., приговор которого признан законным в апелляции)¹¹.

Между тем следует признать, что существует и обратная такому подходу практика.

Так, при постановлении приговора в отношении В. Новоалтайский городской суд не усмотрел оснований для применения положений п. «д» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ для конфискации транспортного средства, поскольку автомобиль был приобретен супругой подсудимого и в случае конфискации транспортного средства нарушались бы ее права как собственника¹².

По аналогичному основанию Краснощековский районный суд не применил конфискацию транспортного средства по уголовному делу в отношении К.¹³

Представляется, что формирование единообразной судебной практики должно быть основано на актуальных разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, данных в постановлении № 17 (конфискации подлежит принадлежащее обвиняемому транспортное средство), из содержания п. 3.2 которого следует, что факт принадлежности должен быть установлен совокупностью проверяемых доказательств (показаний свидетелей, документов, подтверждающих приобретение имущества и пр.). При этом даже в случае отчуждения юридически, если будет установлено, что транспортное средство продолжает фактически принадлежать обвиняемому, оно подлежит

¹ Архив Змеиногорского городского суда Алтайского края. Дело № 1-69-2022.

² Решение по делу № 22-94/2023 (апелляционное производство) // Архив Змеиногорского городского суда Алтайского края.

³ Решение по делу № 77-2741/2023 (кассационное производство) // Архив Змеиногорского городского суда Алтайского края.

⁴ Архив Благовещенского районного суда Алтайского края. Дело № 1-11/2023.

⁵ Архив Калманского районного суда Алтайского края. Дело № 1-9/2023.

⁶ Архив Павловского районного суда Алтайского края. Дело № 1-244-2022; Решение по делу № 22-218/2023 (апелляционное производство) // Архив Павловского районного суда Алтайского края; Решение по делу № 77-2466/2023 (кассационное производство) // Архив Павловского районного суда Алтайского края.

⁷ Архив Поспелихинского районного суда Алтайского края. Дело № 1-37/2023.

⁸ Архив Рубцовского городского суда Алтайского края. Дело № 1-54/2023.

⁹ Архив Волчихинского районного суда Алтайского края. Дело № 1-17/2023; Решение по делу № 22-2808/2023 (апелляционное производство) // Архив Волчихинского районного суда Алтайского края.

¹⁰ Архив Тальменского районного суда Алтайского края. Дело № 1-31/2023; Решение по делу № 22-1663/2023 (апелляционное производство) // Архив Тальменского районного суда Алтайского края.

¹¹ Архив Шипуновского районного суда Алтайского края. Дело № 1-67/2023; Решение по делу № 22-4055/2023 (апелляционное производство) // Архив Шипуновского районного суда Алтайского края.

¹² Архив Новоалтайского городского суда Алтайского края. Дело № 1-106/2023.

¹³ Архив Краснощековского районного суда Алтайского края. Дело № № 1-9/2023.

конфискации¹. Более того, на наш взгляд, не стоит забывать о норме, содержащейся в ст. 104.2 УК РФ, согласно которой предмет конфискации может быть заменен в случае, когда конфискация данного предмета невозможна вследствие его использования, продажи или по иной причине.

Отметим, что проблемы правовой определенности и стабильности подхода к реализации правовых норм о конфискации коснулись и досудебного производства.

Российский уголовно-процессуальный закон предусматривает возможность временно наложить арест на такое имущество, подлежащее конфискации в последующем. Отметим, что эта мера принуждения применима не только к самому обвиняемому, но и к так называемым «третьим лицам».

Обратимся к ч. 1 ст. 115 УПК РФ, согласно которой для обеспечения исполнения приговора в части возможной конфискации судом может быть рассмотрено ходатайство о наложении ареста на имущество подозреваемого, обвиняемого или лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия. Кроме того, часть 3 названной статьи разрешает накладывать арест на имущество, находящееся и у других лиц. Сложности возникают в аналогичной ситуации, когда транспортное средство находится в общей собственности обвиняемого и иных лиц.

Ожидаемо возникает вопрос: применимы ли по аналогии правила о предмете конфискации к ситуациям данной категории? Считаем, что да. Наложение ареста на транспортное средство в период производства по уголовному делу обеспечивает последующее исполнение приговора в части возможной конфискации имущества, поэтому названные процедуры должны подчиняться одним и тем же правилам.

Как представляется, для применения нормы о конфискации необходимо установить наличие

двух условий — принадлежность автомобиля обвиняемому и его использование обвиняемым при совершении преступления названной ранее категории. При этом каких-либо ограничений, в т. ч. касающихся режима собственности конфискуемого имущества, положения ст. 104.1 УК РФ не содержат. Эти же условия должны учитываться и при наложении ареста на транспортное средство в порядке, предусмотренном ст. 115 УК РФ.

Поэтому полагаем, что следует продолжить обсуждение и урегулирование противоречивой практики конфискации, а также наложения ареста на имущество подозреваемого, обвиняемого или лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия, в целях обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа, других имущественных взысканий или возможной конфискации имущества. Вместе с тем проведенное исследование позволило сформулировать следующие выводы и предложения:

- необходимо привести к системному единству положения п. 8 ч. 1 ст. 73 УПК РФ и ч. 1 ст. 104.1 УК РФ;

- для обеспечения единообразия судебной практики представляется закономерным п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14.06.2018 № 17 изложить во взаимосвязи с п. 3.1, дополнив его следующим содержанием: «В соответствии с ч. 3 ст. 115 УПК РФ в целях обеспечения возможной конфискации арест может быть наложен судом на транспортное средство, принадлежащее обвиняемому и использованное им при совершении преступления, предусмотренного статьями 264.1, 264.2 или 264.3 УК РФ. При этом принадлежащим обвиняемому следует считать транспортное средство, находящееся в его собственности, а также в общей собственности обвиняемого и других лиц, в том числе в совместной собственности супругов».

Список источников

1. Стенограмма обсуждения законопроекта № 130391-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 150 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (в части усиления ответственности за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств водителями, лишенными права управления транспортными средствами)». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/130391-8> (дата обращения: 28.03.2024).

2. Состояние преступности в России. URL: <https://мвд.рф/> (дата обращения: 28.03.2024).

3. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей. URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 28.03.2024).

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 09.11.2023 № 12-УДП23-8-К6. URL: <https://legalacts.ru/> (дата обращения: 28.03.2024).

4. Карпов К. Н. Когда не применяется конфискация имущества // Законность. 2017. № 12. С. 36–40.
5. Амирова Д. К., Никифоров Ю. А. К вопросу о юридической целесообразности применения конфискации имущества в качестве иной меры уголовно-правового характера за совершение преступлений, предусмотренных ст. 264-264.1 УК РФ // Безопасность дорожного движения: сборник научных трудов. М.: Научно-исследовательский центр проблем безопасности дорожного движения МВД России, 2020. Вып. 19 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Ларин Е. Г. Конфискация транспортного средства: новое в уголовном законодательстве, судебная практика // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2023. № 2 (51). С. 41–49.
7. Ларин Е. Г. Особенности производства предварительной проверки и дознания по преступлению, предусмотренному ст. 264.1 УК РФ // Законодательство и практика. 2016. № 1. С. 14–20.
8. Васильков С. А. Некоторые проблемы применения новелл уголовного законодательства о конфискации транспортного средства // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2023. № 3. С. 74–78.

References

1. Stenogramma obsuzhdeniya zakonoproekta № 130391-8 «O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii i stat'i 31 i 150 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii (v chasti usileniya otvetstvennosti za narushenie pravil dorozhnogo dvizheniya i ekspluatacii transportnyh sredstv voditelyami, lishennymi prava upravleniya transportnymi sredstvami)». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/130391-8> (data obrashcheniya: 28.03.2024).
2. Sostoyanie prestupnosti v Rossii. URL: <https://mvd.rf/> (data obrashcheniya: 28.03.2024).
3. Svodnye statisticheskie svedeniya o deyatelnosti federal'nyh sudov obshchej yurisdikcii i mirovyh sudej. URL: <http://www.cdep.ru/> (data obrashcheniya: 28.03.2024).
4. Karpov K. N. Kogda ne primenyaetsya konfiskaciya imushchestva // Zakonnost'. 2017. № 12. S. 36–40.
5. Amirova D. K., Nikiforov Yu. A. K voprosu o yuridicheskoy celesoobraznosti primeneniya konfiskacii imushchestva v kachestve inoj mery ugolovno-pravovogo haraktera za sovershenie prestuplenij, predusmotrennyh st. 264-264.1 UK RF // Bezopasnost' dorozhnogo dvizheniya: sbornik nauchnyh trudov. M.: Nauchno-issledovatel'skij centr problem bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya MVD Rossii, 2020. Vyp. 19 [Elektronnyj resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
6. Larin E. G. Konfiskaciya transportnogo sredstva: novoe v ugolovnom zakonodatel'stve, sudebnaya praktika // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2023. № 2 (51). S. 41–49.
7. Larin E. G. Osobennosti proizvodstva predvaritel'noj proverki i doznaniya po prestupleniyu, predusmotrennomu st. 264.1 UK RF // Zakonodatel'stvo i praktika. 2016. № 1. S. 14–20.
8. Vasil'kov S. A. Nekotorye problemy primeneniya novell ugolovnog zakonodatel'stva o konfiskacii transportnogo sredstva // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. 2023. № 3. S. 74–78.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 02.04.2024; одобрена после рецензирования 28.06.2024; принята к публикации 27.08.2024.

The article was submitted 02.04.2024; approved after reviewing 28.06.2024; accepted for publication 27.08.2024.

Алтайский юридический вестник. 2024. № 3 (47). С. 151–156.

Altai Law Journal. 2024. № 3 (47). P. 151–156.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.13

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СИСТЕМЫ МЕР ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ ИМУЩЕСТВЕННОГО ХАРАКТЕРА, ПРИМЕНЯЕМЫХ К ПОДОЗРЕВАЕМОМУ, ОБВИНЯЕМОМУ

Тимур Талгатович Баязитов

Сибирский юридический университет, Омск, Россия, Tim_ka_256@mail.ru

Аннотация. В работе исследуются направления оптимизации системы мер уголовно-процессуального принуждения имущественного характера, предусматривающей дополнительные формы охраны интересов подозреваемого, обвиняемого. В этом контексте подвергается анализу законодательное нововведение, предусмотренное ч. 2 ст. 99 УПК РФ. Делается вывод о необходимости включения в УПК РФ такой меры пресечения, как имущественное поручительство. Предложены основные параметры её законодательной конструкции. Сформулированы подходы к совершенствованию правового регулирования залога (ст. 106 УПК РФ). Автором аргументирована возможность введения дополнительных механизмов охраны имущественных интересов подозреваемого, обвиняемого при применении данной меры пресечения в целях защиты предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: имущество, меры процессуального принуждения, подозреваемый, обвиняемый, залог, имущественное поручительство

Для цитирования: Баязитов Т. Т. Совершенствование системы мер процессуального принуждения имущественного характера, применяемых к подозреваемому, обвиняемому // Алтайский юридический вестник. 2024. № 3 (47). С. 151–156.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

IMPROVING THE SYSTEM OF PROCEDURAL COERCIVE MEASURES OF A PROPERTY NATURE APPLIED TO A SUSPECT OR AN ACCUSED

Timur T. Bayazitov

Siberian Law University, Omsk, Tim_ka_256@mail.ru

Abstract. The directions for optimizing the system of measures of criminal procedural coercion of a property nature are dealt in the article. It provides for additional forms of protecting the interests of the suspect and accused. The legislative innovations provided for in Part 2 of Art. 99 Code of Criminal Procedure of the Russian Federation are examined here. It is concluded that it is necessary to include a preventive measure as a property guarantee in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. The main parameters of its legislative structure are proposed. Approaches to improve the legal regulation of pledge are formulated (Article 106 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation). The author presents possibility of introducing additional tactics to protect the property interests of the suspect or accused applying this preventive measure in order to protect business activities.

Keywords: property, procedural coercive measures, suspect, accused, bail, property guarantee

For citation: Bayazitov T. T. Improving the system of procedural coercive measures of a property nature applied to a suspect or an accused. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2024;3:151–156 (In Russ.).

© Баязитов Т. Т., 2024

Сфера защиты имущественных интересов подозреваемого, обвиняемого в последнее время актуализируется на фоне внесения изменений в ст. 99 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ)¹. Общий посыл нововведения связан с определением следователем, дознавателем или судом возможности избрания такой меры пресечения, которая позволит лицу осуществлять предпринимательскую деятельность. Заметен акцент на сохранении доступа к управлению имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, за исключением изъятого или арестованного. Данный фактор, несомненно, приведет к сокращению случаев заключения под стражу лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, и увеличению числа решений, связанных с применением залога или других мер пресечения.

Очевидно, что возможность оказания имущественного воздействия на подозреваемого, обвиняемого путем введения соответствующих ограничений выступает критерием выделения из всей системы мер процессуального принуждения тех, которые обладают имущественным характером. Причем это имущественное воздействие должно оказываться непосредственно. В противном случае происходит неоправданное расширение такого рода мер за счет использования вторичных, не имеющих системного характера признаков. Данный подход можно увидеть в диссертационном исследовании И. Б. Тугунина. Так, имущественный характер, по его мнению, присущ не только залого, наложению ареста на имущество и денежному взысканию, но и личному поручительству, причесмотру за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым [1, с. 72, 73]. По этому поводу, С. И. Вершинина в отзыве официального оппонента на диссертацию указанного автора справедливо делает замечание, что поручитель и лицо, осуществляющее причесмотр за несовершеннолетним, несут уголовно-процессуальную ответственность в случае нарушения обвиняемым меры пресечения. Имущественный характер принудительного воздействия обуславливается содержанием самой меры, а не последствиями ее соблюдения или несоблюдения [2].

Достаточно взвешенной представляется позиция Т. Б. Гараевой и А. С. Дежнева, которые к мерам процессуального принуждения имуществен-

ного характера относят залог (ст. 106 УПК РФ), наложение ареста на имущество и ценные бумаги (ст. 115, 115¹, 116 УПК РФ), а также денежное взыскание (ст. 117, 118 УПК РФ). Спорным выглядит лишь предложение о включении в этот перечень п. 1¹ ч. 1 ст. 108 УПК РФ, поскольку, несмотря на экономический характер соответствующей нормы, заключение под стражу все же связано с лишением свободы лица [3, с. 24]. Экономические особенности, связанные с предпринимательской деятельностью, в содержании заключения под стражу выступают как исключение из общей идеи, ориентированной на лишение свободы лица. Сходный подход можно встретить в исследованиях других авторов [4, с. 66; 5, с. 10; 6, с. 9–11].

С учетом того, что денежное взыскание к подозреваемому, обвиняемому не применяется, имущественное воздействие на указанных участников уголовного процесса фактически может быть реализовано лишь при избрании залога и наложении ареста на имущество (включая особенности наложения ареста на ценные бумаги). На фоне общей тенденции, связанной с защитой государством предпринимательской среды [7, 8, 9], данные меры принуждения не могут охватить весь необходимый спектр направлений охраны имущественных интересов подозреваемого, обвиняемого. С учетом перечисленных обстоятельств логично выглядит идея восстановления такой меры пресечения, как имущественное поручительство. Она ранее существовала в рамках Устава уголовного судопроизводства 1864 г. (ст. 422–428) [10, с. 511–515] и УПК РСФСР 1923 г. (ст. 152) [11, с. 265].

Такой шаг, с одной стороны, способен расширить формы имущественного воздействия на личность, с другой — он создаст дополнительные способы защиты законных интересов подозреваемого, обвиняемого, связанных с предпринимательской деятельностью. Учитывая требования ч. 2 ст. 99 УПК РФ, реализация данной идеи приведет к увеличению альтернативных способов принудительного воздействия на личность при решении вопроса о применении меры пресечения в отношении подозреваемого, обвиняемого, указанных в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ. Кроме того, это позволит более дифференцированно подходить к выбору меры принуждения, оптимизируя сферу защиты имущественных интересов подозреваемого, обвиняемого.

Имущественное поручительство в современном формате должно сочетать в себе элементы личного поручительства и залога. Основные пре-

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 13 июня 2023 г. № 217-ФЗ // Российская газета. 2023. 19 июня.

имущества этой меры пресечения могут быть связаны со следующими обстоятельствами:

1) подозреваемый, обвиняемый не лишается свободы и, соответственно, не «выключается» из экономической деятельности государства;

2) подозреваемый, обвиняемый не ограничивается в свободе передвижения, сохраняя возможность активной трудовой или предпринимательской деятельности;

3) денежные средства и другие виды имущества при личном поручительстве не выводятся из гражданского оборота, сохраняя тем самым финансовую устойчивость поручителя и в определенной степени подозреваемого, обвиняемого;

4) при надлежащем поведении подозреваемого, обвиняемого сокращаются риски, связанные с банкротством физических или юридических лиц и, соответственно, снижением налоговых отчислений.

Ввиду того, что материальные ценности при имущественном поручительстве не изымаются, применение этой меры пресечения целесообразно по решению следователя или дознавателя. Данный подход будет способствовать сокращению бюрократической нагрузки при принятии соответствующего решения и его последующей реализации. По этой же причине она может сохранять свое действие весь период расследования и судебного разбирательства уголовного дела, не требуя установления определенных сроков. По аналогии с личным поручительством и залогом данная мера пресечения должна избираться на основе письменного ходатайства одного или нескольких поручителей, которыми могут выступать заслуживающие доверие как физические, так и юридические лица. Вид и размер поручительства должны определяться с учетом характера совершенного преступления, данных о личности подозреваемого, обвиняемого и имущественного положения поручителя. По аналогии с залогом возможно установление минимальных сумм имущественного поручительства в зависимости от тяжести преступления.

Избрание имущественного поручительства должно сопровождаться согласием на это подозреваемого, обвиняемого, а также разъяснением поручителю его ответственности в случае ненадлежащего поведения указанных лиц. Также должно быть предусмотрено право поручителя на отказ от принятых на себя обязательств. Тем не менее его ответственность должна прекращаться лишь после избрания следователем, дознавателем или судом другой меры пресечения. О принятии на себя имущественной ответственности за действия

подозреваемого, обвиняемого поручитель должен составить соответствующее обязательство, на основе которого следователь, дознаватель, суд выносят постановление об избрании данной меры пресечения.

При принятии решения об избрании имущественного поручительства важным будет считаться вопрос, касающийся обеспечения взятых на себя обязательств. Документы об имущественной состоятельности поручителя должно представлять заинтересованное лицо, т. е. сам поручитель либо подозреваемый, обвиняемый. Полагаем, что имущественное поручительство может быть не только альтернативой заключению под стражу, но и поводом для рассмотрения вопроса об освобождении лица из следственного изолятора. Не исключаем возможности в рамках имущественного поручительства применять запреты, предусмотренные ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ.

При нарушении взятых на себя обязательств поручитель должен нести соответствующую имущественную ответственность перед государством. Необходимый порядок в определенной степени может быть позаимствован из ст. 118 УПК РФ. В частности, имущественная ответственность за допущенные нарушения должна быть признана судом. Если нарушение последовало в досудебном производстве, следователь / дознаватель должен об этом составить протокол, который направляется в суд, с приложением необходимых материалов. По результатам рассмотрения судья выносит соответствующее решение.

Предусмотренное ч. 2 ст. 99 УПК РФ правило подразумевает, что при избрании меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого, указанной в ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ, в обязательном порядке должна рассматриваться возможность избрания такой меры пресечения, которая позволит продолжить осуществление предпринимательской или иной экономической деятельности. В этом контексте введение в УПК РФ имущественного поручительства создает дополнительные возможности для более щадящего воздействия на данную группу участников уголовного процесса, обеспечивая защиту их имущественных интересов.

Сходные предложения встречаются в зарубежной теории, в частности, при совершенствовании системы мер процессуального принуждения по законодательству Республики Казахстан. Так, А. Н. Ахпанов и Л. К. Кусаинова предлагают ввести в число мер пресечения имущественное поручительство, увязав возможность ее применения с конкретным имуществом, выделяемым для

обеспечения надлежащего поведения лица. Поручитель обязан доказать ценность имущества и отсутствие у него обременений, предоставив об этом необходимые документы. Он сохраняет право владения и пользования соответствующим видом имущества. Что касается распоряжения этим имуществом, здесь предлагается ввести определенные ограничения. К примеру, авторы пишут, что «аренда имущества возможна, но передавать право собственности в случае продажи запрещается. Поэтому распоряжение имуществом поручителя осуществляется судебным исполнителем в установленном гражданским законодательством порядке по аналогии с залогом недвижимого имущества» [12, с. 128].

На наш взгляд, возможность продолжать поручителю осуществлять прежнюю финансово-хозяйственную деятельность с учетом возложенных на него обязательств является принципиальным моментом, в нашем понимании, существа предлагаемой для включения в УПК РФ дополнительной меры пресечения. Именно данный аспект отличает имущественное поручительство от залога, поскольку имущество остается в полноценном гражданском обороте, не создавая лишних ограничений в предпринимательской деятельности. На этом фоне предложения указанных авторов больше похожи на оптимизацию залога, чем введение новой меры пресечения в виде имущественного поручительства.

Между тем в целях снижения давления на предпринимательскую деятельность полагаем, что сформулированную указанными авторами идею целесообразно реализовать в российском законодательстве в рамках залога. В частности, по решению суда заложенное в обеспечение надлежащего поведения подозреваемого, обвиняемого имущество по соответствующей категории уголовных дел оставлять в ведении собственника или его владельца. Распоряжение этим имуществом ограничить, оставляя возможность его замены, сопоставимой по стоимости ранее избранного залога. Полагаем, что эта идея гармонично сочетается с содержанием ч. 2 ст. 99 УПК РФ, поскольку ее реализация позволит управлять имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности.

Такого рода оптимизация определенно будет способствовать увеличению числа случаев применения данной меры пресечения, сокращая число лиц, заключенных под стражу. Причем данный подход применительно к отдельным видам имущества фактически используется. Так, например, при

передаче в качестве залога недвижимого имущества его эксплуатация собственниками этого объекта следователем, дознавателем, судом, как правило, не ограничивается. Особенно это касается жилища. Тем не менее на законодательном уровне данная возможность не очевидна.

На этом фоне полагаем, что в рамках имущественного поручительства, в отличие от залога, достаточно будет проверки имущественной состоятельности поручителя, а при необходимости подозреваемого, обвиняемого. Она должна быть достаточной для реализации имущественной ответственности поручителя в случае ненадлежащего поведения подозреваемого, обвиняемого.

Наряду с этим в юридической литературе обсуждается целесообразность разработки законодательного механизма замены залога на другое имущество [5, с. 76, 77]. Отчасти этот вопрос решен на уровне постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации. В нем отмечается, что «если имущество, являющееся предметом залога, уничтожено или повреждено (например, недвижимость пострадала в результате пожара) либо право собственности на него или право хозяйственного ведения прекращено по основаниям, установленным законом, залогодатель вправе в разумный срок восстановить предмет залога или заменить его другим равноценным имуществом (ст. 345 ГК РФ). В противном случае мера пресечения должна быть изменена»¹. Между тем нам видится необходимость развития дополнительных возможностей, связанных с управлением и использованием имущества, находящегося в залоге, в целях защиты имущественных интересов подозреваемого, обвиняемого, осуществляющих предпринимательскую деятельность.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что система мер принуждения имущественного характера обусловлена фактором имущественного воздействия на личность подозреваемого, обвиняемого для достижения целей применения мер принуждения. Данное воздействие в настоящее время проявлено при применении залога и наложении ареста на имущество. Развитие системы мер уголовно-процессуального принуждения имущественного характера на современном этапе может осуществляться в следующих направлениях. Во

¹ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

первых, это введение новой меры пресечения — имущественное поручительство. Во-вторых, развитие такой меры пресечения, как залог, в части сохранения возможности залогодателем владения и пользования заложенным имуществом (недвижимость, транспортные средства и др.) в целях предпринимательской деятельности. Реализация данных подходов позволит более дифференцированно подходить к решению вопросов об избрании мер принуждения, создавая дополнительные гарантии защиты имущественных интересов подозреваемого, обвиняемого.

Список источников

1. Тутынин И. Б. Процессуальное принуждение имущественного характера в уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2023.
2. Вершинина С. И. Отзыв официального оппонента на диссертацию «Процессуальное принуждение имущественного характера в уголовном судопроизводстве», представленную Тутыниным Игорем Борисовичем на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки. URL: <http://diss.mosu-mvd.com/images/tutyininopot.pdf>.
3. Гараева Т. Б., Дежнев А. С. Основания применения иных мер уголовно-процессуального принуждения. М., 2023.
4. Логунов О. В., Травников А. В., Кутуев Э. К., Латыпов В. С. Меры уголовно-процессуального принуждения на досудебных стадиях: вопросы теории и нормативного регулирования. М., 2019.
5. Лыга А. П. Меры уголовно-процессуального принуждения имущественного характера: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2023.
6. Химичева О. В., Плоткина Ю. Б. О некоторых проблемах применения залога на досудебном производстве по уголовным делам // Российский следователь. 2008. № 11. С. 9–11.
7. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 1 марта 2018 г. // Российская газета. 2018. 2 марта.
8. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 20 февраля 2019 г. // Российская газета. 2019. 21 февраля.
9. Стенограмма выступления Президента Российской Федерации В. В. Путина на пленарном заседании XXV Петербургского международного экономического форума // Сайт Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/68669> (дата обращения: 01.12.2023).
10. Шрамченко Л. П., Ширковой В. П. Устав уголовного судопроизводства с позднейшими узаконениями, законодательными мотивами, разъяснениями правительствующего сената и циркулярами Министерства юстиции. Рига, 1923.
11. История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры 1917–1954 гг.: сб. документов. М., 1955.
12. Ахпанов А. Н., Кусаинова Л. К. Имущественное поручительство как самостоятельная мера уголовно-процессуального пресечения // Вестник института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2023. № 1 (72). С. 122–131.

References

1. Tutynin I. B. Processual'noe prinuzhdenie imushchestvennogo haraktera v ugovnom sudoproizvodstve: dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2023.
2. Vershinina S. I. Otzyv oficial'nogo opponenta na dissertaciyu «Processual'noe prinuzhdenie imushchestvennogo haraktera v ugovnom sudoproizvodstve», predstavlennuyu Tutyninym Igorem Borisovichem na soiskanie uchenoj stepeni doktora yuridicheskikh nauk po special'nosti 5.1.4. Ugolovno-pravovye nauki. URL: <http://diss.mosu-mvd.com/images/tutyininopot.pdf>.
3. Garaeva T. B., Dezhnev A. S. Osnovaniya primeneniya inyh mer ugovno-processual'nogo prinuzhdeniya. M., 2023.
4. Logunov O. V., Travnikov A. V., Kutuev E. K., Latypov V. S. Mery ugovno-processual'nogo prinuzhdeniya na dosudebnyh stadiyah: voprosy teorii i normativnogo regulirovaniya. M., 2019.
5. Lyga A. P. Mery ugovno-processual'nogo prinuzhdeniya imushchestvennogo haraktera: dis. ... kand. yurid. nauk. Omsk, 2023.
6. Himicheva O. V., Plotkina Yu. B. O nekotoryh problemah primeneniya zaloga na dosudebnoy proizvodstve po ugovnym delam // Rossijskij sledovatel'. 2008. № 11. S. 9–11.

7. Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu ot 1 marta 2018 g. // Rossijskaya gazeta. 2018. 2 marta.
8. Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu ot 20 fevralya 2019 g. // Rossijskaya gazeta. 2019. 21 fevralya.
9. Stenogramma vystupleniya Prezidenta Rossijskoj Federacii V. V. Putina na plenarnom zasedanii HHV Peterburgskogo mezhdunarodnogo ekonomicheskogo foruma // Sajt Prezidenta RF. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/68669> (data obrashcheniya: 01.12.2023).
10. Shramchenko L. P., Shirkovoj V. P. Ustav ugovnogo sudoproizvodstva s pozdnejshimi uzakonenyami, zakonodatel'nymi motivami, raz'yasneniyami pravitel'stvuyushchego senata i cirkulyarami Ministerstva yusticii. Riga, 1923.
11. Istoriya zakonodatel'stva SSSR i RSFSR po ugovnomu processu i organizacii suda i prokuratury 1917–1954 gg.: sb. dokumentov. M., 1955.
12. Ahpanov A. N., Kusainova L. K. Imushchestvennoe poruchitel'stvo kak samostoyatel'naya mera ugovno-processual'nogo presecheniya // Vestnik instituta zakonodatel'stva i pravovoj informacii Respubliki Kazahstan. 2023. № 1 (72). S. 122–131.

Статья поступила в редакцию 03.04.2024; одобрена после рецензирования 06.05.2024; принята к публикации 27.08.2024.

The article was submitted 03.04.2024; approved after reviewing 06.05.2024; accepted for publication 27.08.2024.

Алтайский юридический вестник. 2024. № 3 (47). С. 157–163.

Altai Law Journal. 2024. № 3 (47). P. 157–163.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.34

О ПРОПАГАНДЕ КАК ПРИЗНАКЕ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЯМИ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Анна Григорьевна Брагина

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, agb.06@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются понятие и признаки пропаганды, являющейся составной частью деяний, предусмотренных ст. 205.2, 205.4, 205.5, 239, 281.3, 282.2 и 282.4 Уголовного кодекса Российской Федерации. На основе изученных автором теоретических источников, материалов судебно-следственной практики называются отличительные особенности уголовно наказуемой пропаганды, отграничивающие ее, прежде всего, от призывов, оправдания, демонстрации, исследуется цель пропаганды. Кроме того, в работе предложены правила юридической оценки деяний, подпадающих под признаки пропаганды, а также пути совершенствования некоторых норм уголовного закона.

Ключевые слова: пропаганда, цель пропаганды, совершение преступления в целях пропаганды, идеология, преступления против конституционного строя и безопасности государства, преступления против общественной безопасности

Для цитирования: Брагина А. Г. О пропаганде как признаке составов преступлений, предусмотренных статьями Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации // Алтайский юридический вестник. 2024. № 3 (47). С. 157–163.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

PROPAGANDA AS A SIGN OF CRIMES PROVIDED BY ARTICLES OF THE SPECIAL PART OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Anna G. Bragina

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, agb.06@mail.ru

Abstract. The article analyzes the concept and signs of propaganda, which is an integral part of the acts provided for in Art. 205.2, 205.4, 205.5, 239, 281.3, 282.2 and 282.4 of the Criminal Code of the Russian Federation. Based on theoretical sources studied by the author; materials from judicial and investigative practice, the distinctive features of criminal propaganda are named, delimiting it, first of all, from appeals, justification, demonstration, and the purpose of propaganda is explored. In addition, the work proposes rules for the legal assessment of acts that fall under the criteria of propaganda, as well as ways to improve some norms of criminal law.

Keywords: propaganda, the purpose of propaganda, committing a crime for the purpose of propaganda, ideology, crimes against the constitutional order and state security, crimes against public safety

For citation: Bragina A. G. Propaganda as a sign of crimes provided by articles of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2024;3:157–163 (In Russ.).

© Брагина А. Г., 2024

В Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) предусмотрены две нормы, устанавливающие прямой запрет на пропаганду как общественно опасное деяние — в ст. 205.2 и ч. 1 ст. 282.4. В качестве цели пропаганда названа в диспозиции ст. 205.4, ч. 3 ст. 239, ст. 281.3, ч. 2 ст. 282.4 УК РФ. Наконец, согласно разъяснениям Верховного Суда Российской Федерации, она презюмируется как одна из форм выражения участия в деятельности террористической организации (ст. 205.5)¹ и в деятельности экстремистской организации (ст. 282.2)².

Фактически легальные определения пропаганды имеются в примечании 1.1 к ст. 205.2 УК РФ и в примечании 4 к ст. 281.3 УК РФ.

С точки зрения законодателя, пропаганда терроризма есть «деятельность по распространению материалов и (или) информации, направленных на формирование у лица идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности либо представления о допустимости осуществления террористической деятельности». Пропаганда диверсии определена в уголовном законе как «деятельность по распространению материалов и (или) информации, направленных на формирование у лица убежденности в необходимости осуществления диверсионной деятельности». Данные определения очень похожи между собой, но при этом обладают определенной спецификой, которую следует проанализировать.

Как видно из дефиниции, содержащейся в примечании 1.1 к ст. 205.2 УК РФ, при пропаганде терроризма не обязательна множественность потерпевших. Уголовная ответственность наступает в том числе и в случае совершения пропаганды даже в отношении одного человека. На это обращает внимание законодатель, закрепив ее направленность на «лицо», а не «лиц».

При этом следует согласиться с отрицательной оценкой решения законодателя, которую дали С. И. Бушмин и Г. Л. Москалев относительно части отсутствующего в действующей уголовно-правовой норме «указания на необходимость для про-

паганды воздействовать, в том числе не одновременно, на несколько адресатов». Указанные авторы предлагают ее скорректировать [1, с. 43–44]. В случае криминализации такой пропаганды терроризма, т. е. совершенной в отношении двух и более лиц, полагаем, что ее можно было бы осуществить, дополнив ст. 205.2 УК РФ частью 3. После этого «не одновременное» совершение деяния, рассчитанное на множество потерпевших, можно было бы разрешать по правилам, установленным в ст. 17 УК РФ.

Уголовно-правовое понятие пропаганды терроризма не свидетельствует об обязательности множественности действий, образующих распространение материалов и (или) информации. Поэтому, по нашему мнению, спорна точка зрения о том, что «однократное действие, высказывание, комментарий в соцсетях не дадут следствию и суду основания вменить лицу в вину признак пропаганды этого опасного социально-правового явления» [2, с. 75].

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации в числе прочих действий, образующих оконченный состав пропаганды терроризма, названо, в частности, начало вещания радиопрограммы³. Чем как не единичным фактом будет осуществленное во время ее проведения высказывание? То же касается и раздачи журналов, которая может быть однократным актом «из рук в руки», и других действий, относимых высшей судебной инстанцией к деянию, предусмотренному ст. 205.2 УК РФ⁴.

Например, О., находясь на территории Киргизии, неоднократно размещал в социальных сетях и мессенджере материалы, направленные на формирование у просматривающих лиц идеологии терроризма. В результате он был осужден за совершение трех преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 205.2 УК РФ [3, 4]. Таким образом, каждый эпизод пропаганды терроризма, совершенной О., был квалифицирован как отдельное преступление.

Для пропаганды терроризма не имеет значения, смог ли субъект достичь в реальности цель, сформировав систему идей и представлений, выражающую суть интересов определенных групп

¹ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.02.2012 № 1, п. 22.7. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2011 № 11, п. 20. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.02.2012 № 1, п. 21. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Там же.

о терроризме. Достаточно будет факта преследования им таковой цели в принципе.

Наконец, мы не можем согласиться с мнением исследователей, согласно которому ответственность за «пропаганду к осуществлению террористической деятельности» возможна лишь в том случае, если она совершена публично [5, с. 48–51]. Полагаем, что оно влечет ошибочное истолкование пропаганды как уголовно наказуемого деяния, охватывающегося ст. 205.2, только в случае обязательного наличия этого признака. Так, если пропаганда терроризма будет совершена непублично в отношении конкретного потерпевшего, позиция об обязательности такого признака обусловит не просто невозможность признания состава пропаганды оконченным, но и в целом не позволит привлечь виновного к уголовной ответственности за деяние, обладающее высокой степенью общественной опасности.

Изучение содержания диспозиции ч. 1 ст. 205.2 УК РФ ведет к однозначному выводу о том, что законодатель связал публичность в этой уголовно-правовой норме с призывами, использовав слово «публичные» с окончанием во множественном числе, и с оправданием, употребив «публичное» в единственном числе, но не с пропагандой.

Мы считаем, что отсутствие в уголовно-правовом понятии и, соответственно, составе пропаганды терроризма обязательного признака публичности является положительным аспектом, поскольку таким образом не ограничиваются возможности правоприменителя. Деянием охватывается максимально возможное число противоправных действий, которые могут быть совершены как в отношении индивидуально определенного потерпевшего, так и в отношении неограниченного числа адресатов пропаганды терроризма, включая случаи присутствия при этом третьих лиц, на которые пропаганда не рассчитана.

В качестве примера верного толкования признаков пропаганды, охватывающейся ст. 205.2 УК РФ, приведем дело С. Р. Р. Он, будучи приверженцем идеологии запрещенного «Исламского государства», при встречах со своими товарищами демонстрировал последним различные видеоролики и фотографии, связанные с деятельностью названной террористической организации, распространял ее идеи, оправдывал ведение боевых действий, показательных казней и др. Один из мужчин, на которых осуществлялось пропагандистское воздействие, показал, что С. Р. Р., в частности, говорил им, «что в России живут неправильные мусульмане "кяфиры", настоящие мусульмане живут в Си-

рии, ведущие боевые действия, направленные на уничтожение "кяфиров", и желал, чтобы как можно больше людей узнали о них и приехали в Сирию на помощь». В результате С. Р. Р. был осужден по ч. 1 ст. 205.2 УК РФ за пропаганду терроризма¹. Таким образом, содеянное указанным лицом было справедливо квалифицировано как оконченное преступление.

Не равен публичности отягчающий ответственность способ пропаганды терроризма: «совершенные с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети "Интернет"» (ч. 2 ст. 205.2 УК РФ), хотя объективно содержательно он ближе всего.

Заметим, что глобальное влияние сети Интернет на все стороны жизни социума и отдельных людей привело к изменению механизма совершения любого, чаще совершаемого вербально, общественно опасного деяния, придало трансграничный характер. Не стала исключением в этом смысле и квалифицированная пропаганда терроризма. В силу особенностей функционирования информационно-телекоммуникационных сетей анализируемое преступление может быть совершено «массово», например, в чате социальной сети в виде сообщения, которое в последующем увидит и прочитает множество пользователей — подписчиков («друзей») субъекта преступления или же ограниченный, но при этом довольно значительный круг лиц (например, пользователи некоего тематического форума, информационного канала в Telegram и т. п.). Такая пропаганда также может быть совершена индивидуально, без возможности ознакомления с сообщением кого-то постороннего, в частности путем направления личного электронного письма. Вне всякого сомнения, подобные ситуации также не демонстрируют наличия признака публичности и будут одинаково квалифицироваться по ч. 2 ст. 205.2 УК РФ.

Пропаганда, предусмотренная в ч. 1 ст. 282.4, отличается особым (неоднократным) способом ее осуществления. То есть она должна обладать не только признаками пропаганды, ответственность за которую установлена в ст. 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), но и быть представленной минимум двумя фактами ее совершения. Причем за один из них лицо уже было привлечено

¹ Архив Нефтекамского городского суда Республики Башкортостан за 2020 г. Д. № 1-297/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/M2NQ9xBc1MIR/> (дата обращения: 25.05.2024).

к административной ответственности по ст. 20.3 КоАП РФ. При этом постановление о назначении административного наказания за него должно вступить в законную силу на момент повторного совершения пропаганды, предусмотренной ч. 1 ст. 282.4 УК РФ. Такое постановление может быть исполнено к моменту совершения очередного деяния, охватывающегося ч. 1 ст. 282.4 УК РФ, но годичный срок, предусмотренный ч. 2 ст. 4.6. КоАП РФ, к тому времени еще не истек. Также имеет значение, что исполнение такого постановления не прекращено и / или не было пересмотрено в порядке, предусмотренном главой 30 КоАП РФ¹.

Помимо множественного воплощения в объективной действительности (с учетом административной преюдиции) признака времени совершения пропаганды в течение года после привлечения к ответственности по ст. 20.3 КоАП РФ, а также специального субъекта, правоприменителю также нужно устанавливать наличие особого предмета такой пропаганды, его взаимосвязь с иными признаками пропаганды, предусмотренной ч. 1 ст. 282.4 УК РФ.

Законодателем предмет определен как атрибутика или символика одного из следующих видов: нацистская; сходные с нацистской до степени смешения; экстремистских организаций; иные, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами.

Например, нацистская символика чаще всего представлена в виде информационных объектов (надписи типа «WHITE POWER!», «Идея без дела мертва!», «Welcome to RAGNAROK!», являющиеся символами, знаками своей националистической субкультуры и идеологии, графические изображения, в т. ч. татуировки хакенкройца (свастики), цифровые символы «18», «88», «14», «14 и 88» (14/88, 8814, 1488) и другие подобные). Атрибутика же чаще всего выражена в материальной форме, которую можно осязать тактильно: это, в частности, государственный флаг нацистской Германии, знаки воинского различия подразделений СС, значки, атрибутика униформы и тому подобные предметы, использовавшиеся организациями, признанными в 1946 г. Нюрнбергским международным военным трибуналом преступными [6, с. 153–154; 7, с. 415–416]. Ярким примером экстремистской символики может послужить изображение восьмиконечной

звезды — традиционного символа экстремистского движения «А.У.Е.» [8, с. 109].

Пропаганда, ответственность за которую установлена в ч. 1 ст. 282.4 УК РФ, не образуется только лишь фактическим наличием предмета преступления, иначе имеются лишь признаки их демонстрации. Использование такого предмета должно быть нацелено на формирование положительного отношения к идеологии нацизма и экстремизма, облегчать доведение этой идеологии до адресата [9, с. 213] и охватываться умыслом виновного.

Например, демонстрация, а не пропаганда была вменена лицу, имеющему на открытой части тела (на запястье руки с внешней стороны) татуировку в виде четырехконечного креста с крюкообразными концами, повернутыми в правую сторону, являющегося одним из визуальных символов немецкого нацизма. Мужчина, будучи привлеченным к административной ответственности по ст. 20.3 КоАП РФ, позволил увидеть ее неограниченному и неопределенно широкому кругу лиц в течение значительного периода времени². То есть виновный, действовавший, несомненно, умышленно, не преследовал цель формирования нацистской идеологии, характерной для пропаганды, а потому понес ответственность за то, что запрещенный символ был виден другим людям. Кроме того, этот субъект преступления, зная о наказуемости такого деяния, поскольку ранее привлекался к административной ответственности, при этом не скрывал его.

Если использование атрибутики и символики, перечисленных в диспозиции ч. 1 ст. 282.4 УК РФ, будет связано с проведением научного исследования, с задействованием его в художественном творчестве, при подготовке материалов, осуждающих нацизм либо излагающих исторические события, то состава анализируемого вида уголовно наказуемой пропаганды не будет³.

Отметим, что квалифицируемая по ч. 1 ст. 282.4 УК РФ пропаганда может быть совершена как в отношении одного лица, так и двух и более лиц. Поскольку она требует наличия неоднократности совершаемого деяния, следовательно, и круг лиц, которым она была адресована, может серьезно отличаться (от неограниченного и максимально широкого до крайне суженного). При этом мы

¹ О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 № 29 (ред. от 15.12.2022), п. 17.1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Архив Курганского городского суда Курганской области за 2023 г. Д. № 1-1193/2023. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/uMG2pz5B4SL1/> (дата обращения: 23.05.2024).

³ Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 10 января 2018 г. № 5-АД17-109. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71763818/?ysclid=lwr91ky74w137709840>.

допускаем, что неоднократная пропаганда соответствующей атрибутики или символики возможна в отношении одного и того же лица, например единственного члена семьи, который постоянно видит конкретный атрибут или символ. Для квалификации содеянного как пропаганды, а не демонстрации нужно будет установить, что такой потерпевший не разделяет взгляды субъекта пропаганды и что этот момент осознается виновным, преследующим цель склонить потерпевшего к определенной идеологии.

Относительно преследуемой при изготовлении или сбыте атрибутов и символики цели пропаганды, квалифицирующей по ч. 2 ст. 282.4 УК РФ, следует отметить наличие соответствующих намерений у такого изготовителя или сбытчика, ранее уже привлекавшегося к административной ответственности по ст. 20.3 КоАП РФ, в момент совершения указанных действий.

В качестве признаков состава преступления цель пропаганды терроризма названа в деянии, предусмотренном в ст. 205.4 УК РФ. Законодатель определил, что террористическое сообщество создается в целях подготовки или совершения перечисленных в диспозиции статьи преступлений, которые, в свою очередь, позволят поставить и достичь еще одну — пропаганду терроризма. Она, по справедливому замечанию А. И. Рарога, наряду с совершением террористических актов и есть «смысл существования террористических группировок» [10, с. 172–173].

При этом правильным будет данную цель не относить к собственно созданию террористического сообщества [11, с. 42], а рассматривать как вторичную, отделенную от главной пространственно и темпорально, тем не менее умышленно преследуемую виновным лицом. Относительно содержания цели пропаганды терроризма как признака состава преступления, предусмотренного ст. 205.4 УК РФ, заметим, что оно не отличается от толкования аналогичного понятия в ст. 205.2 УК РФ.

В части 3 ст. 239 УК РФ установлена ответственность за пропаганду создания, руководства некоммерческой организацией, посягающей на личность и права граждан, виды которых перечислены в ч. 1 и 2 данной статьи. Этот вид уголовно наказуемой пропаганды, на наш взгляд, не обязательно должен быть связан с целью формирования определенного мировоззрения у адресата. Ее также образуют действия, направленные на популяризацию организаций, посягающих на личность и права граждан, т. е. традиционное для уголовно-правового понятия пропаганды распространение

материалов и (или) информации, направленных на создание у лица убежденности в привлекательности деятельности конкретной организации, правильности и (или) исключительности лиц, создавших и руководивших ею (в т. ч. живых либо мертвых лидеров типа Сёко Асахары — лидера известной, признанной террористической секты Аум Синрикё), а также выработка у потерпевших представления о необходимости существования такой организации в принципе.

Действия, образующие объективную сторону, предусмотренную ч. 3 ст. 239 УК РФ, могут быть выражены в форме бесед, лекций и т. п., выражающих, например, одобрение организации и (или) ее руководителя, включая записи на носителях.

Относительно пропаганды диверсии, закрепленной в ст. 281.3 УК РФ, как одной из возможных целей, преследуемых диверсионным сообществом, отметим следующее. Такая пропаганда, будучи направленной на формирование у лица убежденности в необходимости осуществления диверсионной деятельности, должна обладать определенностью, при этом не стремиться к формированию «мировоззрения диверсанта», а насаждать идею об обязательности совершения актов диверсии. Этот признак, по нашему мнению, является императивным по сути, и это отличает его от более мягкого (в определенном смысле диспозитивного) признака, характерного для пропаганды терроризма, — внедрения мысли о «позволительности» преступлений террористической направленности.

Наконец, согласно разъяснениям высшей судебной инстанции, пропаганда терроризма может преследоваться в качестве цели лицом, участвующим в деятельности террористической организации, квалифицируемой по ст. 205.5 УК РФ. Это возможно, в частности, при проведении пропагандистских бесед о деятельности запрещенной организации¹. Аналогичного вида беседы как участие в деятельности экстремистской организации (ст. 282.2 УК РФ)², в свою очередь, требуют отграничения их от административно наказуемой

¹ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.02.2012 № 1, п. 22.7. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2011 № 11, п. 20. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

пропаганды атрибутики или символики, названных в диспозиции ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ, которые можно осуществлять с учетом характера и степени общественной опасности содеянного, систематичности, длительности, публичности, неоднократности действий виновного, а также его особо активной роли [12, с. 34].

Таким образом, по итогам изложенного следует сделать вывод о том, что уголовно наказуемая пропаганда как признак объективной стороны преступления (общественно опасное деяние) обладает четко выраженными общими признаками: совершается только в форме активных умышленных действий, направлена на достижение конкретных, определенных законодателем целей, связана с особым предметом, представленным в виде информации и (или) вещи. Содержание пропаганды как цели в уголовном законе строго не предопределено, однако оно может быть установлено на осно-

вании легального понятия пропаганды как общественно опасного деяния, поскольку органически связано с ним.

Также отметим, что благодаря занятой законодателем позиции относительно необязательности признака публичности в составах уголовно наказуемой пропаганды исключена зависимость момента ее окончания от установления несвойственных признаков (того, какова с точки зрения уголовного права роль посторонних лиц, присутствовавших в момент размещения соответствующих информации или материалов, атрибутики или символики, как они относятся к деятельности пропагандиста, способны ли осознавать фактический характер совершаемых виновным действий, не являются ли они теми, кто одобрительно относится к пропаганде, или даже соучастниками и т. п.). Она позволяет более точно определять границы уголовно наказуемой пропаганды, ее отличия от призывов и оправданий.

Список источников

1. Бушмин С. И., Москалев Г. Л. Комментарий к уголовному законодательству о противодействии террористической и экстремистской деятельности: монография. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2018. 172 с.
2. Маторин М. А., Маторина Ю. Н. Проблемы квалификации публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания терроризма или пропаганды терроризма // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2023. № 3 (52). С. 71–78.
3. Завершено расследование уголовного дела в отношении мужчины, обвиняемого в приготовлении террористического акта на территории Московского региона и пропаганде терроризма. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1530808> (дата обращения: 23.05.2024).
4. К длительному сроку лишения свободы приговорен мужчина за приготовление к террористическому акту и пропаганду терроризма в сети «Интернет». URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_77/mass-media/news?item=58973076 (дата обращения: 23.05.2024).
5. Новоселова А. Н., Зайцева А. А. Соотношение понятий «пропаганда» и «призыв» в контексте судебно-лингвистической экспертизы // Законность и правопорядок. 2023. № 2 (38). С. 48–51.
6. Ворошилова М. Б. Вербальное контекстуальное окружение нацистской символики в современном экстремистском дискурсе // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 3 (53). С. 150–157.
7. Шиков А. А. Проблема противодействия распространению нацизма в Российской Федерации // Актуальные вопросы совершенствования российского законодательства и деятельности уголовно-исполнительной системы: сборник научных трудов. Владимир: Владимирский юридический институт ФСИН России, 2019. С. 412–418.
8. Темирханов М. А. Выявление некоторых видов татуировок у осужденных как принадлежность к экстремистской организации // Профессиональное юридическое образование и наука. 2022. № 3 (7). С. 108–111.
9. Шелпаков В. А. Актуальные вопросы определения понятий нацистской атрибутики и символики в законодательстве Российской Федерации // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2023. № 4 (38). С. 212–216.
10. Рагоз А. И. Уголовный кодекс России против терроризма // Lex Russica (Русский закон). 2017. № 4 (125). С. 155–178.
11. Ботвин И. В., Малетина М. А. Организация террористического сообщества и участие в нем: уголовно-правовой аспект: монография. Барнаул: БЮИ МВД России, 2020. 72 с.
12. Плешаков А. М., Шкабин Г. С. Участие в деятельности «АУЕ» в учреждениях, обеспечивающих изоляцию от общества: проблемы квалификации // Научный портал МВД России. 2023. № 2 (62). С. 31–37.

References

1. Bushmin S. I., Moskalev G. L. Kommentarij k ugovnomu zakonodatel'stvu o protivodejstvii terroristicheskoj i ekstremistskoj deyatel'nosti: monografiya. Krasnoyarsk: Sib. feder. un-t, 2018. 172 s.
2. Matorin M. A., Matorina Yu. N. Problemy kvalifikacii publicnyh prizyvov k osushchestvleniyu terroristicheskoj deyatel'nosti, publicnogo opravdaniya terrorizma ili propagandy terrorizma // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2023. № 3 (52). S. 71–78.
3. Zaversheno rassledovanie ugovnogo dela v otnoshenii muzhchiny, obvinyaemogo v prigotovlenii terroristicheskogo akta na territorii Moskovskogo regiona i propagande terrorizma. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1530808> (data obrashcheniya: 23.05.2024).
4. K dlitel'nomu sroku lisheniya svobody prigovoren muzhchina za prigotovlenie k terroristicheskomu aktu i propagandu terrorizma v seti «Internet». URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_77/mass-media/news?item=58973076 (data obrashcheniya: 23.05.2024).
5. Novoselova A. N., Zajceva A. A. Sootnoshenie ponyatij «propaganda» i «prizyv» v kontekste sudebno-lingvisticheskoy ekspertizy // Zakonnost' i pravoporyadok. 2023. № 2 (38). S. 48–51.
6. Voroshilova M. B. Verbal'noe kontekstual'noe okruzhenie nacistской simvoliki v sovremennom ekstremistskom diskurse // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2016. № 3 (53). S. 150–157.
7. Shikov A. A. Problema protivodejstviya rasprostraneniya nacizma v Rossijskoj Federacii // Aktual'nye voprosy sovershenstvovaniya rossijskogo zakonodatel'stva i deyatel'nosti ugovovno-ispolnitel'noj sistemy: sbornik nauchnyh trudov. Vladimir: Vladimirsij yuridicheskij institut FSIN Rossii, 2019. S. 412–418.
8. Temirhanov M. A. Vyyavlenie nekotoryh vidov tatuировок u osuzhdennyh kak prinadlezhnost' k ekstremistskoj organizacii // Professional'noe yuridicheskoe obrazovanie i nauka. 2022. № 3 (7). S. 108–111.
9. Shelpakov V. A. Aktual'nye voprosy opredeleniya ponyatij nacistской atributiki i simvoliki v zakonodatel'stve Rossijskoj Federacii // Vestnik Akademii Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii. 2023. № 4 (38). S. 212–216.
10. Rarog A. I. Ugolovnyj kodeks Rossii protiv terrorizma // Lex Russica (Russkij zakon). 2017. № 4 (125). S. 155–178.
11. Botvin I. V., Maletina M. A. Organizaciya terroristicheskogo soobshchestva i uchastie v nem: ugovovno-pravovoj aspekt: monografiya. Barnaul: BYuI MVD Rossii, 2020. 72 s.
12. Pleshakov A. M., Shkabin G. S. Uchastie v deyatel'nosti «AUE» v uchrezhdeniyah, obespechivayushchih izolyaciyu ot obshchestva: problemy kvalifikacii // Nauchnyj portal MVD Rossii. 2023. № 2 (62). S. 31–37.

Информация об авторе

А. Г. Брагина — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A. G. Bragina — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 03.04.2024; одобрена после рецензирования 16.06.2024; принята к публикации 27.08.2024.

The article was submitted 03.04.2024; approved after reviewing 16.06.2024; accepted for publication 27.08.2024.

Алтайский юридический вестник. 2024. № 3 (47). С. 164–169.
Altai Law Journal. 2024. № 3 (47). P. 164–169.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 343.2/.7

ФАКУЛЬТАТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 193¹ УК РФ

Екатерина Викторовна Василькова

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, kempf_e_v@mail.ru,
<https://orcid.org/0009-0001-4841-1015>

Аннотация. В статье рассматриваются такие факультативные признаки субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 193¹ УК РФ, как мотив и цель. Показано, что для совершенствования уголовно-правового механизма защиты экономической сферы общественной жизни от нелегального оттока капитала целесообразным шагом является внесение изменений в действующее уголовное законодательство в части включения мотива «корыстная заинтересованность» в число квалифицирующих признаков состава преступления, закрепленного в ст. 193¹ УК РФ. В процессе изучения цели совершения данного преступления автор приходит к выводу о том, что наиболее часто конечными целями являются как перемещение денежных средств за границу России, так и личное обогащение (извлечение материальной выгоды от незаконной деятельности).

Ключевые слова: совершение валютных операций по переводу, отток капитала, субъективная сторона, мотив, цель

Для цитирования: Василькова Е. В. Факультативные признаки субъективной стороны преступления, предусмотренного статьей 193¹ УК РФ // Алтайский юридический вестник. 2024. № 3 (47). С. 164–169.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

OPTIONAL SIGNS OF THE SUBJECTIVE SIDE OF THE CRIME PROVIDED FOR IN ARTICLE 193¹ OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Ekateriva V. Vasilkova

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, kempf_e_v@mail.ru,
<https://orcid.org/0009-0001-4841-1015>

Abstract. The article examines the optional features of the subjective side of the crime provided for in Article 193¹ of the Criminal Code of the Russian Federation — motive and purpose. It is shown that in order to improve the criminal law mechanism for protecting the economic sphere of public life from illegal capital flight, an expedient step is to amend the current criminal legislation in terms of including the motive «selfish interest» among the qualifying signs of the corpus delicti enshrined in Article 193¹ of the Criminal Code of the Russian Federation. In the process of studying the purpose of committing this crime, the author comes to the conclusion that the most common ultimate purposes are both transfer of funds outside the borders of Russia and personal enrichment (extracting material benefits from illegal activities).

Keywords: currency transfer transactions, capital flight, subjective side, motive, purpose

For citation: Vasilkova E. V. Optional signs of the subjective side of the crime provided for in article 193¹ of the Criminal Code of the Russian Federation. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2024;3:164–169 (In Russ.).

© Василькова Е. В., 2024

В настоящее время все большую значимость приобретают вопросы обеспечения экономической безопасности нашего государства, а также своевременное совершенствование законодательства (в особенности уголовного, охраняющего наиболее значимые сферы общественной жизни) для его приведения в соответствие с требованиями, диктуемыми необходимостью адекватным образом отвечать на вызовы, исходящие из перманентно видоизменяющейся преступной среды.

Одним из существенных направлений модернизации уголовного закона является совершенствование механизмов защиты от нелегального оттока капитала, крайне негативного явления, ощутимо влияющего на экономическую стабильность страны и ее инвестиционную привлекательность, а также дестабилизирующего внутренний валютный рынок России. В частности, на охрану общественных отношений, обеспечивающих надлежащий, исключая совершение мнимых и (или) притворных сделок, установленный валютным законодательством порядок перевода денежных средств на счета нерезидентов, направлена норма, закрепленная статьей 193¹ Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). Ее положения впервые введены в УК РФ еще в 2013 г., однако анализ соответствующей правоприменительной практики, а также теоретических исследований, посвященных ответственности за предусмотренные данной статьей преступления, свидетельствует о наличии возможности (и даже необходимости) модернизировать уголовный закон сообразно реалиям объективной действительности, что подтверждает актуальность настоящего исследования.

В рамках данной работы мы уделим внимание факультативным признакам субъективной стороны преступления, закрепленного статьей 193¹ УК РФ, — мотиву и цели. Их рассмотрение целесообразно начать именно с мотива, поскольку он выступает руководящим началом, по времени формирования предшествующим появлению цели, и представляет собой побуждение, базирующееся на комплексе нужд и интересов лица и влияющее на готовность совершить преступление [1, с. 20].

Как отмечают исследователи, для деяний, посягающих на общественные отношения в сфере экономической деятельности (закрепленных в главе 22 УК РФ), характерны следующие мотивы, указанные в качестве основного либо квалифицирующего признака состава: корыстная заинтересованность (ч. 3 ст. 183 УК РФ); корыстная или иная

личная заинтересованность (ст. 170 и 181 УК РФ); личные интересы (ст. 199¹ УК РФ) [2].

Выделяя мотивы, свойственные лицам, совершающим преступления, предусмотренные ст. 193¹ УК РФ, отдельные авторы отражают их следующим образом: идейный мотив (в случае опосредованного спонсирования, к примеру, террористической деятельности), желание уплатить задолженность, реализация потребности к демонстративному потреблению благ, попытка организовать незаконный доход [3, с. 223]. Мы находим указанную позицию несколько спорной, поскольку полагаем, что некоторые из перечисленных мотивов представляют собой цели преступного деяния, отражающие некий идеальный результат, к которому стремится лицо, а не побуждения к действиям.

Изучение правоприменительной практики демонстрирует следующую тенденцию: существенная часть преступлений, закрепленных ст. 193¹ УК РФ, совершается субъектами не для перевода собственных средств, а в интересах обратившихся к ним иных лиц, за что последние готовы «платить» путем начисления субъекту определенного процента от суммы переводимых за границу денежных средств. В качестве примеров можно привести приговоры Железнодорожного районного суда г. Новосибирска Новосибирской области от 03.06.2020 по делу № 1/8-2020 (1-289/2019)¹, Первомайского районного суда г. Омска Омской области от 13.10.2021 по делу № 1-404/2021², Набережночелнинского городского суда Республики Татарстан от 23.05.2019 по делу № 1-640/2019³ и др.

С учетом того, что совершенно необходимым видится принятие факта взаимообусловленности, тесной связи различных областей социального развития (экономических, социальных и политических) с явлением дифференциации уголовной ответственности [4, с. 32], рассматриваемая выше ситуация требует, на наш взгляд, законодательного реагирования.

¹ Приговор Железнодорожного районного суда г. Новосибирска Новосибирской области от 03.06.2020 по делу 1/8-2020 (1-289/2019) // ГАС «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html?id=1e2288ceefdd7fc10f73a13af3d4c2af> (дата обращения: 10.06.2024).

² Приговор Первомайского районного суда г. Омска Омской области от 13.10.2021 по делу 1-404/2021 // ГАС «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html?id=1ec1dbe9b899b4a804c2feef1074e00f> (дата обращения: 11.06.2024).

³ Приговор Набережночелнинского городского суда Республики Татарстан от 23.05.2019 по делу 1-640/2019 // ГАС «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html?id=5bd13b4b589f522679195b286e2cfc05> (дата обращения: 10.06.2024).

Как справедливо отмечает С. В. Складов, мотивы напрямую, вне зависимости от того, закреплены они или нет в качестве обязательного признака основного состава (а равно в виде квалифицирующего признака), влияют на степень, содержание и форму вины, представляя собой основной элемент последней, и мотивы преступного поведения (вкуче с виной) выступают в качестве основания дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности [5, с. 9]. Однако в ряде случаев с учетом сложившейся криминологической обстановки и комплекса предпосылок необходимым является именно законодательное закрепление мотивов.

Раскрывая суть обозначенных выше предпосылок, следует обратиться к трудам ученых-правоведов, посвященным вопросам дифференциации уголовной ответственности. В частности, Е. В. Рогова выделяет ряд криминологических оснований закрепления квалифицирующих и привилегирующих признаков: к ним относят особенности (свойства) личности лица, совершившего преступление, более высокий или низкий уровень общественной опасности содеянного, распространенность таких признаков, а также способствующие совершению данного преступления условия [6, с. 80–81].

Повышенный уровень общественной опасности (являющийся одним из основных факторов, обуславливающих отбор определенного признака в качестве квалифицирующего [7, с. 7]) в случае совершения валютных операций по переводу денежных средств в интересах обратившихся лиц (с уплатой ими «вознаграждения» совершающим транзакции субъектам) на счета нерезидентов с использованием подложных документов объясняется тем, что текущая ситуация свидетельствует о формировании уже определенного рода профессиональной преступности «финансовых посредников» в выводе денежных средств за рубеж. Как следствие, дальнейшее содействие развитию (путем игнорирования соответствующих корыстных мотивов) данной «ниши» нелегальной экономической деятельности, ставящей на поток регулярный вывод денежных средств за пределы экономического пространства Российской Федерации, видится недопустимым и крайне негативно сказывающимся на состоянии экономической устойчивости нашего государства.

Говоря о свойствах личности лица, виновного в совершении преступления, закрепленного ст. 193¹ УК РФ, и производящего соответствующие переводы не для перемещения собственного капитала за рубеж по подложным основаниям, а для получе-

ния вознаграждения в виде процента от суммы незаконно переводимых денежных средств, отметим, что корыстная заинтересованность (которая является, согласно позиции законодателя, разновидностью низменных побуждений)¹, выступающая руководящим началом в противоправной деятельности «финансового посредника» и, безусловно, проявляющаяся в общественно опасном поведении, в настоящее время не нашла достаточно полного отражения в признаках деяния, закрепленного в уголовном законе.

Рассматривая для целей закрепления корыстного мотива в качестве квалифицирующего признака такой критерий, как распространенность, следует указать, что в 37 из 70 изученных приговоров судов общей юрисдикции, вынесенных по исследуемой статье Уголовного кодекса Российской Федерации в период с 2014 по 2022 г., содержатся указания на то, что преступления совершались в интересах обратившихся к субъектам лиц, за что последними выплачивался определенный процент от суммы переведенных по подложным основаниям за рубеж денежных средств.

Под такое криминологическое основание для закрепления дифференцирующего признака, как наличие определенных условий, способствующих совершению преступления, корыстный мотив не подпадает.

Тем не менее мы придерживаемся позиции, согласно которой текущая ситуация свидетельствует о необходимости (с учетом повышенной общественной опасности и распространенности совершения преступления, предусмотренного ст. 193¹ УК РФ, из корыстных (низменных) побуждений) включить соответствующий мотив (выступающий побуждающей силой при принятии на себя посреднической роли на «профессиональной основе») — корыстная заинтересованность — в число квалифицирующих признаков состава преступления.

Теперь рассмотрим такой факультативный признак субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 193¹ УК РФ, как цель (представляющая собой мысленный образ, сформированный в сознании лица, к которому это лицо стремится).

Некоторые авторы цели в исследуемом преступлении разделяют на основную, заключающуюся в создании правовых оснований для перевода за границу денежных средств, и дополнительные: вывод данных средств за рубеж; существенное

¹ К примеру, статья 153 УК РФ содержит указание на мотив «из корыстных или иных низменных побуждений», что подразумевает включение корысти в более обширную группу низменных побуждений.

облегчение, а равно сокрытие совершения иного противоправного деяния; значительное занижение уровня затрат на проведение транзакций по сравнению со случаями, если такие транзакции проводились бы в соответствии с установленной законом процедурой; получение незаконного преступного дохода; более тщательное сокрытие реальных источников доходов [3, с. 222].

Отдельные ученые, к примеру О. О. Кубанцева, предлагают в качестве цели в данном случае рассматривать «вывоз денежных средств из Российской Федерации» [8, с. 157–158], предполагающий исключаящее взаимный обмен благами с получателем средств изъятие последних из экономического пространства России. При этом во избежание чрезмерно широкого, необоснованного вменения указанной статьи правоприменителями исследователь высказывает точку зрения о необходимости включения приведенной выше цели в качестве обязательного признака субъективной стороны в диспозицию нормы, закрепленной ст. 193¹ УК РФ [8, с. 157–158].

На наш взгляд, позиция О. О. Кубанцевой по данному вопросу представляется достаточно дискуссионной. Результаты анализа материалов уголовных дел демонстрируют, что не всегда вывоз денежных средств за пределы нашего государства представляет собой конечную цель рассматриваемого преступления. Так, например, согласно приговору Ленинского районного суда г. Самары Самарской области от 21.11.2017 по делу № 1-156/2017, Кутковой А. В. из корыстной заинтересованности, при неустановленных обстоятельствах вступил в предварительный преступный сговор с неустановленным лицом по имени «Е.» на совершение противоправных действий, направленных на неоднократное совершение незаконных валютных операций, связанных с незаконным выводом денежных средств в адрес иностранных контрагентов в интересах неустановленных лиц под видом оплаты поставки строительной техники из Китайской Народной Республики (далее — КНР), в рамках фиктивных контрактов с иностранными поставщиками, без намерения осуществлять реальную внешнеэкономическую деятельность, за денежное вознаграждение, составляющее 0,2–1 % от размера незаконно перечисленных в КНР денежных средств. При этом на рублевый расчетный счет ООО «СтройСпецТехника», подконтрольный Кутковому А. В., со стороны контрагентов — «клиентов», подысканных при неустановленных обстоятельствах «Е.», начали поступать денежные средства, подлежащие незаконному выводу

за пределы РФ и якобы предназначенные в качестве предоплаты за поставку из КНР оборудования и спецтехники¹.

Также в приговоре Фрунзенского районного суда г. Владивостока Приморского края от 29.10.2020 по делу № 1-201/2020 приводится информация о том, что субъекты (осужденные данным приговором по п. «а» ч. 3 ст. 193¹ УК РФ), действуя группой лиц по предварительному сговору, умышленно и из корыстных побуждений, «с целью личного обогащения от многократного совершения валютных операций по незаконному переводу денежных средств» разработали детальный преступный план и комплекс мероприятий по подготовке преступления, а также распределили роли в его совершении. Также в данном приговоре содержатся указания на промежуточные цели, к достижению которых стремились совершившие преступление лица: «сокрытие... от официальной процедуры банковского и государственного контроля», а также «минимизация рисков по блокировке банком и налоговой инспекцией основного расчетного счета организации»².

В приговоре Первомайского районного суда г. Омска Омской области от 07.09.2021 по делу № 1-413/2021 указывается, что в 2017 г. лицо, в отношении которого дело выделено в отдельное производство, с целью извлечения материальной выгоды решило совершить за денежное вознаграждение противоправные действия, направленные на осуществление фиктивных внешнеэкономических сделок, путем неоднократного совершения незаконных валютных операций, связанных с незаконным выводом в интересах неустановленных лиц безналичных денежных средств с расчетных счетов «резидентов» России в уполномоченных банках в адрес иностранных «нерезидентов»³.

На наш взгляд, совершенно верно в рассмотренных судебных решениях в качестве целей со-

¹ Приговор Ленинского районного суда г. Самары Самарской области от 21.11.2017 по делу № 1-156/2017 // ГАС «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html?id=456156e12a42d2388651c483f24e3521> (дата обращения: 10.06.2024).

² Приговор Фрунзенского районного суда г. Владивостока Приморского края от 29.10.2020 по делу № 1-201/2020 // ГАС «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html?id=e91144be9ab514b07de7f8544b8e228d> (дата обращения: 11.06.2024).

³ Приговор Первомайского районного суда г. Омска Омской области от 07.09.2021 по делу № 1-413/2021 // ГАС «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html?id=6b5db212c9bdd2bdc999e4d346e7d82e> (дата обращения: 12.06.2024).

вершения преступления указывались «извлечение материальной выгоды» и «личное обогащение», поскольку именно они, а не само по себе незаконное перемещение денежных средств, предоставленных иными лицами, являлись конечными желаемыми результатами преступной деятельности. Из этого следует, что включать цель вывоза денежных средств из Российской Федерации в качестве обязательного признака субъективной стороны при наличии достаточно многочисленной группы приговоров, вынесенных в отношении лиц, осуществляющих посредническую деятельность при переводе денежных средств за рубеж и получавших за нее вознаграждение в виде процента от суммы переводимых средств, видится не вполне обоснованным.

Резюмируя, отметим, что наиболее часто конечными целями совершения преступлений, предусмотренных ст. 193¹ УК РФ, являются как перемещение денежных средств за границу России, так и личное обогащение (извлечение материальной выгоды от незаконной деятельности), при этом ни одну из них не целесообразно включать в качестве обязательного признака субъективной стороны преступления. Промежуточные же цели могут быть самого различного свойства (к ним относятся снижение уровня рисков блокировки уполномоченным банком либо контролирующими органами расчетных счетов организации, сокрытие заинтересованных в нелегальном оттоке капитала из страны лиц и др.), и они также не влияют на квалификацию.

Таким образом, исследование факультативных признаков субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 193¹ УК РФ, позволило сформулировать следующие выводы.

Мотив данного преступления в настоящее время не включен в качестве обязательного признака субъективной стороны или квалифицирующего признака состава, но текущая ситуация свидетельствует о формировании уже определенного рода профессиональной преступности «финансовых посредников» в выводе денежных средств за рубеж. В качестве меры реагирования на данную проблему мы предлагаем включить соответствующий мотив (выступающий побуждающей силой при принятии на себя подобной посреднической роли на «профессиональной основе») — корыстная заинтересованность — в число квалифицирующих признаков состава преступления.

Затрагивая цели совершения преступлений, предусмотренных ст. 193¹ УК РФ, укажем, что наиболее часто конечными целями являются как перемещение денежных средств за границу России, так и личное обогащение (извлечение материальной выгоды от незаконной деятельности). Промежуточные же цели могут быть самого различного свойства (снижение уровня рисков блокировки уполномоченным банком либо контролирующими органами расчетных счетов организации, сокрытие заинтересованных в нелегальном оттоке капитала из страны лиц и др.), однако влияния на квалификацию содеянного они не оказывают.

Список источников

1. Музюкин А. П. Мотив преступления и его уголовно-правовое значение: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 127 с.
2. Кузнецов А. П., Маслова Е. В. Проблемы конструирования мотивов и целей преступлений в сфере экономической деятельности // Российский следователь. 2007. № 14. С. 9–12.
3. Магомедов М. И. Вина в преступлениях в сфере валютного обращения, предусмотренных ст. 193, 193¹ УК РФ // Евразийский юридический журнал. 2018. № 1 (116). С. 220–223.
4. Рогова Е. В. Методологические основы учения о дифференциации уголовной ответственности: монография. Иркутск: Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2022. 173 с.
5. Скляр С. В. Вина и мотивы преступного поведения как основание дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. 45 с.
6. Рогова Е. В. Криминологические основания закрепления признаков, дифференцирующих уголовную ответственность // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2015. № 4 (75). С. 74–81.
7. Карлов В. В. Критерии отбора законодателем квалифицированных составов преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1990. 14 с.
8. Кубанцева О. О. Уголовная ответственность за вывоз капитала за пределы Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. 222 с.

References

1. Muzyukin A. P. Motiv prestupleniya i ego ugovolno-pravovoe znachenie: monografiya. M.: YuNITI-DANA, 2017. 127 с.
2. Kuznecov A. P., Maslova E. V. Problemy konstruirovaniya motivov i celej prestuplenij v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti // Rossijskij sledovatel'. 2007. № 14. S. 9–12.
3. Magomedov M. I. Vina v prestupleniyah v sfere valyutnogo obrashcheniya, predusmotrennyh st. 193, 1931 UK RF // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2018. № 1 (116). S. 220–223.
4. Rogova E. V. Metodologicheskie osnovy ucheniya o differenciacii ugovolnoj otvetstvennosti: monografiya. Irkutsk: Irkutskij yuridicheskij institut (filial) Universiteta prokuratury Rossijskoj Federacii, 2022. 173 s.
5. Sklyarov S. V. Vina i motivy prestupnogo povedeniya kak osnovanie differenciacii i individualizacii ugovolnoj otvetstvennosti: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2004. 45 s.
6. Rogova E. V. Kriminologicheskie osnovaniya zakrepleniya priznakov, differenciruyushchih ugovolnuyu otvetstvennost' // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2015. № 4 (75). S. 74–81.
7. Karlov V. V. Kriterii otbora zakonodatelem kvalificirovannyh sostavov prestuplenij: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Sverdlovsk, 1990. 14 s.
8. Kubanceva O. O. Ugolovnaya otvetstvennost' za vyvoz kapitala za predely Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2023. 222 с.

Статья поступила в редакцию 03.04.2024; одобрена после рецензирования 16.06.2024; принята к публикации 27.08.2024.

The article was submitted 03.04.2024; approved after reviewing 16.06.2024; accepted for publication 27.08.2024.

Алтайский юридический вестник. 2024. № 3 (47). С. 170–175.
Altai Law Journal. 2024. № 3 (47). P. 170–175.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 343.575.4:004

К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ НЕЗАКОННОГО СБЫТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, СОВЕРШАЕМОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Андрей Алексеевич Детков

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, altai-detkov@yandex.ru,
<https://orcid.org/0009-0004-4719-4102>

Аннотация. В представленной статье исследуются способы незаконной торговли наркотиками, где криминальные элементы используют информационно-телекоммуникационные технологии. Проводится дифференциация между контактными и бесконтактными способами их распространения. Анализируются научные подходы к определению способа совершения преступлений, который является ключевым элементом в уголовно-правовой, криминалистической и оперативно-розыскной характеристиках. Бесконтактный способ сбыта наркотиков изучается с использованием полноструктурной теории, включая этапы подготовки, непосредственного совершения и сокрытия следов преступной деятельности.

Ключевые слова: информационно-телекоммуникационные технологии, полноструктурный способ, способ совершения преступления, сокрытие преступной деятельности, бесконтактный сбыт наркотиков, программы-сейфы, второе пространство

Для цитирования: Детков А. А. К вопросу о способах незаконного сбыта наркотических средств, совершаемого с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Алтайский юридический вестник. 2024. № 3 (47). С. 170–175.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

REVISITING THE WAYS TO COMMIT ILLEGAL SALES DRUGS TREATED WITH THE USE INFORMATION AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGY

Andrei A. Detkov

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, altai-detkov@yandex.ru,
<https://orcid.org/0009-0004-4719-4102>

Abstract. The presented article examines the methods of illegal drug trade, where criminal elements use information and telecommunication technologies. A differentiation is made between contact and non-contact methods of their distribution. Scientific approaches to determining the method of committing crimes, which is a key element in criminal law, forensic and operational investigative characteristics, are analyzed. The non-contact method of drug sales is studied using a full-structural theory, including the stages of preparation, direct commission and concealment of traces of criminal activity.

Keywords: information and telecommunication technologies, full-structure method, method of committing a crime, concealment of criminal activity, contactless sale of drugs, safe programs, second space

For citation: Detkov A. A. Revisiting the ways to commit illegal sales drugs treated with the use information and telecommunication technology. *Altajskij juridicheskiy vestnik = Altai Law Journal*. 2024;3:170–175 (In Russ.).

© Детков А. А., 2024

В уголовно-правовых науках важное место отводится способам совершения преступлений, поскольку их анализ и изучение позволяют понять функциональную сущность преступной деятельности. Это ведет к установлению не только того, каким путем подготавливалось, совершалось и скрывалось преступление, но и того, какие действия преступника отразились в окружающей среде [1, с. 688–689].

С учетом широкого использования в различных видах противоправной деятельности новейших информационно-телекоммуникационных технологий (далее — ИТТ), дистанционных форм коммуникаций, разносторонних ресурсов сети Интернет способы подготовки, совершения и сокрытия преступлений подвергаются определенной трансформации [2].

Для осмысления сущности исследуемой научной категории мы обратились к смежным областям научных знаний. Так, в контексте теории уголовного права некоторые авторы рассматривают способ совершения как факультативный признак состава преступления [3, с. 68]. Другие ученые считают, что это «один из признаков объективной стороны преступления, под которым понимаются те приемы и методы, которые использовал преступник для совершения преступления» [4, с. 81].

В силу научной и практической значимости способ совершения преступления всегда являлся предметом пристального внимания со стороны ученых-криминалистов, в т. ч. и как структурный элемент криминалистической характеристики пре-

ступлений. На наш взгляд, полученные научные знания в данной области могут быть применимы и для развития теории ОРД.

Под способом совершения преступления учеными-криминалистами понимается образ действий преступника, выражающийся в определенной последовательности, сочетании отдельных действий, приемов, применяемых субъектом. При этом способ приготовления к совершению преступления, способ совершения самого преступления и способ его сокрытия следует рассматривать отдельно [5, с. 18].

Учеными в области ОРД, исследовавшими вопросы сетевых компьютерных преступлений, отмечается, что для рассматриваемых способов характерна следующая схема: подготовка к преступлению, основной этап реализации противоправных действий, устранение следов, использование результатов [6, с. 243].

Знание способов совершения бесконтактного сбыта наркотиков позволяет оперативному сотруднику определить основные направления их выявления, помогает строить оптимальные оперативно-розыскные версии, проводить эффективные и оптимальные оперативно-розыскные мероприятия (далее — ОРМ) [7, с. 249].

В рамках исследования нами было проведено разграничение между контактными и бесконтактными способами сбыта наркотических средств. На основе анализа литературы и правоприменительной практики была заполнена таблица, которая отражает общие черты и основные различия в указанных преступлениях.

Таблица 1

Общие черты и ключевые различия между контактными и бесконтактными способами сбыта наркотиков

Параметр	Контактный способ	Бесконтактный способ
Общей чертой для обоих способов будет являться передача, т. е. любые действия, направленные на отчуждение наркотических средств одной стороной в адрес другой.		
1. Заключение незаконной сделки	В реальной действительности	В сети Интернет
2. Передача наркотических средств приобретателю	При личной встрече из рук в руки	Опосредованно через систему тайников-закладок
3. Реклама	Отсутствует	Агрессивный маркетинг
4. Ассортимент	Узкий. Наркотики как растительного, так и синтетического происхождения	Широкий. Наркотики как растительного, так и синтетического происхождения

Параметр	Контактный способ	Бесконтактный способ
5. В среднем по количеству участников преступной деятельности	От 1 до 3	От 1 до неопределенного количества
6. Территориальная привязка участников	Да	Трансграничный и транснациональный характер
7. Специфические черты личности наркосбытчика	- возраст 25–50 лет, - судимость, - отсутствие высшего образования, - широкие связи в криминальном мире	- возраст 22–36 лет, - наличие высшего образования, - знание IT-технологий
8. Круг наркоклиентов	Ограниченный круг лиц (друзья, родственники, проверенные покупатели)	Неопределенный, анонимный
9. Контакт участников	Личный	Обезличенный. Общение осуществляется через программы для мгновенного обмена сообщениями и медиафайлами
10. Оплата наркотических средств	Путем личной передачи наличных денежных средств либо перевода на банковскую карту	Путем перевода электронных денежных средств на банковскую карту или криптовалюту
11. Наличие технологии легализации (отмывания) денежных средств	Отсутствует	Легализация осуществляется по разработанной многоуровневой финансовой схеме
12. Механизм следообразования	Материальные и идеальные следы	Материальные, идеальные, виртуальные следы

Данные, представленные в таблице, показывают значительные различия между контактными и бесконтактными способами распространения наркотических средств. Основной особенностью анализируемого способа является то, что в современных условиях наркоторговцам не требуется проводить передачу наркотиков непосредственно, через организацию личных скрытых встреч. Развитие ИТТ способствовало появлению нового способа распространения — тайниково-закладочного, при котором передача наркотических средств осуществляется опосредованно, а коммуникация проходит с использованием технических устройств через созданных виртуальных персонажей. Однако в последнее время современные интернет-торговцы все чаще применяют искусственный интеллект, который полностью заменяет оператора интернет-магазина, играющего ключевую роль в преступной наркоцепи. Системы на основе искусственного интеллекта способны мгновенно предоставлять потенциальным клиентам по их запросу информацию о предлагаемом ассортименте наркотиков и их стоимости, а также оформлять заказы. Такой

подход существенно затрудняет процесс выявления и документирования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств.

Наряду с этим специфической особенностью рассматриваемого вида преступлений является сложность дифференциации между способом совершения и его сокрытием, поскольку способ совершения основан на применении приемов и средств маскировки, конспирации.

Из этого тезиса следует, что указанные элементы при общей взаимосвязи не следуют друг за другом в традиционной последовательности. Так, этап сокрытия начинается еще на этапе подготовки и продолжается на протяжении всего преступления. Таким образом, как отмечает О. Ю. Введенская, «границы приведенных этапов размыты, что обусловлено множественностью преступных актов в рамках единого преступления» [8, с. 44].

Согласно мнению вышеуказанного автора, рассматриваемый способ «представляет собой не линейную последовательность простых действий, а одновременно протекающие взаимосвязанные последовательности действий в реальном (физи-

ческом) и информационном пространстве — транзакции, представляющие собой цепочки элементарных, осмысленных, логически законченных операций по передаче, получению и использованию объектов, по получению, передаче, хранению и преобразованию информации» [8, с. 49].

За основу в нашем исследовании взята классическая полноструктурная теория способа совершения преступления, которая представляет собой трехкомпонентный комплекс действий, включающий в себя подготовку, совершение и сокрытие преступления [9, с. 134]. При этом каждое из этих действий в структуре способа преступления может существовать как само по себе, так и в совокупности с другими: подготовка к преступлению, подготовка — совершение преступления, совершение преступления, подготовка — совершение — сокрытие преступления, совершение — сокрытие преступления и сокрытие совершенного преступления иными лицами [10, с. 172].

В контексте полноструктурной теории бесконтактный способ сбыта наркотиков ранее рассматривался [11], однако их описание, на наш взгляд, представляется недостаточно точным. Полагаем, что неверно объединять содержательные аспекты преступных действий организатора сетевого наркомагазина и розничного сбытчика при описании каждого структурного элемента способа совершения преступления, поскольку их преступные действия существенно различаются по своей сути. В связи с этим во избежание путаницы в изложении, на наш взгляд, будет целесообразным проводить исследование каждого преступного звена наркоцепи отдельно.

Предваряя изложение результатов через полноструктурную теорию, необходимо отметить, что нами в данном исследовании рассматривается содержание преступных действий участников сетевого наркосбыта, в чьи обязанности входит непосредственное взаимодействие с наркотиками с целью их дальнейшей опосредованной передачи неопределенному кругу лиц тайниково-закладочным способом (розничные, оптовые курьеры, склады). Такие звенья преступной цепи, как организаторы, операторы и другие, остались за рамками нашего исследования.

Таким образом, в содержательную часть преступных действий указанных звеньев необходимо включить следующие действия:

- *стадия подготовки*: трудоустройство в сетевой наркомагазин; извлечение по координатам крупной партии наркотиков; фасовка; рекогносцировка местности;

- *стадия совершения*: непосредственное об-устройство закладок в выбранных местах; фотофиксация места закладки; составление и направление описания местонахождения закладки представителю сетевого наркомагазина;

- *стадия сокрытия*: применение технических средств с предустановленным программным обеспечением, маскировка внешности, использование третьих лиц; аренда квартир; выезд из города; дача заведомо ложных показаний, использование многоуровневых финансовых схем для обналаживания и легализации наркодохода.

Остановимся более подробно на последней стадии. При совершении бесконтактного сбыта наркотиков криминальные элементы заблаговременно, еще на стадии подготовки преступления предпринимают комплекс мер по его сокрытию, тем самым обеспечивают высокую конспирацию своих действий на протяжении всего процесса преступления. В рамках нашего исследования было установлено, что сокрытие наркосбытчиками осуществляется как в материальном, так и сетевом информационном пространстве.

Сокрытие преступной деятельности наркосбытчиков достигается в том числе за счет применения технических средств с предустановленным программным обеспечением. Использование широкого арсенала программ, сервисов анонимизации и удаленного доступа к компьютерам направлено на предотвращение утечки информации о преступной деятельности участников незаконного оборота наркотиков и обеспечение их максимальной конспирации. Рассмотрим более подробно программное обеспечение, которое активно используется наркосбытчиками для скрытого хранения и защиты пронаркотической информации на мобильных устройствах.

Оперативно-розыскная практика свидетельствует о том, что наркосбытчики сегодня активно применяют на своих мобильных устройствах и персональных компьютерах «программы-сейфы». Они служат для создания зашифрованных контейнеров, где скрытно хранят фотографии мест закладок с наркотиками, записи об учете сбытых наркотиков, пароли от криптовалютных счетов и другие данные, представляющие оперативный интерес. Такие программы обеспечивают высокий уровень безопасности за счет использования различных алгоритмов шифрования, механизмов аутентификации и защиты паролем. Приведем пример из судебной практики.

Так, у «Г», осужденного по ч. 5 ст. 228.1 УК РФ, в мобильном устройстве было установлено

приложение «Калькулятор», которое функционировало как средство создания скрытого второго пространства в операционной системе. В этой дополнительной учетной записи хранились переписки, которые велись через приложение «Телеграм», с кураторами интернет-магазина, специализирующегося на продаже наркотических средств, а также иные сведения, представляющие оперативный интерес. Доступ к данному противоправному контенту был возможен только после ввода заранее сформированного пароля¹.

Из этого примера следует, что осужденный для конспирации своих действий пользовался специализированным ПО, которое позволило ему создать «второе пространство», т. е. организовать дополнительный учетный профиль в операционной системе устройства с целью обеспечения конфиденциальности и защиты данных от несанкционированного доступа со стороны различных лиц, включая представителей правоохранительных органов.

Таким образом, в случае задержания лица, подозреваемого в незаконном сбыте наркотиков, при добровольном разблокировании устройства с помощью определенного пароля, ранее им сформированного, либо при определенном отпечатке пальца откроется учетная запись, которая не

будет содержать никакой оперативно значимой информации. Данная функциональная особенность должна учитываться сотрудниками подразделений по контролю за оборотом наркотиков при осмотре технических устройств. Это позволит не упустить из виду пронаркотическую информацию, которая может подтвердить виновность лица или избежать неблагоприятной ситуации, связанной с доказыванием умысла на сбыт наркотиков.

В заключение следует подчеркнуть, что знание оперативными сотрудниками способа совершения преступления определяет способы его выявления и документирования. Интеграция современных технологий и методов коммуникации в криминальной сфере представляет собой серьезную проблему для правоохранительных органов, что требует разработки новых стратегий и инновационных подходов к борьбе с наркопреступностью.

Специфика исследуемого способа заключается в том, что его составные элементы трудно разделить и следуют друг за другом в нетрадиционной последовательности. Наше исследование показало, что наркосбытчики в своей преступной деятельности используют разнообразное сетевое программное обеспечение для осуществления опосредованной передачи наркотиков через систему тайников.

Список источников

1. Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Российская Е. Р. Криминалистика: учебник для вузов / под ред. Р. С. Белкина. М.: НОРМА-ИНФРА М, 2000. 990 с.
2. Кондратьев М. В. Бесконтактный способ сбыта наркотиков как элемент оперативно-розыскной характеристики наркопреступлений // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сборник статей Всероссийской научно-практ. конф-ции (Томск, 28–30 января 2021 г.). Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2021. Ч. 89. С. 282–284.
3. Мазуров В. А. Компьютерные преступления: классификация и способы противодействия: учебно-практическое пособие. М., 2002. 148 с.
4. Словарь основных терминов по уголовному праву / под ред. С. Т. Гаврилова и А. В. Покаместова. Воронеж, 2000. 123 с.
5. Колесниченко А. Н. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. Харьков: Харьков. юрид. ин-т, 1965. 47 с.
6. Осипенко А. Л. Сетевая компьютерная преступность. Теория и практика борьбы: монография. Омск: Омская академия МВД России, 2009. 480 с.
7. Кондратьев М. В., Зникин В. К. Оперативно-розыскная характеристика преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотических средств // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 1–4 (61). С. 248–255.
8. Введенская О. Ю. Особенности предварительного и первоначального этапов расследования незаконного сбыта наркотических средств с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2022. 201 с.

¹ Приговор Люберецкого городского суда Московской области от 25 октября 2022 г. по уголовному делу № 1-970/2022 // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие»: интернет-портал. URL: <http://luberetzy.mo.sudrf.ru/> (дата обращения: 10.05.2024).

9. Кондратьев М. В. Оперативно-розыскная методика выявления, пресечения и раскрытия преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотических средств // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 4 (68). С. 131–141.

10. Бессонов А. А. Способ преступления как элемент его криминалистической характеристики // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 4. С. 171–173.

11. Агафонов В. В., Чистова Л. Ю. Способы совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков с использованием Интернета и электронных средств связи // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 3. С. 116–121.

References

1. Aver'yanova T. V., Belkin R. S., Koruhov Yu. G., Rossijskaya E. R. Kriminalistika: uchebnik dlya vuzov / pod red. R. S. Belkina. M.: NORMA-INFRA M, 2000. 990 s.

2. Kondrat'ev M. V. Beskontaktnyj sposob sbyta narkotikov kak element operativno-rozysknoj harakteristiki narkoprestuplenij // Pravovye problemy ukrepleniya rossijskoj gosudarstvennosti: sbornik statej Vserossijskoj nauchno-prakt. konf-cii (Tomsk, 28–30 yanvarya 2021 g.). Tomsk: Nacional'nyj issledovatel'skij Tomskij gosudarstvennyj universitet, 2021. Ch. 89. S. 282–284.

3. Mazurov V. A. Komp'yuternye prestupleniya: klassifikaciya i sposoby protivodejstviya: uchebno-prakticheskoe posobie. M., 2002. 148 s.

4. Slovar' osnovnyh terminov po ugolovnomu pravu / pod red. S. T. Gavrilova i A. V. Pokamestova. Voronezh, 2000. 123 s.

5. Kolesnichenko A. N. Obshchie polozheniya metodiki rassledovaniya ot del'nyh vidov prestuplenij. Har'kov: Har'kov. yurid. in-t, 1965. 47 s.

6. Osipenko A. L. Setevaya komp'yuternaya prestupnost'. Teoriya i praktika bor'by: monografiya. Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2009. 480 s.

7. Kondrat'ev M. V., Znikin V. K. Operativno-rozysknaya harakteristika prestuplenij, svyazannyh s nezakonnym sbytom narkoticheskikh sredstv // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 1–4 (61). S. 248–255.

8. Vvedenskaya O. Yu. Osobennosti predvaritel'nogo i pervonachal'nogo etapov rassledovaniya nezakonnogo sbyta narkoticheskikh sredstv s ispol'zovaniem informacionno-telekommunikacionnyh tekhnologij: dis. ... kand. yurid. nauk. Krasnodar, 2022. 201 s.

9. Kondrat'ev M. V. Operativno-rozysknaya metodika vyyavleniya, presecheniya i raskrytiya prestuplenij, svyazannyh s nezakonnym sbytom narkoticheskikh sredstv // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. 2023. № 4 (68). S. 131–141.

10. Bessonov A. A. Способ преступления как элемент его криминалистической характеристики // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 4. С. 171–173.

11. Агафонов В. В., Чистова Л. Ю. Способы совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков с использованием Интернета и электронных средств связи // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 3. С. 116–121.

Статья поступила в редакцию 20.05.2024; одобрена после рецензирования 30.06.2024; принята к публикации 27.08.2024.

The article was submitted 20.05.2024; approved after reviewing 30.06.2024; accepted for publication 27.08.2024.

**О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ
В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
СОВЕРШЕННОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ,
И ОСОБЕННОСТЕЙ ОСМОТРА МОБИЛЬНОГО ТЕЛЕФОНА**

Алексей Михайлович Журбенко¹, Кристина Константиновна Крупенникова²

^{1,2} Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина, Белгород, Россия

¹ zhurbenkoal@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6022-272X>

² krupennikovakristina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5044-6129>

Аннотация. Авторы отмечают, что в современном мире возможности преступников в сфере незаконного оборота наркотических средств существенно расширяются, что обуславливается возможностью применения различных мессенджеров и интернет-магазинов, доступностью и многообразием интернет-ресурсов. В данном исследовании проведен анализ криминалистической характеристики преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, реализуемого посредством инновационных технологий, представлены некоторые особенности тактики производства следственного осмотра и осмотра мобильного телефона. В результате проведенного исследования авторы приходят к выводу, что меры, направленные на предупреждение преступлений в области незаконного оборота наркотических средств в сети Интернет, должны применяться комплексно посредством слаженной работы представителей социальных и правовых институтов.

Ключевые слова: наркотические средства, интернет-ресурсы, мессенджеры, сбыт, цифровые следы, мобильный телефон

Для цитирования: Журбенко А. М., Крупенникова К. К. О некоторых аспектах противодействия преступлениям в сфере незаконного оборота наркотических средств, совершенного с использованием сети Интернет, и особенностей осмотра мобильного телефона // Алтайский юридический вестник. 2024. № 3 (47). С. 176–182.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

**SOME ASPECTS OF COUNTERING CRIMES IN THE FIELD OF ILLICIT DRUG
TRAFFICKING COMMITTED USING THE INTERNET AND THE FEATURES
OF MOBILE PHONE INSPECTION**

Alexey M. Zhurbenko¹, Kristina K. Krupennikova²

^{1,2} Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, Belgorod, Russia

¹ zhurbenkoal@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6022-272X>

² krupennikovakristina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5044-6129>

Abstract. The authors note that nowadays the possibilities of criminals in the field of illicit drug trafficking are significantly expanding, which is due to the possibility of using various messengers and online stores, the availability and variety of Internet resources through which the sale of narcotic drugs becomes more accessible and faster. This study analyzes the criminalistic characteristics of crimes in the field of drug trafficking, implemented through innovative technologies, and presents some features of the tactics of conducting an investigative examination and inspection of a mobile phone. As a result of the conducted research, the authors conclude that measures aimed at preventing crimes in the field of illicit drug trafficking on the Internet should be applied comprehensively, through the coordinated work of representatives of social and legal institutions.

Keywords: narcotic drugs, Internet resources, messengers, sales, digital traces, mobile phone

For citation: Zhurbenko A. M., Krupennikova K. K. Some aspects of countering crimes in the field of illicit drug trafficking committed using the internet and the features of mobile phone inspection. *Altajskij juridicheskij vestnik* = *Altai Law Journal*. 2024;3:176–182 (In Russ.).

Информационная среда стала неотъемлемой составляющей социализации человека. При этом состояние цифрового поля оценивается как значительная угроза национальной безопасности России. Стратегия национальной безопасности, утвержденная Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400, относит к национальным интересам Российской Федерации «развитие безопасного информационного пространства, защиту российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия»¹.

Одной из опаснейших форм такого воздействия является активное вовлечение людей в незаконный оборот наркотических средств, которое проявляется в следующем [1]:

1) вовлечение в качестве распространителей (вербовка). В поисках курьеров организаторы находят различные способы воздействия на людей (в основном на несовершеннолетних):

- через заранее созданную фейковую страницу в социальной сети с ложными данными преступником производится поиск наиболее уязвимых лиц (несовершеннолетних, безработных и т. д.). По результатам поиска преступник переходит в диалог с лицом, где, скрываясь за целью поддержки, узнает, в каких условиях живет человек, какой у него доход, т. е. находит уязвимые места. Затем следует этап непосредственного вовлечения путем предложения подработки с использованием завуалированных, обтекаемых фраз, не раскрывающих сущности деяния, к которому привлекается лицо, либо вовсе скрывающих его, т. е. путем предложения заработка иного типа;

- использование маркетинговой стратегии, заключающейся в организации рекламных платформ: человек, листая ленту, видит яркий рекламный постер, сопровождающийся оригинальными изображениями и громкими манящими лозунгами (например, «Нажми на картинку и заработай миллион»). Каждое нажатие отслеживается разработчиками рекламы, а нажимающему предлагается вступить в закрытое сообщество, где размещается деструктивный контент, оказывающий психологическое воздействие на личность, склоняя ее к употреблению, распространению наркотических средств и т. д.;

2) вовлечение в качестве потребителей. В поисках клиентов происходит распространение пронаркотических аудио-, фото-, видеоматериалов.

¹ Стратегия национальной безопасности: утверждена Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Ярким примером являются «аудионаркотики», которые несколько лет назад в интернет-пространстве приобрели популярность, называемые как существующие наркотические вещества: «Кокаин», «ЛСД», «Героин» и т. д. Основной аудиторией, прослушивающей данные треки, является молодежь, в частности подростки [2, с. 56]. Это обусловлено тем, что запрещенные вещества можно «попробовать» бесплатно и без юридических последствий. Молодежь является наиболее склонной к внушению категорией лиц, что обуславливает ситуации, когда они действительно получают удовольствие от прослушивания таких аудиофайлов, что может способствовать привыканию и в последующем желанию попробовать наркотические средства. Заказать и оплатить «дозу» можно одним нажатием клавиши компьютерной мыши, не выходя из дома.

Для приобщения к употреблению наркотиков создаются молодежные сайты и интернет-журналы, организуются сообщества читателей, к которым относятся, например, виртуальные страницы, паблики и группы в социальных сетях «ВКонтакте», «Одноклассники», Twitter и т. д.

Бороться с данным явлением можно теми же методами, которые используют в этой области преступники, т. е. разрабатывать и распространять контент, раскрывающий схемы, используемые преступниками, чтобы, столкнувшись с подобным, человек знал, как реагировать, чтобы не попасть под деструктивное влияние. Данный контент должен быть: актуальным, полезным, легко читаемым, с использованием качественных ярких изображений, регулярным (минимальное количество постов — один в день).

Федеральный закон от 01.03.2012 № 18-ФЗ² дополнил ч. 2 ст. 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ)³ «Сбыт наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов» квалифицирующим признаком «с использованием средств массовой информации, электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть "Интернет")» — п. «б». Повышенная опасность деяний, совершенных таким образом, обусловлена как их способностью оказывать негативное воздействие на

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон Российской Федерации от 1 марта 2012 г. № 18-ФЗ (ред. от 3 июля 2016 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

неопределенно широкий круг лиц, так и тем, что появление новых способов сбыта существенно способствует наркотизации населения.

В системе предупреждения преступлений в данной сфере особое значение имеет первичная информация, в связи с чем необходимо осуществить ее поиск в сети Интернет.

Результатами поиска могут являться:

- сайты преступных организаций;
- сообщества преступных организаций в социальных сетях;
- форумы, содержащие информацию о незаконном обороте наркотических средств и т. д.

После получения результатов поиска следует принять меры к установлению личности организатора и его соучастников и установлению контакта с администраторами сайта.

Отметим, что наиболее часто для оплаты наркотических средств используются электронные кошельки, в связи с чем при обнаружении факта незаконного оборота наркотических средств в сети Интернет оперативному сотруднику необходимо запросить информацию о данных электронных кошельков фигуранта:

- данные, предоставленные фигурантом при заполнении анкеты;
- данные об адресе электронной почты, указанной при регистрации;
- данные об IP-адресах, с которых происходила регистрация электронного кошелька и производился вход в электронный кошелек;
- данные о переводах денежных средств на другие счета с указанием их номера, суммы перевода, владелец счета;
- данные о номерах телефона, указанные фигурантом, на которые могут приходиться оповещения об операциях со счетом;
- данные о сумме, дате и месте пополнения счета и т. д.

В рамках расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, совершенных с использованием сети Интернет, особенности приобретает следственный осмотр предметов и документов, обнаруженных и изъятых в ходе проверки сообщения о преступлении.

Исследователи классифицируют такие предметы на основе наличия материальных следов преступления [3]:

1. Наркотики и предметы, контактирующие с ними (упаковка наркотических средств и ее элементы, приспособления для употребления наркотических средств).
2. Рукописные записи.

3. Оптические диски, содержащие сведения, полученные в ходе оперативно-розыскной деятельности.

4. Девайсы.

В контексте исследуемой тематики рассмотрим особенности осмотра девайсов:

1) в первую очередь следует визуально изучить осматриваемый девайс:

- определить вид девайса, содержащего компьютерную информацию: мобильный телефон, ноутбук, персональный компьютер;
- определить марку девайса, содержащего компьютерную информацию (Asus, Samsung, HONOR и т. д.);
- определить состояние девайса, содержащего компьютерную информацию (имеющиеся дефекты и т. д.);
- определить тип операционной системы;
- изучить правила пользования девайсом, содержащим компьютерную информацию;

2) обнаруженные особенности фиксируются на фото-, видеосъемку;

3) если после визуального осмотра стало известно, что на предмете могут быть пригодные для исследования экспертом следы рук и иные микрообъекты, то необходимо их зафиксировать с привлечением специалиста.

Целесообразно отметить, что перед фиксацией следов необходимо проконсультироваться со специалистом в области информационных технологий, ведь применение некоторых методов изъятия следов для экспертизы может привести к повреждению или уничтожению содержащейся там информации.

В классической теории криминалистики выделяют материальные и идеальные следы. Однако при осмотре предмета, содержащего компьютерную информацию, могут быть обнаружены и цифровые следы (посещение сайтов с рекламой наркотиков, архив переписки пользователя, управление счетами электронных платежных систем, геолокация и т. д.).

Говоря об особенностях осмотра мобильного телефона, следует выделить следующие этапы [4, с. 175]:

1. Разблокировка телефона. Здесь есть ряд нюансов: наиболее часто на мобильном устройстве установлена система защиты (PIN, пароль, face-id). Снять данную систему можно различными способами:

1) наиболее удачной ситуацией при осмотре является случай, когда подозреваемый, обвиняемый сам озвучивает свой пароль (например, на допросе) [5].

Считаем целесообразным отметить, что подозреваемый имеет право не предоставлять пароль от мобильного устройства, что не будет являться доказательством его вины. Так, 21 декабря 2020 г. при задержании Роман Касенков в связи с обнаруженным у него свертком с наркотическим средством — «мефедрон» (3,512 г.) — отказался предоставить пароль от мобильного устройства, что послужило доказательством его вины в судебном производстве. Однако после рассмотрения жалобы Романа Верховный Суд установил, что отказ обвиняемого предоставить пароль от мобильного устройства или разблокировать его не может рассматриваться как подтверждение виновности, что обусловлено ч. 2 ст. 45 Конституции Российской Федерации¹;

2) резервное копирование данных с устройства. Здесь следует полностью скопировать всю мультимедийную информацию с телефона на внешний носитель, минуя снятие пароля [6];

3) снятие системы защиты при помощи программного обеспечения, которое методом простого перебора может подобрать пароль к устройству.

2. Осмотр информационной среды устройства. В первую очередь следует проверить возможные места коммуникации — мессенджеры, личные сообщения в социальных сетях и т. д.

Отмечаем, что на сегодняшний день наиболее часто преступники используют такой мессенджер, как Telegram. Это обуславливается некоторыми программными особенностями данного мессенджера: переписка с другим пользователем может быть удалена в любое время у обоих собеседников независимо от периода ее хранения в мессенджере; к сообщениям можно применять функцию самоуничтожения через установленный пользователем промежуток времени и др. [7].

Так, по делу № 1-577/2020, приговор по которому был вынесен 27 апреля 2020 г., руководитель и организатор организованной группы, которые создали в мессенджере Telegram интернет-магазин «LAVKA_SHAMANA», где продавались наркотические средства путем предложения трудоустройства, тем самым организовали группу, которая действовала на территории Республики Саха, так и не были установлены следствием².

¹ Определение суда кассационной инстанции от 21 сентября 2023 года // Сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2288866 (дата обращения: 08.10.2023).

² Приговор № 1-577/2020 от 27 апреля 2020 г. по делу № 1-577/2020 // Сайт судебных и нормативных актов РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/XQVCfwidUaxq/> (дата обращения: 08.10.2023).

Активное использование именно мессенджера Telegram объясняется расположением его серверов, а именно тем, что они находятся за рубежом, что делает данный мессенджер менее доступным для правоохранительных органов.

Результаты осмотра мессенджеров, как правило, являются наиболее значимыми для предварительного расследования, ведь там можно обнаружить следующее:

- фотографии, на которых запечатлены эпизоды преступлений: получение партии товара, места хранения данного товара, фотографии с поставщиком и т. д.);

- видеофайлы: места расположения закладок, совместный досуг соучастников организованной группы и т. д.;

- аудиофайлы: голосовые сообщения между соучастниками, записи разговоров с поставщиками и т. д.;

- геометки и маршруты, сохранившиеся благодаря встроенной в мобильных устройствах системы GPS [8].

Также необходимо учесть, что пользователем могли быть скрыты некоторые приложения, в связи с чем нужно произвести их поиск. Проявить их можно через настройки или специальное программное обеспечение.

Значимым элементом при осмотре информационной среды устройства является осмотр вкладок, истории поиска в браузере, т. к. там может быть информация, которой интересовался подозреваемый, обвиняемый, в частности:

- содержащая способы изготовления наркотических средств, а также оборудование, необходимое для этого;

- содержащая способы сокрытия преступной деятельности и избежания юридической ответственности;

- рекламные постеры, видеоролики, пропагандирующие наркотические вещества;

- содержащая способы отмывания денег и т. д. [9].

3. Осмотр и анализ систем синхронизации данных. Сейчас данные, представляющие интерес для расследования по уголовным делам, могут находиться в облачных хранилищах (например, Google Диск, Yandex Диск). Это обусловлено несколькими факторами:

- подозреваемый сам сохранил материалы в облачное хранилище, например, в связи с недостатком памяти на мобильном устройстве или для надежности сохранения;

- данные были сохранены в облачном хранилище автоматически [10].

Осветив особенности осмотра мобильного телефона, считаем целесообразным представить рекомендации по тактике данного осмотра:

- перед непосредственным осмотром мобильного телефона следует осуществить тщательную подготовку, а именно подготовить упаковочный материал, в котором впоследствии разместим изъятый мобильный телефон. Упаковочный материал должен быть жестким, исключая возможность механического и иного воздействия на изъятый объект;

- важным аспектом при осмотре мобильного телефона является пояснение понятым всех действий, производимых с экраном телефона или его клавиатурой. Это позволит избежать жалоб на незаконность действий следователя в области отражения хода осмотра.

Обобщение правоприменительной практики свидетельствует о наличии некоторых проблем, которые возникают при раскрытии и расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, а именно:

- исключение при осуществлении преступной деятельности визуального контакта не только между продавцом и покупателем, но и (в большинстве случаев) между членами одной преступной группы;

- использование в преступной деятельности удаленной системы прокси-серверов сетей Tor, VPN. Так, установлено, что из 5,3 млрд интернет-пользователей в мире треть (31 %) используют VPN в 2024 г.¹;

- использование в преступной деятельности мессенджеров со сквозным шифрованием. Так, в МВД России назвали Telegram основным инструментом для преступников в ИТ-сфере. Заместитель начальника Управления по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий МВД России Сергей Ерохин заявил, что взаимодействие с приложением на практике не осуществляется ввиду размещения серверного оборудования за пределами РФ²;

¹ Сколько людей используют VPN: интернет-портал. URL: <https://www.websiterating.com/ru/vpn/how-many-people-use-a-vpn/> (дата обращения: 08.03.2024).

² МВД: Telegram — основной инструмент для преступников в ИТ-сфере: новостной онлайн-портал инновационных технологий. URL: <https://itspeaker.ru/news/mvd-telegram-osnovnoy-instrument-dlya-prestupnikov-v-it-sfere/> (дата обращения: 20.02.2024).

- длительное исполнение организациями запросов оперативных сотрудников о предоставлении информации, касающейся движения денежных средств на электронных кошельках, банковских счетах и др.

Для решения указанных проблем и совершенствования системы противодействия незаконному обороту наркотических средств предлагаем следующие направления развития данной области:

1. Повышение цифровой грамотности подрастающего поколения, что обусловлено их наибольшей уязвимостью и подверженностью информационному влиянию. Данную меру можно реализовать следующим образом:

- создать систему своевременного и регулярного повышения квалификации педагогов, формирующей у них цифровую компетенцию. Полагаем, что данная система может быть реализована в виде интернет-платформ и форумов, где регулярно выкладываются учебные видео- и аудиоматериалы, имеется система накопления виртуальных баллов для поощрения наиболее компетентных в области цифровых технологий педагогов;

- внедрить в образовательный процесс инновационные методики, в т. ч. онлайн-платформы, выход на которые будет осуществляться под строгим контролем педагога. Надзор может осуществляться в виде накопления в электронном портфолио информационных следов, оставленных на виртуальных площадках учеником;

- видим возможным установление возрастных рамок использования социальных сетей. Работа по установлению таких ограничений должна осуществляться совместно с психологами и педагогами для того, чтобы не замедлять процесс социализации.

2. Рассмотрение возможности предоставления сотрудникам оперативных подразделений и следственных органов беспрепятственного доступа к техническим средствам (телефон, ПК) лиц, подозреваемых в незаконном обороте наркотиков, в целях получения информации о всех участниках незаконного оборота, маршрутах транспортировки, местах хранения и сбыта наркотиков.

Разграничивать ситуации, играющие ключевую роль в определении потребности получения судебного решения для осмотра, можно с помощью установления критерия — способа получения сотрудниками мобильного телефона. К примеру, если он изъят при производстве следственных действий при соблюдении законодательства Российской Федерации, то проведение осмотра должно осуществляться в соответствии с требованиями законодательства. URL: <https://itspeaker.ru/news/mvd-telegram-osnovnoy-instrument-dlya-prestupnikov-v-it-sfere/> (дата обращения: 20.02.2024).

сийской Федерации, то для его осмотра получение судебного решения не требуется.

3. Организация сотрудничества с разработчиками платформ социальных сетей и мессенджеров (Telegram, WhatsApp и др.) и электронных кошельков в целях предоставления конкретной информации по определенным фактам переписки, не нарушающей конституционные права граждан, в части, касающейся незаконного оборота наркотических средств.

4. Повышение личной заинтересованности сотрудников оперативных подразделений в раскрываемости данной группы преступлений.

Решение данной проблемы возможно за счет финансового и социального стимулирования сотрудников оперативных подразделений, чьи показатели по работе превышают средние показатели по региону.

Подводя итог изложенному выше, можем отметить, что предложенные нами способы и методы направлены на предупреждение преступлений и максимально эффективное расследование, а внедрение и применение в практической деятельности должны быть осуществлены посредством слаженной работы социальных и правовых сфер общества.

Список источников

1. Дрога А. А., Каталов Н. Д. Особенности сбыта наркотиков бесконтактным способом с использованием информационно-телекоммуникационных технологий сети Интернет // Правоохранительная функция государства: актуальные вопросы истории, теории и правоприменительной практики: мат-лы научно-представительских мероприятий. М., 2022. С. 65–67.

2. Борохов А., Капцан А., Борохов Б. Аудионаркотики и «голубое нигде» // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: сборник статей международной конференции. Коломна, 2022. С. 54–58.

3. Соболевская С. И., Кривошеков Н. В., Кайгородова О. С. Уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты расследования преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов: учебное пособие. Тюмень: ТИПК МВД России, 2019. 72 с.

4. Васюков В. Ф., Клевцов К. К., Малик В. И. Противодействие преступлениям в сфере незаконного оборота наркотиков, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: учебное пособие / под науч. ред. А. Г. Волеводза. М.: Прометей, 2023.

5. Миронов Г. Ю. Проблемы установления и деанонимизации лиц, причастных к незаконному обороту наркотиков в сети «Интернет» // Флагман науки. 2023. № 4 (4). С. 1104–1109.

6. Родыгин Р. А., Орлов Б. А. К вопросу об особенностях совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков с использованием сети Интернет // Право: ретроспектива и перспектива. 2022. № 4 (12). С. 65–72.

7. Сидоренко Ю. А. Расследование контрабанды наркотиков, осуществляемой с использованием сети Интернет: первоначальные следственные действия // Вестник Донбасской юридической академии. Юридические науки. 2022. № 20. С. 110–119.

8. Урусов З. Х. Проблемы противодействия незаконному обороту наркотиков с использованием ресурсов сети Интернет на современном этапе // Пробелы в российском законодательстве. 2022. Т. 15. № 4. С. 238–245.

9. Ментюкова М. А., Пустовалова О. С. Криминологические аспекты незаконного распространения наркотиков в сети Интернет // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 3 (23). С. 362–370.

10. Билоус Е. Н., Кублова М. Г. Актуальные проблемы противодействия преступлениям по линии незаконного оборота наркотиков с использованием информационно-телекоммуникационных сетей и пути их решения // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2022. № 2 (22). С. 7–16.

References

1. Droga A. A., Katalov N. D. Osobennosti sbyta narkotikov beskontaktnym sposobom s ispol'zovaniem informacionno-telekommunikacionnyh tekhnologij seti Internet // Pravoohranitel'naya funkciya gosudarstva: aktual'nye voprosy istorii, teorii i pravoprimeritel'noj praktiki: mat-ly nauchno-predstavitel'skih meropriyatij. M., 2022. S. 65–67.

2. Borohov A., Kapcan A., Borohov B. Audionarkotiki i «goluboe nigde» // Cifrovoye obshchestvo kak kul'turno-istoricheskij kontekst razvitiya cheloveka: sbornik statej mezhdunarodnoj konf-cii. Kolomna, 2022. S. 54–58.

3. Sobolevskaya S. I., Krivoshechekov N. V., Kajgorodova O. S. Ugolovno-processual'nye i kriminalisticheskie aspekty rassledovaniya prestuplenij, svyazannyh s nezakonnym sbytom narkoticheskikh sredstv, psihotropnyh veshchestv i ih analogov: uchebnoye posobie. Tyumen': TIPK MVD Rossii, 2019. 72 s.

4. Vasyukov V. F., Klevcov K. K., Malik V. I. Protivodejstvie prestupleniyam v sfere nezakonnogo oborota narkotikov, sovershaemym s ispol'zovaniem informacionno-telekommunikacionnyh tekhnologij: uchebnoye posobie / pod nauch. red. A. G. Volevodza. M.: Prometej, 2023.

5. Mironov G. Yu. Problemy ustanovleniya i deanonimizacii lic, prichastnyh k nezakonnomu oborotu narkotikov v seti «Internet» // Flagman nauki. 2023. № 4 (4). S. 1104–1109.

6. Rodygin R. A., Orlov B. A. K voprosu ob osobennostyah soversheniya prestuplenij v sfere nezakonnogo oborota narkotikov s ispol'zovaniem seti Internet // Pravo: retrospektiva i perspektiva. 2022. № 4 (12). S. 65–72.

7. Sidorenko Yu. A. Rassledovanie kontrabandy narkotikov, osushchestvlyaeмой s ispol'zovaniem seti Internet: pervonachal'nye sledstvennye dejstviya // Vestnik Donbasskoj yuridicheskoy akademii. Yuridicheskie nauki. 2022. № 20. S. 110–119.

8. Urusov Z. H. Problemy protivodejstviya nezakonnomu oborotu narkotikov s ispol'zovaniem resursov seti Internet na sovremennom etape // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2022. T. 15. № 4. S. 238–245.

9. Mentyukova M. A., Pustovalova O. S. Kriminologicheskie aspekty nezakonnogo rasprostraneniya narkotikov v seti Internet // Aktual'nye problemy gosudarstva i prava. 2022. T. 6. № 3 (23). S. 362–370.

10. Bilous E. N., Kublova M. G. Aktual'nye problemy protivodejstviya prestupleniyam po linii nezakonnogo oborota narkotikov s ispol'zovaniem informacionno-telekommunikacionnyh setej i puti ih resheniya // Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra. 2022. № 2 (22). S. 7–16.

Информация об авторе

A. M. Zhurbenko — кандидат экономических наук.

Information about the author

A. M. Zhurbenko — Candidate of Science (Economic).

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 28.02.2024; одобрена после рецензирования 14.05.2024; принята к публикации 27.08.2024.

The article was submitted 28.02.2024; approved after reviewing 14.05.2024; accepted for publication 27.08.2024.

Алтайский юридический вестник. 2024. № 3 (47). С. 183–190.
Altai Law Journal. 2024. № 3 (47). P. 183–190.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 323.9:323.28

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Наталья Александровна Корсикова

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения,
Санкт-Петербург, Россия, korsikova-nataly@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1565-3464>

Аннотация. Статья посвящена научному анализу криминологических особенностей преступлений, связанных с террористической и экстремистской деятельностью в Российской Федерации. В ней отражены: состояние терроризма и экстремизма на современном этапе развития общества; национальные возможности превентивной деятельности в рассматриваемой сфере с отражением наиболее критических индикаторов, требующих научного подхода.

Также представлен криминологический анализ современного состояния преступлений, связанных с террористической и экстремистской деятельностью, отражен аспект предупреждения данного рода преступлений, продемонстрирован мониторинг основных детерминант террористической и экстремистской деятельности на территории Российской Федерации. Рассмотрены проблемы в сфере противодействия террористическим и экстремистским проявлениям с обоснованием основных направлений реализации криминологического знания в практической деятельности правоохранительных органов.

Ключевые слова: терроризм, экстремистская деятельность, преступность, предупреждение, террористический акт, экстремизм

Для цитирования: Корсикова Н. А. Преступления экстремистской и террористической направленности в Российской Федерации: криминологический анализ // Алтайский юридический вестник. 2024. № 3 (47). С. 183–190.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

CRIMINOLOGICAL PREVENTION OF EXTREMIST AND TERRORIST ACTIVITIES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Natalya A. Korsikova

St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, St. Petersburg, Russia, korsikova-nataly@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-1565-3464>

Abstract. The article is devoted to the scientific analysis of the criminological features of crimes related to terrorist and extremist activities in the Russian Federation. The article reflects: the state of terrorism and extremism at the present stage of society development; national opportunities for preventive activities in the field under consideration, reflecting the most critical indicators that require a scientific approach.

The article presents a criminological analysis of the current state of crimes related to terrorist and extremist activities, reflects the aspect of criminological prevention of this type of crime, and demonstrates monitoring of the main determinants of terrorist and extremist activities on the territory of the Russian Federation. The problems in the field of prevention of terrorism and extremism are considered, with the justification of the main directions of the implementation of criminological knowledge in the practical activities of law enforcement agencies.

Keywords: terrorism, extremist activity, crime, criminological prevention, terrorist act, extremism

For citation: Korsikova N. A. Criminological prevention of extremist and terrorist activities in the Russian Federation. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2024;3:183–190 (In Russ.).

Проблема экстремизма и терроризма на сегодняшний день продолжает оставаться актуальной не только для России, но и для всего мирового сообщества. Данный факт обусловлен тем, что экстремизм и терроризм представляют опасность для государства, его целостности, суверенности, различных институтов (общественные, правовые, государственные, экономические и т. д.), имущества, законных прав и свобод человека и гражданина, а также посягают на здоровье и жизнь индивида и т. д. Стоит отметить, что различные проявления экстремизма воздействуют на отдельные сферы деятельности человека, иными словами, какое-либо проявление экстремизма не будет разом посягать на все объекты, указанные ранее.

Более того, значимым представляется вопрос, касающийся нарастающей геополитической напряженности. На данный момент наше государство придерживается определенной политики, целью которой является достижение экономической стабильности, наращивание технического потенциала, реформирование оборонно-промышленного комплекса и создание военного преимущества, что, несомненно, не остается незамеченным другими государствами.

По этой причине возникает определенная нестабильность как во всем мире, так и в Российской Федерации, что, в свою очередь, влияет на рост радикальных и экстремистских настроений и впоследствии приводит к совершению противоправных деяний [1, с. 82]. Ярким примером таких проявлений служит произошедший в Москве 22 марта 2024 г. террористический акт в «Крокус Сити Холле», где вооруженные неизвестные лица открыли огонь по гражданам, находившимся в здании, а затем подожгли зрительный зал. Такого рода явления подрывают уровень безопасности в обществе и угрожают государственным интересам. Несмотря на то что количественное соотношение данной категории преступлений в общем массиве преступности довольно мало, все они являются крайне опасными, кроме того, любое проявление экстремизма и терроризма является резонансным событием и может повлечь за собой иные неблагоприятные события для общества. Рассматривая нормативно-правовые основы, регулирующие противодействие экстремизму и терроризму¹, стоит отметить, что в отечественном законодательстве понятие «экстремистская деятельность» отождест-

влено с понятием «экстремизм» и включает в себя насильственное изменение основ конституционного строя и (или) нарушение территориальной целостности Российской Федерации (в т. ч. отчуждение части территории Российской Федерации), за исключением делимитации, демаркации, редемаркации Государственной границы Российской Федерации с сопредельными государствами, а также ряд действий, предусмотренных ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»².

Террористическая деятельность определяется как использование насилия, угроз или интимидации с целью достижения политических, религиозных или идеологических целей. Она направлена на создание атмосферы страха, паники и угроз, которые оказывают негативное воздействие на общество в целом.

Особенность же террористической деятельности заключается в ее непредсказуемости и использовании нестандартных методов и средств. Террористы обычно стремятся выбрать место и время совершения актов, чтобы максимально повлиять на общественное мнение и привлечь внимание СМИ. Возможные формы террористической деятельности включают взрывы, захват заложников, нападения на общественные мероприятия и инфраструктуру, кибератаки и другие проявления насилия.

Таким образом, террористическая деятельность остается серьезной угрозой для безопасности и стабильности Российской Федерации. Это требует постоянного совершенствования стратегии и тактики противодействия терроризму, а также сотрудничества всех уровней власти, гражданского общества и международных партнеров. Безусловно, эффективная борьба с терроризмом является приоритетом для обеспечения безопасности и защиты прав граждан в Российской Федерации.

В процессе исследования использовались такие методы, как наблюдение, исторический, анализ документов, сравнительно-правовой.

Эмпирической составляющей статьи выступили статистические данные ГИАЦ МВД России о совершении преступлений, связанных с террористической и экстремистской деятельностью в Российской Федерации, а также результаты опубликованных эмпирических и социологических исследований, проведенных другими авторами.

¹ О противодействии терроризму: федеральный закон Российской Федерации от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (в ред. от 10.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 11, ст. 1146.

² О противодействии экстремистской деятельности: федеральный закон Российской Федерации от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (в ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30, ст. 3031.

Кроме того, произведен анализ опубликованных статистических материалов о состоянии преступности данного вида в различных регионах России.

Выше уже было отмечено, что понимается под рассматриваемыми явлениями в толковании законодателя. Данные определения содержат лишь перечень определенных действий, которые принято относить к данным наказуемым деяниям, а также отражают их целевую направленность. Такого рода ситуация позволяет утверждать, что законодательные дефиниции этих определений перекликаются, т. к. содержат схожие специфические черты, а именно некую идеологию, приверженность к крайним взглядам, угрозу насилия (или же его фактическое применение), действия, приводящие к дестабилизации в обществе. Следовательно, возникает необходимость их разграничения. Для того чтобы установить, каким же образом данные явления соотносятся, необходимо рассмотреть их сущность с точки зрения науки.

Рассматривая данный вопрос, мы пришли к выводу о том, что проблема дефиниции терроризма и экстремизма в юридической науке часто увязывается с отсутствием четкого научно обоснованного разграничения экстремизма и терроризма, однако один вывод все же является общепринятым: терроризм — это одна из форм экстремизма. Данный вывод в определенной мере согласуется и с позициями, изложенными в научной литературе.

Так, К. Э. Ваниева в своих трудах указывает, что «терроризм выступает общественно-политическим явлением, в то время как экстремизм — социально-политический феномен, представляющий собой совокупность различных крайних форм политической борьбы. Следовательно, они соотносятся как частное и общее» [1, с. 82].

Н. В. Володина, в свою очередь, отмечает, что «определение терроризма следует ограничить лишь случаями, когда в основе соответствующих насильственных действий лежит стремление изменить существующий правопорядок, и в связи с этим выделять государственный (легальный), криминальный и экстремистский терроризм» [2, с. 12]. По мнению автора, такая идея не совсем приемлема, т. к. сама сущность терроризма является противоправной, следовательно, ни о какой легальности не может быть и речи. Кроме того, выделяя экстремистский терроризм, правовед объединяет экстремизм и терроризм в одно явление, где экстремизм входит в состав терроризма. Таким образом, утрачивается сама сущность явления.

Итак, вопросы, связанные с экстремизмом и терроризмом, состоят не только в совершении

определенных действий, но в обязательном порядке в их основе должна лежать некая идеология. В свою очередь, терроризм — идеология насилия, сопряженная с насильственными деяниями, которые совершаются с целью устрашения населения, а также дестабилизации власти [3, с. 21]. Экстремизм выступает определенным идеологическим источником терроризма, т. к. он содержит в себе идеи, которые террористы воплощают в жизнь. Такие идеи могут быть самыми различными и носить разные наименования, к примеру «борьба за независимость», «священная война», «борьба за чистоту нации» и многое другое. Следовательно, если экстремизм содержит в себе основополагающие идеи, а терроризм есть практические действия, в основе которых лежат именно те позиции, которые возникают в экстремизме, то логично утверждать, что второе выступает частным по отношению к первому, т. к. возникает на его основе. Отсюда вытекает вывод, что идеология экстремизма может привести к организации террористической деятельности.

Таким образом, экстремизм и терроризм довольно близки, исходя из законодательной дефиниции, но существенно различаются по своей сущности. Так, В. Ю. Мельников отмечает, что они соотносятся как общее и частное. Их специфические черты довольно схожи, но экстремизм выступает своеобразным идейным вдохновителем терроризма, иными словами, оказывает воздействие на него [4, с. 191].

Рассматривая криминологические особенности терроризма и экстремизма в России, необходимо обратить особое внимание на количественные показатели данных категорий преступлений.

Так, согласно статистическим данным ГИАЦ МВД России, в 2021 г. совершено 2136 преступлений террористического характера и 1057 преступлений экстремистской направленности; в 2022 г. совершено 2223 преступления террористического характера и 1556 преступлений экстремистской направленности, а в 2023 г. данное число преступлений террористической направленности составило 2382 преступления (+6,7%) и 1340 преступлений экстремистского характера¹. Таким образом, уровень зарегистрированных преступлений указанных видов не имел резкой тенденции к изменению. При этом преступления террористического и экстремистского характера составляют не более 0,2 % от всего количества ежегодно зарегистрированных преступлений в России, однако любое негативное

¹ Состояние преступности в России 2021–2023 гг. М.: ГИАЦ, 2024.

явление необходимо оценивать не только с позиции количественных показателей, но и с учетом общественной опасности, а также последствий, а они в результате совершения преступлений рассматриваемых видов порой невосполнимы и необратимы. В этой связи необходимо уделить внимание детерминантам данных категорий преступлений.

Причины и условия развития экстремизма и терроризма в Российской Федерации представляют сложную совокупность факторов, взаимосвязанных и влияющих на эти явления. К факторам, способствующим преступлениям террористической и экстремистской направленности, относятся, в частности:

- разрушение социальных связей и негативные социальные изменения. Экономические кризисы, политическая нестабильность и распад социальных институтов могут создавать ощущение беспомощности, отчуждения и несправедливости у некоторых групп населения. Это приводит к радикализации и вовлечению людей в экстремистские и террористические сообщества;

- идеологическое влияние. Идеология играет важную роль в привлечении и формировании экстремистских и террористических убеждений. Распространение экстремистской идеологии может осуществляться через различные каналы связи, включая интернет и социальные сети. Экстремистские идеологи обещают решить социальные, политические или религиозные проблемы и привлекают людей, ищущих смысл и противостоящих установленному порядку;

- неравенство и дискриминация. Наличие социального неравенства и дискриминации может стимулировать возникновение групповых конфликтов и недовольства, особенно в отношении этнических и религиозных меньшинств. Отсутствие равных возможностей, дискриминационные практики и нарушение прав могут создавать почву для формирования экстремистских настроений;

- геополитические факторы и международное влияние. Региональные конфликты и распространение террористических организаций могут способствовать установлению экстремистской идеологии и формированию террористической деятельности в России. Трансграничные связи и поддержка со стороны внешних факторов могут обеспечивать финансирование, поставку оружия и обучение террористических групп [5, с. 6].

Развитие экстремизма в Российской Федерации зависит от множества криминологических факторов. Среди них следует отметить влияние информационных технологий и интернета, кото-

рые предоставляют экстремистским группировкам платформу для распространения своей идеологии и привлечения новых сторонников.

Важную роль играют социальные медиа и виртуальные сообщества, где люди с общими убеждениями могут объединяться и поддерживать друг друга. Это способствует усилению экстремистских тенденций и формированию сильных социальных связей. Определенным образом в науке отмечаются и миграционные потоки, которые также способствуют развитию экстремизма. Различия в культуре, религии и статусе могут создавать условия для возникновения этнических конфликтов и формирования экстремистских настроений.

Социальная изоляция и отчуждение являются также факторами, способствующими развитию экстремизма. Люди, чувствующие себя отвергаемыми обществом, могут быть более склонны к восприятию экстремистских идей, которые предлагают им ощущение принадлежности и идентичности. Стоит отметить образовательные и культурные факторы, которые тоже играют свою роль в развитии экстремизма [6]. Недостаточная культурная толерантность, искажение исторических событий и неполное представление о различных культурах и религиях могут способствовать формированию экстремистских убеждений.

Все эти условия и факторы взаимодействуют друг с другом, создавая сложную среду, в которой происходит развитие экстремизма в Российской Федерации. Для эффективной борьбы с этим явлением необходимо учитывать и анализировать эти причины и условия, а также разрабатывать соответствующие меры предотвращения и контроля, основанные на научных и криминологических подходах. Причины и условия развития экстремизма и терроризма в Российской Федерации являются комплексными и многогранными. Взаимосвязь и взаимодействие этих факторов создают особую динамику в развитии и распространении экстремистской и террористической деятельности в стране.

В Российской Федерации разработана и действует Стратегия обеспечения национальной безопасности, являющаяся одним из основных направлений формирования концепции национальной безопасности. Стратегия предусматривает комплекс мер и нормативных правовых актов, основанных на превентивном подходе, с целью предотвращения актов насилия и защиты граждан от экстремистских и террористических угроз соответственно.

Основной целью предупреждения террористической и экстремистской деятельности является

снижение вероятности возникновения и реализации таких угроз внутри страны. Для достижения указанной цели необходимо разрабатывать и реализовывать меры, направленные на идентификацию потенциальных экстремистов и террористов, предотвращение их появления, а также пресечение их деятельности [7]. Одной из таких мер является уже ранее отмеченная нами Стратегия национальной безопасности. Сам фактор определения данной Стратегии как составляющей единой концепции исходит из содержания предпоследней. Так, п. 1 Приложения № 1 к Указу Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации» определяет, что данная стратегия развивает курс на укрепление обороноспособности, внутреннего единства и политической стабильности, на модернизацию экономики и развитие промышленного потенциала. Таким образом, создана основа обеспечения укрепления государственности и суверенитета России как страны, способной проводить самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику, эффективно противостоять попыткам внешнего давления, которые в последнее время все чаще проявляются посредством совершения террористических и экстремистских актов, что подтверждается уже ранее приведенными нами примерами¹. При этом отметим, что ранее Президентом Российской Федерации в рамках Указа № 1300 (17.12.1997) уже утверждалась Концепция национальной безопасности Российской Федерации и были определены основные начала деятельности, однако поскольку данный нормативный правовой акт носил срочный характер, по достижении определенного срока он утратил свою силу и был отменен².

Впоследствии была принята очередная концепция, которая получила название «Стратегия национальной безопасности РФ» и действовала до 31 декабря 2015 г. В этой связи можно утверждать, что на сегодняшний день Стратегия является основополагающим актом, развивающим основные положения концепции [8].

Рассматривая превентивный характер концептуально-стратегических основ национальной

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 (последняя редакция). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Российской Федерации от 17.12.1997 № 1300 (утратил силу). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

безопасности РФ, отметим, что важным аспектом предупреждения террористической и экстремистской деятельности является работа с информацией и разведывательная деятельность. Необходимо активизировать работу по сбору, анализу и обмену информацией о потенциальных угрозах и экстремистских группировках. Это позволяет своевременно выявлять и предотвращать планируемые террористические акты, а также идентифицировать и нейтрализовывать экстремистские организации.

Другим важным аспектом предупреждения является развитие международного сотрудничества в области борьбы с терроризмом и экстремизмом. Совместный обмен информацией, координация действий и сотрудничество в области правоохранительной деятельности позволяют более эффективно бороться с глобальными угрозами.

Кроме того, важным компонентом предупреждения является работа в области профилактики и реабилитации. Это включает в себя разработку программ и мероприятий, направленных на предотвращение радикализации, пропаганду мирных ценностей, а также реинтеграцию ранее экстремистски настроенных индивидов в общество.

Существуют различные подходы к противодействию преступности в целом и преступлениям террористической и экстремистской направленности в частности, но наиболее целесообразный и эффективный из них — осуществление данной деятельности при использовании разноуровневого подхода. Это возможно при разработке и осуществлении мероприятий по противодействию данным категориям преступлений на общесоциальном, специально-криминологическом и индивидуальном уровнях.

Характеризуя предупреждение терроризма и экстремизма в России, отметим, что общесоциальный уровень предупреждения связан с общими социально-экономическими и политическими мерами, направленными на создание стабильного общественного порядка и снижение уровня социальной напряженности. К ним можно отнести:

- укрепление правового государства, поддержку правопорядка и правоприменительных органов;
- развитие социальных программ, способствующих включению и социальной защите населения;
- стабилизацию социально-экономической обстановки в стране;
- укрепление политической власти, конституционных основ и правопорядка;
- формирование обстановки нетерпимости к экстремистским и террористическим проявлениям в обществе.

Культура безопасности также является важным аспектом предупреждения террористических и экстремистских преступлений на общесоциальном уровне. Она включает в себя развитие системы гражданской защиты, обучение правилам личной безопасности, осведомленность о возможных угрозах и способах реагирования на них. Культура безопасности в обществе помогает гражданам осознать свою ответственность и активно участвовать в предотвращении экстремистской и террористической деятельности.

Специально-криминологический уровень предупреждения преступности в рамках предупреждения терроризма и экстремизма связан с разработкой специализированных мер и инструментов, направленных на противодействие экстремистской и террористической деятельности. Они включают:

- совершенствование правовой базы;
- разработку оперативно-розыскных мероприятий;
- применение новых методов и создание технологий анализа информации и мониторинга;
- сотрудничество между различными правоохранительными органами и специализированными службами и др.

Индивидуальный уровень предупреждения преступности в рамках противодействия терроризму и экстремизму связан с изучением индивидуальных факторов, мотивов и характеристик лиц, занимающихся экстремистской и террористической деятельностью. Этот аспект включает анализ психологических и социологических аспектов, работу с потенциальными реципиентами экстремистской пропаганды и рекрутинга, а также разработку индивидуальных профилактических программ и мер поддержки для предотвращения реализации экстремистских убеждений.

Важным аспектом также является работа с потенциальными реципиентами экстремистской пропаганды и рекрутинга. Индивидуальные профилактические программы, которые ориентированы на образование, информирование и психологическую поддержку, могут помочь вовлеченным лицам развить критическое мышление, устойчивость к манипуляциям и предоставить альтернативные пути самореализации и социальной принадлежности [9, с. 809].

Таким образом, рассмотрев три основных уровня предупреждения экстремистской и террористической деятельности, приходим к выводу, что предупреждение рассматриваемых преступлений способствует решению задач по противодействию

таким преступлениям и отвечает стандартам обеспечения прав и свобод человека и гражданина в нашей стране, определенным Конституцией РФ.

В заключение следует отметить, что противодействие терроризму и экстремизму является приоритетной задачей правоохранительных органов Российской Федерации. Решение этой задачи требует совместного проведения комплекса правовых, социально-экономических, воспитательных, идеологических и иных мер, осуществляемых как на внутриведомственном, так и вневедомственном уровнях, через деятельность субъектов системы профилактики преступлений террористической и экстремистской направленности (органы власти и управления, общественные объединения, граждане).

Таким образом, анализ деятельности в сфере предупреждения экстремизма и терроризма позволяет выделить следующие основные направления: во-первых, жесткий социально-правовой контроль за хранением и оборотом огнестрельного оружия, боеприпасов, ядерных взрывных устройств, радиоактивных, химических, биологических, взрывчатых, токсичных, отравляющих, сильнодействующих ядовитых веществ; во-вторых, выявление и ликвидация источников финансирования террористической деятельности.

Известны несколько таких источников: во-первых, поддержка некоторых «государств-изгоев», спонсорство коммерческих структур, помощь преступных сообществ и других формирований организованной преступности; во-вторых, самофинансирование в виде легальной и криминальной коммерческой деятельности; в-третьих, создание эффективной системы просвещения граждан в духе уважения и терпимости к иным социокультурным, этническим, национальным и религиозным традициям разных народов, населяющих нашу многонациональную и многоконфессиональную страну (особое место в этом должны занимать телевидение и другие средства массовой информации, такие как группы и сообщества в социальных сетях, с пропагандой как внешне-, так и внутриведомственной деятельности РФ); в-четвертых, осуждение насилия, применяемого в политических, экономических, национальных и религиозных целях, а также пресечение распространения в печати технологий изготовления и применения взрывных устройств и других средств террористической деятельности [10]; в-пятых, внедрение в систему профилактики инновационных социальных технологий, а также включение в правовое поле профилактики новых правовых технологий (конструкций),

совершенствующих профилактику в данной сфере. Из этого следует, что террористическая и экстремистская деятельности представляют серьезную угрозу национальной безопасности страны и международной стабильности. Они имеют сложную природу и множество факторов, влияющих на их развитие, включая политические, экономические, социальные и идеологические аспекты.

В контексте сегодняшних реалий данный вопрос требует более пристального внимания, т. к. в связи с проведением специальной военной операции количество преступлений террористической и экстремистской направленности выросло

в десятки раз, а результатом этого стала противоправная, антиконституционная, трансграничная деятельность других государств, имеющих антироссийские взгляды. Предлагая вариант совершенствования противодействия экстремистской и террористической деятельности в данной области, отметим, что важность комплексного подхода к изучению и противодействию таким преступлениям, включая анализ социальных, психологических, политических и иных факторов и более тщательный и глобальный мониторинг сети Интернет, может стать ключом к успеху в деятельности по данному направлению.

Список источников

1. Ваниева К. Э. Криминологическая характеристика террористической преступности // Вестник Международного юридического института. 2018. № 3 (66).
2. Володина Н. В. Противодействие проявлениям религиозного экстремизма на международном уровне с учетом реалий цифровизации современного общества XXI века // Международное уголовное право и международная юстиция. 2020. № 4. С. 11–14.
3. Епхийев О. М., Брциева З. Г., Моисеев А. В. Преступления террористического характера: состояние, динамика и особенности проявления в современной России // Российский следователь. 2017. № 16. С. 28–34.
4. Мельников В. Ю. Противодействие преступлениям экстремистской направленности в Российской Федерации // Российский следователь. 2020. № 7. С. 57–61.
5. Мазуров В. А., Суханова Е. П. Приоритетные направления профилактики национализма, экстремизма, идеологии терроризма в молодежной среде // Национализм, экстремизм, шовинизм — угрозы безопасности человечества: сборник научных статей. Барнаул, 2019. С. 6–9.
6. Симакина Е. В. Предупреждение преступлений, совершаемых молодежными группами экстремистской направленности: лекция. М.: ВИПК МВД России, 2016. 69 с.
7. Смагин С. В. Особенности личности субъектов, совершающих преступления экстремистской направленности // Российский юридический журнал. 2020. № 3 (132). С. 70–76.
8. Авдеев В. А., Авдеева О. А. Преступность террористического характера и экстремистской направленности в РФ: состояние и тенденции правового регулирования // Российский судья. 2018. № 8. С. 18–23.
9. Ильин Л. А. Радиологический и ядерный терроризм — медико-биологические и гигиенические проблемы // Гигиена и санитария. 2017. № 96 (9). С. 809–812.
10. Васягина М. М. Методы и средства упреждения преступлений террористической направленности (информационно-аналитический материал) // Юстиция. 2017. № 3. С. 37.

References

1. Vanieva K. E. Kriminologicheskaya harakteristika terroristicheskoy prestupnosti // Vestnik Mezhdunarodnogo yuridicheskogo instituta. 2018. № 3 (66).
2. Volodina N. V. Protivodejstvie proyavleniyam religioznogo ekstremizma na mezhdunarodnom urovne s uchetom realiĭ cifrovizacii sovremennogo obshchestva XXI veka // Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i mezhdunarodnaya yusticiya. 2020. № 4. S. 11–14.
3. Ephiev O. M., Brcieva Z. G., Moiseev A. V. Prestupleniya terroristicheskogo haraktera: sostoyanie, dinamika i osobennosti proyavleniya v sovremennoj Rossii // Rossijskij sledovatel'. 2017. № 16. S. 28–34.
4. Mel'nikov V. Yu. Protivodejstvie prestupleniyam ekstremistskoj napravlennosti v Rossijskoj Federacii // Rossijskij sledovatel'. 2020. № 7. S. 57–61.
5. Mazurov V. A., Suhanova E. P. Prioritetnye napravleniya profilaktiki nacionalizma, ekstremizma, ideologii terrorizma v molodezhnoj srede // Nacionalizm, ekstremizm, shovinizm — ugrozy bezopasnosti chelovechestva: sbornik nauchnyh statej. Barnaul, 2019. S. 6–9.

6. Simakina E. V. Preduprezhdenie prestuplenij, sovershaemyh molodezhnymi gruppami ekstremistskoj napravlenosti: lekcija. M.: VIPK MVD Rossii, 2016. 69 s.
7. Smagin S. V. Osobennosti lichnosti sub»ektov, sovershayushchih prestupleniya ekstremistskoj napravlenosti // Rossijskij juridicheskij zhurnal. 2020. № 3 (132). S. 70–76.
8. Avdeev V. A., Avdeeva O. A. Prestupnost' terroristicheskogo haraktera i ekstremistskoj napravlenosti v RF: sostoyanie i tendencii pravovogo regulirovaniya // Rossijskij sud'ya. 2018. № 8. S. 18–23.
9. Il'in L. A. Radiologicheskij i yadernyj terrorizm — mediko-biologicheskie i gigienicheskie problemy // Gigiena i sanitariya. 2017. № 96 (9). S. 809–812.
10. Vasyagina M. M. Metody i sredstva uprezhdeniya prestuplenij terroristicheskoy napravlenosti (informacionno-analiticheskij material) // Yusticiya. 2017. № 3. S. 37.

Информация об авторе

Н. А. Корсикова — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

N. A. Korsikova — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 27.05.2024; одобрена после рецензирования 16.06.2024; принята к публикации 27.08.2024.

The article was submitted 27.05.2024; approved after reviewing 16.06.2024; accepted for publication 27.08.2024.

Алтайский юридический вестник. 2024. № 3 (47). С. 191–196.

Altai Law Journal. 2024. № 3 (47). P. 191–196.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.3/.7

КЛАССИФИКАЦИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: МНОГОУРОВНЕВЫЙ ПОДХОД

Максим Викторович Кукасов

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, maxim.kukasov@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена разработке классификации специальных составов преступлений, что имеет принципиальное значение для совершенствования уголовного законодательства. Основное внимание уделено детальному рассмотрению различных признаков, влияющих на конструирование специальных составов преступлений, включая объективные признаки, такие как орудие преступления, способ и обстановка совершения, место, а также субъективные, среди которых мотив, цель, а также психофизиологическое состояние субъекта. Предложенная классификация будет способствовать точному установлению специальных составов преступлений в рамках уголовного закона и, как следствие, правильной квалификации деяния.

Ключевые слова: специальные составы преступлений, классификация, юридическая техника, состав преступления

Для цитирования: Кукасов М. В. Классификация специальных составов преступлений: многоуровневый подход // Алтайский юридический вестник. 2024. № 3 (47). С. 191–196.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

CLASSIFICATION OF SPECIAL TYPES OF CRIMINAL OFFENSES: A MULTILEVEL APPROACH

Maxim V. Kukasov

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia,

maxim.kukasov@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the development of a classification of special crimes, which is of fundamental importance for improving criminal legislation. The main attention is paid to a detailed consideration of various signs that influence the construction of special elements of crimes, including objective signs, such as the weapon of the crime, the method and setting of the commission, place, as well as subjective ones, including: motive, purpose, as well as the psychophysiological state of the subject. The proposed classification will facilitate the precise establishment of special crimes within the framework of the criminal law, and, as a result, the correct qualification of the act.

Keywords: special types of offenses, classification, legal technique, elements of crime

For citation: Kukasov M. V. Classification of special types of criminal offenses: a multilevel approach. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2024;3:191–196 (In Russ.).

© Кукасов М. В., 2024

В рамках современной уголовно-правовой доктрины специальным составам преступлений придается основополагающее значение, поскольку именно эта конструкция имеет преимущество в процессе квалификации. Иначе говоря, если деяние подпадает под признаки нескольких составов, один из которых общий, а другой специальный, то приоритет отдается только последней разновидности конструкций.

Тем не менее выяснение, какой состав будет являться специальным, — это достаточно сложная задача, т. к. в самом Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ) данный термин даже не используется. В связи с этим основное предназначение уголовно-правовой науки заключается в разработке категории специальных составов преступлений. При этом ключевую роль играет классификация данных конструкций, позволяющая систематизировать и упорядочить знания о специальных составах.

Из этого следует логическая необходимость проведения исследования, направленного на разработку многоуровневого подхода к классификации специальных составов преступлений.

Человеческая склонность к созданию структурированности и порядка играет центральную роль в нашем понимании мира. В контексте научных исследований это проявляется через метод классификации, который не только облегчает организацию данных, но и служит инструментом для глубокого анализа и понимания сложных процессов. Таким образом, структуризация данных не только упорядочивает информацию, но и открывает возможности для выявления новых паттернов и связей.

К примеру, И. В. Понкин и А. И. Редькина указывают, что зачастую классификацию можно использовать при выявлении взаимосвязи правовых норм, благодаря чему можно продвигаться в научном исследовании и приходиться к определенным выводам [1, с. 249–259].

Для глубокого анализа специальных составов в уголовном праве целесообразно осуществить группировку данных разновидностей в различные классификационные единицы, что способствует упорядочиванию абстракций и переходу к более продвинутому уровню научного понимания.

С учетом того, что данная категория является инструментом дифференциации уголовной ответственности, рационально предложить первичную классификацию на основе наличия признаков, усиливающих или уменьшающих типовую общественную опасность преступления, предусмотренного специальным составом преступления. Таким

образом, специальные составы, включающие признаки деяния с повышенной степенью типовой общественной опасности, по сравнению с деянием, предусмотренным общим родовым составом преступления, следует обозначить как квалифицированные специальные составы. В то время как деяния, предусмотренные специальным составом, содержащие пониженную степень типовой общественной опасности, определяются как привилегированные специальные составы.

Разделение на квалифицированные и привилегированные специальные составы преступлений, основанное на степени общественной опасности преступного деяния, не только углубляет анализ, но и обеспечивает более точное определение уровней уголовной ответственности. Это разделение получает подтверждение в научной среде, где обсуждаются признаки специальных составов преступлений, которые могут значительно увеличивать или уменьшать степень общественной опасности совершенного деяния [2, с. 33]. Такие обсуждения формируют основу для дальнейшего конструирования как привилегированных, так и квалифицированных специальных составов преступлений.

Обоснованно именно появление дополнительного признака в специальном составе преступления отражает изменение типовой степени общественной опасности преступления, исходя из этого, специализирующие признаки приобретают особую значимость в качестве критериев для следующего вида классификации специальных составов преступлений. В научных дискуссиях темы, касающиеся классификации специальных составов, основанных на дополнительных специализирующих признаках, обсуждались такими учеными, как Т. А. Плаксина [3, с. 64–65], Л. И. Шабалин [4, с. 101–103], М. Н. Каплин [5, с. 59–64]. Исследуя предложенные классификации, необходимо признать значимый вклад этих ученых в разработку теоретической базы категории специального состава преступления. Несмотря на преимущества указанных классификаций, они не охватывают в полной мере спектр вопросов, связанных с классификацией специальных составов преступлений, в частности их влияние на особенности конструирования и квалификации преступлений. Это подчеркивает необходимость разработки более совершенной классификации, которая бы не только интегрировала установленные критерии, но и более глубоко анализировала особенности различных видов специальных составов преступлений. Исходя из этого, предлагается классификация специ-

альных составов преступлений в зависимости от вида дополнительного признака, используемого при специализации уголовной ответственности.

1. Несмотря на то что специальный состав повторяет признаки общего родового состава, а также содержит дополнительный уточняющий признак, объект преступления специализируется особым образом, отличным от других признаков состава преступления. Исходя из того, что объект, по своей сути, зависит от иных признаков, таких как деяние, предмет или потерпевший и др., специализация объекта является следствием уточнения иных признаков состава преступления. Примером служат ст. 105 УК РФ, где основным объектом является жизнь человека; тогда как в ст. 317 УК РФ, помимо основного объекта, связанного с общественными отношениями, регулирующими порядок управления, также наличествует дополнительный объект — жизнь человека. Это ведет к тому, что дополнительный объект в специальном составе и основной объект в общем родовом составе становятся идентичными, и дополнительная охраняемая сфера при конструкции специального состава ассимилируется как основной объект специального состава.

В отсутствие специального состава посягательства на жизнь лица, выполняющего правосудие, квалифицировались бы по ст. 105 УК РФ. Однако, учитывая, что законодательство предусматривает особую защиту сферы, связанной с деятельностью сотрудников правоохранительных органов, был установлен квалифицированный специальный состав, предусматривающий более строгое наказание по сравнению с общим родовым составом. Важно подчеркнуть, что конструирование специального состава не может осуществляться простым изменением количества или качества объектов, поскольку дополнительная сфера охраняемых интересов может подвергаться посягательству только вследствие введения в состав других специальных признаков, таких как особые цели, связанные с конкретным предметом или определенным потерпевшим. Обращаясь к ранее упомянутому примеру, объект ст. 317 УК РФ изменился вследствие того, что лицо, совершающее преступление, руководствуется целью воспрепятствования законной деятельности специальных потерпевших, указанных в ст. 317 УК РФ. Следовательно, специальные составы с измененным основным объектом формируются через:

а) уточнение потерпевшего и цели, к примеру, в убийстве (ст. 105 УК РФ), что влечет за собой ответственность по ст. 318 УК РФ, как специаль-

ного состава преступления со специальным потерпевшим (представитель власти) и специальной целью (препятствование деятельности или мести), а вследствие чего измененным основным объектом (деятельность представителей власти);

б) уточнение предмета, к примеру, в краже (ст. 158 УК РФ), при хищении оружия ответственность наступает по ст. 226 УК РФ, как специального состава преступления со специальным предметом (оружие, боеприпасы и т. д.), а вследствие чего измененным основным объектом (общественная безопасность);

в) уточнение способа. Так, если превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) совершается в форме фальсификации доказательств по уголовному делу, то ответственность наступает по специальному составу (ч. 2 ст. 303 УК РФ), со специальным способом (фальсификация доказательств), специальным субъектом (лицом производящим дознание, следователем, прокурором или защитником), а вследствие измененным основным объектом (деятельность по обеспечению правосудия).

2. В рамках текущей классификации следующим видом являются специальные составы преступлений с уточненным предметом, который может быть дифференцирован на основе двух основных критериев:

а) специальные составы преступления с качественным уточненным предметом. Например, ст. 164 УК РФ определяет специальные составы преступлений относительно общего родового состава, предусмотренного ст. 158 УК РФ, путем уточнения такого предмета, как документы или предметы, имеющие особую историческую, научную, художественную или культурную ценность. В этом контексте «специальный предмет» выделяется на основе его родовых характеристик, таких как ядерные материалы или радиоактивные вещества, как указано в ст. 221 УК РФ. Такая специализация обусловлена увеличенным уровнем общественной опасности, связанным с оборотом опасных веществ, материалов, а также особо ценных предметов;

б) специальные составы преступления с уточненным количественным предметом. Указанный способ специализации чаще всего связан с количественным исчислением предмета хищения, оборота запрещенных веществ или размера взятки. В данном случае изменение типовой общественной опасности преступления, предусмотренного специальным составом, пропорционально изменению размера предмета, как в случае с коммерче-

ским выкупом (ст. 204 УК РФ). В случае повышенного количества денежных средств предусмотрена более строгая ответственность (п. «в» ч. 3 ст. 204 УК РФ), в обратной ситуации меньший размер «коммерческой взятки» обуславливает привилегированную ответственность по специальному составу в ст. 204² УК РФ.

3. Учитывая схожую природу таких признаков состава, как предмет и потерпевший, специальные составы преступления с уточненным потерпевшим подлежат разделению в соответствии с вышеупомянутыми критериями. Так, при увеличении количества потерпевших в убийстве ответственность наступает по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, однако если в общем родовом составе уточняется не количество, а качество потерпевшего, к примеру «беременная женщина», то деяние квалифицируется по п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Указанные составы выделяются в связи с тем, что отдельные лица нуждаются в особой уголовно-правовой защите от посягательств, в виде более строгого наказания, предусмотренного в специальном составе. Необходимость в особом правовом статусе таких лиц обуславливается различными факторами, которые в доктрине уже подвергались классификации по признакам, характеризующим личность, поведение и состояние потерпевшего [4, с. 142].

4. Еще одним видом рассматриваемой категории выступают специальные составы с конкретизацией общественно опасных последствий (например, ч. 2 ст. 292 УК РФ). Применение данного признака связано с ужесточением ответственности в связи с тем, что выделенные из общего круга последствий частные случаи подразумевают больший вред для общества, исходя из чего должны влечь квалифицированную ответственность. Примечательно, что при конструировании упомянутых составов законодатель избирает различный способ учета отношения лица к совершаемому преступлению. Так, исходя из формы вины, можно предложить два вида указанных конструкций:

- Специальные составы преступления с общественно опасными последствиями, не требующие учета формы вины. В этих случаях форма вины (например, прямой, косвенный умысел или неосторожность) не влияет на квалификацию специального состава преступления. Лицо, которое позволило наступление таких последствий, подлежит более строгому наказанию независимо от наличия умысла на такие последствия. Примером служит п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ, где умышленное или неосторожное допущение тяжких послед-

ствий при превышении должностных полномочий приводит к одинаковой квалификации.

- Специальные составы преступления с общественно опасными последствиями, подразумевающие «двойную форму вины». Этот вид специализации характеризуется ситуацией, когда лицо совершает умышленное деяние, приводящее к последствию, которое возникает неосторожно. Примером может служить п. «а» ч. 4 ст. 131 УК РФ, согласно которой, если лицо умышленно совершает изнасилование, но неосторожно становится причиной смерти потерпевшего, квалификация преступления будет основываться на комбинации этих факторов.

5. В рамках дальнейшей разработки классификации следует рассмотреть специальные составы преступлений с уточненным орудием или средством. Уточнение объективной стороны преступления определенным орудием, средством направлено на отражение повышенной общественной опасности действий субъекта, применяющего орудия, способные к значительному усилению вреда, такие как огнестрельное оружие или другие предметы, используемые для упрощения совершения преступления. Это условие обоснованно приводит к ужесточению наказания, что ведет к формированию специального квалифицированного состава преступления, к примеру п. «з» ч. 2 ст. 112 УК РФ.

6. Специальные составы с уточненным способом совершения преступления являются одной из наиболее используемых конструкций в Особенной части УК РФ. Очевидным представляется замечание о том, что отдельные способы совершения преступления являются более опасными в отличие от всех остальных. Например, применение пытки при превышении должностных полномочий влечет ответственность по ч. 4 ст. 286 УК РФ, т. к. указанный способкратно увеличивает типовую общественную опасность должностных преступлений, в связи с чем нуждается в более строгом наказании.

7. Специальные составы с уточненной обстановкой совершения преступления предназначены для установления соразмерного наказания для лиц, совершивших преступные деяния в различных обстоятельствах, связанных с комплексными факторами, влияющими на преступника. Так, к примеру, лицо, совершившее убийство в условиях психотравмирующей ситуации, не должно привлекаться к уголовной ответственности на общих основаниях, т. к. различные факторы спровоцировали данное лицо на нарушение закона, в связи с чем законодатель принял решение предусмотреть специальный

привилегированный состав в ст. 107 УК РФ, в иных случаях обстановка преступления может подразумевать условия, облегчающие совершение деяния, в связи с чем законодатель дифференцирует уголовную ответственность в сторону ее ужесточения, устанавливая специальный квалифицированный состав, к примеру ст. 356¹ УК РФ.

8. Специальный состав с уточненным местом совершения преступления вводится в УК РФ в случае, если определенная территория или местность подразумевает особый статус, в связи с чем нуждается в повышенной уголовно-правовой охране от посягательств. К примеру, особый правовой статус жилища, установленный Конституцией РФ, обуславливает конструирование специального квалифицированного состава преступления в п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

9. Специализация общего родового состава путем уточнения субъекта обусловлена спецификой лиц, осуществляющих преступления. Более строгая ответственность за тождественные преступления, совершенные отдельной категорией субъектов, зачастую связана с более высоким социальным положением лица, подразумевающим расширенный перечень полномочий, однако вместе с этим более значительный круг обязанностей, обуславливающий более строгую ответственность за нарушение закона, к примеру ч. 3 ст. 159 УК РФ. В иных случаях специальные составы с уточненным субъектом выделяются исходя из характеристик, свидетельствующих о криминальной направленности данного лица, к примеру наличие судимости (п. «а» ч. 5 ст. 131 УК РФ) или занятие особого положения в преступной среде (ч. 4 ст. 210 УК РФ).

10. В отношении специальных составов с уточненным мотивом дифференциация уголовной ответственности обосновывается тем, что определенные побуждения лица к совершению преступления должны влечь более строгую ответственность, чем при их отсутствии. К примеру, истязание по мотиву религиозной ненависти влечет квалифицированную ответственность по п. «з» ч. 2 ст. 117 УК РФ в связи с аморальностью мотива преступления.

11. Если уточнение мотива в составе преступления всегда связано с ужесточением ответственности, то специальные составы преступлений с уточненной целью могут свидетельствовать как о повышенной типовой степени общественной опасности деяния, так и о пониженной. К примеру, общий родовый состав убийства может уточняться аморальной целью в виде использования органов

потерпевшего, в связи с чем такое деяние наказывается значительно строже, однако если убийство было совершено с целью защиты от посягательства, то преступление квалифицируется по специальному привилегированному составу преступления ст. 108 УК РФ, т. к. «правомерная цель» в данном случае свидетельствует о пониженной степени общественной опасности преступления.

12. В контексте изучения специальных составов преступлений с уточненным психофизиологическим состоянием следует указать, что такие деяния всегда наказываются менее строго в сравнении с общим родовым составом преступления. Учитывая особую природу аффекта, очевидно замечание о том, что данное состояние ограничивает течение интеллектуальных и волевых процессов и нарушает целостное восприятие окружающего и правильное понимание субъектом объективного значения вещей [6, с. 23].

13. Заключительным видом в указанной классификации являются специальные составы с уточненной формой вины. В основном законодатель разграничивает преступления с различной формой вины с помощью смежных составов преступлений, к примеру ст. 105 и 109 УК РФ; ст. 111 и 118 УК РФ. Однако в ст. 332 УК РФ законодатель использует особую конструкцию, и в связи с позицией Верховного Суда РФ обоснованно считать, что ч. 3 ст. 332 и ч. 2 ст. 332 УК РФ соотносятся как общий и специальный состав с уточненной формой вины. В связи с тем, что уровень осознанности преступления субъектом напрямую влияет на общественную опасность деяния, специальный состав в данном случае является привилегированным.

Резюмируя вышеизложенное, следует констатировать, что посредством введения различных видов специальных составов преступлений в Особенную часть УК РФ законодатель обеспечивает дифференциацию уголовной ответственности, учитывающую различные факторы и обстоятельства деяний, что сопровождается соразмерной оценкой степени общественной опасности преступлений, что свидетельствует об углубленной детализации и совершенствовании уголовного права. Таким образом, многообразие специальных составов преступлений, упомянутых в указанной классификации, является фундаментом для построения конструкций составов преступлений, которая должна учитываться законодателем в правотворческой деятельности, а также парвоприменителями при квалификации преступных деяний.

Список источников

1. Понкин И. В., Редькина А. И. Классификация как метод научного исследования, в частности в юридической науке // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 37. С. 249–259.
2. Рогова Е. В. Учение о дифференциации уголовной ответственности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014.
3. Плаксина Т. А. Социальные основания квалифицирующих убийство обстоятельств и их юридическое выражение в признаках состава преступления: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006.
4. Шабалин Л. И. Обоснованность существования специальных составов мошенничества в российском уголовном законодательстве: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2022.
5. Каплин М. Н. Дифференциация уголовной ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2003.
6. Ткаченко В. Виды сильного душевного волнения // Советская юстиция. 1971. № 6.

References

1. Ponkin I. V., Red'kina A. I. Klassifikaciya kak metod nauchnogo issledovaniya, v chastnosti v yuridicheskoy nauke // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. 2017. Vyp. 37. S. 249–259.
2. Rogova E. V. Uchenie o differenciacii ugovolnoj otvetstvennosti: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2014.
3. Plaksina T. A. Social'nye osnovaniya kvalificiruyushchih ubijstvo obstoyatel'stv i ih yuridicheskoe vyrazhenie v priznakah sostava prestupleniya: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2006.
4. Shabalin L. I. Obosnovannost' sushchestvovaniya special'nyh sostavov moshennichestva v rossijskom ugovolnom zakonodatel'stve: dis. ... kand. yurid. nauk. Ekaterinburg, 2022.
5. Kaplin M. N. Differenciaciya ugovolnoj otvetstvennosti: dis. ... kand. yurid. nauk. Yaroslavl', 2003.
6. Tkachenko V. Vidy sil'nogo dushevnoego volneniya // Sovetskaya yusticiya. 1971. № 6.

Статья поступила в редакцию 27.05.2024; одобрена после рецензирования 16.06.2024; принята к публикации 27.08.2024.

The article was submitted 27.05.2024; approved after reviewing 16.06.2024; accepted for publication 27.08.2024.

Алтайский юридический вестник. 2024. № 3 (47). С. 197–202.
Altai Law Journal. 2024. № 3 (47). P. 197–202.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья
УДК 343.37

ПОНЯТИЕ ОБЪЕКТА УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ И ЕГО КОНКРЕТИЗАЦИЯ В НОРМАХ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА СПЕЦИАЛЬНЫЕ ВИДЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Александр Александрович Лихолетов

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, a.likholetov@mail.ru

Аннотация. Предпринимательская деятельность, являясь основой экономики государства, не только требует нормативной регламентации порядка ее осуществления, но и должна быть обеспечена защитой от противоправных посягательств, в т. ч. и со стороны участников такой сферы хозяйствования. Для эффективной реализации охранительной задачи Уголовного кодекса Российской Федерации в рамках обеспечения экономической безопасности страны законодателю необходимо определить круг общественных отношений, подлежащих охране. В статье предпринята попытка рассмотрения существующих в настоящее время в науке точек зрения ученых относительно понятия и содержания категории «объект уголовно-правовой охраны» и ее соотношения с понятием «объект преступления». На основе проведенного исследования обосновывается авторская позиция по указанному дискуссионному вопросу, а также определяется круг общественных отношений, образующих объект уголовно-правовой охраны специальных видов предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: лицензирование, объект преступления, объект уголовно-правовой охраны, специальные виды предпринимательской деятельности, уголовно-правовая охрана

Для цитирования: Лихолетов А. А. Понятие объекта уголовно-правовой охраны и его конкретизация в нормах об ответственности за посягательства на специальные виды предпринимательской деятельности // Алтайский юридический вестник. 2024. № 3 (47). С. 197–202.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

CONCEPT OF THE OBJECT OF CRIMINAL LAW PROTECTION AND ITS SPECIFICATION IN THE RULES ON LIABILITY FOR INFRACTIONS ON SPECIAL TYPES OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITIES

Alexander A. Likholetov

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russia, a.likholetov@mail.ru

Abstract. Entrepreneurial activity, being the basis of the state's economy, requires not only normative regulation of the procedure for its implementation, but also must be provided with protection from illegal attacks, including from participants in such a sphere of economic activity. To effectively implement the protective task of the Criminal Code of Russia within the framework of ensuring the economic security of the country, the legislator needs to determine the range of social relations to be protected. The article makes an attempt to consider the points of view of scientists currently existing in science regarding the concept and content of the category "object of criminal legal protection" and its relationship with the concept of "object of crime". Based on the conducted research, the author's position on this debatable issue is substantiated, and the range of social relations that form the object of criminal legal protection of special types of business activities is determined.

Keywords: licensing, object of crime, object of criminal legal protection, special types of business activity, criminal legal protection

For citation: Likholetov A. A. Concept of the object of criminal law protection and its specification in the rules on liability for infractions on special types of entrepreneurial activities. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2024;3:197–202 (In Russ.).

© Лихолетов А. А., 2024

При рассмотрении объекта уголовно-правовой охраны следует сразу оговориться, что в теории до сих пор не сложилось единого мнения о соотношении данной категории с понятием «объект преступления».

Так, ряд авторов отождествляют два указанных термина [1, с. 111; 2, с. 96, 97]. В частности, В. Д. Филимонов признает объекты уголовно-правовой охраны и преступления идентичными понятиями, полностью совпадающими по содержанию [3, с. 16].

Другие ученые обозначенную позицию активно критикуют [4, с. 85; 5, с. 64, 65; 6, с. 16]. Г. П. Новоселов, Л. Ю. Федосеева обращают внимание на более широкий объем понятия «объект уголовно-правовой охраны» по сравнению с термином «объект преступления» [7, с. 65].

Следует согласиться с мнением А. Э. Жалинского, считавшего, что объект уголовно-правовой охраны имеет место с момента принятия нормы, существует и при отсутствии факта совершения уголовно наказуемого деяния в отличие от объекта преступления, появляющегося во время его совершения [8, с. 102].

Как отмечалось выше, уголовно-правовая охрана в качестве комплекса государственных мер, создающих режим обеспечения безопасности объектов УК РФ, существует автономно, вне зависимости от факта преступного посягательства на охраняемые общественные отношения.

Объектом преступления традиционно признаются охраняемые уголовным законом общественные отношения, которым в результате совершенного преступления причиняется вред либо создается угроза причинения вреда [9, с. 202; 10, с. 64]. Таким образом, будучи элементом состава уголовно наказуемого деяния, объект преступления неразрывно связан с совершенным посягательством на общественные отношения.

Причинение вреда охраняемым общественным отношениям или создание реальной угрозы его причинения является неотъемлемым условием для возникновения объекта преступления как компонента основания уголовной ответственности согласно ст. 8 УК РФ. Удержание средствами уголовно-правовой охраны лица от совершения общественно опасного деяния свидетельствует о ее положительном эффекте и одновременно указывает на отсутствие объекта преступления (равно как и других элементов состава).

В упрощенной форме основное отличие двух уголовно-правовых категорий показал О. К. Зателин, отметивший, что «объектом уголовно-пра-

вовой охраны является то, что защищается государством от общественно опасных посягательств, а объектом преступления — то, чему преступник в результате общественно опасного посягательства причинил вред» [6, с. 17].

Индивидуальный подход к вопросу соотношения объектов уголовно-правовой охраны и преступления можно наблюдать у Г. В. Вериной, которая, признавая определенную схожесть сущности рассматриваемых категорий, указывает на возможность трансформации первого вида объекта во второй в случае совершения преступления, что свидетельствует о темпоральном характере различия двух изучаемых явлений, никогда не совпадающих во времени [11, с. 170]. Хронологическая неидентичность объектов охраны и преступления, подчеркнутая ученым, также свидетельствует об отсутствии тождества содержания в анализируемых терминах.

В своих рассуждениях Г. В. Верина указывает, что объектом как охраны, так и преступления выступают блага и общественные отношения, и с момента взятия их под уголовно-правовую охрану они становятся потенциальным объектом преступления, а в случае совершения уголовно наказуемого деяния — реальным [11, с. 169]. При буквальном толковании изложенного можно прийти к выводу о том, что объект уголовно-правовой охраны не существует в принципе, а имеет место только объект преступления (с момента криминализации деяния — потенциальный, с момента нарушения предписания УК РФ — реальный). Квинтэссенцией размышлений об отсутствии объекта охраны может стать вывод об отсутствии феномена уголовно-правовой охраны вообще, что представляется неверным.

Следует отметить, что при возникновении объекта преступления в случае совершения посягательства на какие-либо общественные отношения состояние их охраны не утрачивается, а, как говорилось выше, безопасность этих общественных отношений продолжает обеспечиваться. При убийстве конкретного человека появляется объект преступления, предусмотренного ст. 105 УК РФ, которым выступает жизнь потерпевшего, между тем жизнь неопределенного круга лиц продолжает охраняться уголовным законом.

Вместе с тем охрана нарушенного права на жизнь утрачивает смысл после причинения смерти человеку. Охрана конкретного общественного отношения после совершения преступления уже невозможна. Однако подобный подход допустим только применительно к отдельно взятому проти-

воправному деянию, посягающему только на часть общественных отношений. Обеспечение безопасности жизни людей продолжает существовать в качестве задачи уголовного закона.

Таким образом, с позицией ученого о трансформации объекта уголовно-правовой охраны в объект преступления в полной мере согласиться трудно. Два этих явления при совершении уголовно наказуемого деяния существуют параллельно, а сам факт содеянного указывает на то, что в отдельном взятом случае меры со стороны государства не обеспечили безопасность общественных отношений, закрепленных в качестве объектов в УК РФ. Совершение преступления является отправной точкой для следующего этапа охраны — уголовно-правовой защиты.

Спорной видится также позиция Г. В. Вериной о том, что объектами и охраны, и преступления выступают не только охраняемые общественные отношения, но и материальные и нематериальные блага. При этом автор отмечает, что эти блага — предмет самих общественных отношений, часть целого, они входят в структуру общественных отношений [11, с. 170]. Вызывает вопрос необходимость выделения отдельного элемента структуры общественных отношений в качестве объекта. Такое определение объекта имеет признаки избыточности.

По поводу соотношения объекта охраны и объекта преступления можно сделать вывод о том, что объект уголовно-правовой охраны с учетом вектора уголовной политики в государстве влияет на определение механизма обеспечения безопасности общественных отношений, перечисленных в УК РФ. Между тем объект преступления, являясь элементом состава уголовно наказуемого деяния, имеет прагматическое значение при установлении основания уголовной ответственности.

Объектом уголовно-правовой охраны Н. И. Коржанский называл охраняемое уголовным законом общественное отношение, не претерпевшее никаких преступных изменений [4, с. 85]. В данной формулировке акцент на отсутствии негативного влияния деяния на общественное отношение, скорее, говорит об отличии объекта охраны от объекта преступления, нежели представляет качественную характеристику изучаемого понятия.

По мнению Б. Т. Разгильдиева, указанный элемент охраны образуют «...общественные отношения, обеспечивающие интересы личности в широком смысле этого слова, организаций, учреждений, предприятий, общества и государства, существующие как общечеловеческая или отече-

ственная ценность на уровне права (международного, отечественного) и морали» [12, с. 57].

Следует отметить, что перечисленные ученым общественные отношения составляют объект охраны не только уголовного закона, но и иных отраслей права. Кроме того, не все общественные отношения, существующие «как общечеловеческая или отечественная ценность на уровне права», тем более морали, представляют объект охраны, а только те, которые закреплены в УК РФ. Изложенное позволяет заключить, что, несмотря на попытку наполнения представленной дефиниции материальным содержанием, Б. Т. Разгильдиев упустил из виду формальную составляющую изучаемого явления, которой выступает закрепление общественных отношений в уголовном законе.

Более удачным следует признать определение понятия «объект уголовно-правовой охраны», предложенное В. С. Ткаченко: это законодательно закрепленные и поставленные под охрану УК РФ общественные отношения, посягательство на которые запрещено под угрозой наказания [13, с. 61].

Отождествляя категории «объект уголовно-правовой охраны» и «объект преступления», А. М. Герасимов считает, что таковым выступает правоотношение, возникающее по поводу удовлетворения фактических интересов личности, общества, государства, мира и безопасности человечества, которое претерпевает общественно опасное воздействие [14, с. 180].

Предложенную дефиницию сложно признать удачной, поскольку автором в формулировке использован термин «правоотношение», что не совсем верно, исходя из сущности правоотношений, которые представляют собой только часть общественных отношений, урегулированную нормами права. В. К. Глистин отмечал, что правоотношения — это лишь правовая форма общественных отношений [15, с. 88].

УК РФ поставлены под охрану не только общественные отношения, урегулированные нормами иных отраслей права, но и те, которые не нашли своего закрепления в законе. Например, такой объект уголовно-правовой охраны, как общественная нравственность, в первую очередь находится в плоскости общественных отношений, основу регламентации которых составляют неписанные правила поведения, сформулированные людьми в процессе антропогенеза, основанные на общепринятом понимании о плохом и хорошем, постыдном и похвальном, добре и зле и т. д.

Кроме того, отождествление А. М. Герасимовым терминов «объект преступления» и «объект

уголовно-правовой охраны» также вызывает возражение по причинам, перечисленным выше.

Объекты, охрана которых составляет задачу уголовного закона, определены в ст. 2 УК РФ. Другими словами, первостепенной задачей УК РФ является уголовно-правовая охрана наиболее значимых общественных отношений.

Вместе с тем следует согласиться с мнением ученых [16, с. 12] о том, что в указанной выше правовой норме перечислены не все объекты, безопасность которых обеспечивает уголовный закон в настоящее время (например, экономическая деятельность, семья и несовершеннолетние, военная служба и др.). Более того, наблюдается отсутствие системного подхода законодателя при определении общественных отношений, поставленных под охрану: в одних случаях в качестве таковых избираются общественные отношения, образующие родовую объект (общественная безопасность и общественный порядок — раздел IX), а в других — видовой (собственность — глава 21) [17, с. 77], либо наименование объектов, указанных в ст. 2 УК РФ, не совпадает с названием объектов, помещенных под защиту в рамках отдельной структурной единицы Особенной части УК РФ [1, с. 364].

В качестве одного из вариантов устранения существующего пробела в законе В. Е. Бондаренко видит перечисление в ч. 1 ст. 2 УК РФ всех общественных отношений, положенных в основу систематизации уголовно-правовых норм в рамках одной главы Особенной части УК РФ, т. е. в указании всех существующих видовых объектов [18, с. 32]. При этом автор соглашается с тем, что подобный подход приведет к громоздкости указанной статьи.

Представляется, что нагрузка на УК РФ в виде обширных по содержанию норм (особенно в рамках Общей части, в которой сформулированы постулаты уголовного права) вряд ли приведет к улучшению его качества. В данном случае целесообразнее в ч. 1 ст. 2 УК РФ в качестве объектов уголовно-правовой охраны указать общественные отношения, образующие родовые объекты: личность, экономика, общественная безопасность и общественный порядок и т. д. Такой способ закрепления задач УК РФ позволит, с одной стороны, избежать громоздкости статьи, а с другой — охватить весь круг охраняемых общественных отношений. При этом перечень объектов охраны логичнее оставить открытым, поскольку с развитием общества возникают новые, требующие обеспечения безопасности общественные отношения.

С учетом изложенного можно прийти к выводу, что объектом уголовно-правовой охраны выступа-

ет совокупность общественных отношений, безопасность которых от преступных посягательств должен обеспечить уголовный закон с целью решения его задач.

Смена социально-экономической формации в конце XX в. в нашей стране привела к возникновению ранее не существовавших общественных отношений, которые стали фундаментом становления новой государственности и хозяйственного уклада в обществе. Предпринимательство, являясь основой рыночной экономики и важной составляющей в повышении благосостояния граждан и страны в целом [19, с. 245], стало активно развиваться с момента создания конституционных основ его функционирования в современной России.

Особая значимость общественных отношений в сфере предпринимательской деятельности для экономики страны при одновременном наличии потенциальной опасности формирования криминала вокруг бизнеса привела к необходимости государственного регулирования указанного направления хозяйствования.

В позитивном законодательстве принят и в настоящее время действует ряд нормативных правовых актов, регламентирующих ведение бизнеса. Наиболее значимые для общества и государства, а также носящие потенциальную опасность причинения вреда различным общественным отношениям, начиная от жизни и здоровья и заканчивая безопасностью нашей страны, направления предпринимательской деятельности подлежат обязательному лицензированию.

Лицензирование — это государственный механизм, позволяющий осуществлять тщательный отбор среди всех хозяйствующих субъектов лиц, способных в соответствии с установленными законом особыми (специальными) требованиями заниматься определенными видами деятельности.

Поскольку властями определены особые условия и порядок прохождения процедуры получения разрешительного документа, в т. ч. и обусловленные спецификой вида предпринимательства, то целесообразно говорить о самостоятельном направлении осуществления бизнеса — специальных видах предпринимательской деятельности.

Существующее в ст. 2 ГК РФ легальное определение предпринимательства дает возможность сформулировать понятие «специальный вид предпринимательской деятельности»: это самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг

лицами, зарегистрированными в установленном законом порядке, реализуемая на основании специального разрешения или лицензии [20, с. 81].

Под уголовно-правовой охраной специальных видов предпринимательской деятельности следует понимать *принимаемые со стороны государства меры в виде законотворчества, правоприменения и предупреждения преступлений, создающие режим обеспечения безопасности общественных отношений, возникающих в сфере осуществления на свой риск самостоятельной деятельности, направленной на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг, реализуемой с момента государственной регистрации в установленном законом порядке на основании специального разрешения или лицензии от преступных посягательств со стороны лиц, ее осуществляющих*

щих, вопреки закрепленным в нормативных правовых актах требованиям и правилам ее ведения.

Следует отметить, что уголовно-правовая охрана специальных видов предпринимательской деятельности направлена на обеспечение безопасности общественных отношений в рассматриваемой сфере от преступных посягательств со стороны лиц, осуществляющих данную деятельность вопреки закрепленным в нормативных правовых актах требованиям и правилам ее ведения.

Таким образом, объектом уголовно-правовой охраны специальных видов предпринимательской деятельности выступают общественные отношения, возникающие в связи с организацией и осуществлением отдельных видов предпринимательства на основании полученного в соответствии с действующим законодательством специального разрешения или лицензии.

Список источников

1. Советское уголовное право. Общая часть: учебник / Н. А. Беляев, Р. Р. Галиакбаров, Н. П. Грабовская [и др.]; под ред. Н. А. Беляева, М. И. Ковалева. М.: Юрид. лит., 1977. 544 с.
2. Мальцев В. В. Объект охраны (преступления) в уголовном праве: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. 512 с.
3. Филимонов В. Д. Охранительная функция уголовного права. СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2003. 198 с.
4. Коржанский Н. И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М.: Академия МВД СССР, 1980. 248 с.
5. Гаухман Л. Д., Максимов С. В. Уголовно-правовая охрана финансовой сферы: новые виды преступлений и их квалификация: научно-практическое пособие. М.: ЮрИнфоР, 1995. 96 с.
6. Зателепин О. К. Соотношение понятий объекта уголовно-правовой охраны и объекта преступления в российской науке уголовного права // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2017. № 3. С. 14–17.
7. Новоселов Г. П., Федосеева Л. Ю. Объект уголовно-правовой охраны и объект преступления: соотношение и уголовно-правовое значение // Российское образование, практика, наука. 2019. № 4. С. 60–70.
8. Жалинский А. Э. Объект преступления // Уголовное право России: учебник для вузов: в 2 т.; т. 1. Общая часть / под ред. А. Н. Игнатова, Ю. А. Красикова. М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1999. 639 с.
9. Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. В. П. Ревина. М.: Юстицинформ, 2016. 580 с.
10. Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. В. В. Намнясевай. Волгоград: ВА МВД России, 2021. 364 с.
11. Верина Г. В. Системные связи объекта уголовно-правовой охраны и объекта преступления: анализ и синтез научной мысли // Ленинградский юридический журнал. 2014. № 2 (36). С. 159–171.
12. Разгильдиев Б. Т. Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1993. 232 с.
13. Ткаченко В. С. Уголовно-правовая охрана личности сотрудников правоохранительных органов, обеспечивающих общественный порядок и общественную безопасность: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. 219 с.
14. Герасимов А. М. Объект уголовно-правовой охраны и его параметры // Ex iure. 2021. № 3. С. 165–181.
15. Глистин В. К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений. Объект и квалификация преступлений. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1979. 127 с.
16. Лопашенко Н. А. Введение в уголовное право: учебное пособие. М.: Волтерс Клувер, 2009. 224 с.
17. Уголовное право России: курс лекций: в 6 т. / под ред. Б. Т. Разгильдиева. Саратов: Изд-во Сарат. гос. акад. права, 2004. Т. 1. Кн. 1. 320 с.
18. Бондаренко В. Е. Основание уголовно-правовой охраны и ее прекращение: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014. 265 с.

19. Власов В. А. Некоторые актуальные аспекты правового регулирования предпринимательской деятельности как основы рыночной экономики Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2023. № 8 (224). С. 245–248.

20. Лихолетов А. А. Понятие и виды преступлений в сфере специальных видов предпринимательства // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 1 (44). С. 81–84.

References

1. Sovetskoe ugovolnoe pravo. Obshchaya chast': uchebnik / N. A. Belyaev, R. R. Galiakbarov, N. P. Grabovskaya [i dr.]; pod red. N. A. Belyaeva, M. I. Kovaleva. M.: Yurid. lit., 1977. 544 s.

2. Mal'cev V. V. Ob'ekt ohrany (prestupleniya) v ugovolnom prave: monografiya. M.: Yurlitinform, 2012. 512 s.

3. Filimonov V. D. Oхранительная функция уголовного права. SPb.: Yurid. centr «Press», 2003. 198 s.

4. Korzhanskij N. I. Ob'ekt i predmet ugovolno-pravovoj ohrany. M.: Akademiya MVD SSSR, 1980. 248 s.

5. Gauhman L. D., Maksimov S. V. Uголовно-правовая охрана финансовой сферы: новые виды преступлений и их квалификация: научно-практическое пособие. M.: YurInfoR, 1995. 96 s.

6. Zatepin O. K. Sootnoshenie ponyatij ob'ekta ugovolno-pravovoj ohrany i ob'ekta prestupleniya v rossijskoj nauke ugovolnogo prava // Vestnik Akademii General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii. 2017. № 3. S. 14–17.

7. Novoselov G. P., Fedoseeva L. Yu. Ob'ekt ugovolno-pravovoj ohrany i ob'ekt prestupleniya: sootnoshenie i ugovolno-pravovoe znachenie // Rossijskoe obrazovanie, praktika, nauka. 2019. № 4. S. 60–70.

8. Zhalinskij A. E. Ob'ekt prestupleniya // Uголовное право России: учебник для вузов: в 2 т.; т. 1. Obshchaya chast' / pod red. A. N. Ignatova, Yu. A. Krasikova. M.: NORMA-INFRA-M, 1999. 639 s.

9. Uголовное право России. Obshchaya chast': uchebnik / pod red. V. P. Revina. M.: Yusticinform, 2016. 580 s.

10. Uголовное право. Obshchaya chast': uchebnik / pod red. V. V. Namnyasevoj. Volgograd: VA MVD Rossii, 2021. 364 s.

11. Verina G. V. Sistemnye svyazi ob'ekta ugovolno-pravovoj ohrany i ob'ekta prestupleniya: analiz i sintez nauchnoj mysli // Leningradskij yuridicheskij zhurnal. 2014. № 2 (36). S. 159–171.

12. Razgil'diev B. T. Zadachi ugovolnogo prava Rossijskoj Federacii i ih realizaciya. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1993. 232 s.

13. Tkachenko V. S. Uголовно-правовая охрана личности сотрудников правоохранительных органов, обеспечивающих общественный порядок и общественную безопасность: дис. ... канд. юрид. наук. M., 1998. 219 s.

14. Gerasimov A. M. Ob'ekt ugovolno-pravovoj ohrany i ego parametry // Ex iure. 2021. № 3. S. 165–181.

15. Glistin V. K. Problema ugovolno-pravovoj ohrany obshchestvennyh otnoshenij. Ob'ekt i kvalifikaciya prestuplenij. L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1979. 127 s.

16. Lopashenko N. A. Vvedenie v ugovolnoe pravo: uchebnoe posobie. M.: Volters Kluver, 2009. 224 s.

17. Uголовное право России: курс лекций: в 6 т. / pod red. B. T. Razgil'dieva. Saratov: Izd-vo Sarat. gos. akad. prava, 2004. T. 1. Kn. 1. 320 s.

18. Bondarenko V. E. Osnovanie ugovolno-pravovoj ohrany i ee prekrashchenie: дис. ... канд. юрид. наук. Saratov, 2014. 265 s.

19. Vlasov V. A. Nekotorye aktual'nye aspekty pravovogo regulirovaniya predprinimatel'skoj deyatel'nosti kak osnovy rynochnoj ekonomiki Rossijskoj Federacii // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2023. № 8 (224). S. 245–248.

20. Liholetov A. A. Ponyatie i vidy prestuplenij v sfere special'nyh vidov predprinimatel'stva // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. 2018. № 1 (44). S. 81–84.

Информация об авторе

A. A. Лихолетов — кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author

A. A. Likholetov — Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 22.04.2024; одобрена после рецензирования 26.06.2024; принята к публикации 27.08.2024.

The article was submitted 22.04.2024; approved after reviewing 26.06.2024; accepted for publication 27.08.2024.

Алтайский юридический вестник. 2024. № 3 (47). С. 203–212.

Altai Law Journal. 2024. № 3 (47). P. 203–212.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.31:343.24

ПЕНАЛИЗАЦИЯ ПУБЛИЧНОГО ОСКОРБЛЕНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ВЛАСТИ

Татьяна Алексеевна Плаксина

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, plaksinata@yandex.ru,

<https://orcid.org/0000-0001-5332-0014>

Аннотация. В статье на основании статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации анализируется практика назначения наказания за оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ) в 2019–2023 гг. Приоритетное назначение судами за это преступление самого мягкого вида наказания, установленного санкцией (штрафа), и гораздо более редкое применение обязательных работ и исправительных работ свидетельствуют о том, что карательный потенциал санкции используется не в полной мере. С учетом этого отсутствует необходимость дополнения ее более суровыми видами наказаний. Однако санкция требует ужесточения в части максимальных пределов уже включенных в нее наказаний, особенно штрафа. Унификация максимальных пределов наказаний в санкциях ст. 319 и ч. 2 ст. 297 УК РФ устраним необоснованную дифференциацию ответственности за оскорбление представителя власти в зависимости от принадлежности его к той или иной ее ветви и приведет к формированию более справедливой карательной практики.

Ключевые слова: наказание, санкция, назначение наказания, представитель власти, оскорбление

Для цитирования: Плаксина Т. А. Пениализация публичного оскорбления представителя власти // Алтайский юридический вестник. 2024. № 3 (47). С. 203–212.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

PENALIZATION OF PUBLIC INSULT OF A REPRESENTATIVE OF POWER

Tatiana A. Plaksina

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, plaksinata@yandex.ru,

<https://orcid.org/0000-0001-5332-0014>

Abstract. The article analyzes the practice of sentencing for insulting a representative of power (Article 319 of the Criminal Code of the Russian Federation) in 2019–2023 on the basis of statistical data from the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. The priority assignment by the courts for this crime of the mildest type of punishment established by the sanction (fine), and the much rarer use of compulsory works and corrective labor indicates that the punitive potential of the sanction is not being fully used. With this in mind, there is no need to supplement the sanctions with more severe types of punishments. However, the sanction requires tightening in terms of the maximum limits of the penalties already included in it, especially the fine. The unification of the maximum limits of punishments in the sanctions of Articles 319 and Part 2 of Article 297 of the Criminal Code of the Russian Federation will eliminate the unjustified differentiation of responsibility for insulting a representative of power depending on his belonging to one or another of its branches and will lead to the formation of a more just punitive practice.

Keywords: punishment, sanction, imposition of punishment, representative of power, insult

For citation: Plaksina T. A. Penalization of public insult of a representative of power. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2024;3:203–212 (In Russ.).

Наличие в УК РФ нормы об ответственности за публичное оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ) влечет необходимость осуществления мониторинга адекватности санкции за данное преступление типовой степени его общественной опасности, а также анализа складывающейся практики назначения наказания. Обобщение проведенных в этой области исследований показывает, что условно можно выделить два этапа в развитии научных взглядов на законодательную и практическую пенализацию рассматриваемого деяния: 1) период действия УК РФ 1996 г. до момента вступления в силу Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», декриминализировавшего оскорбление посредством исключения из Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) ст. 130; 2) период со времени декриминализации оскорбления как преступления против личности по настоящее время.

Как известно, с момента введения в действие УК РФ в нем существовало три статьи об ответственности за оскорбление, нанесенное общим субъектом: 1) ст. 130 УК РФ «Оскорбление», устанавливавшая ответственность за унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме, расположенная в главе о преступлениях против свободы, чести и достоинства личности; 2) ст. 297 УК РФ «Неуважение к суду», которая закрепляла ответственность за оскорбление лиц, участвующих в отправлении правосудия, или иных участников судебного разбирательства и была помещена законодателем в главу о преступлениях против правосудия; 3) ст. 319 УК РФ «Оскорбление представителя власти», входившая в главу о преступлениях против порядка управления и предусматривавшая уголовную ответственность лишь при условии публичности оскорбления. Ни одна из этих статей не включала в санкцию виды наказаний, связанные с изоляцией от общества (за исключением юридически не введенного в действие и фактически не применяемого ареста, который и по сей день продолжает сохраняться в санкции ст. 297 УК РФ); законодатель ограничивался лишь наказаниями в виде штрафа, обязательных работ и исправительных работ, а санкция ст. 130 УК РФ, помимо этого, содержала ограничение свободы в его первоначальном варианте, которое так же, как и арест, не было введено в действие и потому не назначалось судами.

В рамках первого этапа исследований санкций перечисленных статей специалисты, как правило, опирались на соотношение норм, предусмотренных ст. 130 УК РФ, с одной стороны, и ст. 297 и 319 УК РФ, с другой стороны, как общей и специальных и констатировали не вполне корректную дифференциацию ответственности за оскорбление в зависимости от статуса потерпевшего, который свидетельствовал и о наличии второго объекта уголовно-правовой охраны. Так, А. Г. Брагина (2006), призывая к соблюдению принципа большей строгости специальных норм по сравнению с общей, справедливо отмечала, что в санкции ст. 319 УК РФ не в полной мере учтена общественная опасность публичного оскорбления представителя власти, поскольку законодатель установил одинаковый максимальный размер штрафа за данное преступление и простое оскорбление, предусмотренное ч. 1 ст. 130 УК РФ, — до сорока тысяч рублей [1, с. 6]. В то же время она указывала на недопустимость дифференцированной охраны чести и достоинства представителей различных ветвей власти и необходимость унификации санкций специальных норм, обращая внимание на то, что в ч. 2 ст. 297 УК РФ, устанавливающей ответственность за оскорбление судьи, присяжного заседателя, максимальный размер штрафа в пять раз превышает аналогичный предел в санкции ст. 319 УК РФ и составляет двести тысяч рублей [1, с. 17–18]. Кроме того, этим автором констатировалась излишняя мягкость карательной практики по ст. 319 УК РФ, проявляющаяся «в занижении сроков и размеров наказаний в ущерб интересам потерпевших и авторитету государственной власти» [1, с. 7]. Стоит заметить, что тем же федеральным законом, которым законодатель исключил из УК РФ ст. 130, были изменены и санкции ст. 297 и 319 УК РФ в части пределов обязательных работ в сторону их увеличения, что связано с изменением сроков обязательных работ в Общей части УК РФ. Таким образом, законодатель частично ужесточил ответственность за специальные виды оскорбления, сохранив, однако, различия в степени жесткости санкций, после чего санкции данных статей уже не изменялись.

В результате начиная с 2011 г. санкция ст. 319 УК РФ содержит три альтернативных основных наказания: штраф в размере до сорока тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех месяцев; обязательные работы на срок до трехсот шестидесяти часов; исправительные работы на срок до одного года. Санкция ч. 2 ст. 297 УК РФ, устанавли-

вающей ответственность за оскорбление лиц, участвующих в отправлении правосудия, в т. ч. судьи, присяжного заседателя, закрепляет те же виды наказаний с гораздо более высокими максимальными пределами: в пять раз выше максимальный размер штрафа (двести тысяч рублей), на одну треть — максимальный размер обязательных работ (четыре-реста восемьдесят часов), в два раза — максимальный срок исправительных работ (два года); кроме того, в ней присутствует «виртуальное» наказание в виде ареста. Санкция ч. 1 ст. 297 УК РФ, предусматривающей ответственность за оскорбление иных участников судебного разбирательства (как представителей власти, так и лиц, не относящихся к их числу), если оценивать ее по видам наказаний, которые фактически могут быть назначены, является наиболее мягкой из трех анализируемых санкций, поскольку включает штраф и обязательные работы, а также не подлежащий в настоящее время применению арест; исправительные работы в ней не фигурируют. Однако максимальные пределы штрафа и обязательных работ в ч. 1 ст. 297 УК РФ существенно превышают максимальные пределы тех же видов наказаний в санкции ст. 319 УК РФ — в два раза для штрафа и на одну треть для обязательных работ.

На втором этапе развития научных взглядов на пенализацию публичного оскорбления представителя власти — после декриминализации оскорбления как преступления против личности — в уголовно-правовой литературе отчетливо обозначились два противоположных подхода. В рамках одного из них авторы продолжают настаивать на необходимости усиления ответственности за оскорбление специальных потерпевших (ст. 297 и 319 УК РФ) и максимальном сглаживании различий в установлении пределов законодательной наказуемости этих деяний. Сторонники же другого подхода, напротив, считают обоснованным декриминализировать оскорбление представителя власти, предусмотренное ст. 319 УК РФ, аргументируя это исключением из уголовного закона общей нормы об оскорблении и чрезвычайно мягкими наказаниями, назначаемыми в приговорах судов.

Представителями первого подхода являются, в частности, А. В. Беляков, А. Г. Брагина, В. Ю. Ларин, Д. М. Латыпова, А. В. Мусалева, Е. В. Смоляков, Д. А. Табаков. Так, Е. В. Смоляков (2015) доказывает целесообразность ужесточения санкции ст. 319 УК РФ, предлагая новую ее редакцию, идентичную действующей редакции санкции ч. 2 ст. 297 УК РФ [2, с. 12, 23]. В. Ю. Ларин (2014), обращая внимание на то, что в силу ограничений

для назначения обязательных работ и исправительных работ, установленных соответственно ч. 4 ст. 49 и ч. 5 ст. 50 УК РФ, санкция ст. 319 УК РФ нередко превращается в безальтернативную, полагает, что она должна быть дополнена наказанием в виде ограничения свободы, а максимальный размер штрафа многократно повышен [3, с. 55–56]. Этим же автором (2022) отмечается нарушение не только внутриотраслевой взаимосвязи уголовно-правовых норм, что выражается в формировании гораздо более жесткой санкции ч. 2 ст. 297 УК РФ по сравнению с санкцией ст. 319 УК РФ, но и межотраслевой взаимосвязи, поскольку за оскорбление, предусмотренное ст. 5.61 КоАП РФ, в ряде случаев может быть назначен административный штраф в размере, значительно превышающем штраф, установленный в ст. 319 УК РФ [4, с. 11–12]. Д. А. Табаков (2016), анализируя практику назначения наказания по ст. 319 УК РФ, констатирует лояльность судов к лицам, совершающим подпадающие под данную статью деяния, и присоединяется к предложениям по корректировке санкции как посредством увеличения наказания в виде штрафа, так и путем введения в санкцию более строгих наказаний [5, с. 17–19]. А. В. Беляков, Д. М. Латыпова, А. В. Мусалева (2019) считают необходимым включить в санкцию ст. 319 УК РФ наказание в виде лишения свободы, ссылаясь на слабую защищенность существующей санкцией представителей власти из числа сотрудников ФСИН [6, с. 19]. Необоснованность различий в санкциях ст. 319 и 297 УК РФ отмечает А. Г. Брагина (2017), указывая, что даже в ч. 1 ст. 297 УК РФ, предусматривающей ответственность за оскорбление участника судебного разбирательства, который может и не относиться к представителям власти, установлен штраф с максимальным размером, в два раза превышающим максимальный размер штрафа в санкции ст. 319 УК РФ [7, с. 103].

Второй подход к пенализации оскорбления представителя власти сформулирован, в частности, в работах П. А. Филиппова (2017), который, опираясь на законодательное решение об исключении из УК РФ общей нормы об оскорблении, предлагает декриминализировать и специальные виды этого деяния, в связи с чем проблема совершенствования соответствующих уголовно-правовых санкций вообще снимается [8, с. 182]. Дополнительным доводом в пользу исключения уголовной ответственности за деяние, ныне предусмотренное ст. 319 УК РФ, оказывается то, что у этого деяния, по мнению данного автора, отсутствует основной непосредственный объект, который лежал бы в плоскости

видового объекта, характерного для преступлений, объединенных в главе 32 УК РФ [8, с. 178–182].

Заметим, что практически все специалисты, анализирующие не только законодательную, но и фактическую пенализацию публичного оскорбления представителя власти, указывают на излишне мягкую карательную практику, используя, однако, это обстоятельство для обоснования противоположных выводов: представители первого подхода полагают, что для изменения правоприменительной практики в части назначения наказания в сторону ее ужесточения требуется соответствующая корректировка санкции ст. 319 УК РФ, приведение ее в соответствие с реальной типовой степенью общественной опасности публичного оскорбления представителя власти; в рамках же второго подхода тезис о слишком мягких назначаемых наказаниях становится весомым аргументом, обосновывающим избыточность криминализации в данной сфере.

Обращение к данным статистической отчетности Судебного департамента при Верховном Суде РФ за последние пять лет (2019–2023 гг.) показывает, что, несмотря на некоторые изменения в соотношении назначенных осужденным по ст. 319 УК РФ видов наказаний и общее существенное сокращение числа лиц, осужденных по данной статье, излишняя мягкость выносимых приговоров сохраняется.

В таблицах 1 и 2 представлены сведения о количестве лиц, осужденных в Российской Федерации по ст. 319 УК РФ за указанный период¹, их распределении с учетом назначенных видов наказаний и удельном весе лиц, осужденных к тому или иному виду наказания, в общем числе осужденных за данное преступление. Из таблиц видно, что на фоне последовательного снижения числа осужденных по ст. 319 УК РФ более чем в 2,5 раза (с 9194 лиц в 2019 г. до 3616 лиц в 2023 г.)² наказанием, наиболее часто назначаемым судами, остается штраф, причем доля лиц, приговариваемых к штрафу, даже возрастает (хотя и несущественно год от года, но постоянно): если в 2019 г. удельный вес лиц, осужденных к штрафу, составлял 48,62 %, то к 2023 г. он повысился уже до 54,44 %.

Более суровые виды наказаний — исправительные работы и обязательные работы — назначаются по ст. 319 УК РФ примерно с одинаковой частотой: удельный вес лиц, осужденных к исправительным работам, находился в диапазоне от 22,22 % (2022 г.) до 24,27 % (2019 г.); доля лиц, осужденных к обязательным работам, в 2019–2022 гг. колебалась в интервале 23,4–24,01 %, снижаясь в 2023 г. до 20,53 %. Также сокращается в 2022–2023 гг. в абсолютных и относительных показателях назначение осужденным по ст. 319 УК РФ исправительных работ с применением условного осуждения — с 3,41 % в 2021 г. до 1,84 % в 2023 г.

Таблица 1

Количество лиц, осужденных в Российской Федерации по ст. 319 УК РФ в 2019–2023 гг. к различным видам наказаний (по данным статистической отчетности Судебного департамента при Верховном Суде РФ (форма № 10.3) [9–13])

	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Всего осуждено	9194	8741	6786	4621	3616
Исправительные работы	2225	2096	1519	1020	828
Обязательные работы	2201	2037	1584	1089	735

¹ Сведения о количестве осужденных взяты из формы статистической отчетности № 10.3 «Отчет о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учета сложения)» и не включают лиц, осужденных по совокупности преступлений, в которую входит хотя бы одно преступление, являющееся более тяжким, чем оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ).

² Тенденция к сокращению числа осужденных по ст. 319 УК РФ в целом повторяет тенденцию к уменьшению количества зарегистрированных преступлений, предусмотренных данной статьей [4, с. 4].

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Штраф	4457	4281	3390	2358	1949
Условное осуждение к исправительным работам	278	290	229	123	66
Иные виды наказания	6	2	3	0	2
Освобождено от наказания	27	35	61	31	36

Таблица 2

Удельный вес лиц, осужденных в Российской Федерации по ст. 319 УК РФ в 2019–2023 гг. к различным видам наказаний, в общем числе осужденных за указанное преступление¹ (%) (на основе анализа данных статистической отчетности Судебного департамента при Верховном Суде РФ)

	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Исправительные работы	24,27	24,08	22,59	22,22	23,13
Обязательные работы	24,01	23,40	23,55	23,73	20,53
Штраф	48,62	49,17	50,41	51,37	54,44
Условное осуждение к исправительным работам	3,03	3,33	3,41	2,68	1,84
Иные виды наказания	0,07	0,02	0,04	0	0,06

Сравнение фактической пенализации публичного оскорбления представителя власти (ст. 319 УК РФ) с практикой назначения наказания за неуважение к суду, выразившееся в оскорблении участников судебного разбирательства либо лиц, участвующих в отправлении правосудия (ст. 297 УК РФ), подтверждает сделанные ранее специалистами выводы о том, что по ст. 319 УК РФ назначаются гораздо более мягкие наказания, чем по ст. 297 УК РФ, включая ч. 1 данной статьи, где потерпевшими могут быть лица, вообще не относящиеся к числу представителей власти.

Из таблиц 3 и 4 видно, что, несмотря на нестабильное соотношение удельного веса штрафа

и обязательных работ, назначаемых осужденным по ч. 1 ст. 297 УК РФ, доля лиц, которым назначался штраф, в исследуемый период всегда была существенно ниже доли лиц, осуждаемых к обязательным работам, причем если в 2020 г. эти показатели составляли соответственно 38,46 % и 61,54 %, то в 2021 г. — 12,12 % и 87,88 %, в 2022 г. — 25,0 % и 75,0 %, в 2023 г. — 17,74 % и 82,26 %.

В целом удельный вес лиц, осужденных по ч. 1 ст. 297 УК РФ за оскорбление участников судебного разбирательства к обязательным работам, в последние три года в 3–7,25 раз превышал удельный вес лиц, осужденных к штрафу.

¹ В таблицах 2, 4 и 6 при подсчете удельного веса из общего числа осужденных были исключены лица, освобожденные по приговору суда от наказания по различным основаниям (в отчетности Судебного департамента при Верховном Суде РФ они не учитываются в числе осужденных к отдельным видам наказаний, но включены в общее число осужденных).

Таблица 3

Количество лиц, осужденных в Российской Федерации по ч. 1 ст. 297 УК РФ в 2019–2023 гг. к различным видам наказаний (по данным статистической отчетности Судебного департамента при Верховном Суде РФ (форма № 10.3) [9–13])

	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Всего осуждено	76	55	67	54	63
Обязательные работы	48	32	58	39	51
Штраф	26	20	8	13	11
Иные виды наказания	1	0	0	0	0
Освобождено от наказания	1	3	1	2	1

Таблица 4

Удельный вес лиц, осужденных в Российской Федерации по ч. 1 ст. 297 УК РФ в 2019–2023 гг. к различным видам наказаний, в общем числе осужденных за указанное преступление (%) (на основе анализа данных статистической отчетности Судебного департамента при Верховном Суде РФ)

	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Обязательные работы	64,0	61,54	87,88	75,0	82,26
Штраф	34,67	38,46	12,12	25,0	17,74
Иные виды наказания	1,330	0	0	0	0

Подводя итог сравнению данных о фактической пенализации преступлений, предусмотренных ст. 319 и ч. 1 ст. 297 УК РФ, подчеркнем, что хотя санкция ч. 1 ст. 297 УК РФ с учетом содержащихся в ней видов наказаний, которые могут избираться судом, является более мягкой, чем санкция ст. 319 УК РФ, при назначении наказания за данное преступление приоритет отдается наиболее суровому виду наказания, закрепленному в санкции, — обязательным работам. Противоположная ситуация складывается при определении наказания по ст. 319 УК РФ: несмотря на то, что ее санкция дает возможность назначить даже более суровый вид наказания, чем ч. 1 ст. 297 УК РФ, — исправительные работы, суды преимущественно избирают наименее суровый вид наказания из санкции — штраф. Таким образом, мягкая карательная практика, складывающаяся при назначении наказания за публичное оскорбление представителя власти, оказывается результатом не столько недостаточной жесткости санкции ст. 319 УК РФ, сколько оценки данного преступления судами как обладающего незначительной общественной опасностью и в силу этого в большинстве случа-

ев не требующего более сурового наказания, чем штраф.

Обращение к статистическим данным, отражающим практическую пенализацию оскорбления лиц, участвующих в отправлении правосудия (ч. 2 ст. 297 УК РФ), показывает, что чаще всего в 2019–2023 гг. осужденным за это преступление назначались исправительные работы, которые являются наиболее суровым видом наказания, включенным в санкцию. Наименьший удельный вес лиц, осужденных по ч. 2 ст. 297 УК РФ к исправительным работам, был зафиксирован в 2020 г. (57,9 %); наибольший — в 2021 г. (73,13 %). Доля лиц, осужденных к штрафу как наиболее мягкому виду наказания, составляла в указанный период от 11,54 % (2022 г.) до 19,3 % (2020 г.).

Как видим, практика назначения наказания по ч. 2 ст. 297 УК РФ в основных тенденциях повторяет практику назначения наказания по ч. 1 той же статьи, что выражается в преимущественном назначении наиболее сурового вида наказания, предусмотренного санкцией (для ч. 2 ст. 297 УК РФ это исправительные работы), и относительно небольшом удельном весе штрафа как наиболее

мягкого вида наказания. Что же касается практической пенализации публичного оскорбления представителя власти, то она демонстрирует противоположные тенденции: приоритетное применение самого мягкого вида наказания, установленного санкцией (штрафа), и гораздо меньшую по сравнению со штрафом частоту назначения обязательных работ и исправительных работ. С учетом того, что карательный потенциал санкции ст. 319 УК РФ, связанный с возможностью более широкого применения обязательных работ и исправительных работ, судами в полной мере

не используется, предложения о необходимости усиления санкции за счет включения в нее иных более суровых наказаний (в частности, ограничения свободы, лишения свободы) представляются преждевременными. Очевидно, что ужесточение практики назначения наказания за публичное оскорбление представителя власти может быть достигнуто и без изменения круга наказаний, закрепленных в санкции, — путем сокращения применения штрафа и смещения приоритета в сторону избрания более суровых видов наказаний, уже входящих в санкцию.

Таблица 5

Количество лиц, осужденных в Российской Федерации по ч. 2 ст. 297 УК РФ в 2019–2023 гг. к различным видам наказаний (по данным статистической отчетности Судебного департамента при Верховном Суде РФ (форма № 10.3) [9–13])

	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Всего осуждено	80	59	71	82	84
Исправительные работы	57	33	49	48	57
Обязательные работы	8	12	8	18	11
Штраф	13	11	10	9	11
Условное осуждение к исправительным работам	0	1	0	2	0
Иные виды наказания	0	0	0	1	1
Освобождено от наказания	2	2	4	4	4

Таблица 6

Удельный вес лиц, осужденных в Российской Федерации по ч. 2 ст. 297 УК РФ в 2019–2023 гг. к различным видам наказаний, в общем числе осужденных за указанное преступление (%) (на основе анализа данных статистической отчетности Судебного департамента при Верховном Суде РФ)

	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Исправительные работы	73,08	57,90	73,13	61,54	71,25
Обязательные работы	10,25	21,05	11,94	23,08	13,75
Штраф	16,67	19,30	14,93	11,54	13,75
Условное осуждение к исправительным работам	0	1,75	0	2,56	0
Иные виды наказания	0	0	0	1,28	1,25

Поскольку штраф является наиболее распространенным наказанием, назначаемым за публичное оскорбление представителя власти, особый интерес представляет изучение данных о размерах назначенных штрафов, которые в рамках проведенного исследования были получены из статистической отчетности Судебного департамента при Верховном Суде РФ и сведены в таблицы 7 и 8. Подавляющему большинству лиц, осужденных по ст. 319 УК РФ к штрафу, он назначается в размере, не превышающем двадцати пяти тысяч рублей, хотя максимальный размер штрафа, установленный в санкции, — сорок тысяч рублей. В 2023 г. удельный вес лиц, которым штраф был назначен

в размере свыше двадцати пяти тысяч рублей, составлял всего 3,39 % от общего числа осужденных по ст. 319 УК РФ к данному виду наказания, а в 2019–2022 гг. этот показатель был еще меньше. Обращает на себя внимание и значительная доля лиц, которым штраф был назначен в размере, не превышающем пяти тысяч рублей: в разные годы анализируемого периода она составляет от 19,39 % (2023 г.) до 23,99 % (2020 г.). Иначе говоря, каждому пятому осужденному за оскорбление представителя власти к такому наказанию, как штраф, он назначается в размере не свыше пяти тысяч рублей, что, конечно, не соответствует реальной степени общественной опасности данного преступления.

Таблица 7

Количество лиц, осужденных в Российской Федерации по ст. 319 УК РФ в 2019–2023 гг. к наказанию в виде штрафа, с распределением по размерам штрафа (по данным статистической отчетности Судебного департамента при Верховном Суде РФ (форма № 10.3.1) [9–13])

	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Осуждено к штрафу	4457	4281	3390	2358	1949
До 5 тыс. руб. вкл.	1016	1027	712	487	378
Свыше 5 тыс. до 25 тыс. руб. вкл.	3366	3180	2591	1816	1505
Свыше 25 тыс. до 100 тыс. руб. вкл.	75	74	87	55	66

Таблица 8

Удельный вес лиц, осужденных в Российской Федерации по ст. 319 УК РФ в 2019–2023 гг. к различным размерам штрафа, в общем числе лиц, которым за данное преступление назначено наказание в виде штрафа (%) (на основе анализа данных статистической отчетности Судебного департамента при Верховном Суде РФ)

	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
До 5 тыс. руб. вкл.	22,8	23,99	21,0	20,65	19,39
Свыше 5 тыс. до 25 тыс. руб. вкл.	75,52	74,28	76,43	77,02	77,22
Свыше 25 тыс. до 100 тыс. руб. вкл.	1,68	1,73	2,57	2,33	3,39

Анализ среднего размера штрафа, назначенного по ст. 319 УК РФ, также свидетельствует о том, что суды оценивают это преступление как обладающее незначительной общественной опасностью. Представленные в таблице 9 данные отражают положительную динамику среднего размера штрафа (от 9485 рублей в 2020 г. до 11 095 рублей в 2023 г.), но в то же время показывают, что

в целом средний размер штрафа нельзя назвать существенным: он примерно в четыре раза ниже максимального размера штрафа, установленного санкцией ст. 319 УК. При этом средний размер штрафа по ч. 2 ст. 297 УК РФ, устанавливающей ответственность за оскорбление судьи, присяжного заседателя, других лиц, участвующих в отправлении правосудия, в несколько раз выше (за

исключением 2021 г.), хотя он также кратно ниже максимального размера штрафа, предусмотренного в санкции. Очевидно, что препятствием для назначения за оскорбление представителя власти

штрафов в более ощутимом для осужденных размере является заниженный максимальный предел штрафа в санкции ст. 319 УК РФ, требующий корректировки.

Таблица 9

Средний размер штрафа, назначенного в качестве основного наказания лицам, осужденным в Российской Федерации по ст. 319, ч. 1 и ч. 2 ст. 297 УК РФ в 2019–2023 гг. (руб.)
(на основе анализа данных статистической отчетности Судебного департамента при Верховном Суде РФ)

	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Ст. 319 УК РФ	9509	9485	10 012	10 403	11 095
Ч. 1 ст. 297 УК РФ	19 308	15 675	13 625	13 000	14 091
Ч. 2 ст. 297 УК РФ	31 038	27 455	17 200	46 111	50 000

Подводя итог, необходимо отметить, что практика назначения наказания за преступление, предусмотренное ст. 319 УК РФ, традиционно характеризуется излишней мягкостью, что, однако, лишь частично можно объяснить недостатками санкции. Карательный потенциал санкции, которая позволяет судам избирать в качестве видов наказаний не только штраф, но и более суровые наказания (обязательные работы и исправительные работы), в полной мере ими не используется: преимущественно назначается наиболее мягкое наказание — штраф. С учетом этого отсутствует необходимость включения в санкцию иных видов наказаний, более суровых, чем исправительные

работы (ограничение свободы, лишение свободы). Тем не менее санкция требует ужесточения в части максимальных пределов уже включенных в нее наказаний, особенно штрафа. Унификация максимальных пределов наказаний в санкциях ст. 319 и ч. 2 ст. 297 УК РФ не только устранил необоснованную дифференциацию ответственности за оскорбление представителя власти в зависимости от принадлежности его к той или иной ее ветви, но и приведет к более точному отражению типовой степени общественной опасности деяния, предусмотренного ст. 319 УК РФ, в санкции и формированию более справедливой практики назначения наказания по данной статье.

Список источников

1. Брагина А. Г. Уголовная ответственность за оскорбление представителя власти: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2006.
2. Смоляков Е. В. Уголовно-правовое противодействие преступлениям, посягающим на здоровье, честь и достоинство представителя власти: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2015.
3. Ларин В. Ю. Пенализация оскорбления сотрудника органов внутренних дел // Юридическая наука. 2014. № 4. С. 53–56.
4. Ларин В. Ю. Уголовная ответственность за оскорбление сотрудника органа внутренних дел, осуществляющего функции представителя власти: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022.
5. Табаков Д. А. Назначение наказания за оскорбление представителя власти: анализ судебной практики // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2016. № 2. С. 17–19.
6. Беляков А. В., Латыпова Д. М., Мусалева А. В. Уголовно-правовые, криминологические и процессуальные аспекты защиты чести и достоинства сотрудника УИС: учебное пособие. Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2019.
7. Брагина А. Г. Преступления против законной деятельности сотрудников органов внутренних дел: уголовно-правовой аспект: учебное пособие. Барнаул: БЮИ МВД России, 2017.
8. Филиппов П. А. Преступления против порядка управления: закон, теория, практика: монография. М.: Зерцало-М, 2017.
9. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2019 год // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5259> (дата обращения: 26.04.2024).
10. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2020 год // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (дата обращения: 26.04.2024).

11. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2021 год // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6121> (дата обращения: 26.04.2024).

12. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2022 год // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=7649> (дата обращения: 26.04.2024).

13. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2023 год // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8690> (дата обращения: 26.04.2024).

References

1. Bragina A. G. Ugolovnaya otvetstvennost' za oskorblenie predstavatelya vlasti: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Krasnoyarsk, 2006.

2. Smolyakov E. V. Ugolovno-pravovoe protivodejstvie prestupleniyam, posyagayushchim na zdorov'e, chest' i dostoinstvo predstavatelya vlasti: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Krasnodar, 2015.

3. Larin V. Yu. Penalizaciya oskorbleniya sotrudnika organov vnutrennih del // Yuridicheskaya nauka. 2014. № 4. S. 53-56.

4. Larin V. Yu. Ugolovnaya otvetstvennost' za oskorblenie sotrudnika organa vnutrennih del, osushchestvlyayushchego funkcii predstavatelya vlasti: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2022.

5. Tabakov D. A. Naznachenie nakazaniya za oskorblenie predstavatelya vlasti: analiz sudebnoj praktiki // Aktual'nye voprosy bor'by s prestupleniyami. 2016. № 2. S. 17-19.

6. Belyakov A. V., Latypova D. M., Musaleva A. V. Ugolovno-pravovye, kriminologicheskie i processual'nye aspekty zashchity chesti i dostoinstva sotrudnika UIS: uchebnoe posobie. Samara: Samarskij yuridicheskij institut FSIN Rossii, 2019.

7. Bragina A. G. Prestupleniya protiv zakonnoj deyatelnosti sotrudnikov organov vnutrennih del: ugolovno-pravovoj aspekt: uchebnoe posobie. Barnaul: BYuI MVD Rossii, 2017.

8. Filippov P. A. Prestupleniya protiv poryadka upravleniya: zakon, teoriya, praktika: monografiya. M.: Zercalo-M, 2017.

9. Svodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 2019 god // Sudebnyj departament pri Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5259> (data obrashcheniya: 26.04.2024).

10. Svodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 2020 god // Sudebnyj departament pri Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (data obrashcheniya: 26.04.2024).

11. Svodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 2021 god // Sudebnyj departament pri Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6121> (data obrashcheniya: 26.04.2024).

12. Svodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 2022 god // Sudebnyj departament pri Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=7649> (data obrashcheniya: 26.04.2024).

13. Svodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 2023 god // Sudebnyj departament pri Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8690> (data obrashcheniya: 26.04.2024).

Информация об авторе

T. A. Plaksina — доктор юридических наук, доцент.

Information about the author

T. A. Plaksina — Doctor of Science (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 26.04.2024; одобрена после рецензирования 16.06.2024; принята к публикации 27.08.2024.

The article was submitted 26.04.2024; approved after reviewing 16.06.2024; accepted for publication 27.08.2024.

Алтайский юридический вестник. 2024. № 3 (47). С. 213–217.

Altai Law Journal. 2024. № 3 (47). P. 213–217.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.9

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГРУППОВОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Николай Сергеевич Сорокун¹, Ольга Владимировна Ермакова²

¹ Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Россия

² Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия

Аннотация. Авторы раскрывают проблемы понимания форм соучастия, предлагается их классификация по такому признаку, как наличие предварительного сговора. Отдельное внимание уделяется сложным формам соучастия — организованной группе и преступному сообществу. Авторами с позитивной стороны оценивается изменение понятия преступного сообщества, произошедшее в 2010 г., предлагается несколько различных форм структурированных групп. В блоке, посвященном вопросам криминологической характеристики групповой преступности, авторами предлагаются основные ее показатели, причины и условия, а также современные способы борьбы с данным негативным явлением.

Ключевые слова: формы соучастия, групповая преступность, организованная группа, преступное сообщество

Для цитирования: Сорокун Н. С., Ермакова О. В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты групповой преступности // Алтайский юридический вестник. 2024. № 3 (47). С. 213–217.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

CRIMINAL AND CRIMINOLOGICAL ASPECTS OF GROUP CRIME

Nikolay S. Sorokun¹, Olga V. Ermakova²

¹ Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russia

² Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, ermakova_alt@mail.ru

Abstract. The presented work is complex in nature and reveals the criminal legal and criminological features of group crime. In particular, the authors reveal the problems of understanding forms of complicity and propose their classification according to such criteria as the presence of a preliminary conspiracy. Special attention is paid to complex forms of complicity - an organized group and a criminal community. The authors positively assess the change in the concept of a criminal community that occurred in 2010 and propose several different forms of a structured group. In the block devoted to the criminological characteristics of group crime, the authors propose its main indicators, causes and conditions, as well as modern methods of combating this negative phenomenon.

Keywords: forms of complicity, group crime, organized group, criminal community

For citation: Sorokun N. S., Ermakova O. V. Criminal and criminological aspects of group crime. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal.* 2024;3:213–217 (In Russ.).

© Сорокун Н. С., Ермакова О. В., 2024

Количество преступлений, совершаемых группами лиц, за последние годы значительно возросло и охватывает все виды преступлений и сферы преступной деятельности. Групповая преступность представляет собой повышенную общественную опасность, ведь в процессе ее осуществления объединяются усилия нескольких лиц с целью достижения общественно опасных последствий, которые являются более значительными, чем в результате действий одного лица.

Изучение совместной преступной деятельности еще не привело к созданию общепринятой концепции групповой преступности, ведь не совпадают цели и задачи, стоящие перед различными науками, которые изучают те или иные аспекты данного явления. Уровень групповой преступности при совершении различных преступлений неодинаков, а следовательно, это является проблемой, требующей глубокого уголовно-правового и криминологического исследования. В литературе нет единого понимания используемой терминологии, отсутствует унифицированный подход при выборе критериев классификации групповой преступности.

Недостаточное исследование криминологических аспектов групповой преступности или их ложная интерпретация сказываются на качестве уголовно-правового регулирования. Своевременность обращения к теме групповой преступности, в частности, обусловлена и тем, что в уголовном законодательстве определены формы соучастия в преступлении. И хотя в России за последние годы проведено несколько уголовно-правовых исследований соучастия в преступлении, криминологические исследования групповой преступности в целом, а не отдельных ее видов фактически не осуществлялись. К тому же и в рамках уголовно-правовой науки до настоящего времени четко не определены критерии отграничения преступных групп между собой, поскольку понятия организованной группы и преступного сообщества изобилуют оценочными признаками (например, используются такие термины, как устойчивость, структурированность и т. д.).

Поэтому изучение проблем групповой преступности на основе комплексного подхода уголовно-правовых и криминологических наук — это необходимый шаг к формированию научно обоснованной основы противодействия не только групповой, но и организованной преступности.

Остаются малоизученными механизмы группообразования, перерождения и превращения социально нейтральных групп в асоциальные и преступные группы, закономерности функционирования

и развития преступных групп, методы переориентации, разоблачения преступных групп.

Групповая преступность имеет общие социально-психологические закономерности, но имеющиеся криминологические исследования недостаточно используют достижения социально-психологической теории во время анализа определенных видов группового преступного поведения, ограничиваясь преимущественно социально-культурной, демографической и правовой характеристикой отдельно взятых участников группового преступления. Преступная группа как необходимое условие понимания групповой преступности не получила адекватного освещения и надлежащего анализа в криминологической науке.

Определение понятия групповой преступности является сложной и многогранной проблемой, поскольку она обусловлена различными аспектами не только юридической, но и других общественных наук. Следует отметить комплексный характер исследования групповой преступности, поскольку задачи, поставленные в статье, решаются на стыке криминологии, уголовного права и социальной психологии.

Современное уголовное законодательство для привлечения к ответственности за деяния, совершенные совместно двумя и более лицами, использует институт соучастия.

Достаточно сложным представляется вопрос о формах соучастия. В науке уголовного права предлагается деление соучастия в преступлении на простое и сложное [1, с. 48]. При этом основанием такой классификации выступает наличие предварительного сговора между соучастниками.

В юридической науке при анализе состояния дел в борьбе с организованной преступностью отдельно выделяется деятельность организованных преступных групп и преступных сообществ [2, с. 72–80]. Полагаем, данные группы абсолютно обоснованно следует относить к сложной форме, для которой характерны не только договоренность о совместной деятельности до начала выполнения объективной стороны, но и иерархическая структура членов группы, четкое распределение ролей и т. д.

В статье 35 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) понятия «преступные группы», «формы соучастия» не используются. Законодатель, применив казуистический способ, перечисляет все возможные разновидности групп [3, с. 21].

Полагаем, такой подход недостаточно оправдан, поскольку в ч. 4 ст. 150 УК РФ предусматривается ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в *преступную группу* (курсив

авт. — Н. С., О. В.). Соответственно, при отсутствии такого обобщенного понятия в Общей части УК РФ остается неясным, о каких разновидностях совместной преступной деятельности идет речь. В связи с этим предлагаем изменить название ст. 35 УК РФ, использовав словосочетание «виды преступных групп».

Отдельной проблемой выступает определение организованной группы и преступного сообщества.

В частности, исходя из буквального толкования ч. 3 ст. 35 УК РФ организованная группа предполагает два обязательных признака: первый из которых (устойчивость) обладает оценочным характером и не имеет четких критериев; а второй — направленность на совершение одного или нескольких преступлений — вообще нельзя признать отличительным, поскольку любая группа, за исключением лишь группы лиц без предварительного сговора, характеризуется данным стремлением.

В связи с этим считаем необходимым выделить такие признаки организованной группы, которые отличались бы единообразным толкованием и способствовали ее отграничению от других видов. К примеру, возможно заимствование из постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.01.1997 № 1 таких признаков, как наличие руководителя, распределение ролей, длительность существования и их фиксация в самом УК РФ.

Относительно понятия преступного сообщества следует отметить, что решение законодателя отказаться от признака «сплоченность», заменив его на «структурированность», выглядит достаточно обоснованным. На самом деле единичное количество судебной практики по ст. 210 УК РФ до 2010 г. как раз объясняется невозможностью отграничения оценочных понятий «сплоченность» и «устойчивость», характеризующих сообщество и организованную группу. Вследствие этого в правоприменительной деятельности зачастую происходила перекалфикация преступного сообщества на организованную группу.

Полагаем, именно признак структурированности, означающий сложность внутренней структуры образования, позволяет с уверенностью констатировать наличие преступного сообщества. При этом анализ судебной практики Алтайского края свидетельствует о наличии двух возможных форм данного формирования:

1. Единая группа, которая имеет внутреннее деление на несколько групп по территориальному признаку.

2. Группа, подразделения которой имеют различия в осуществляемой деятельности.

Обязательность внутреннего деления группы подтверждается и судебной практикой. Так, К. создал образование, отличающееся наличием структурных подразделений (звеньев), каждое из которых возглавлял «старший». В группе была четкая иерархия, существовали жесткие правила поведения и дисциплина¹.

В целом признавая признак структурированности обоснованным и позволяющим выделить сообщество из других форм соучастия, полагаем, закрепление в ч. 4 ст. 35 УК РФ такого признака, как получение финансовой выгоды (прямо или косвенно), достаточно спорно. Если законодатель сам допускает возможность отсутствия прямой связи между деятельностью сообщества и получением выгоды, что доказывается наличием косвенной связи, то, соответственно, нелогично выглядит обязательность такого признака. В связи с этим предлагаем ограничить цель преступного сообщества лишь направленностью на совершение тяжких и особо тяжких преступлений.

Групповая преступность как самостоятельное явление, помимо уголовно-правовой характеристики, имеет свои показатели, особенности и тенденции развития.

Согласно данным статистики, по групповым преступлениям видно, что основная их часть совершается именно мужчинами. Однако в последнее время можно констатировать, что увеличилось число женщин, совершающих групповые преступления. Для женского пола свойственно совершение противоправных действий в форме мошенничества. При совершении таких преступлений женщины часто проникают в чужое жилище либо под каким-либо предлогом вынуждают граждан выйти из квартиры или дома на определенное время. Нередко при совершении таких преступлений задействованы молодые женщины, которые перед квартирой потенциальных потерпевших разыгрывают какую-либо сцену, например приступа болезни [4, с. 101–103].

Возраст преступника также является одним из наиболее важных элементов характеристики, т. к. именно он оказывает влияние на формирование личности и его поведение.

Вместе с тем необходимо отметить, что удельный вес девушек среди осужденных, совершающих преступления в группе, в последнее время только увеличивается. Такое состояние связано прежде всего с тем, что происходит определен-

¹ Кассационное определение Верховного Суда РФ по уголовному делу № 75-008-12. URL: <https://vsrf.ru> (дата обращения: 18.03.2024).

ная переориентация женского поведения в целом и женской преступности в частности. Женщины становятся более агрессивными, сексуально раскованными, а в некоторых случаях развращенными, их поведение отличается повышенной степенью жестокости и дерзости.

Наибольшее количество преступлений женщины совершают в возрасте от 16 до 25 лет, удельный вес которых среди всех осужденных женского пола, совершенных в группах, составил почти 50,0 %. Подавляющее большинство осужденных за групповые преступления девушек (почти 95,0 %) совершили свои преступления в составе «смешанных» групп (т. е. вместе с лицами мужского пола). Их реальный «вклад» в групповую преступность можно считать и значительно большим, что в определенной степени подтверждается результатами анализа функций, которые они выполняют в группах. Главная из этих функций — поддержание внутреннего равновесия в группе, обеспечение жизнедеятельности группы [5, с. 60–64].

Организованность преступной деятельности и криминальная профессионализация, как отмечал И. И. Карпец, «которые в теории совсем недавно, не углубляясь в содержание процесса, почти начисто отрицались», являются в настоящее время одной из острейших проблем борьбы с преступностью [2, с. 72–80].

Анализ научных трудов, посвященных исследованию различных видов групповой преступности, позволяет прийти к выводу, что при определении детерминант групповой преступности внимание, как правило, сосредотачивается на факторах, которые обуславливают тот или иной вид преступного поведения — корыстный, насильственный, хулиганский и т. д. Это, в частности, обусловлено тем, что определенные виды преступлений совершаются в групповых формах чаще, чем другие. Такие выводы подтверждаются статистическими данными. Так, среди групповых преступлений краж совершено 33,6 %, грабежей — 20,1 %, разбойных нападений — 10,2 %, хулиганств — 14,9 %, убийств — 2,0 %, телесных повреждений — 5,3 %, изнасилований и покушений — 5,0 %, мошенничеств — 3,9 %, других преступлений — 5,0 %.

Совершение преступлений в группах объясняется склонностью людей к групповому поведению, что детерминировано самой человеческой природой. В соответствии с этим детерминанты возникновения групповой преступности следует искать в самой человеческой природе, а потому необходимо социально-психологическое исследование механизма возникновения групп преступной направленности.

Необходимо отметить и условия, детерминирующие совершение преступлений организован-

ными группами и преступными организациями, такие как алкоголизм, бедность, безработица, отсутствие образования, специфика традиций и обычаев, безнаказанность, безнадзорность за детьми, нестабильная экономическая и политическая ситуация в стране, отсутствие активного противодействия со стороны населения, жестокое отношение общества, тяжелые условия проживания, миграционные процессы.

Все чаще в качестве членов преступных групп выступают лица молодого возраста, т. к. они недостаточно иммунизированы по отношению к криминальным воздействиям. Более того, речь идет о соответствующей склонности к использованию микрогрупп в качестве своеобразного стимулятора преступной активности. Именно в групповой среде происходит деперсонализация, которая приводит к снижению личной ответственности.

Дефекты в воспитании, обусловленные структурой неполной семьи, способствуют росту подверженности лица групповому давлению и общему уровню конформности, что с большей вероятностью приводит к выбору преступного поведения под влиянием микрогруппы сверстников [8, с. 22].

С субъективной стороны групповые преступления молодежи характеризуются импульсивностью совершения и слабым выражением сознательной преступной мотивации. Более того, в подавляющем числе случаев сам акт часто не определяется субъектами совершения как преступление в серьезном смысле этого слова, а, скорее, как игра, имитация или проступок.

Следовательно, причины организованной преступности можно разделить на общие, т. е. вызванные противоречиями в социально-экономическом развитии общества или проблемами социально-культурной и духовной сферы жизнедеятельности, и непосредственные, обусловленные индивидуальными и морально-психологическими факторами. К условиям организованной преступности относятся факторы морального формирования личности, которые способствуют преступному поведению и совершению различных видов преступлений, а также достижению преступного следствия. Основными причинами и условиями, способствующими преступной деятельности организованных групп и преступных организаций, являются недостаточная профилактическая работа со стороны работников правоохранительных органов, недостатки воспитательного характера (воспитание в семье, просчеты в образовании и др.), социально-психологические факторы (недостаточная правовоспитательная работа с населением, процесс расслоения общества по имущественному состоянию и т. п.), несовершенство действующего уголовного или уголовно-про-

цессуального законодательства, организационно-хозяйственные факторы (недостатки системы учета и отчетности, недостатки нормативно-правового регулирования общественно-экономических отношений и др.), морально-психологические недостатки отдельных лиц, наличие в регионе активных организованных преступных групп и миграционные процессы в связи с обострением геополитической ситуации в мире. Для противодействия преступлениям, совершаемым организованными группами и преступными организациями, необходимо влияние именно на эти факторы общественной жизни.

Таким образом, в проведенном исследовании на основе изучения проблем понимания преступ-

ных групп и особенностей групповой преступности выделены особенности уголовно-правовой и криминологической политики по ее предупреждению. В частности, уголовно-правовое предупреждение сопряжено неоднозначным подходом законодателя к пониманию различных преступных групп. Особенно явно это проявляется в определении организованной группы и преступного сообщества, признаки которых отличаются оценочным характером. Криминологическое предупреждение групповой преступности как комплекс мер возможно только на основе анализа основных тенденций ее существования и изучения соответствующих причин и условий.

Список источников

1. Шеслер А. В. Соучастие в преступлении. Новокузнецк: Кузбасский институт ФСИН России, 2014. 84 с.
2. Карпец И. И. Социалистическая криминология (состояние, задачи) // Советское государство и право. 1987. № 9. С. 72–80.
3. Ермакова О. В. Теория моделирования состава преступления. Барнаул: БЮИ МВД России, 2023. 91 с.
4. Чеченов А. М. Характеристика личности членов организованных преступных групп // Теория и практика общественного развития. 2015. № 19. С. 101–103.
5. Прозументов Л. М. Организованная группа как форма соучастия в преступлении в действующем российском законодательстве // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 4 (18). С. 60–64.
6. Симоненко А. В. Криминологические проблемы воспитания и его роль в предупреждении преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М.: Моск. ун-т МВД России, 2005.

References

1. Shesler A. V. Souchastie v prestuplenii. Novokuzneck: Kuzbasskij institut FSIN Rossii, 2014. 84 s.
2. Karpec I. I. Socialisticheskaya kriminologiya (sostoyanie, zadachi) // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1987. № 9. S. 72–80.
3. Ermakova O. V. Teoriya modelirovaniya sostava prestupleniya. Barnaul: BYuI MVD Rossii, 2023. 91 s.
4. Chechenov A. M. Harakteristika lichnosti chlenov organizovannyh prestupnyh grupp // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2015. № 19. S. 101–103.
5. Prozumentov L. M. Organizovannaya gruppya kak forma souchastiya v prestuplenii v dejstvuyushchem rossijskom zakonodatel'stve // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. 2015. № 4 (18). S. 60–64.
6. Simonenko A. V. Kriminologicheskie problemy vospitaniya i ego rol' v preduprezhdenii prestuplenij: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. M.: Mosk. un-t MVD Rossii, 2005.

Информация об авторах

Н. С. Сорокун — кандидат юридических наук.

О. В. Ермакова — доктор юридических наук, доцент.

Information about the authors

N. S. Sorokun — Candidate of Science (Law).

O. V. Ermakova — Doctor of Science (Law), Associate Professor.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 22.04.2024; одобрена после рецензирования 26.06.2024; принята к публикации 27.08.2024.

The article was submitted 22.04.2024; approved after reviewing 26.06.2024; accepted for publication 27.08.2024.

Алтайский юридический вестник. 2024. № 3 (47). С. 218–224.

Altai Law Journal. 2024. № 3 (47). P. 218–224.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.148

ВЛИЯНИЕ ПРОДУКТОВ ТЕРМИЧЕСКОГО РАЗЛОЖЕНИЯ ПОЛИВИНИЛХЛОРИДНЫХ ЛИНОЛЕУМОВ НА ОБНАРУЖЕНИЕ И ИДЕНТИФИКАЦИЮ ИНТЕНСИФИКАТОРОВ ГОРЕНИЯ МЕТОДОМ ФЛУОРЕСЦЕНТНОЙ СПЕКТРОСКОПИИ

Иван Сергеевич Щербаков¹, Анатолий Александрович Шеков², Валерий Валерьевич Овсянников³

¹ Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия, ivan_7@mail.ru

² Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России, Железногорск, Россия, shek@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2111-718X>

³ Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, vvovsyannikov22@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты исследования методом флуоресцентной спектроскопии экстрактивных компонентов с обугленных остатков поливинилхлоридных линолеумов. Установлено, что спектры экстрактов с линолеумов, полученных в результате обжига при температурах от 200 до 500°C, имеют максимумы флуоресценции, характерные для би- и триароматических углеводородов. Экстрактивные компоненты с обугленных остатков линолеумов ограничивают применение метода флуоресцентной спектроскопии в обнаружении и идентификации нативных и испаренных дизельных топлив, смазочных материалов, применяемых при поджогах в качестве интенсификаторов горения.

Ключевые слова: пожар, поджог, интенсификаторы горения, легковоспламеняющиеся жидкости, судебная экспертиза, флуоресцентная спектроскопия

Для цитирования: Щербаков И. С., Шеков А. А., Овсянников В. В. Влияние продуктов термического разложения поливинилхлоридных линолеумов на обнаружение и идентификацию интенсификаторов горения методом флуоресцентной спектроскопии // Алтайский юридический вестник. 2024. № 3 (47). С. 218–224.

CRIMINAL LAW SCIENCES

Original article

EFFECT OF THERMAL DECOMPOSITION PRODUCTS OF POLYVINYL CHLORIDE LINOLEUM ON THE DETECTION AND IDENTIFICATION OF FIRE ACCELERATORS BY FLUORESCENCE SPECTROSCOPY

Ivan S. Shcherbakov¹, Anatoly A. Shekov², Valeriy V. Ovsyannikov³

¹ East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia, ivan_7@mail.ru

² Siberian Fire and Rescue Academy of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Zheleznogorsk, Russia, shek@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2111-718X>

³ Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, vvovsyannikov22@mail.ru

Abstract. The article presents the results of a fluorescence spectroscopy study of extractive components from charred residues of polyvinyl chloride linoleum. It was found that the spectra of extracts from linoleum obtained as a result of firing at temperatures from 200 to 500 °C have fluorescence maxima characteristic of bi- and triaromatic hydrocarbons. Extractive components from charred linoleum residues limit the use of the fluorescence spectroscopy method in the detection and identification of native and evaporated diesel fuels, lubricants used in arson as fire accelerators.

Keywords: fire, arson, fire accelerators, flammable liquids, forensic examination, fluorescence spectroscopy

For citation: Shcherbakov I. S., Shekov A. A., Ovsyannikov V. V. Effect of thermal decomposition products of polyvinyl chloride linoleum on the detection and identification of fire accelerators by fluorescence spectroscopy. *Altajskij juridicheskij vestnik = Altai Law Journal*. 2024;3:218–224 (In Russ.).

© Щербаков И. С., Шеков А. А., Овсянников В. В., 2024

В соответствии со статистическими данными ежегодно в Российской Федерации регистрируется около 360 тыс. пожаров [1], из которых до 4 % возникает в результате поджога.

Умышленные действия поджигателей, как правило, направлены на уничтожение или повреждение чужого имущества по мотивам зависти, ревности, конкуренции, устрашения, в т. ч. при совершении преступлений террористической и экстремистской направленности, из хулиганских побуждений, а также на скрытие следов совершения кражи, мошенничества с целью получения страховых выплат, убийства и иных видов преступлений [2, 3]. Выбор преступниками поджога в таких случаях обусловлен быстрым развитием горения при внесении мощного источника зажигания и интенсификаторов горения, когда признаки очага пожара не успевают сформироваться, нивелируются или полностью исчезают. В результате экспертная задача, связанная с установлением места первоначального возникновения горения, становится трудноразрешимой, а выводы о технической причине возникновения пожара зачастую носят вероятностный характер. Кроме того, при значительном повреждении объекта в результате теплового воздействия и действий по тушению пожара уничтожаются традиционные криминалистические следы (объекты дактилоскопической, трасологической экспертизы), объекты ДНК-анализа и иная криминалистически важная информация [4, 5].

Наряду с установлением двух и более мест первоначального возникновения горения, обнаружением элементов устройств для совершения поджога в очаговой зоне, динамикой пожара, характеризующейся быстрым распространением горения, квалификационным признаком поджога является выявление в очаге пожара следов интенсификаторов (инициаторов) горения. В качестве них традиционно используются доступные светлые нефтепродукты (бензины и дизельные топлива), в редких случаях — бытовые растворители на основе индивидуальных углеводов или их смесей, жидкости для розжига [6].

Указанные легковоспламеняющиеся и горючие жидкости могут сохраниться после пожара на полу под пожарным мусором, под мебелью, на напольном покрытии в виде ламинатов, линолеумов, ковров, под ним или в его объеме, в щелях между досками деревянного пола, на обратной стороне досок деревянного пола, на грунте под полом, т. е. в зонах с низкой температурой или в зонах, где исключено воздействие тепла пожара на следы интенсификаторов горения и объекты-носители [7].

Интенсификаторы горения для проведения экспертного исследования, как правило, представляются эксперту в виде следов на фрагментах строительных материалов и конструкций, предметов вещной обстановки, зачастую имеющих признаки термических повреждений. В этом случае трудность обнаружения и идентификации интенсификатора горения обусловлена не только изменением его компонентного состава в результате испарения легких фракций при тепловом воздействии, но и влиянием продуктов термического разложения самого предмета-носителя.

Особую актуальность данная проблема приобретает при проведении исследования экстрактов, полученных с предметов-носителей интенсификаторов горения, методом флуоресцентной спектроскопии. В отличие от методов газовой и жидкостной хроматографии, инфракрасной спектроскопии, применяемых при исследовании легковоспламеняющихся и горючих углеводородных жидкостей, флуоресцентная спектроскопия характеризуется простотой проведения эксперимента, интерпретации результатов и одновременно малой информативностью получаемых спектров.

Идентификация интенсификаторов горения основана на определении в спектре максимумов флуоресценции (пиков) в диапазонах длин волн 270–300, 300–330, 340–370 нм, которые относятся к моно-, би- и триароматическим углеводородам соответственно, а также максимумов в области 370–390, 390–410 и 410–430 нм полиароматических углеводородов (при длине волны возбуждения флуоресценции 255 нм).

Для исходных нефтепродуктов, как правило, характерно не более двух максимумов флуоресценции в области моно-, би- и трициклических ароматических углеводородов, например, для бензинов — 270–300, 300–330 нм, для дизельных топлив — 300–330 нм, для смазочных материалов — 300–330, 340–370 нм. Для испаренных нефтепродуктов характерно снижение интенсивности максимумов флуоресценции в области моно-, би- и триароматических углеводородов и одновременное увеличение интенсивности максимумов в области полиароматических углеводородов [8].

Таким образом, спектры в основном имеют незначительное количество максимумов флуоресценции, каждый из которых может относиться к группе веществ, имеющих определенное количество ароматических структур в своем составе, что, соответственно, затрудняет идентификацию интенсификатора горения при наличии в пробе со-

экстрактивных веществ термически поврежденного предмета-носителя.

Например, в работе «Идентификация следов инициаторов горения в продуктах термического разложения ламинатов методом флуоресцентного анализа» [9] при исследовании продуктов термического разложения ламинатов методом флуоресцентной спектроскопии было установлено, что в результате их обжига при температуре 400°C в течение 240–360 с максимумы флуоресценции в спектрах регистрируются в области бициклических и трициклических ароматических углеводов. Это ограничивает возможности судебного эксперта в идентификации интенсификаторов горения в виде тяжелых нефтяных фракций (масла, смазки, мазут), сильно выгоревших дизельных топлив.

Аналогичные результаты были получены в работе В. С. Зырянова «Влияние продуктов термического разложения автомобильного коврика на

обнаружение и идентификацию инициаторов горения методом флуоресцентной спектроскопии» [10] при исследовании методом флуоресцентной спектроскопии экстрактов с автомобильных ковриков из прозрачного полимерного материала, предварительно подвергнутых обжигу в муфельной печи в течение трех минут при температурах от 200 до 400°C.

В связи с этим определен интерес представляет изучение вопроса, связанного с влиянием экстрактивных компонентов термически поврежденных линолеумов как одних из наиболее распространенных напольных покрытий на обнаружение и идентификацию интенсификаторов горения методом флуоресцентной спектроскопии.

Для проведения исследования готовились образцы поливинилхлоридных линолеумов (однослойного, многослойного, с подложкой на войлочной основе) производства компании «Tarket» размером 50x50 мм (рис. 1).

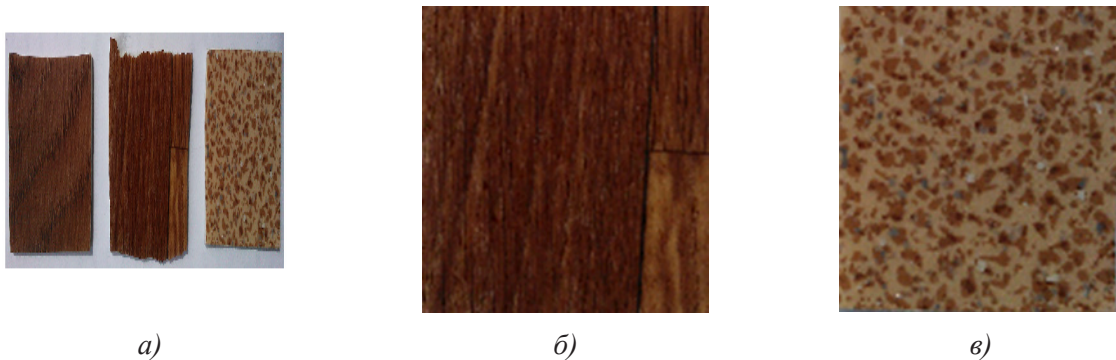

Рисунок 1. Образцы поливинилхлоридных линолеумов: а) многослойный без подложки, б) с подложкой на войлочной основе, в) однослойный

Образцы линолеумов обжигались в муфельной печи при температурах от 200 до 500°C с интервалом 100°C в течение двух минут. Обугливание образцов по всей поверхности наблю-

далось при температуре 300°C и более, при этом для образцов линолеума на войлочной основе фиксировалась значительная усадка материала (рис. 2).

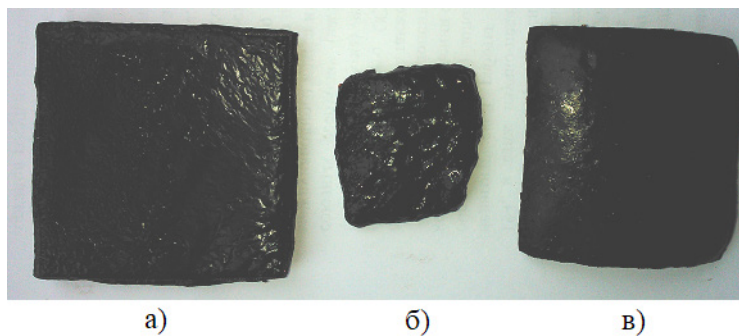

Рисунок 2. Обугленные остатки линолеумов, полученные в результате обжига при 300°C в течение двух минут: а) многослойный линолеум, б) линолеум с подложкой на войлочной основе, в) однослойный линолеум

Обугленные остатки линолеумов экстрагировались н-гексаном. Исследование экстрактов проводилось методом флуоресцентной спектроскопии с применением спектрофлуориметра «Флюорат-02-Панорама» при длине волны возбуждения флуоресценции 255 нм.

При анализе экстрактов с обугленных остатков поливинилхлоридных линолеумов (рис. 3–5) установлено, что в их спектрах флуоресценции имеются максимумы в областях 270–300 нм (моноароматические углеводороды — бензол, толуол, ксилол, этилбензол и др., а также гексан при низкой интенсивности пика), 300–330 нм (биароматические углеводороды — дифенил, гомологи нафталина, в т. ч. моно-, ди-, три- и тетразамещенные); 340–370 нм (триароматические

углеводороды — антрацен, фенантрен и др.); 370 нм и более (полиароматические углеводороды).

В спектрах флуоресценции экстрактов с образцов многослойного линолеума (рис. 3), полученных в результате обжига при температурах 200–400°C, присутствуют пики в области моно- и биароматических углеводородов, а также плечо в области триароматических углеводородов. При температуре 500°C максимум флуоресценции смещается в область три- и полиароматических углеводородов. Кроме того, при увеличении температуры наблюдается снижение интенсивности пика, характерного для моноароматических углеводородов, до полного его нивелирования при температуре 500°C.

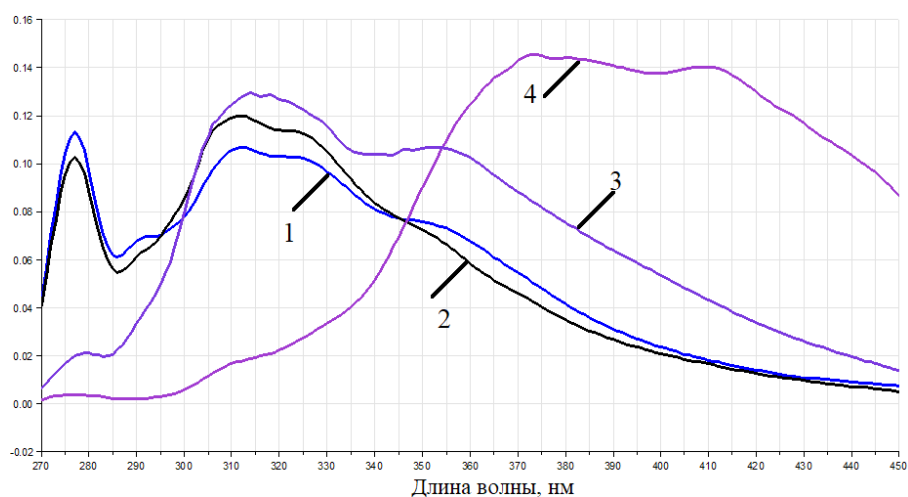

Рисунок 3. Спектры флуоресценции экстрактов многослойного линолеума, обгоревшего при температурах: 1) 200°C, 2) 300°C, 3) 400°C, 4) 500°C

В спектрах флуоресценции экстрактов с линолеума на войлочной основе (рис. 4) присутствуют пики в области моно-, би- и триароматических углеводородов. В отличие от многослойного линолеума максимальная интенсивность флуоресценции при температурах обжига 300 и 400°C

характерна для триароматических углеводородов. При температуре 500°C максимум флуоресценции смещается в область полиароматических углеводородов с формированием трех пиков в областях 275–285 нм, 285–405 нм, 405–415 нм и плеча 430–440 нм.

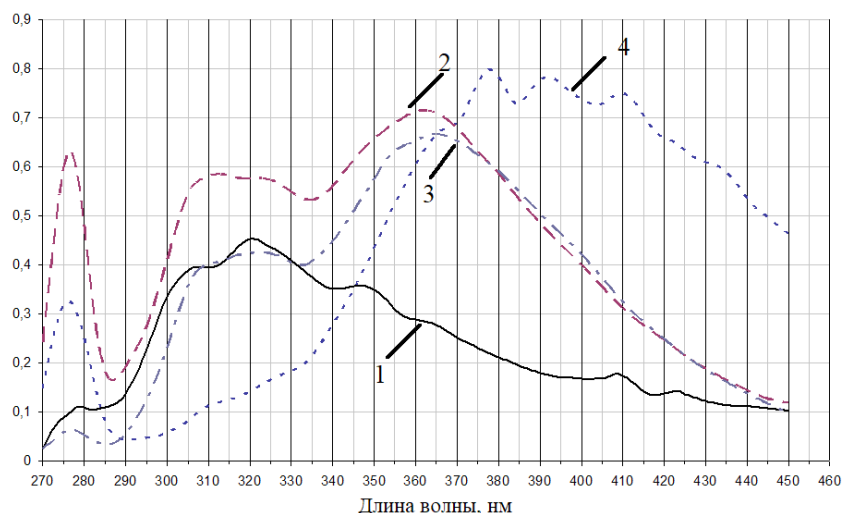

Рисунок 4. Спектры флуоресценции экстрактов ПВХ-линолеума с подложкой на войлочной основе, обгоревшего при температурах: 1) 200°C, 2) 300°C, 3) 400°C, 4) 500°C

Для экстрактов с образцов однослойного линолеума (рис. 5), полученных в результате обжига при температурах 200 и 300°C, характерны пики в области биароматических углеводов. При

температуре обжига 400 и 500°C спектры экстрактов имеют пики в области би- и трициклических углеводов с максимумом флуоресценции в области трициклических углеводов.

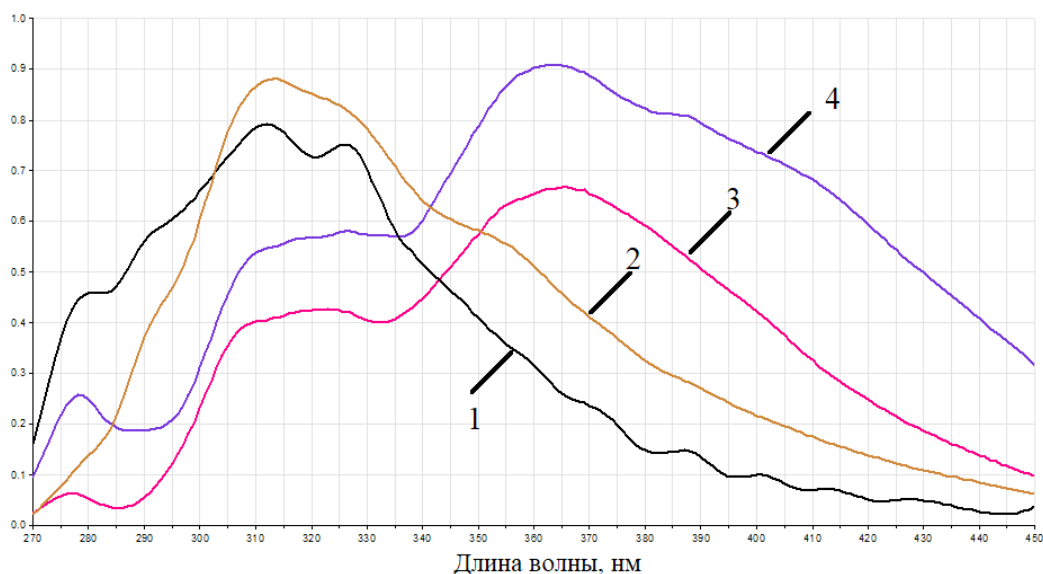

Рисунок 5. Спектры флуоресценции экстрактов однослойного линолеума, обгоревшего при температурах: 1) 200°C, 2) 300°C, 3) 400°C, 4) 500°C

Таким образом, в результате исследования методом флуоресцентной спектроскопии экстрактов с обугленных остатков линолеумов было установлено:

- при кратковременном тепловом воздействии на образцах линолеумов содержатся экстрактивные компоненты, имеющие максимумы флуоресценции в областях 270–300, 300–330, 340–370, 370 нм и более (моно-, би-, три- и полиароматические углеводороды соответственно);

- в спектрах флуоресценции экстрактов с образцов многослойного линолеума и линолеума на войлочной основе, обожженных при температурах 200–400°C, образцов однослойного линолеума, обожженного при температурах 200–500°C, имеются пики би- и триароматических углеводов, что ограничивает применение метода флуоресцентной спектроскопии в обнаружении и идентификации нативных и испаренных дизельных топлив, смазочных материалов;

- в спектрах флуоресценции экстрактов с образцов однослойного и многослойного линолеумов, обожженных при температурах 200 и 300°C, имеются пики биароматических углеводов, что ограничивает применение метода флуоресцентной спектроскопии в обнаружении и идентификации нативных дизельных топлив;

- увеличение температуры обжига приводит к смещению максимума флуоресценции экстрактов линолеумов в сторону больших длин волн.

Список источников

1. Чечетина Т. А., Гончаренко В. С., Матюшин Ю. А., Надточий О. В. Обстановка с пожарами в Российской Федерации в 2023 году // Пожарная безопасность. 2024. № 1 (114). С. 102–119.
2. Андреев А. С., Делов Н. С. Выдвижение и проверка версий при расследовании умышленного уничтожения или повреждения имущества // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2022. № 1 (35). С. 67–76.
3. Варданыан А. В., Овсепян Г. М. Нарушение требований пожарной безопасности как объект криминалистического научного познания // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 3 (13). С. 21–26.
4. Щербakov И. О. Расследование преступлений, связанных с поджогами: современные возможности эффективных методов выявления следов рук при осмотре места пожара // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 3 (35). С. 79–86.
5. Klein A., Krebs O., Gehl A., Morgner J., Reeger L., Augustin C., Edler C. Detection of blood and DNA traces after thermal exposure // International Journal of Legal Medicine. 2017. Vol. 132. № 4. P. 1025–1033.
6. Удилов Т. В., Кузнецов К. Л., Туршатова Е. В. Влияние степени выгорания жидкостей для розжига на результаты газовой хроматографии // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2013. № 1 (64). С. 82–92.
7. Могильникова А. В. Исследование дизельных топлив методом флуоресцентной спектроскопии при расследовании поджогов // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 3 (15). С. 85–92.
8. Чешко И. Д., Принцева М. Ю. Инструментальные методы современной пожарно-технической экспертизы 1. Молекулярная спектроскопия // Надзорная деятельность и судебная экспертиза в системе безопасности. 2018. № 1. С. 5–13.
9. Степанов Р. Н., Шеков А. А., Плотникова Г. В. [и др.] Идентификация следов инициаторов горения в продуктах термического разложения ламинатов методом флуоресцентного анализа // Пожаровзрывобезопасность. 2021. Т. 30. № 4. С. 27–35.
10. Зырянов В. С. Влияние продуктов термического разложения автомобильного коврика на обнаружение и идентификацию инициаторов горения методом флуоресцентной спектроскопии // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 1 (1). С. 233–238.

References

1. Chechetina T. A., Goncharenko V. S., Matyushin Yu. A., Nadtochij O. V. Obstanovka s pozharami v Rossijskoj Federacii v 2023 godu // Pozharnaya bezopasnost'. 2024. № 1 (114). S. 102–119.
2. Andreev A. S., Delov N. S. Vydvizhenie i proverka versij pri rassledovanii umyshlennogo unichtozheniya ili povrezhdeniya imushchestva // Sibirskie ugovolno-processual'nye i kriminalisticheskie chteniya. 2022. № 1 (35). S. 67–76.
3. Vardanyan A. V., Ovsepyan G. M. Narushenie trebovanij pozharnoj bezopasnosti kak ob'ekt kriminalisticheskogo nauchnogo poznaniya // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. 2014. № 3 (13). S. 21–26.
4. Shcherbakov I. O. Rassledovanie prestuplenij, svyazannyh s podzhogami: sovremennye vozmozhnosti effektivnyh metodov vyyavleniya sledov ruk pri osmotre mesta pozhara // Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2022. № 3 (35). S. 79–86.
5. Klein A., Krebs O., Gehl A., Morgner J., Reeger L., Augustin C., Edler C. Detection of blood and DNA traces after thermal exposure // International Journal of Legal Medicine. 2017. Vol. 132. № 4. R. 1025–1033.
6. Udilov T. V., Kuznecov K. L., Turshatova E. V. Vliyanie stepeni vygoraniya zhidkostej dlya rozzhiga na rezul'taty gazovoj hromatografii // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2013. № 1 (64). S. 82–92.

7. Mogil'nikova A. V. Issledovanie dizel'nyh topliv metodom fluorescentnoj spektroskopii pri rassledovanii podzhogov // Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra. 2020. № 3 (15). S. 85–92.

8. Cheshko I. D., Princeva M. Yu. Instrumental'nye metody sovremennoj pozharno-tehnicheskoy ekspertizy 1. Molekulyarnaya spektroskopiya // Nadzornaya deyatel'nost' i sudebnaya ekspertiza v sisteme bezopasnosti. 2018. № 1. S. 5–13.

9. Stepanov R. N., Shekov A. A., Plotnikova G. V. [i dr.] Identifikaciya sledov iniciatorov gorenija v produktah termicheskogo razlozheniya laminatov metodom fluorescentnogo analiza // Pozharovzryvobezopasnost'. 2021. T. 30. № 4. S. 27–35.

10. Zyryanov V. S. Vliyanie produktov termicheskogo razlozheniya avtomobil'nogo kovrika na obnaruzhenie i identifikaciju iniciatorov gorenija metodom fluorescentnoj spektroskopii // Nauchnyj dajdzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2019. № 1 (1). S. 233–238.

Информация об авторах

И. С. Щербаков — кандидат технических наук, доцент.

А. А. Шеков — кандидат химических наук, доцент.

Information about the authors

I. S. Shcherbakov — Candidate of Science (Technical), Associate Professor.

A. A. Shekov — Candidate of Science (Chemical), Associate Professor.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Авторами внесен равный вклад в написание статьи.

The authors declare no conflicts of interests. The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Статья поступила в редакцию 27.04.2024; одобрена после рецензирования 15.05.2024; принята к публикации 27.08.2024.

The article was submitted 27.04.2024; approved after reviewing 15.05.2024; accepted for publication 27.08.2024.